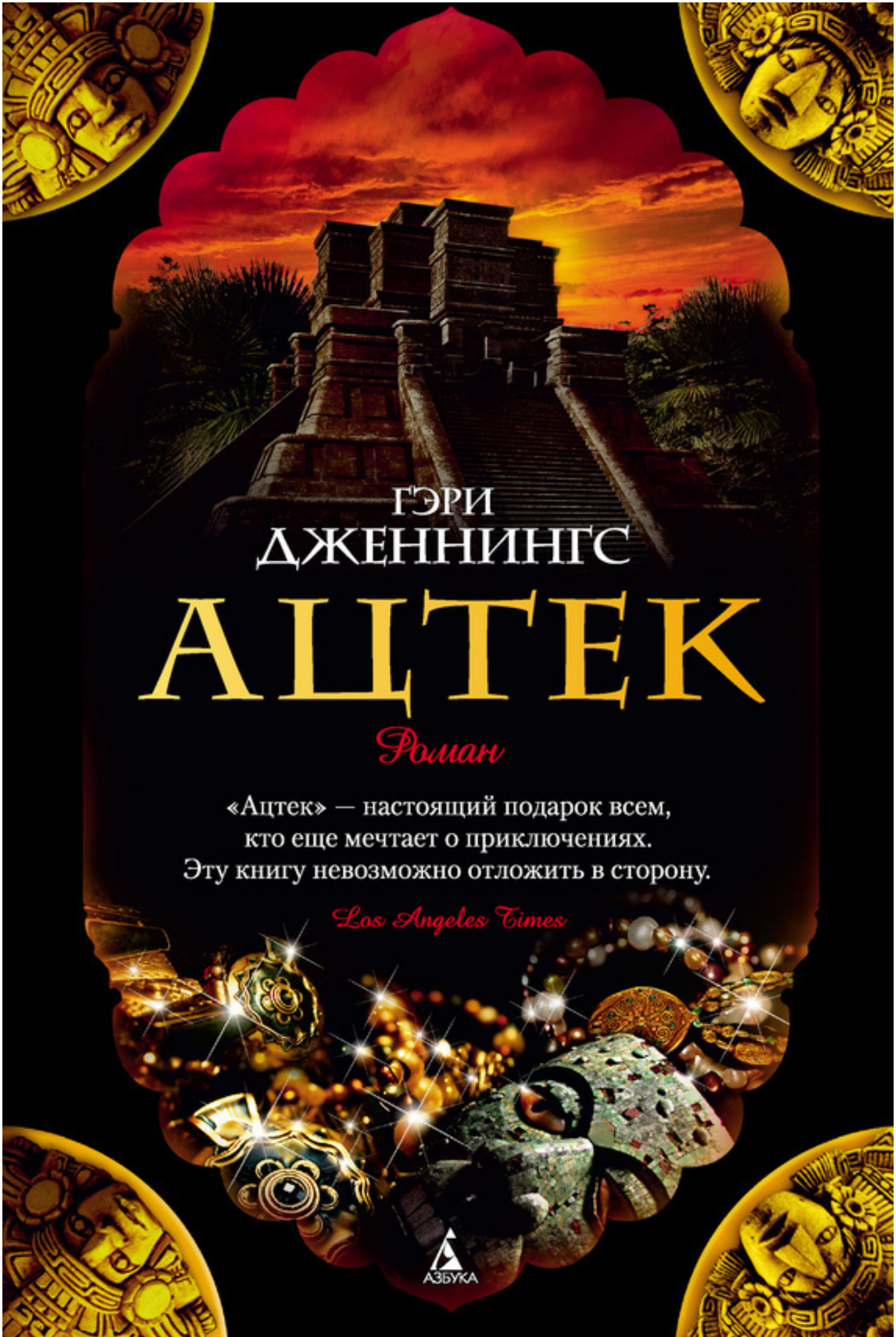

ГЭРИ
ДЖЕННИНГС
АЦТЕК
Роман
«Ацтек» — настоящий подарок всем,
кто еще мечтает о приключениях.
Эту книгу невозможно отложить в сторону.
Los Angeles Times
АЗБУКА

Гэри Дженнингс

Ацтек

«Азбука-Аттикус»
1980

Дженнингс Г.

Ацтек / Г. Дженнингс — «Азбука-Аттикус», 1980 — (Ацтек)

ISBN 978-5-389-06648-9

Жизнь ацтеков причудлива и загадочна, если видишь ее со стороны.Культ золота и кровавые ритуалы, странные обычаи и особое видение мира, населенного жестокими божествами. Но жизнь есть жизнь, и если ты родился ацтеком, то принимаешь ее как единственную, дарованную тебе судьбой. Вместе с героем книги мы пройдем экзотическими путями, увидим расцвет империи, восхитимся величием Монтесумы, правителя народа ацтеков, будем сокрушаться и негодовать, когда бледнолицые воины в железных доспехах высадятся со своих кораблей и пройдут с огнем и мечом по священной земле ацтеков.Роман Дженнингса из разряда книг, которые однозначно получают читательское признание. Недаром этот его роман стал общепризнанным мировым бестселлером.

ISBN 978-5-389-06648-9

© Дженнингс Г., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

1 5
Королевская резиденция в Вальядолиде, Кастилия 10
IHS. S.C.C.M.[3] 12
INCIPIT[8] 16
DIXIT[11] 17
IHS. S.C.C.M 32
ALTER PARS[13] 35
IHS. S.C.C.M 67
TERTIA PARS[16] 69
IHS. S.C.C.M 98
QUARTA PARS[19] 101
IHS. S.C.C.M 156
QUINTA PARS[21] 159
Конец ознакомительного фрагмента. 174

Гэри Дженнингс
Ацтек

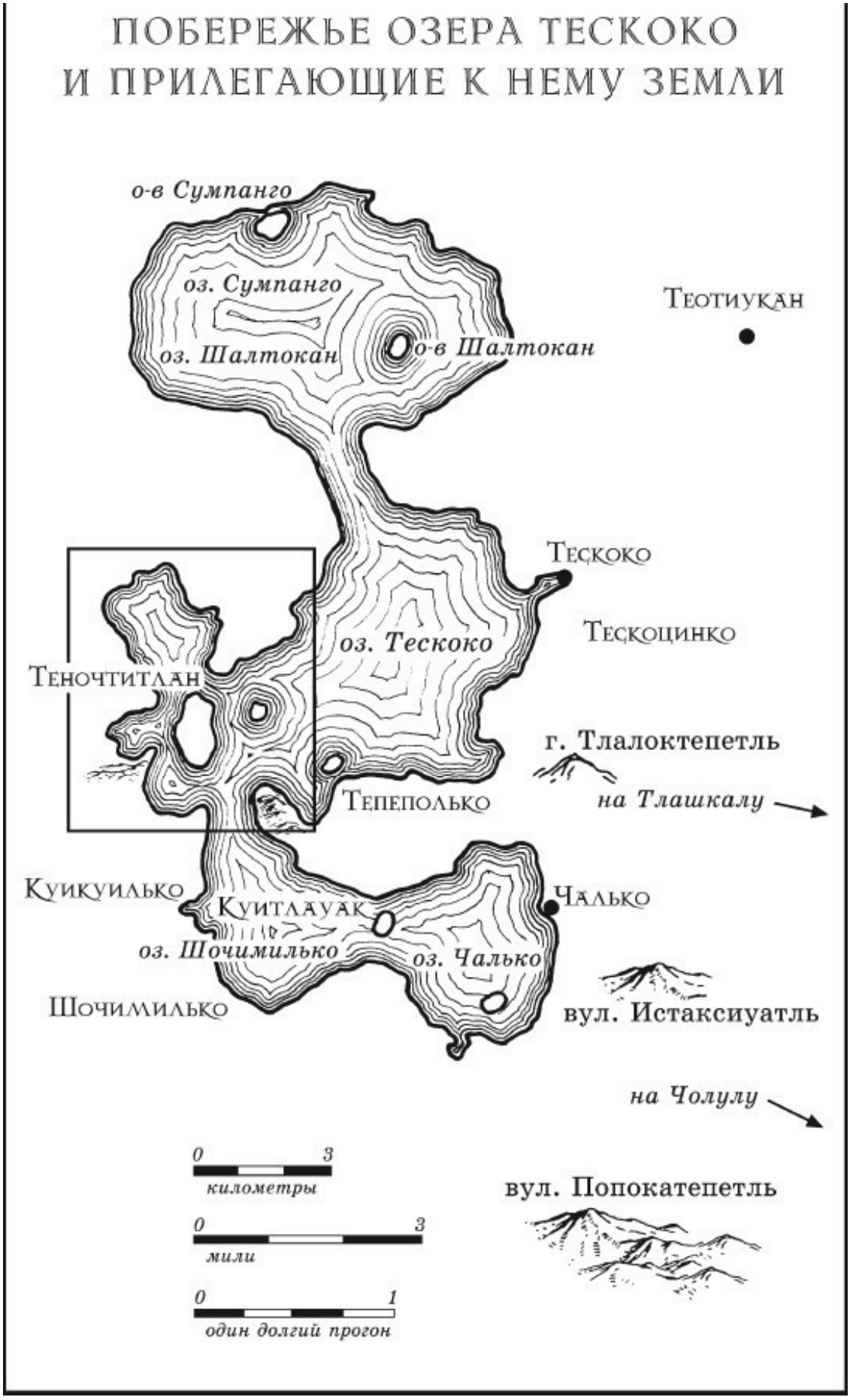
1

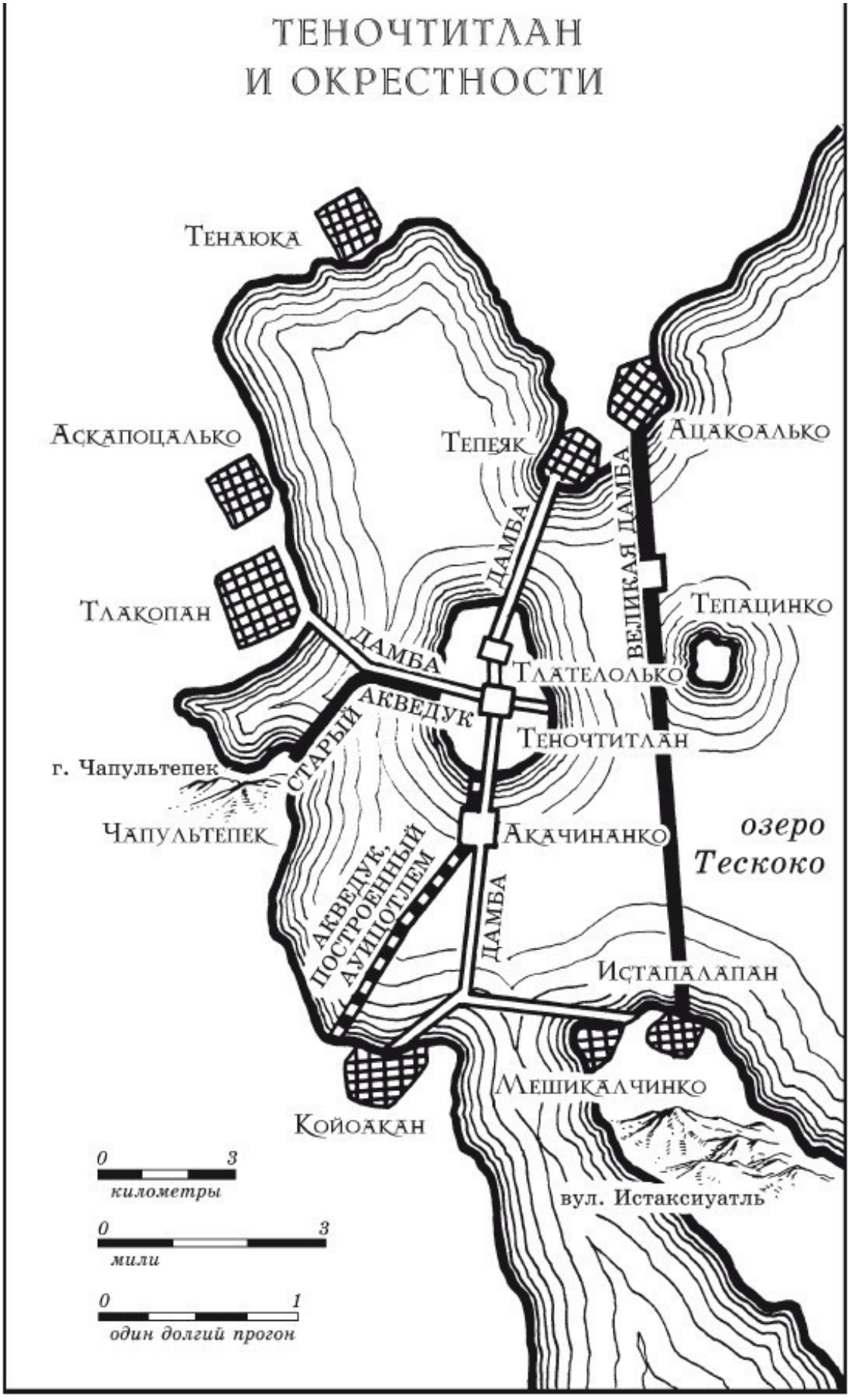
Посвящается Цьянье

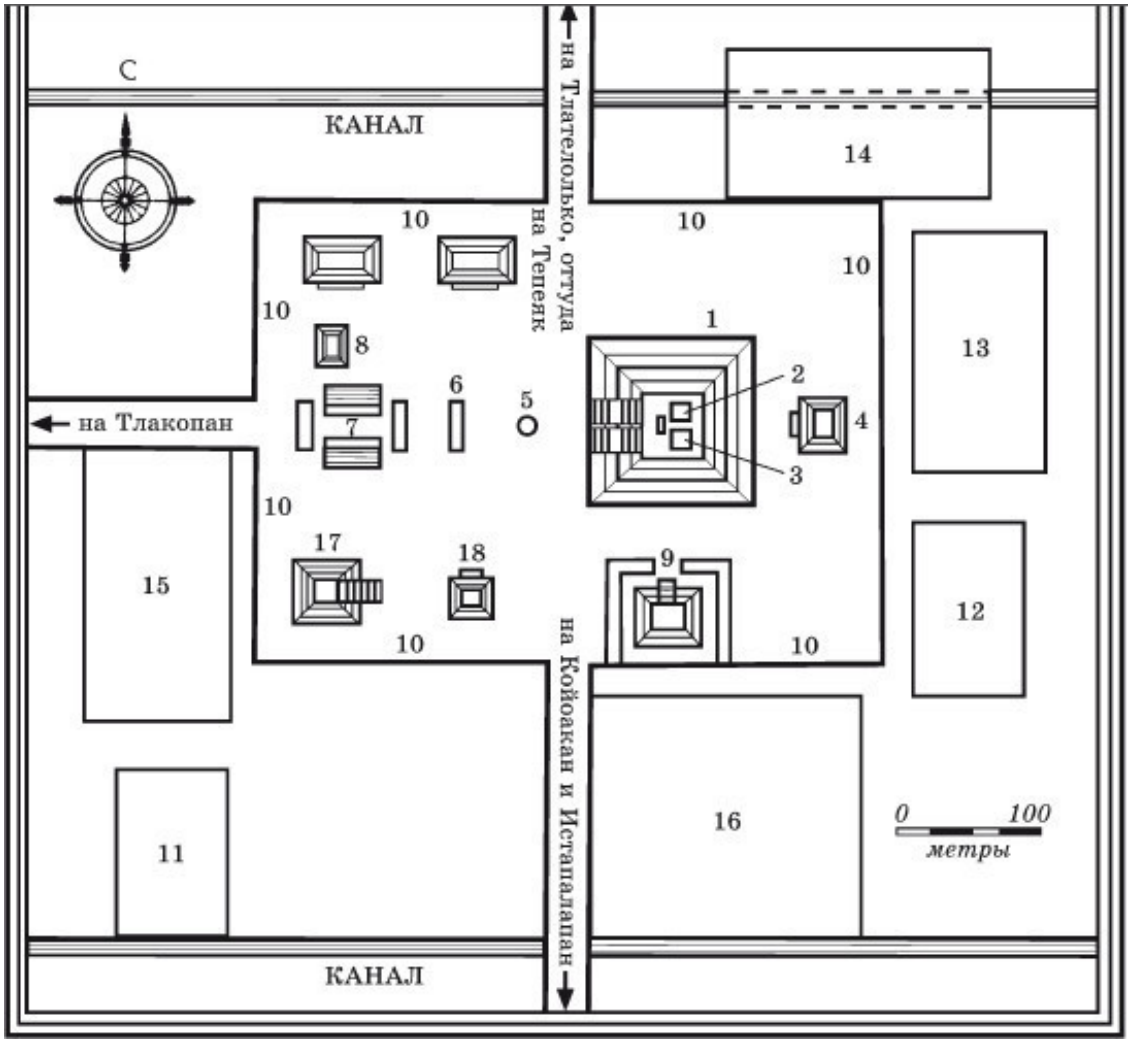
AZTEC
by Gary Jennings
Copyright © 1980 by Gary Jennings
All rights reserved

Перевод с английского Виталия Волковского

Оформление Ильи Кучмы
© В. Волковский, перевод, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013 Издательство АЗБУКА®


ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ТЕСКОКО
И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ ЗЕМЛИ
о-в Сумпанго
оз. Сумпанго
оз. Шалтокан
о-в Шалтокан
Теотиукан
Тескоко
Тескоцинко
оз. Тескоко
Теночтитлан
г. Тлалоктепетль
на Тлашкалу
Тепеполько
Куикуилько
Куитлауак
Чалько
оз. Шочимилько
оз. Чалько
Шочимилько
вул. Истаксиуатль
на Чолулу
0 3
километры
0 3
мили
0 1
один долгий прогон
вул. Попокатепетль


ТЕНОЧТИТЛАН
И ОКРЕСТНОСТИ
Тенаюка
Аскапоцалько
Тепеяк
Ацакоалько
Дамба
Великая дамба
Тлакопан
Тепацинко
Дамба
Тлателолько
Акведук
Теночтитлан
Старый
г. Чапультепек
Чапультепек
Акачинанко
озеро
Тескоко
Акведук, построенный Ауицотлем
Дамба
Истапалапан
Мешикалчинко
Койоакан
вул. Истаксиуатль
0 3
километры
0 3
мили
0 1
один долгий прогон



ИН КЕМ-АНАУАК ЙОЙОТЛИ
ИСТИННОЕ СЕРДЦЕ СЕГО МИРА

Центральная площадь Теночтитлана, 1521 г.

(На схеме обозначены лишь важнейшие достопримечательности, упомянутые в тексте)

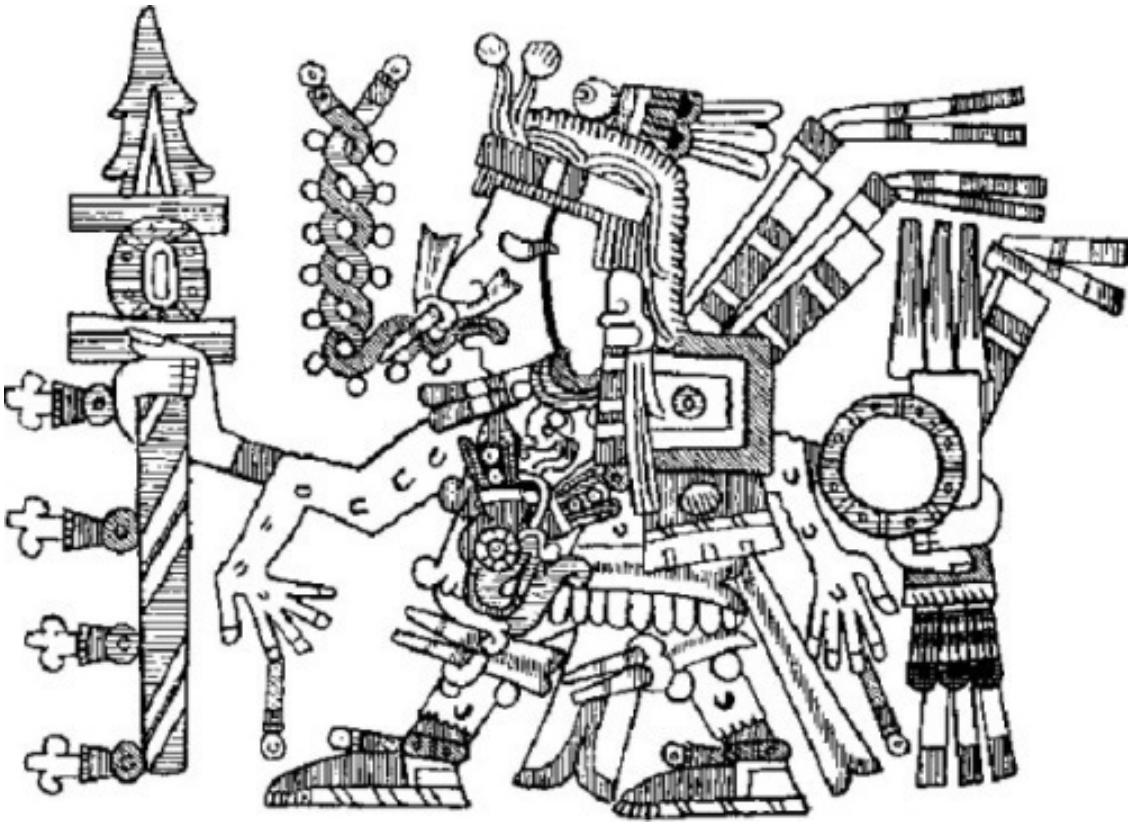
1 – Великая Пирамида
2 – Храм Тлалока
3 – Храм Уицилопочтли
4 – Бывший храм Уицилопочтли, а позднее (после завершения строительства Великой Пирамиды в 1487 г.) – святилище Сиуакоатль, храм всех второстепенных богов, а также богов, позаимствованных у других народов
5 – Камень Битв (установлен Тисоком)
6 – Цомпантли, или Полка Черепов
7 – Площадка для церемониальной игры тлачтли
8 – Камень Солнца, установленный на жертвеннике
9 – Храм Тескатлипока
10 – Змеиная Стена
11 – Дом Песнопений
12 – Зверинец

13 – Дворец Ашаякатля (впоследствии – резиденция Кортеса)
14 – Дворец Ауицотля, разрушенный наводнением 1499 г.
15 – Дворец Мотекусомы Первого
16 – Дворец Мотекусомы Второго
17 – Храм Шипе-Тотека
18 – Орлиный храм

Ты упорно твердишь, что не вечен я,
Как цветы, что взлелеяны мною нежно,
Что навеки сгинет слава моя
И имя забудется безнадежно.
Но мой сад цвести еще долго будет,
И песни мои будут помнить люди.

Из стихотворения, написанного Ушикоцином, принцем Тескоко, около 1484 г.

Королевская резиденция в Вальядолиде, Кастилия



Его Преосвященству, легату и капеллану, святейшему отцу дону Хуану де Сумаррага, недавно назначенному епископом Мексики, что в Новой Испании, шлем Мы Наше высочайшее повеление.

Дабы лучше ознакомиться с жизнью, пребывающей в Нашем владении Новой Испании, с ее укладом, богатствами, народом, там обитающим, а также с верованиями, обрядами и церемониями, бытовавшими прежде, Мы выражаем желание получить наиболее полные сведения относительно всего касающегося индейцев, живших на той земле до прихода наших освободительных сил, до прибытия испанских послов, проповедников и поселенцев.

С этой целью Мы приказываем Вам расспрашивать индейцев-старожилов (взяв с них предварительно клятву рассказывать лишь непреложную истину) об истории их страны, правителях, традициях, обычаях et cetera[1]. Помимо записей рассказов живых свидетелей соблаговолите также распорядиться о доставке вам свитков, дощечек для письма и любых других письменных свидетельств прошлого, каковые могут подкрепить показания очевидцев. Во исполнение сего указа Вам предписывается повелеть своим подчиненным духовным лицам, елико возможно, искать таковые свидетельства и всячески расспрашивать индейцев об их вероятном местонахождении.

Поскольку делу сему придается немалое значение, как необходимому для исполнения обязанностей Нашего Королевского Величества, приказываем Вам приступить к осуществлению вышеозначенных поисков и исследований без промедления. Напротив, Вам надлежит действовать со всей возможной быстротой и усердием, дабы пред Нашими очами в кратчайшие сроки предстал правдивый и подробный доклад.

(ecce signum) CAROLUS R. I.

---

[1] И так далее *(лат.)*.

Rex et Imperator Hispaniae Carolus Primus
Sacri Romani Imperi Carolus Quintus[2]

[2] Скреплено личной императорской и королевской печатью. Король Испании Карлос Первый, Император Священной Римской империи Карл Пятый *(лат.)*.

IHS. S.C.C.M.[3]

Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Да пребудут мир, благодать и благоволение Господа Нашего Иисуса Христа с Его Величеством доном Карлосом, по Божественной милости вечно августейшим императором, и с Его высокочтимой королевой-матерью доньей Хуаной, Божьей милостию государями нашими и повелителями правителями Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Карибов, Алжира, Гибралтара, Канарских островов, Индий и островов и материков Моря-океана, а также графств Фландрии, Тироля и прочая, и прочая…

Счастливейшему и высокочтимому государю: из города Теночтитлан-Мехико, столицы Его владения, именуемого Новой Испанией, на двенадцатый день после Успения Девы Марии в год после Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем наш нижайший поклон.

Восемнадцать месяцев тому назад мы, будучи нижайшими из верноподданнейших Ваших, во исполнение повеления Вашего Величества приняли на себя три должности, как то: первого епископа Мексики, протектора индейцев и апостолического инквизитора, каковые три сана воплотились в нашей ничтожной персоне. Прошло всего девять месяцев со времени нашего прибытия в Новый Свет, где ожидало нас много трудов, требовавших пыла и рвения.

---

[3] Здесь и далее две аббревиатуры, помещенные в начале письма, указывают на то, что оно написано особой духовного звания и адресовано королю. Монограмма IHS, являющаяся латинским сокращением греческого написания имени Иисуса Христа, широко использовалась иезуитами, трактовавшими ее как «С нами Бог». S.C.C.M. было общепринятым сокращением полной формы титулования католического монарха – Священное Императорское Католическое Величество (*ит.* Sacra Caesaria Catholica Majestas).

В соответствии с указом о нашем назначении мы ревностно стремились «наставлять индейцев в их долге веровать и чтить Истинного Бога Единого, иже пребывает на Небесах, каковой дарует жизнь и дыхание всем тварям земным», равно как и «внушать индейцам почтение и верность Его Непобедимому Католическому Величеству императору дону Карлосу, коего Божественное Провидение определило господствовать и повелевать всем миром».

Должен признаться Вашему Величеству, что наставничество сие оказалось делом далеко не легким и отнюдь не скорым. Среди наших соотечественников-испанцев, поселившихся здесь задолго до нашего прибытия, бытует мнение, что индейцы способны слышать только через свои ягодицы. Мы, однако, всенепременно памятуем о том, что сии несчастные, обделенные духовно индейцы (или ацтеки, как именует теперь большинство наших соотечественников обитающий в здешних краях народ), стоят ниже всего прочего человечества, а следовательно, в силу своей ничтожности заслуживают терпимого, снисходительного отношения.

Кроме наставления индейцев на путь истинный (внушения им, что есть только один Бог на Небесах и один Император на Земле, чьими подданными они все стали и кому должны теперь верно служить) и помимо рассмотрения многих других духовных и мирских дел, мы стремились по мере сил выполнить адресованную нам личную просьбу Вашего Величества о скорейшей подготовке, елико возможно, подробного отчета обо всем касающемся этой terra paena-incognita[4], равно как и об образе жизни обитателей сей несчастной, погруженной во мрак невежества земли.

В личном послании Вашего Наивысочайшего Величества особо указано, что нам при написании данной хроники долженствует руководствоваться показаниями индейцев-старожилов. Сие обусловило необходимость предпринять нечто вроде особого разыскания, затруднительного ввиду того факта, что после полного разрушения города, произведенного генерал-капитаном доном Эрнаном Кортесом, названных старожилов, способных поведать нам изустно достоверную историю, осталось прискорбно мало. Даже на восстановлении города в настоящее время работают лишь женщины, дети да вконец выжившие из ума старики, каковые были неспособны сражаться во время осады. К ним можно прибавить и неотесанных крестьян, согнанных с окрестных земель, людей крайне невежественных и несведущих.

Тем не менее нам удалось найти одного старого (лет шестидесяти трех) индейца, который смог поведать нам многое из интересующего Ваше Величество. Сей, как он сам себя именует, мешикатль[5] (этот человек не желает, чтобы его называли ацтеком или индейцем) обладает весьма развитым (для представителя своей расы) умом и умеет четко выражать свои мысли, ибо в прежние времена получил некоторое, если таковой термин применим к туземцам, образование, служил писцом и сведущ в той языческой тарабарщине, которая заменяла этим дикарям грамоту.

За свою жизнь он помимо профессии писца сменил множество занятий: был воином, придворным, странствующим купцом и даже своего рода эмиссаром, коего посылали их последние языческие правители к командирам отрядов наших первых, прибывших из Кастилии освободителей. Выполняя сии посольские обязанности, он научился вполне сносно говорить на нашем языке. Однако, хотя сей туземец и говорит на кастильском наречии вразумительно, мы, дабы избежать малейшей неточности, общались с ним при участии толмача, испанского юноши, имеющего значительные познания в науатль (так ацтеки называют свой гортанный, состоящий из длинных и неблагозвучных слов язык). В помещении, где осуществ-

---

[4] Малоизвестная земля *(лат.)*.

[5] До испанского завоевания жители государства ацтеков называли свои земли Мешико, а себя – мешиками или мешикатль. Закрепившиеся впоследствии географические и этнографические названия «Мехико», «Мексика», «мексиканец» (а также некоторые другие) были введены испанцами в результате неправильной транскрипции индейских слов. Далее в тексте в рассказе ацтека будут употребляться традиционные индейские названия, а в письмах епископа – принятые в Испании.

лялись допросы, при проведении оных присутствовали также четверо наших писцов. Эти благочестивые братья весьма преуспели в искусстве скорописи, известном как тиронское письмо и используемом в Риме для немедленной записи каждого высказывания Святого Отца, равно как и для составления подробных отчетов о ходе многолюдных собраний.

Мы велели ацтеку поведать нам без утайки историю своей жизни, и пока он говорил, все четыре брата, не отрывая перьев от бумаги, записывали его речь тиронской скорописью, не упуская ничего из того словесного водопада, коим разразился индеец. Хотя слова его, как Вы сами увидите, и бывали порой отвратительно дерзкими и язвительными.

Начать с того, что, едва открыв рот, названный ацтек проявил полнейшее неуважение к нашей персоне, сану и полномочиям, полученным нами от Вашего Высокочтимого Величества, что, по нашему разумению, является скрытым проявлением непочтительности и по отношению к нашему суверену.

Сразу за этим вступлением следуют страницы, содержащие подлинный рассказ индейца. Запечатанный как предназначающийся лишь для очей Вашего Величества пакет с рукописью покинет Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус послезавтра, будучи вверен попечению капитана Санчеса Сантовенья, командира каравеллы «Глория».

Поелику мудрость, прозорливость и рассудительность Вашего Императорского Величества прославлены повсеместно, мы понимаем, что, предваряя заключенные в конверт страницы сим caveant[6], мы тем самым рискуем навлечь на себя монаршее неудовольствие, однако полагаем, что нас обязывает к тому возложенный на нас епископский и апостолический сан. Мы всецело поддерживаем пожелание Вашего Величества получить правдивое и всестороннее донесение обо всем, что есть сто́ящего в этой стране, однако все прочие, кроме нас самих, будут убеждать Ваше Величество в том, что индейцы есть жалкие, презренные существа, каковые едва ли могут быть причислены к роду человеческому. Чего можно ждать от народа, не обладающего настоящей письменностью, народа, не имевшего письменных законов, но жившего в соответствии с варварскими обычаями и традициями, народа, прозябавшего во тьме язычества, в дикости, невоздержанности, во власти плотских вожделений и звериной жестокости? Ведь еще недавно эти варвары подвергали мучениям и убивали своих несчастных соотечественников во славу своей беззаконной, дьявольской «религии».

Мы не можем поверить в то, что от существа, подобного вышеописанному нами обуянному гордыней ацтеку, равно как и от иных его соплеменников, как бы ни оказались оные бойки на язык, можно получить отчет, заслуживающий того, чтобы представить таковой пред очи императора всех католиков. В равной мере нам трудно поверить и в то, что Его Священное Величество император дон Карлос по прочтении записи сего непристойного, греховного, безбожного, омерзительного и дерзкого повествования вышеупомянутого самонадеянного представителя расы язычников, место коим в навозной куче, не будет повергнут в гнев и отвращение.

Как уже было указано, ниже прилагается первая часть хроники, записанной со слов названного индейца. Мы страстно уповаем на то, что за прочтением ее последует повеление Вашего Величества, в соответствии с коим сей опус окажется не только первым, но и последним.

Да хранит Господь, Наш Владыка, драгоценную жизнь, монаршую персону и католическую державу Вашего Величества бессчетные годы, и да преумножит Он и прирастит Ваши владения и земли настолько, насколько возжелает того Ваше королевское сердце.

Подписал собственноручно Вашего Священного Императорского и Католического Величества преданный слуга и смиренный клирик

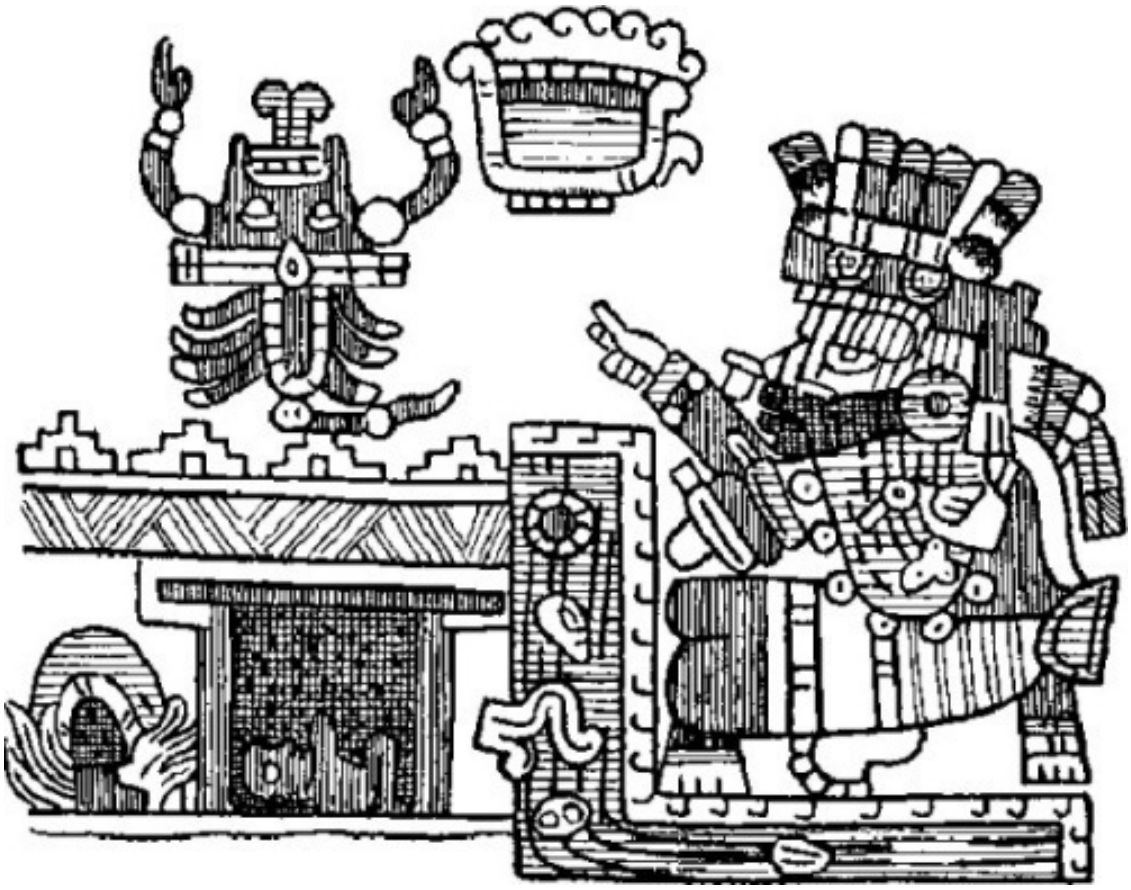
---

[6] Предостережение *(лат.)*.

fra[7] *Хуан де Суммаррага,*
Епископ Мексики,
Апостолический инквизитор
и Протектор индейцев

[7] Брат *(ит.)*, у католиков присоединяется к имени монаха, члена религиозного братства.

INCIPIT[8]



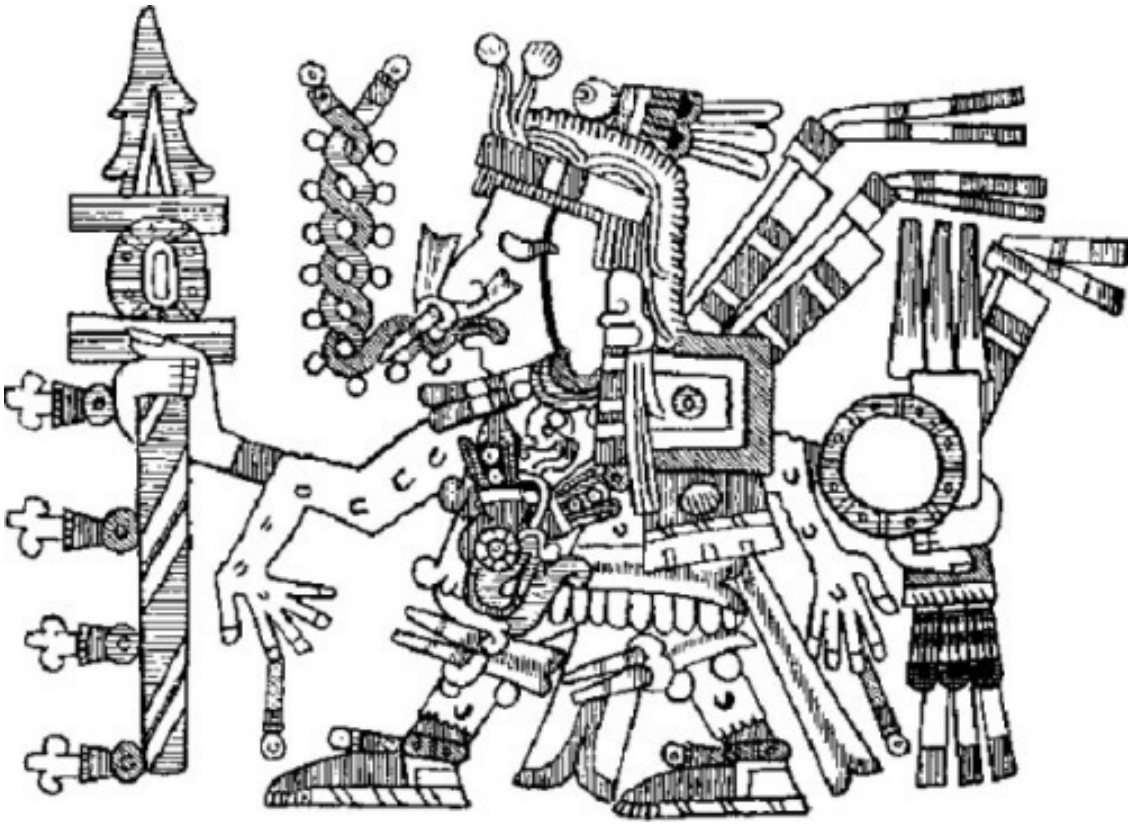
Далее следует изустный рассказ-хроника пожилого индейца из племени, обычно именуемого ацтеками (чье повествование обращено было к его преосвященству епископу Мексики Хуану де Сумаррага), записанный verbatim ab origine[9]братом Гаспаром де Гайана, братом Торибио Вега де Аранхес, братом Херонимо Муньос и братом Доминго Виллегас-и-Ибарра, interpres[10] Алонсо де Молина.

[8] *Здесь*: документ, предваряющий повествование; *букв.*: начинается *(лат.)*.

[9] Дословно с самого начала *(лат.)*.

[10] В переводе *(лат.)*.

DIXIT[11]



Мой господин! Прошу прощения, мой господин, за то, что не ведаю, как именно следует обращаться к столь важной особе, но думаю, что подобное обращение вас не обидит. Поскольку вы человек, а ни один из встречавшихся мне в жизни людей не возражал против того, чтобы его так именовали. Итак, мой господин…

Ваше преосвященство, вот оно что?

Аййо, это еще более славный титул, подобающий тому, кого мы, жители этих земель, назвали бы ауакуафуитль, что обозначает могучее тенистое дерево. Это высокое звание, и для такого человека, как я, предстать пред столь могущественным господином и быть выслушанным им – большая честь.

Нет-нет, ваше преосвященство, не сомневайтесь в моих словах, даже если вам покажется, что я вам льщу. Весь город толкует о могуществе вашего преосвященства, каковому служат многие люди, тогда как я есть не более чем вытертый половик, потрепанный обносок того, чем был прежде. Ваше преосвященство присутствует здесь во всем великолепии своего высокого сана, ну а я – это всего-навсего я.

Однако, как мне объяснили, ваше преосвященство желает узнать, кем я был ранее. Оказывается, вашему преосвященству угодно выслушать рассказ о том, каковы были мой народ и моя земля в давно минувшие годы, за многие вязанки лет до того, как королю вашего преосвященства с проповедниками и арбалетчиками заблагорассудилось вызволить нас из ярма варварства.

Это и вправду так? О, значит, ваше преосвященство ставит предо мной непростую задачу. Способен ли я при своем скудном уме и за то малое время, которое боги… то есть, конечно,

[11] *Здесь*: первая часть рассказа; *букв.*: говорит *(лат.)*.

Господь Вседержитель отведет мне на завершение земной жизни хотя бы в самых общих чертах описать наш огромный мир со всем множеством народов и многообразием событий, происходивших за вязанки вязанок лет.

Пусть ваше преосвященство представит себе дерево, отбрасывающее великую тень. Пусть предстанет оно пред вашим мысленным взором – с могучим стволом и раскидистой кроной, с огромными ветвями и птицами, на них гнездящимися, с пышной листвой и играющими на ней солнечными бликами. Пусть вы почувствуете прохладу, которую дарует это дерево укрывшемуся под его сенью жилищу. Жилищу, где обитали мальчик и девочка, моя сестра и я.

Под силу ли вашему преосвященству, при всем его великом могуществе, сжать это могучее древо до размеров черенка, подобного тому, какой отец вашего преосвященства некогда вонзил между ног вашей матери?

Йа, аййя, я вызвал неудовольствие вашего преосвященства и испугал его писцов. Пусть ваше преосвященство простит меня. Мне следовало догадаться, что совокупления белых мужчин со своими белыми женщинами, должно быть, осуществляются совершенно иначе, а не так, как это происходит, когда они силой берут наших женщин, чему я не раз был свидетелем. А уж христианское совокупление, завершившееся зачатием вашего преосвященства, конечно же, было особенно благочестивым.

Да-да, ваше преосвященство, уже прекратил. Больше не буду. Но вашему преосвященству должны быть понятны мои затруднения, ибо слишком велика пропасть между нашим былым ничтожеством и вашим нынешним превосходством. Быть может, достаточно будет лишь краткого изложения, после чего вашему преосвященству уже не по надобится утруждать свой слух далее? Взгляните, ваше преосвященство, на своих писцов, каковые на нашем языке называются «знающими мир». Я и сам был писцом, так что очень хорошо помню, насколько трудно с высокой точностью и достоверностью изложить на оленьей коже, выделанных листьях или коре множество разных дат и событий. Случалось, что по прошествии всего нескольких мгновений, когда еще не успевали высохнуть краски, мне самому было нелегко прочесть вслух без запинки то, что я только что собственноручно запечатлел.

Хотя, дожидаясь прибытия вашего преосвященства, я переговорил с вашими «знающими мир» и пришел в великое изумление. Каждый из этих почтенных писцов способен сотворить настоящее чудо: записать сказанное и прочесть его, причем не просто излагая суть, но воспроизводя каждое слово именно в том порядке, в каком эти слова прозвучали, со всеми интонациями, паузами и ударениями. Я было счел это проявлением особого дара – у нас обладавших такими способностями памяти и звукоподражания именовали «запоминателями». Однако один из ваших писцов пояснил, что все сказанное мною сохранилось навсегда в виде значков, нанесенных им на бумагу. Признаюсь, я всегда гордился, ваше преосвященство, что по мере своего скудного ума научился говорить на вашем языке, но ваше умение запечатлевать в знаках не только события и числа, но и все оттенки мысли выше моего убогого понимания.

Мы писали иначе – записывали не звуки, а понятия, и чтобы наши картинки говорили, требовались краски. Краски, которые поют или рыдают. Их было много: красные, охристо-золотистые, зеленые, бирюзовые, того цвета, что именуется шоколадным, гиацинтовые, серые, как глина, и черные, словно полночь. Но даже при всем своем многообразии эти краски не позволяли описать и выразить полностью смысл каждого слова, не говоря уж об оттенках и искусных поворотах фраз. А вот любой из ваших «знающих мир» способен записать каждый слог, каждый звук, причем может сделать это одним лишь пером, не прибегая к множеству камышинок и кисточек. И, что самое поразительное, писцы при этом используют лишь одну-единственную краску, тот ржаво-черный отвар, который они называют чернилами.

Уже одно это, ваше преосвященство, весьма наглядно показывает разницу между нами, индейцами, и вами, белыми людьми, разницу между нашим невежеством и вашим знанием, между нашими старыми временами и вашим новым временем. Согласится ли ваше преосвященство с тем, что простой росчерк пера есть доказательство того, что ваш народ имеет право властвовать, а наш обречен повиноваться? Ведь, разумеется, ваше преосвященство требует от нас, индейцев, безусловного подтверждения того, что ваше торжество и ваши завоевания были предопределены, причем причиной тому стали не ваше оружие или ваше хитроумие, даже не воля вашего Всемогущего Творца, но изначальное внутреннее превосходство высших существ над низшими, каковыми мы и являемся. Поэтому, полагаю, ваше преосвященство не имеет более нужды как в моих словах, так и в моем присутствии.

Моя жена стара, немощна и сейчас оставлена без ухода. Не стану притворяться, будто она глубоко скорбит по поводу моего отсутствия, но ее это крайне раздражает. А поскольку она и без того очень вспыльчива, лишнее раздражение не пойдет ей на пользу. И мне тоже. А потому я приношу вашему преосвященству свою нижайшую благодарность за столь высокую честь, оказанную вашим преосвященством несчастному старому дикарю, и смиренно прошу у вашего преосвященства дозволения удалиться. Чего я не смею сделать до тех пор, пока не получу на то благосклонного согласия вашего преосвященства.

И снова приношу свои нижайшие извинения. Я и не заметил, что за столь непродолжительное время повторил слова «ваше преосвященство» более тридцати раз, и уж конечно и в мыслях не имел произносить их каким-то особым тоном, хотя, разумеется, не дерзну оспаривать скрупулезный отчет ваших писцов. С этого момента я приложу все усилия, чтобы умерить свое подобострастное восхищение вашим, сеньор епископ, великолепием. Надеюсь, и голос мой будет звучать как должно.

Да-да, коль скоро вы приказываете, я продолжаю.

Но если подумать – кто я таков, чтобы вещать? И что мне вещать, дабы ваши уши внимали моим словам?

Моя жизнь в отличие от жизней большинства моих соплеменников была долгой. Я не умер во младенчестве, как умирают многие из наших детей. Я не погиб в бою и не был убит на жертвенном камне, каковую смерть считали у нас почетной и славной. Я не загубил себя пьянством, не подвергся нападению дикого зверя, не был призван богами во дни бедствий. Меня миновали страшные недуги, занесенные в наш край на испанских кораблях и косившие моих соплеменников тысячами. Я пережил даже наших богов, которые хотя и остались бессмертными, но перестали существовать. Я прожил более полной вязанки лет и много чего увидел, сделал, узнал и запомнил, это правда. Но правда и другое: ни одному человеку не дано постигнуть во всей полноте даже то, что происходило во дни его жизни. Страна же наша несравненно древнее меня, и история ее началась задолго до моей собственной. Задолго до того, как началась та единственная жизнь, которую я могу восстановить в памяти, дабы господа писцы затем запечатлели ее в ржавой темноте ваших чернил…

«То было празднество копий, истинное празднество копий». Помню, именно так обычно начинал рассказы о сражениях старый сказитель с моего родного острова Шалтокан. Нас, слушателей, подобный зачин завораживал мгновенно, и мы внимали сказителю, позабыв обо всем на свете, хотя многие из его рассказов, как я теперь понимаю, были посвящены не великим сражениям, а всего лишь мелким стычкам племен друг с другом. Но, видно, не столько важно само происходящее, сколько мастерство, с которым оно описывается.

Тот мудрый сказитель умел найти самое главное и увлекательное событие и, рассказав о нем, полностью завладеть вниманием слушателей, после чего начинал плести нить повествования вперед и назад во времени. В отличие от него я, не обладающий таким даром, способен

лишь начать с самого начала и двигаться из прошлого к будущему, сквозь то время, в котором жил. Однако все, что я расскажу вам о своей жизни, происходило в действительности, и ни одного слова лжи мною произнесено не будет. Для подтверждения этого я готов целовать землю, или, говоря по-вашему, «торжественно клянусь».

Это было в те далекие времена, которые мы называем «ок йе нечка», когда никто, кроме богов, не передвигался по нашей земле быстрее, чем гонцы, и ничто, за исключением гласа богов, не звучало громче, чем восклицания глашатаев. В тот день, именуемый Седьмым Цветком, в месяц Божественного Вознесения года Тринадцатого Кролика, как раз и раздался глас бога дождя Тлалока: мощный, раскатистый гром. А надо вам сказать, что было это не совсем обычно, ибо сезон дождей уже подходил к концу.

Тлалокуэ, духи, сопутствующие шествию по небесам бога Тлалока, наносили свои удары огненными трезубцами молний, с грохотом раскалывая тучи и обрушивая на землю яростный ливень.

Уже ближе к вечеру, под вой ветра и громыхание бури, в маленькой хижине на острове Шалтокан, я покинул лоно матери и вступил на путь, ведущий к смерти.

Чтобы сделать свою хронику понятнее для вас – вы видите, я постарался и выучил ваш календарь, – я подсчитал, что мой день рождения приходился бы на двадцатый день месяца, который вы называете сентябрем, в год, имеющий по вашему обычаю не имя, а всего лишь номер – одна тысяча четыреста шестьдесят шестой. То было во времена правителя по имени Мотекусома[12] Илуикамина, что означает Гневный Владыка, Поражающий Стрелами Небеса. Он был нашим юй-тлатоани, или Чтимым Глашатаем; так титуловали у нас того, кого вы назвали бы королем или императором. Однако в те далекие дни имя Мотекусомы, равно как и кого-либо другого, ничего для меня не значило.

Едва появившись на свет, я, еще помнивший тепло материнского чрева, несомненно, был тут же погружен в чан с водой, такой холодной, что перехватывало дыхание. Разумеется, я этого не помню, но впоследствии сам не раз становился свидетелем подобного обряда, причем ни одна повивальная бабка не потрудилась объяснить мне, в чем его смысл. Возможно, данный обычай объясняется верой в то, что если новорожденный переживет столь ужасное потрясение, то он сможет впоследствии преодолеть и все те недуги и напасти, которые неминуемо и не один раз поразят его прежде, чем он вырастет. Надо думать, что мне это купание не понравилось, и, пока повитуха пеленала меня, мать выпутывала руки из узлов привязанной к потолку веревки, в которую вцепилась, когда встала на колени, чтобы извергнуть сына на пол, а отец осторожно наматывал пуповину на маленький, вырезанный им собственноручно деревянный военный щит, я орал на весь остров.

Согласно обычаю мой отец должен был вручить этот талисман первому встречному воину, дабы тот оставил его на первом же поле боя, куда заведет его судьба. Это означало, что мой тонали (жребий, рок, участь, судьба – как ни назови) состоит в том, чтобы стать воином. Для человека моего происхождения сей удел считался весьма завидным, а смерть в бою, по понятиям нашего народа, была самой достойной. Однако впоследствии, хотя мой тонали частенько увлекал меня на рискованную стезю и мне пришлось участвовать не в одном бою, сам я никогда не рвался в схватку и уж тем паче не стремился встретить доблестную смерть раньше отведенного мне срока.

---

[12] В испанской научной и художественной литературе закрепился искаженный конкистадорами вариант имени индейского вождя – Монтесума. В таком виде это имя вошло впоследствии во многие европейские языки, в том числе и в русский.

Пожалуй, тут следует добавить, что в соответствии с обычаем, имевшим место в отношении младенцев женского пола, пуповина Девятой Тростинки, моей сестры, родившейся примерно за два года до меня, была помещена под очагом в той самой каморке, где мы оба появились на свет. Ее пуповину обмотали вокруг крохотного глиняного веретена, из чего следовало, что девочке предназначалась самая заурядная участь – стать работящей хозяйкой и хлопотать возле домашнего очага.

Забегая вперед, скажу: этого не произошло. Тонали Девятой Тростинки оказался столь же своенравным, как и мой.

После того как повитуха окунула меня в купель и запеленала, она приняла весьма серьезный вид и обратилась ко мне торжественным тоном, хотя я, разумеется, не только не понимал ее слов, но и заглушал их своим надсадным ревом. Однако этого требовал обряд. Потом, уже повзрослев, я не раз слышал, как другие повивальные бабки обращались к другим новорожденным младенцам мужского пола с теми же самыми словами. То был один из тех древних ритуалов, которые свято соблюдались нашим народом с незапамятных времен, ибо считалось, что таким образом сохраняется связь поколений, поскольку при этом новорожденным передается мудрость давно умерших предков.

Обращаясь ко мне, повитуха называла меня Седьмым Цветком, ибо у нас день рождения становится для новорожденного именем, каковое ему и предстоит носить до тех пор, пока он не выйдет из опасной поры младенчества, вплоть до достижения семи лет. И лишь когда становится ясно, что ребенку суждено вырасти и возмужать, он получает настоящее, взрослое имя.

Вот что сказала мне в тот день повитуха: – Седьмой Цветок, дитя возлюбленное и любовно мною из лона матери принятое, внемли слову, издревле завещанному нам богами. Ведай, что как отпрыск отца своего и матери своей ты послан в мир, чтобы быть воином и слугой богов. Но то место, где ты только что был рожден, не есть твой истинный дом.

Ты обещан полю битвы, – возвестила она, – и первейший твой долг состоит в том, чтобы поить солнце кровью врагов и питать землю трупами недругов. Если твой тонали исполнится как должно, ты недолго пробудешь с нами в этой юдоли скорби. Истинным твоим домом станет обитель бога солнца, великого Тонатиу.

И еще сказала она: – Седьмой Цветок, если ты вырастешь и умрешь как ксочимикуи, то есть станешь одним из тех, кому посчастливилось заслужить Цветочную Смерть на войне или быть принесенным в жертву богам, ты возродишься к вечной жизни в Тонатиукане, блаженной обители солнца, где будешь вечно служить могучему Тонатиу и радоваться этому служению.

Вижу, ваше преосвященство, вы морщитесь. Точно так же морщился бы на вашем месте и я, если бы осознавал суть этого, встретившего меня по вступлении в земной мир приветствия. Равно как и слова соседей и родственников, собравшихся, чтобы взглянуть на новорожденного. Каждый из них склонялся надо мной с традиционным обращением: «Ты явился в этот мир, чтобы страдать и терпеть».

Будь дети способны понять, какими словами их приветствуют, они, наверное, все как один постарались бы вернуться в материнское чрево, а то и снова обратиться в семя.

Конечно, мы и вправду являемся в этот мир для страдания и терпения: какое человеческое существо не испытало этого на себе? Но, говоря о доблестной смерти солдата или благой участи быть принесенным в жертву богам, повитуха, подобно пересмешнику, лишь повторяла одни и те же затверженные раз и навсегда слова. Впоследствии я слышал подобные наставления от отца, учителей и наставников, от наших жрецов, да и от ваших священников тоже. Все они бездумно повторяли то, что дошло до них от далеких предков, передаваясь из поколения в поколение. Я, однако, пришел к убеждению, что давно усопшие и при жизни-то были ничуть не мудрее нас, а уж то, что они умерли, никоим образом не могло добавить им мудрости. Так что эти выставляемые как непреложная истина слова мертвых я всегда воспринимал опреде-

ленным образом – как мы говорим, йка мапильксокоитль, то есть не ставил и в мизинец. По-вашему – ни в грош.

Мы вырастаем и смотрим на мир сверху вниз, а потом стареем и оглядываемся назад. Аййо, но вы только представьте, каково это – быть ребенком! Позади у тебя совсем ничего нет, а все дни и все дороги ведут только вперед, только вверх, и ни одна возможность еще не упущена, ни один день не истрачен даром, и ни о чем пока не приходится жалеть. Все в мире для тебя ново, да и сам мир нов, каким был он некогда для Ометекутли и Омекуатль, нашей Высшей Божественной Четы, первых существ всего творения, которых мы называем боги-творцы.

Стоит мне обратиться к памяти, и мои старые уши вновь наполняют звуки, сопутствовавшие рассветам моего детства на нашем острове Шалтокан. Бывало, что я просыпался от того, что папан, Птица Зари, распевала свою незамысловатую песенку: «Па-па-куи-куи… папа-куи-куи» – извечный призыв подняться, петь, танцевать и радоваться. В иные дни я пробуждался еще до зари, потревоженный хлопотами матери, которая растирала на жернове маисовые зерна или с хлопаньем замешивала маисовое тесто, из которого лепила и пекла большие тонкие лепешки. Те самые, которые мы называли тласкала, а вы теперь именуете тортильями.

Бывали и такие утра, когда я просыпался раньше всех, кроме жрецов Тонатиу, бога солнца. Тогда, лежа в темноте, я слышал, как они, издавая хриплые, блеющие звуки, дули на вершине украшавшей наш остров скромной храмовой пирамиды в раковины. Такими звуками, а также курением благовоний сопровождалось ритуальное умертвление перепела. (Эта птица, в силу того что она испещрена крапинками, символизировала звездную ночь.) Жрецы сворачивали перепелу шею, монотонно распевая при этом обращение к божеству: «Узри смерть ночи, о парящий орел, и яви себя, дабы вершить благие дела. Явись, драгоценный, дабы согреть и осветить Сей Мир…»

Как сейчас помню жаркие дни моего раннего детства, когда Тонатиу, во всей своей сияющей мощи, стоя и притопывая на крыше вселенной, посылал вниз свои сияющие стрелы. В этот лишенный тени, окрашенный золотом и лазурью полуденный час горы вокруг озера Шалтокан казались такими близкими, словно их можно было коснуться рукой. Пожалуй, это самое раннее из моих воспоминаний (вряд ли мне могло быть более двух лет, и я тогда еще не имел представления о расстоянии) – как день и весь мир тяжело дышали вокруг меня, а я жаждал прикосновения чего-то прохладного. Мне все еще памятно то детское удивление, когда я, протянув руку, не ощутил голубизны лесистой горы, которая возвышалась передо мной в столь манящей близости.

Без усилий вспоминаю я также и вечера, когда Тонатиу раскидывал вокруг себя мантию из блестящих перьев, опускался на мягкое ложе из многоцветных цветочных лепестков и погружался в сон. Он пропадал из виду, уходя из поля зрения смертных в Темную Обитель, Миктлан. Из четырех нижних миров, каковые становятся пристанищем усопших, Миктлан есть самый нижний, местопребывание умерших окончательной смертью, полностью и безвозвратно. Это место, где никогда ничего не происходит, не происходило и не произойдет. Однако Тонатиу, в несказанной своей милости, хотя и не столь щедро, как расточает он свой свет нам, озаряет смутным свечением своего сна даже мрачную бездну, предназначенную для безвозвратно ушедших.

Между тем в Сем Мире – а точнее, на Шалтокане, в ту пору и представлявшем для меня собой весь мир, – бледные, голубоватые туманы поднимались вечерами над озером, так что черневшие вокруг горы казались плывущими на их волнах, между красными водами и пурпурным небом. Потом над закатным горизонтом, как раз там, куда исчез Тонатиу, вспыхивала на некоторое время Омексочитль, звезда Вечерней Зари. Она являлась, дабы заверить нас, что

хоть свет угасает и мир погружается во тьму, нам не надо бояться того, что он уподобится Темной Обители, ибо Сей Мир жил и будет жить, пока не придет его время.

Очень хорошо помню я и ночи, в особенности одну ночь. Тогда Мецтли, бог луны, только-только завершил свою ежемесячную трапезу: насытившись звездами, он округлился и светился довольством так, что очертания кролика, спрятавшегося на луне, вырисовывались не менее отчетливо, чем любая храмовая резьба. В ту ночь – мне было тогда года три или четыре – отец посадил меня на плечи и нес, крепко держа за лодыжки. Его размашистые шаги проносили меня сквозь прохладное свечение и еще более прохладную темноту, сквозь испещренный пятнышками лунный свет и лунную тень, которые отбрасывали похожие на перья листья «старейших из старых» деревьев, кипарисов ауеуеткве.

В ту пору я уже подрос и был наслышан о всяческих страшилищах, таящихся в ночи, как раз за краешком человеческого зрения. Там находилась Чокакфуатль, Рыдающая Женщина, первая из всех матерей, умершая в родах и обреченная вечно скитаться во мраке, оплакивая свое потерянное дитя и собственную потерянную жизнь. Там скрывались не имевшие имен, безголовые и лишенные конечностей мертвецы, ухитрявшиеся при этом каким-то образом, слепо и беспомощно извиваясь на земле, издавать жуткие стоны. Там же, в воздухе, на высоте человеческого роста, парили, преследуя и пугая застигнутых темнотой в дороге странников, голые черепа с пустыми глазницами. Обычно о присутствии всей этой нежити можно было догадаться лишь по доносившимся из мрака звукам; если же кому-то хоть краем глаза доводилось увидеть одно из таких порождений ночи, то был верный знак, что этого смертного поджидала большая беда.

Правда, во тьме обитали не одни лишь злобные и пугающие чудища. Скажем, бог Йоали-Ихикатль, Ночной Ветер, частенько налетал из мрака, стремясь ухватить неосторожного припоздившегося путника, но, будучи столь же капризным, как и прочие ветры, нередко отпускал уже схваченную добычу. Если это случалось, бог исполнял самое заветное желание побывавшего в его объятиях человека и даровал тому долгую жизнь, дабы он смог насладиться обретенным счастьем. Именно поэтому, в надежде удостоиться благосклонности шаловливого бога, мои соплеменники еще давным-давно установили на перекрестках, продуваемых ветрами, каменные скамьи, дабы Ночной Ветер мог передохнуть перед очередным стремительным порывом. Как уже было сказано, к тому времени я подрос достаточно, чтобы прослышать о духах темноты и бояться их. Но той ночью, когда я сидел на отцовских плечах, став, таким образом, на время выше нормального человека, когда листья кипарисов гладили меня по волосам, а лунные блики ласкали мое лицо, я не испытывал никакого страха.

Та ночь запомнилась мне так хорошо еще и потому, что именно тогда мне впервые позволили лицезреть церемонию, включавшую человеческое жертвоприношение. Правда, обряд не отличался особой пышностью, ибо был посвящен мелкому божеству Атлауа, покровителю птицеловов. (В ту пору озеро Шалтокан изобиловало утками и гусями, которые останавливались там во время своих перелетов и становились для нас пищей.)

Итак, в ту ночь, ночь хорошо накормленной луны, в начале сезона охоты на водную дичь, лишь одному ксочимикуи предстояло умереть ритуальной смертью, к вящей славе бога Атлауа. Обычно жертвы выбирались из числа военнопленных, и те принимали Цветочную Смерть с гордостью, а то и радостью, но этот человек оказался добровольцем, пребывавшим в довольно мрачном настроении.

– Я уже мертв, – сказал он жрецам. – Я задыхаюсь как рыба, вынутая из воды. Моя грудь напрягается, пытаясь вобрать все больше воздуха, но воздух уже не насыщает меня. Мои конечности слабеют, зрение угасает, а голова постоянно кружится. Лучше мне поскорее умереть, чем и дальше корчиться в муках, медленно погибая от удушья.

Этот человек был рабом и происходил с дальнего юга, из племени чинантеков. Тамошний народ и по сию пору подвержен удивительному недугу, передающемуся в некоторых семьях

по наследству. Мы, как и сами чинантеки, называли эту болезнь Пятнающей Хворью, а вы, испанцы, прозвали их народ пегим племенем, потому что кожа страдающего покрывается пятнами серовато-синего цвета. Со временем его дыхание затрудняется, он начинает задыхаться и наконец умирает от удушья, как это бывает с выброшенной из родной стихии на сушу рыбой.

Мы с отцом прибыли к берегу озера, где на небольшом расстоянии друг от друга были вбиты в землю два крепких столба. Окружающую их тьму разгонял свет курительниц, на которых сжигали благовония. В дыму танцевали жрецы Атлауа – старцы в черных одеждах, с почерневшими лицами, с длинными волосами, умащенными окситлем, – так называем мы черный вар, получаемый из сосновой смолы. Тот самый, которым наши птицеловы покрывают ноги и нижнюю часть тела, чтобы защититься от холода, когда бродят по озерному мелководью.

Двое жрецов наигрывали ритуальную мелодию на флейтах, изготовленных из человеческих берцовых костей, в то время как еще один стучал в барабан. То был особенный, предназначавшийся именно для этой церемонии барабан, представлявший собой огромную тыкву, высушенную и наполовину наполненную водой таким образом, что она, частично погрузившись в озеро, выступала над его поверхностью. Когда жрец ударял человеческими костями по водяному барабану, тот издавал рокот, раскатывавшийся над озером и отдававшийся эхом от гор, высившихся по ту сторону озера.

Ксочимикуи ввели в круг дымного света. Он был полностью обнажен, даже без маштлатля, набедренной повязки, обычно прикрывающей у мужчины пах и те места, которые вы, белые, называете срамными. Даже в этом тусклом, пляшущем свете было видно, как далеко зашел недуг: кожа несчастного не была покрыта синими пятнами, но, напротив, сама стала синей, за исключением лишь немногих островков здоровой плоти, сохранившей нормальный цвет. Тело раба растянули между вбитыми на берегу столбами, привязав его к каждому из них за лодыжку и за запястье. Жрец, размахивавший стрелой, как вождь во время песнопения машет своим жезлом, произносил нараспев заклинание:

– Жизненную влагу этого человека, смешанную с жизненной влагой нашего любимого озера Шалтокан, преподносим мы тебе, о Атлауа, дабы ты в ответ соблаговолил направить стаи драгоценной добычи в сети наших птицеловов…

Это продолжалось довольно долго, меня начал одолевать сон, и, если бы не боязнь обидеть Атлауа, я, пожалуй, мог бы заснуть. Потом внезапно, без какого-либо предупреждения, выраженного в слове или жесте, жрец вонзил стрелу в обнаженные гениталии ксочимикуи, растянутого между столбами. И тут этот человек, хотя совсем недавно призывал смерть, вдруг пронзительно завопил. Вой его на время заглушил звуки флейт и даже бой барабана, но это продолжалось недолго.

Как только первый жрец окровавленной стрелой начертал на груди жертвы крест, все остальные участники ритуала, с луками и стрелами в руках, принялись танцевать вокруг ксочимикуи, причем каждый, оказавшись перед живой мишенью, выпускал в еще вздымавшуюся грудь очередную стрелу. Когда танец завершился, а все стрелы были израсходованы, мертвый более походил не на человека, а на гигантский экземпляр животного, которое мы называем кактусовым кабанчиком. Церемония подошла к концу. Тело отвязали от столбов и привязали к вытащенному на песок акали, то есть к каноэ птицелова. Птицелов спустил его на воду и стал грести прочь от берега, увлекая мертвеца за собой. Постепенно он пропал из виду и, надо полагать, где-нибудь вдали от берега обрезал веревку. Труп утонул. Атлауа получил свою жертву.

Отец снова посадил меня на плечи и тем же размашистым шагом направился к дому. Подпрыгивая на его крепкой, надежной шее и пребывая в полной безопасности, я мысленно принес мальчишескую клятву: если я когда-либо сподоблюсь избрания для Цветочной Смерти, то ни за что, как бы больно мне ни было, не опозорю себя криком.

Наивный ребенок! Тогда я думал, что смерть – это только момент умирания, который можно пережить, поведя себя недостойно или отважно. Откуда мне, уютно и безопасно устро-

ившемуся на крепких отцовских плечах мальчишке, которого несли домой, навстречу сладкому сну и новому пробуждению по зову Птицы Зари, было знать, что представляет собой смерть на самом деле.

В то время мы верили, что герой, павший на службе могущественному вождю или принесенный в жертву великому богу, наверняка будет удостоен вечного блаженства в лучшем из загробных миров. Нынче служители Христа учат тому, что их вера способна даровать нам такое же блаженство в сходной обители, именуемой раем. Я же думаю о том, что даже величайший из героев, гибнущий самой доблестной смертью за самое правое дело, даже вернейший и преданнейший из христианских мучеников, умирающий в уверенности, что попадет в рай, никогда больше не ощутит на своем лице ласку лунного света, пробивающегося сквозь шелестящую листву кипарисов этого мира. Пустяковое удовольствие – такое маленькое, такое простое, такое незамысловатое, – но которого человеку больше уже не испытать.

О, я вижу, ваше преосвященство выказывает раздражение. Прошу прощения, сеньор епископ, за то, что мой старый ум порой сбивается с прямого пути на кривые тропки. Понимаю, что кое-что из поведанного мною вы едва ли сочтете историческим отчетом, в полном, строгом смысле этого слова, однако прошу вас проявить снисходительность и терпение, ибо не знаю, представится ли мне еще когда-либо возможность поведать обо всем этом. Однако сколько ни говори, да только всего, что хочешь, все равно не выскажешь…

Возвращаясь мысленно в свое детство, я не могу сказать, что оно было отмечено хоть какими-то событиями, особенными для нашей земли и для нашего времени, да и сам-то я, по правде сказать, был самым что ни на есть заурядным мальчишкой. Числа, выпавшие на год и день моего рождения, не считались ни несчастливыми, ни особо удачными. Моему рождению не сопутствовало никаких знамений, тогда как родись я в ночь затмения, когда тень кусает луну, мрак мог бы укусить и меня, наградив, например, заячьей губой или затенив мое лицо темным родимым пятном. У меня не имелось ни одной физической особенности, которые у нашего народа считались бы уродствами или телесными недостатками. Я не был ни курчав, ни лопоух, не страдал из-за раздвоенного подбородка, торчащих кроличьих зубов, плоского или, напротив, чересчур длинного, похожего на клюв, вывороченного пупа, бородавок или слишком заметных родимых пятен. К счастью для меня, мои черные волосы были прямыми и гладкими, без каких-либо локонов, завитков или хохолков.

А вот Чимальи, товарищу моего детства, повезло меньше. В юности ему ради безопасности даже приходилось коротко остригать непокорные пряди и приглаживать волосы с помощью окситля. Помню, как-то раз, мы тогда были еще совсем мальчишками, моему другу довелось целый день таскать на голове тыкву. Вижу, господа писцы улыбаются. Пожалуй, мне лучше объяснить.

Птицеловы Шалтокана ловили уток и гусей в больших количествах, причем самым несложным способом: устанавливали на мелководье шесты, натягивали сети, а потом, войдя в красноватые воды озера, поднимали шум. Птицы в испуге срывались с места, и те, что при этом запутывались в сетях, становились добычей. Однако у нас, мальчишек, имелись собственные хитрости. У большой тыквы срезался верх, мякоть удаляли, а в корке прорезали отверстия, позволявшие видеть и дышать. Надев такие тыквы на головы, мы по-собачьи подгребали к тому месту, где на озере мирно отдыхали утки или гуси. Наши тела были скрыты под водой, а приближение одной или нескольких плывущих тыкв никакой тревоги у птиц не вызывало. Замысел наш состоял в том, чтобы, подобравшись вплотную, схватить добычу за ноги и утащить под воду. Что было не так-то просто: даже маленький чирок при этом отчаянно отбивался, а силенок у мальчуганов, понятное дело, не много. Однако в большинстве случаев нам удавалось удерживать птицу под водой до тех пор, пока она не захлебнется и не обмякнет. А

поскольку остальные птицы не видели, как билась и вырывалась жертва, это не вызывало у них переполоха.

Как-то раз мы с Чимальи занимались подобной охотой целый день, так что к вечеру, когда мы устали и решили вернуться домой, на берегу уже высилась изрядная куча утиных тушек. Но тут выяснилось, что во время купания Чимальи намочил волосы, и теперь его хохолок торчал над задней частью макушки, словно перо, какие носили в ту пору некоторые из наших воинов. Как назло, мы зашли в самый дальний конец острова, так что по пути в родную деревню Чимальи пришлось бы пересекать в таком виде весь Шалтокан.

– Аййя, почеоа, – пробормотал он ругательство, означавшее всего-навсего «дерьмо», но считавшееся непозволительным для ребенка нашего возраста. Услышь Чимальи кто-нибудь из взрослых, ему бы не избежать порки терновником.

– Давай обогнем остров вплавь, – предложил я. – Надо только держаться подальше от берега.

– Не знаю, как ты, – возразил Чимальи, – а я так вымотался, что едва держусь на воде. Такого заплыва мне не выдержать: мигом пойду на дно. Может быть, нам лучше дождаться темноты и вернуться домой пешком?

– Ну ты и придумал! – воскликнул я. – Сейчас, при свете дня, ты рискуешь нарваться разве что на какого-нибудь жреца, который заметит твой торчащий хохолок, а в темноте запросто можно наскочить на чудище пострашнее Ночного Ветра. Впрочем, решай сам: как скажешь, так и поступим.

Мы посидели и подумали немножко, рассеянно собирая и посасывая медоносных муравьев, которых в ту пору было полно. Их брюшки просто раздувались от сладкого нектара. Это лакомство доступно каждому. Всего-то и дела: цапнуть насекомое, откусить брюшко и глотнуть сладкой жидкости. Правда, каждая капелька этого меда была такой крохотной, что о том, чтобы утолить голод с помощью муравьев, не приходилось и мечтать.

– Знаю! – заявил наконец Чимальи. – Мы пойдем пешком, не дожидаясь темноты. Просто я не стану снимать тыкву с головы до самого дома.

Так он и сделал. Конечно, прорези для глаз обеспечивали не лучший обзор, поэтому мне пришлось вести друга, как поводырю слепого.

Положение осложнялось и тем, что мы оба были основательно нагружены добычей – мокрыми, тяжелыми утками. В результате Чимальи то и дело спотыкался и падал, налетал на стволы деревьев или плюхался в придорожные канавы. Хорошо еще, что он не расколошматил при этом свою драгоценную тыкву. Я всю дорогу покатывался со смеху; собаки, завидя Чимальи, заходились в неистовом лае; а поскольку сумерки наступили раньше, чем мы предполагали, мой приятель, возможно, напугал своим видом кого-нибудь из припозднившихся прохожих.

Вам тоже весело? Однако на самом деле смешного было мало. Чимальи нацепил тыкву вовсе не из озорства, но потому, что, с точки зрения наших жрецов, мальчик с такого рода хохолком идеально подходил для жертвоприношения. Когда им требовался юнец мужского пола, жрецы старались найти именно такого. Не спрашивайте меня почему. Ни один жрец так и не сумел мне вразумительно это объяснить. С другой стороны, ни от кого из жрецов и не требовалось приводить простым людям вразумительные доводы. Просто существовали нерушимые правила, по которым нас заставляли жить, не объясняя при этом, почему их нельзя нарушать. Считалось само собой разумеющимся, что если подобное все же случалось, то мы должны были испытывать страх, стыд и раскаяние.

Я не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто хоть кто-то из нас, молодой или старый, жил в вечном, нескончаемом страхе. Бывали, конечно, весьма неприятные моменты (так, например, Чимальи приходилось постоянно проявлять осторожность), но в целом и наша

религия, и жрецы, истолковывавшие ее предписания, не предъявляли к нам слишком уж многочисленных или чрезмерно обременительных требований. То же самое можно сказать и о мирской власти. Разумеется, мы были обязаны повиноваться своим правителям-наместникам, служить представителям благородного сословия пипилтин и прислушиваться к советам таламантин, наших мудрецов. Однако я по рождению принадлежал к среднему сословию – касте, именовавшейся масехуалтин, «счастливцы». Нас называли так по той причине, что мы были равно свободны как от тяжких обязанностей, налагавшихся знатным положением, так и от унизительного бесправия низкорожденных.

Законов в наше время существовало очень мало, причем такое положение дел сохранялось специально, дабы каждый человек мог удержать все законы страны в голове и сердце, а будучи уличен в их нарушении, не имел возможности отговориться неведением. Я знаю, что в отличие от наших все ваши законы записаны и собраны в особые своды, так что человеку приходится сверяться с длинным списком указов и положений, чтобы выяснить, «правомочен» или «противоправен» тот или иной его шаг. Конечно, по испанским меркам наши немногочисленные законы могут показаться не слишком четко сформулированными, а наказания, определяемые за их нарушения, – слишком жестокими. Однако эти законы были направлены на достижение всеобщего блага и, поскольку все знали о неотвратимости страшных наказаний за проступки, исполнялись почти неукоснительно. Участь тех немногих, кто дерзал их нарушить, была незавидна.

Приведу пример. Согласно законам, введенным испанцами, воровство карается смертью. Так было и у нас в старые времена. Но по вашим законам голодный человек, укравший что-то съестное, признается вором. У нас дело обстояло иначе: в одном из законов говорилось, что на каждом маисовом поле, насаженном вдоль общественной дороги, четыре ближайших к этой дороге ряда стеблей предназначены для прохожих. Любой голодный странник мог сорвать столько початков, сколько требовал его пустой желудок. Однако человек, который стремился нажиться на чужом труде и грабил маисовое поле, чтобы набить свои закрома или заняться продажей награбленного, будучи уличенным в воровстве, должен был умереть. Таким образом, этот закон был хорош вдвойне: он внушал страх любителям легкой наживы, но не заставлял неимущих умирать от голода.

Как я уже говорил, законов было мало, так что в основном жизнь семей, кланов и целых племен регулировалась не законами, но освященными древностью обычаями и традициями.

Как правило, все это касалось взрослых, однако я, еще будучи ребенком, не заслужившим настоящего имени и именовавшимся, по дню рождения, Седьмым Цветком, уже твердо усвоил, что мужчина, согласно традиции, должен быть смелым, сильным, доблестным, усердным и честным, а женщина – скромной, целомудренной, кроткой, работящей и неэгоистичной.

В детстве я целыми днями возился с игрушками (главным образом с игрушечным оружием или с маленькими копиями отцовских инструментов) или играл с Чимальи, Тлатли и другими своими сверстниками. Когда отец не был занят на работе в каменоломнях, он находил время и для меня. Сам я, как и все наши дети, называл его тете, однако по-настоящему отца звали Тепетцлан, что значит Долина. Он получил свое имя в честь лежащей среди гор низины, откуда был родом, однако, данное ему в возрасте семи лет, это прозвание оказалось не самым подходящим для мужчины, вымахавшего впоследствии гораздо выше среднего роста. Никто из наших соседей, равно как и из товарищей, работавших с отцом в каменоломне, не называл его по имени. Все использовали прозвища, так или иначе связанные с его высоким ростом. Например, Ухвати Звезду или Кивун. А кивать, в смысле нагибаться, отцу и впрямь приходилось частенько, особенно чтобы обратиться с очередным наставлением к своему неразумному отпрыску, то есть ко мне. Помню, как однажды, поймав меня на том, что я нахально передразнивал старого горбуна, нашего деревенского мусорщика, копируя его неуклюжую походку, отец строго сказал:

– Постарайся никогда не смеяться над стариками, калеками или безумцами. Не оскорбляй и не презирай их, а лучше подумай о том, сколь немощен ты сам перед лицом богов. Трепещи: как бы они не наслали такую же напасть и на тебя.

В другой раз, когда я не выказывал интереса к его стараниям научить меня своему ремеслу (а мальчику моего положения надлежало или стать воином, или наследовать занятие отца), он наклонялся ко мне и доверительно говорил:

– Не избегай трудов, предназначенных тебе богами, сынок, но довольствуйся всем, что тебе даруют небеса. Я уповаю на то, что боги наделят тебя удачей, но помни, что все полученное от них до́лжно принимать с благодарностью. Пусть речь идет даже о самой малости, возблагодари богов за нее, ибо им ничего не стоит отнять и то немногое, что они сочли нужным дать. А получив истинный дар, например некий выдающийся талант, радуйся, но не предавайся тщеславию и гордыне. Помни, что, оделив этим тонали тебя, боги, должно быть, отказали в нем кому-то другому.

Бывало и так, что крупное лицо отца выглядело несколько смущенным, когда он произносил короткую проповедь, не имевшую, по моему детскому разумению, никакого смысла. Что-то вроде:

– Живи в чистоте и стерегись распутства, иначе ты разгневаешь богов и они покарают тебя позором. Сдерживай свои порывы, сын мой, пока не встретишь ту девушку, которая самими богами предназначена тебе в жены, ибо богам лучше знать, как правильно устраивать браки и кто кому лучше подходит. Ну а главное, никогда не развлекайся с чужой женой.

Разумеется, мне все эти наставления насчет чистоты казались нелепыми, поскольку я никогда не был грязнулей. Как и все мешикатль, за исключением жрецов, я два раза в день мылся в горячей мыльной воде, регулярно сгонял пот и другие выделения тела в нашей маленькой, похожей на печь парной, утром и вечером чистил зубы смесью пчелиного меда и белого пепла, а что же до развлечений, то мне не доводилось встречать ни одного человека, имевшего жену моих лет. Ну а какие могли быть развлечения со взрослыми женщинами?

Отец, однако, и не заботился о том, чтобы быть понятым: все его поучения представляли собой ритуальные, затверженные наизусть заявления. Вспомните, с какими словами обратилась ко мне в свое время повивальная бабка. Пожалуй, лишь возглашая эти, передававшиеся из поколения в поколения наставления, мой отец говорил пространно, в обычной же жизни он отличался немногословием. Что и понятно: в каменоломне царил такой шум, что в разговорах не было никакого толку, а дома без умолку трещала мать, так что возможность вставить словечко появлялась у отца нечасто.

Впрочем, тете не возражал: он всегда предпочитал слову дело и учил меня скорее личным примером, чем попугайными разглагольствованиями. Если его и можно было обвинить в нехватке мужских доблестей – силы, отваги и всего такого, – то лишь на том основании, что он позволял моей тене всячески его задирать, шпынять и чуть ли не ездить на нем верхом.

Матери моей было далеко до образцовой женщины нашего сословия: она не отличалась ни скромностью, ни кротким нравом, а вот эгоистичной, напротив, была сверх всякой меры. Да что там: по правде говоря, мама была сварливой скандалисткой, настоящим тираном нашей маленькой семьи и проклятием всех соседей. Ну а поскольку ей при этом взбрело в голову вообразить себя образцом женского совершенства, то она, естественно, вечно была недовольна – как своим собственным положением, так и всем происходящим вокруг. Если я что и унаследовал от матери, то, боюсь, именно это ее качество.

Я помню, что отец подверг меня телесному наказанию только один раз, причем вполне заслуженно. Нам, мальчишкам, разрешалось (и даже, можно сказать, поощрялось) убивать ворон и прочих пернатых вредителей, опустошавших наши сады и нивы. Мы охотились на птиц с помощью тростниковых духовых трубок, из которых стреляли глиняными пульками. И вот однажды из какого-то необъяснимого мальчишеского упрямства я выпустил глиняную

дробину в маленького ручного перепела. Таких птичек многие держали дома, чтобы они склевывали скорпионов и других паразитов. Но я мало того что убил полезную пташку, так еще и попытался свалить вину на своего приятеля Тлатли.

Разумеется, отцу не составило особого труда дознаться до истины. Возможно, за одно лишь убийство перепела меня наказали бы не слишком строго, но ложь («словесные плевки», как говорили у нас) считалась непростительным грехом, и тете был вынужден поступить со мной, как предписывалось. Морщась, словно ему самому было больно, он проткнул мою нижнюю губу колючкой и оставил ее там до времени отхода ко сну. Аййа, оуфйа: боль, унижение, слезы раскаяния.

Это наказание произвело на меня столь сильное впечатление, что я, в свою очередь, увековечил его в анналах родной страны. Если вы видели наши рисованные хроники, то наверняка обратили внимание на изображения людей и других существ с исходящими из их ртов завитками. В нашем языке, который называется науатль, эти символы означают речь или отдельные звуки. Иными словами, наличие такой загогулины означает, что изображенная фигура разговаривает или по крайней мере издает какой-то шум. Знак особо витиеватый, а то и дополненный изображением бабочки или цветка, означает декламацию или пение. Будучи писцом, я лично разработал изображение завитка, пронзенного колючкой, и очень скоро оно стало использоваться другими писцами. Помещенный рядом с изображением человека, подобный символ означает, что человек этот лжет.

В отличие от отца матушка на наказания не скупилась. Она действовала без колебаний, сожаления или сострадания и, подозреваю, не без удовольствия. Похоже, мама наказывала нас не столько ради исправления, сколько ради возможности причинять нам боль. И пусть ее методы не нашли отражения в письменных хрониках, но зато на нашу с сестренкой жизнь они оказывали весьма существенное воздействие. Мне запомнилось, как однажды вечером матушка так яростно отхлестала сестренку пучком крапивы по ягодицам, что те покрылись волдырями, а все за то, что девочка, по ее мнению, проявила нескромность. Тут мне следует пояснить, что у нас это понятие не всегда совпадает с тем смыслом, какой вкладывают в него белые люди. У вас, например, неприличной считается нагота.

У нас же неприкрытому телу особого значения не придавалось, и мы, детишки, до четырех или пяти лет постоянно, если позволяла погода, бегали нагишом. По достижении этого возраста дети начинали носить прямоугольник грубой ткани, закрепленный на одном плече и свисающий до середины бедер. В тринадцать лет мальчики уже одевались по-взрослому, то есть носили под этой накидкой еще и маштлатль, набедренную повязку из более тонкой материи. Примерно в том же возрасте (это зависело от того, когда приходили первые месячные) девушки получали настоящую женскую одежду: юбку, блузку и нижнее белье из материи, какую вы называете узорчатым полотном.

Прошу прощения за то, что вдаюсь в такие подробности, но это имеет значение для определения времени события. Я помню, что сестренка в ту пору звалась уже не Девятой Тростинкой, а Тцитцитлини, Звенящим Колокольчиком, а получить это имя она могла лишь по достижении семи лет. Однако отхаживала ее мать по голым ягодицам, а значит, нижнего белья девочка еще не носила и ей явно не минуло тринадцати. Исходя из этого, я могу предположить, что в ту пору сестре было лет десять-одиннадцать. А порку бедняжка заслужила, пробормотав в полудреме:

– Я слышу барабаны и музыку. Интересно, где это танцуют? В глазах нашей матери это было возмутительной фривольностью: Тцитци думала о танцульках, а не о веретене или еще о чем-нибудь столь же нудном.

Вы знаете, что такое чили? Это овощ, стручковый перец, который используется в нашей кухне. Хотя разные виды этого перца различаются по забористости, все они настолько остры, настолько едки, настолько жгучи, что само это слово изначально означает «острый», «резкий», «остроконечный». Как и всякая хозяйка, моя мать использовала чили для приготовления блюд, однако у нее в запасе имелся и еще один способ употребления этого овоща. Такой, что если я и решаюсь о нем рассказать, то лишь потому, что орудиями пыток ваших инквизиторов не удивишь.

Однажды, когда мне было года четыре или пять, мы с Тлатли и Чимальи играли возле дома в патоли, или в бобы. Разумеется, наша забава отличалась от настоящей азартной игры с таким же названием, той самой, что частенько доводила взрослых мужчин до потери всего семейного имущества или становилась причиной ожесточенной кровной вражды. Нет, мы, три мальчика, просто рисовали в пыли круг, а потом каждый бросал в центр свой боб, который, подпрыгивая, выскакивал за его пределы. Выигрывал тот, чей боб оказывался снаружи первым. В тот раз боб мне попался какой-то непрыгучий, и я ругнулся на него. Кажется, буркнул почеоа или что-то в этом роде.

Неожиданно я упал, больно ударившись оземь. Как оказалось, это тене ухватила меня за лодыжки и дернула изо всех сил. Снизу я увидел лица Чимальи и Тлатли, их разинутые рты и расширившиеся от удивления глаза, но и охнуть не успел, как меня отволокли в хижину, к очагу. Продолжая удерживать меня одной рукой, матушка, освободив другую, бросила в огонь несколько ярко-красных стручков чили. Когда они затрещали и от них повалил густой желтый дым, тене снова схватила меня за лодыжки и подняла головой вниз над этими едкими парами. Дальнейшее оставляю на волю вашего воображения; могу лишь сказать, что я чуть не умер. После этого случая мои глаза слезились и туманились никак не менее половины месяца, а дыхание давалось мне с мукой, как будто вдыхаемый воздух обжигал гортань. И все же я имел все основания считать себя счастливчиком, ибо наши обычаи отнюдь не требовали, чтобы мальчик проводил много времени в обществе матери. Поскольку у меня после этого случая появились серьезные резоны, я с тех пор стал избегать тене чуть ли не так же рьяно, как мой приятель Чимальи сторонился наших жрецов. Даже когда она начинала искать меня, чтобы загрузить какой-нибудь работой по дому, я всегда имел возможность укрыться на холме, где находились печи для обжига извести. Мужчины считали, что женщин и близко нельзя подпускать к печам, ибо одно лишь их присутствие способно испортить известь, и вера эта была так сильна, что даже моя матушка не решалась соваться на запретную территорию.

Но бедная Тцитцитлини такого убежища не имела. В соответствии с обычаем и своим тонали девочка должна была учиться тому, что пригодится жене и матери, – готовить пищу, прясть, ткать, шить, вышивать, – так что бóльшую часть дня моя сестренка проводила под бдительным присмотром нашей матери, которая при этом без конца твердила традиционные материнские наставления. Тцитци пересказывала мне некоторые из них, и мы с ней сходились на том, что наши далекие предки придумали их скорее на пользу матерям, чем дочерям.

– Девочке подобает всегда быть внимательной, покоряться воле богов и служить утешением своим родителям. Если мать позовет тебя, не мешкай, не жди, чтобы позвали дважды, но откликайся и приходи немедленно. Получив задание, не пытайся отговориться и не выказывай неохоты, но исполняй его с готовностью. Более того, если твоя тене зовет кого-то другого, но этот другой медлит, поспеши на зов сама, выясни, что требуется, и сделай это с должным старанием.

Прочие проповеди представляли собой вполне предсказуемые призывы к скромности, добродетели и целомудрию, и, в общем-то, к их содержанию не могли придраться даже мы с Тцитци. Мы прекрасно знали, что с тринадцати лет и вплоть до самого замужества, то есть лет до двадцати или около того, ни один мужчина не сможет разговаривать с ней на людях.

– Встретив в публичном месте привлекательного юношу, не обращай на него внимания, вообще не подавай виду, что заметила его, дабы не разжигать в нем страсть. Остерегайся бесстыдной фамильярности и ни в коем случае не слушайся велений своего сердца, ибо тогда вожделение замутит твой характер, как тина мутит воду.

Надо думать, Тцитцитлини и сама находила этот запрет вполне разумным, но к двенадцати годам в ней наверняка пробудились если не плотские желания, то плотское любопытство. А поскольку такого рода наставления приучили сестренку к мысли о постыдности всего относящегося к зову плоти, она скрывала новые ощущения, которые получала, тайно познавая возможности собственного тела. Помню, как-то раз матушка, неожиданно вернувшись с рынка раньше времени, застала сестру лежащей на циновке, задрав одежду, и совершающей действия, смысл каковых мне в ту пору был совершенно непонятен. А именно: Тцитци играла со своим девичьим лоном, используя для этого маленькое деревянное веретено.

Вижу, ваше преосвященство, вы что-то бурчите себе под нос и сердито подбираете полы своей сутаны. Возможно, я задел вашу чувствительность, рассказав об этом случае столь откровенно? Однако должен сказать, что в своем описании я избегал грубых, прямолинейных слов. А поскольку таковыми словами изобилуют оба наших языка, мне кажется, что и действия, которые ими описываются, не столь уж необычны для обоих наших народов.

В наказание за непристойный интерес к особенностям собственного тела наша мать, схватив Тцитцитлини и набрав из короба жгучего порошка чили, яростно втерла его в то самое сокровенное девичье место.

Сестренка кричала так громко, что я, перепугавшись, предложил сбегать за лекарем.

– Никаких лекарей! – гневно воскликнула мать. – Твоя сестра – сущая бесстыдница, и если другие узнают о ее непозволительном поведении, позор падет на всю нашу семью.

Как ни странно, мать поддержала и сама Тцитци. – Не надо, братец, – промолвила она, с трудом подавив рыдания, – мне не так уж больно. Не зови лекаря и, умоляю тебя, никому ни о чем не рассказывай. Даже тете. Забудь обо всем, я тебя прошу!

Приказ тиранки матери я еще мог бы нарушить, но как не уважить просьбу любимой сестрицы? Так и не поняв, почему она отказывается от помощи, я тем не менее сделал, как мне было велено, и ушел.

Эх, что бы мне тогда не послушаться их обеих! Сдается мне, что злобная жестокость матери, имевшая целью заставить Тцитци забыть о пробуждавшихся желаниях плоти, возымела прямо противоположное действие, и с той самой поры лоно моей сестры горело, как обожженное перцем горло. Горело, испытывая жажду, для утоления которой требовалась отнюдь не вода. Думаю, что в скором времени моя дорогая Тцитцитлини вполне могла бы «сбиться с пути» (так у нас в Мешико говорят об испорченной, распущенной женщине), а уж хуже этого ничего не могло случиться с бедной девушкой. Так, во всяком случае, я думал до тех пор, пока не узнал, что сестру мою постигла еще более плачевная участь.

О том, что случилось с ней впоследствии, я расскажу в свое время, сейчас же добавлю только одно: как бы причудливы ни были повороты наших судеб, для меня сестренка всегда была и останется Тцитцитлини, Звенящим Колокольчиком.

IHS. S.C.C.M

Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Да снизойдет на веки вечные благодатный свет Господа Нашего на Его Величество дона Карлоса, Божьей милостию императора Священной Римской империи, короля Испании, и прочая, и прочая…

Его Августейшему Величеству из города Мехико, столицы Новой Испании, в канун дня св. Михаила и Всех Ангелов, в год после Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем наш нижайший поклон.

Ваше Величество повелевает нам продолжить направлять Ему следующие главы так называемой «Истории ацтеков» с той быстротой, «с какой успевают заполняться странницы». Сие, однако, порождает скорбь в сердце Вашего преданного слуги, ибо хотя мы ни за какие земные блага даже помыслить не можем оспорить повеление нашего владыки и суверена, для нас весьма огорчительно, что Вашему Величеству не было угодно принять к сведению высказанные в предуведомлении к предыдущему посланию опасения насчет того, что рассказ дикаря с каждым днем наполняется все более гнусными и отвратительными подробностями. Мы надеялись, что рекомендации и пожелания, высказанные Вами же назначенным и облеченным Вашим высочайшим доверием епископом, будут приняты во внимание, а не отброшены с явным пренебрежением.

Разумеется, мы осознаем, что интерес Вашего Величества к подробному ознакомлению с жизнью самых удаленных Ваших владений и самых ничтожных из Ваших подданных диктуется постоянной и неустанной заботой нашего монарха об их благе и процветании. Мы, со своей стороны, всячески приветствуем сие Ваше мудрое и похвальное рвение и в меру своих скромных сил стараемся поспешествовать его успеху, как было то в славном деле искоренения

ведовства в Наварре. Отрадно видеть, что эта некогда мятежная и еретическая провинция, будучи полностью подвергнута очищению огнем и железом, превратилась в одно из покорнейших и славящихся благочестием владений Вашей Короны. Заверяю Вас, что Ваш покорный слуга стремится с неменьшим пылом и рвением потрудиться и на благодатной стезе выкорчевывания закоренелых пороков и насаждения добродетели в этих новообретенных землях, дабы подобным же образом привести их к полной покорности Вашему Величеству и Святому Кресту.

Безусловно, всякое повеление Вашего Величества благословлено Господом, и, служа Вам, мы исполняем волю Божию. Столь же очевидно, что Вам, как Всемогущему Владыке, желательно и должно знать о Новой Испании все, что только возможно. Страна эта воистину обширна и исполнена таких чудес, что Ваше Величество может именовать себя ее императором с неменьшей гордостью, нежели делает это по отношению к Германии, каковая, по милости Божией, теперь также является владением Вашего Величества.

Тем не менее, занимаясь по Вашему высочайшему повелению составлением хроники, вверенной нашему духовному попечению, мы не вправе умолчать о том, сколь грубо и бесцеремонно ранят наши христианские чувства разнузданные и непристойные словеса, потоком извергаемые рассказчиком. Воистину, сей ацтек подобен Эолу с неистощимым мешком ветров, причем ветров мерзостных. Мы не стали бы сокрушаться и жаловаться, ограничься он тем, о чем его, собственно, и просили, то есть повествованием в манере св. Григория Турского и других классических авторов: перечислением имен выдающих личностей, их краткими жизнеописаниями, примечательными датами, выдающимися сражениями et cetera.

Увы, поток его речи нескончаем и нечист, а сведения важные и нужные мешаются в нем с бессмысленным описанием непристойных подробностей жизни его народа и его собственной. Правда, следует принять во внимание то, что сей индеец от рождения прозябал в мерзости язычества и воспринял Святое Крещение всего лишь несколько лет назад. Таким образом, мы должны снисходительно принять во внимание тот факт, что отвратительные деяния, наблюдавшиеся, а равно и творившиеся им в прежней жизни, были связаны с незнанием этим грешником и его несчастными соотечественниками душеспасительного учения Господа Нашего Иисуса Христа. Но верно и то, что, коль скоро в настоящее время он, во всяком случае по имени, является христианином, мы вправе ожидать от этого человека вместе с рассказом о пагубных языческих мерзостях и искреннего осуждения оных, а паче того, раскаяния в своем греховном прошлом.

Увы, живописуя, ярко и подробно, дьявольские ужасы и соблазны, сей грешник отнюдь не склонен сокрушаться сердцем. Похоже, он вовсе не считает описываемые им деяния столь уж чудовищными и даже не краснеет, навязчиво изливая в уши почтенных и богобоязненных братьев-писцов рассказы о преступных, оскорбляющих Господа и попирающих приличия беззакониях, имя коим идолопоклонство, колдовство, суеверия, кровожадность и кровопролитие, непристойные и противоестественные соития; имеются у него также и другие прегрешения, столь гнусные, что мы не дерзаем их перечислить. Когда бы не повеление Вашего Величества запечатлевать на бумаге устное его повествование слово в слово, во всех подробностях, мы ни за что бы не позволили своим писцам увековечить сии непозволительные речи в свитках.

Однако покорный слуга Вашего Величества никогда не ослушивался королевского приказа. Мы постараемся воспринимать отвращающие и вредоносные разглагольствования этого индейца лишь как доказательства того, что на протяжении всей его жизни Враг Рода Человеческого подвергал оного грешника многочисленным искушениям и испытаниям, а Господь же попускал сие, дабы закалить душу названного ацтека. Что, позволим себе напомнить, есть важное свидетельство величия Господа, ибо он зачастую избирает Своими орудиями и вершителями Своего милосердия не мудрых и сильных, но простодушных и слабых. Так не будем же забывать, что Закон Божий предписывает нам проявлять особую терпимость и

снисходительность к тем, на чьих устах еще не обсохло молоко Истинной Веры, а не к тем, кто уже впитал его.

Исходя из сказанного, мы постараемся сдерживать наше отвращение, оставив индейца при себе и позволив ему и далее изливать поток своих словесных нечистот, во всяком случае до тех пор, пока до нас не дойдет отклик Вашего Величества на прилагаемые ниже страницы его хроники. К счастью, в настоящее время мы не так загружены прочими делами и можем позволить себе целиком занять время пятерых братьев, четырех писцов и толмача этой работой. Единственным же и вполне достаточным вознаграждением для самого этого существа служит то, что мы посылаем ему пропитание с нашего скромного монашеского стола и выделяем соломенный тюфяк в пустом чулане за пределами стен обители. Там он ночует, ухаживая за своей недужной женой, и от наших щедрот относит туда для нее остатки трапезы.

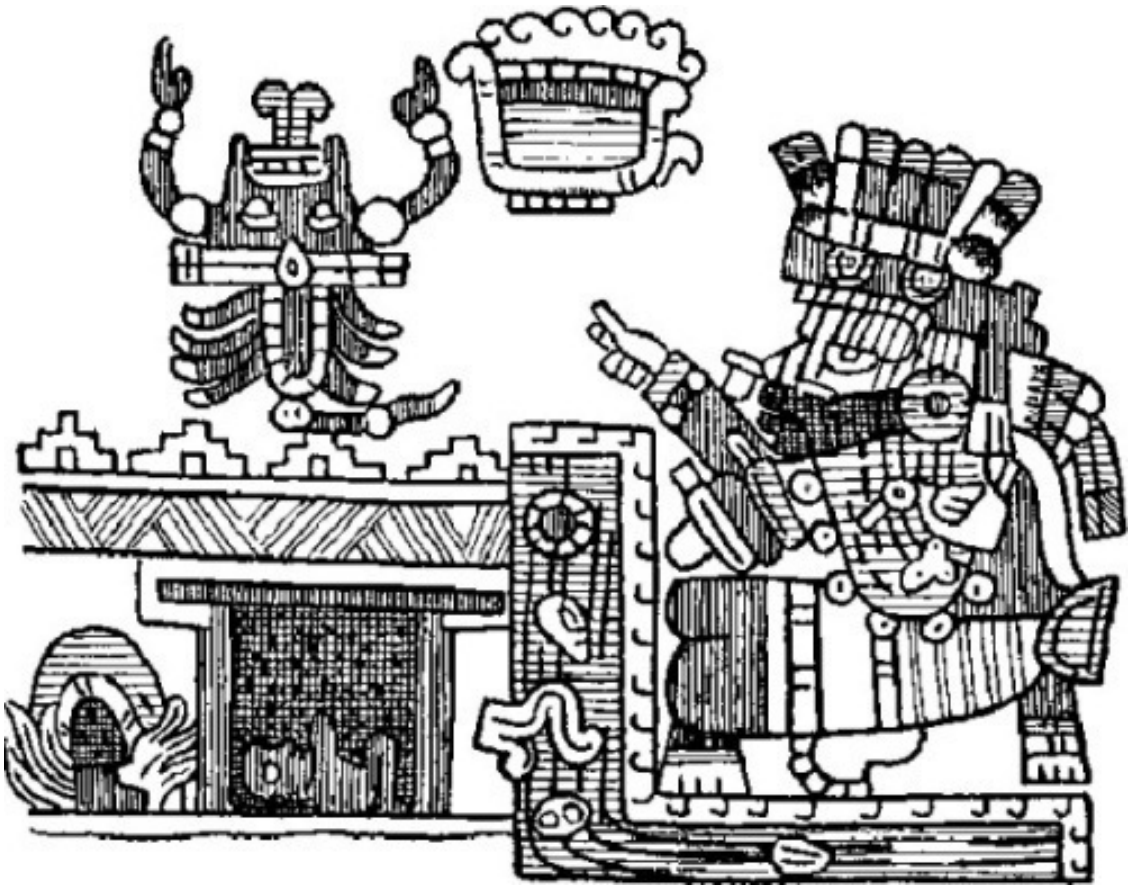
Однако мы верим и надеемся, что скоро будем избавлены от ацтека и испускаемых оным богомерзостных миазмов. Верим и надеемся, ибо по прочтении следующих страниц – еще более ужасных, чем предыдущие, – Вы, Государь, наверняка разделите наше возмущение и воскликнете: «Довольно этой скверны!» – точно так же как вскричал Давид: «Не возглашайте сие, дабы не возрадовались неверные!» Мы с нетерпением – нет, с волнением – будем поджидать с прибытием следующего курьера повеления Вашего Высокочтимого Величества предать уничтожению все сделанные за это время списки нечестивой хроники, а достойного всяческого порицания варвара – изгнать с нашей территории.

Да хранит Господь Вседержитель Ваше Богоспасаемое Величество, и да дарует Он Вам долгие годы благородного служения Его делу.

Подписал собственноручно неустанно молящийся о благе Вашего Священного Императорского Величества верный капеллан и смиренный клирик

Хуан де Сумаррага

ALTER PARS[13]



Я вижу, господа мои писцы, его преосвященство не присутствует сегодня? Следует ли мне продолжать? А, понятно. Он прочтет ваши записи моего рассказа на досуге.

Хорошо. В таком случае позвольте мне отвлечься от слишком уж личных воспоминаний, касающихся моей семьи и меня самого, и, дабы у вас не сложилось впечатления, будто мы жили, словно какие-то отшельники, в стороне от всех, предоставить вам более широкий обзор тогдашних событий. Можно сказать, что я мысленно отступлю, отойду назад и как бы в сторонку, после чего попытаюсь обрисовать вам наше отношение к окружающему. К тому миру, который мы именовали Кем-Анауак, или Сей Мир.

Ваши исследователи уже давно обнаружили, что он расположен между двумя безбрежными океанами, омывающими его с востока и с запада. У берегов обоих океанов находятся влажные Жаркие Земли, но вглубь суши они простираются не так уж далеко. Земля, начиная от берегов, постепенно поднимается к подножиям вздымающихся горных кряжей, между которыми расположено высокое, находящееся так близко к небу, что воздух там разреженный, чистый, сверкающий и прозрачный, плато. Климат здесь почти круглый год, даже в сезон дождей, по-весеннему мягкий, и лишь с наступлением сухой зимы бог Тацитль, повелитель самых коротких дней в году, делает некоторые из этих дней прохладными, а иногда даже по-настоящему холодными.

Самой густонаселенной частью Сего Мира является огромная чаша или ложбина в этом плато, которую вы теперь называете долиной Мехико, по-нашему – Мешико. Здесь сосредоточены озера, которые и сделали этот край столь привлекательным для людей. То есть на

[13] Часть вторая *(лат.)*.

самом деле там находится только одно огромное озеро, но, поскольку в него в двух местах глубоко вдаются высокогорья, получается, что оно как бы разделено перемычками на три отдельные части, три водных массива, соединяющихся узкими проливами. Самое маленькое и самое южное озеро, где я провел свое детство, отличается красноватой соленой водой, ибо почва по его берегам богата солью. Центральное озеро Тескоко по размеру больше, чем два остальных, вместе взятых. Пресная и соленая воды в нем смешиваются, и на вкус его вода лишь слегка солоновата.

Несмотря на то что на самом деле в этом краю всего одно озеро, мы всегда делили его на пять отдельных частей: каждое из них имело свое название, причем, за исключением окрашенного тиной Тескоко, у остальных озер их было даже несколько. Так, южное и самое прозрачное озеро в верхней своей части называется Шочимилько, или Цветущий Сад, потому что на его берегу лучше всего всходят и плодоносят прекраснейшие растения. В своей нижней части это же озеро называется Чалько, по имени обитающего неподалеку племени чалька. Самое северное озеро также имеет два названия. Люди, которые живут на Сумпанго, или Острове-в-Форме-Черепа, называют его верхнюю половину озером Сумпанго, а народ с Шалтокана, моего родного острова Полевой Мыши, и эту часть озера именует Шалтокан.

В каком-то смысле я мог бы уподобить эти озера нашим богам – то есть, конечно, нашим бывшим богам. Я слышал, как вы, христиане, порицаете нас за «многобожие», за поклонение множеству богов и богинь, властвующих над различными силами природы и сторонами человеческой жизни: испанцы частенько жалуются, что в столь обширном и запутанном пантеоне решительно невозможно разобраться. Однако я произвел вычисления, сопоставил одно с другим и пришел к выводу, что если принять во внимание Святую Троицу, Пресвятую Деву, а также всех прочих высших существ, которых вы называете ангелами, апостолами или святыми, причем каждый из них является покровителем той или иной грани существования вашего мира, вашей жизни, вашего тональтин, то еще неизвестно, кого из нас следует обвинять в многобожии. Это ведь не в нашем, а в вашем календаре каждый день посвящен особому высшему существу. Кроме того, по моему разумению, мы зачастую почитали одно и то же божество в разных его проявлениях и под разными именами, точно так же как у нас был разнобой с названиями озер. Для землеописателя здесь, в долине, существует только одно озеро, а для лодочника, который, усердно работая веслами, перегоняет свой акали через пролив с одного широкого водного пространства на другое, их три. Людям, живущим на побережье или на островах, эти озера известны под пятью различными именами. Так же обстоит дело и с нашими богами. Ни один бог, ни одна богиня не имеет только одно лицо, одно имя, одно-единственное предназначение. Подобно тому как наше озеро состоит из трех озер, так и один наш бог способен быть единым в трех лицах.

Вы хмуритесь, почтенные братья? Ну хорошо, пусть един в трех лицах будет только ваш Бог. А наш может быть един в двух. Или в пяти. Или в двадцати. В зависимости от времени года: влажный сезон на дворе или сухой, длинные дни стоят или короткие, пришло время посадки или наступила пора сбора урожая. В зависимости от обстоятельств: военное время или мирное, изобилие или голод, добрые правители нам достались или жестокие. С учетом всего этого круг обязанностей одного и того же бога может изменяться, а это, соответственно, влияет и на его отношение к нам, и на те способы, которыми мы демонстрируем этому богу свое поклонение и почитание. Если посмотреть на это иначе, с другой стороны, то наша жизнь, наши урожаи, победы и поражения на поле боя, возможно, зависят от переменчивого настроения бога. Он может быть таким же разным, как и вода в трех озерах, может быть горьким или сладким или, если ему заблагорассудится, останется откровенно равнодушным.

Между тем как и само настроение бога, так и зависящие от него повседневные события, происходящие в нашем мире, разными почитателями одного и того же бога могут восприниматься по-разному. Разве победа одной армии не является поражением другой? Таким обра-

зом, те или иные бог или богиня могут одновременно рассматриваться как награждающие и как карающие, как дарующие и как отнимающие, как любящие и как грозные. Когда вы поймете, как причудливо переплетаются обстоятельства, вам станет ясно и разнообразие свойств, приписывавшихся нами каждому богу, и образов, которые он принимает, и даже еще большее разнообразие титулований, каковые ему подобают. Например: чтимый, восхваляемый, благословенный, могучий, грозный и так далее.

Впрочем, довольно об этом. Позвольте мне от вопросов мистических перейти к делам сугубо житейским. Я буду говорить о вещах, доступных познанию с помощью не высокой мудрости, но обычных пяти чувств, которыми обладают даже дикие звери.

Остров Шалтокан представляет собой огромный выступ скалы, отделенный от суши широкой полосой соленой воды. Не будь на нем трех источников прекрасной, чистой, с журчанием сбегающей со скал пресной воды, он, наверное, так и остался бы необитаемым, однако во времена моего детства Шалтокан кормил примерно две тысячи островитян, живших в двадцати деревнях. Скала, на которой выросли эти поселения, служила их жителям поддержкой не только в прямом смысле, она еще и давала им средства к существованию. Дело в том, что известняк, составляющий основу скалы, является материалом, с одной стороны, ценным, а с другой, в естественном своем состоянии, – мягким, в связи с чем его можно добывать в каменоломнях с помощью самых примитивных орудий, сделанных из дерева, камня, самородной меди и хрупкого обсидиана, каковые и сравнивать невозможно с вашими железными и стальными инструментами. Мой отец работал на добыче известняка и даже начальствовал над несколькими менее умелыми и опытными работниками. Помню, как-то раз он взял меня с собой в карьер, чтобы познакомить со своим ремеслом.

Тете рассказывал мне, что в толще камня здесь и там проходят естественные трещины, линии разлома между пластами. Неопытному глазу они не видны, но отец надеялся, что я постепенно научусь их обнаруживать.

У меня, правда, ничего не получалось, но он не опускал руки. На моих глазах отец разметил лицевой срез мазками черного окситля, после чего остальные работники (они были бледными от прилипшей к потному телу известковой пыли) подошли, чтобы вбить в помеченные им крохотные щели деревянные клинья. Когда это было сделано, дерево обильно полили водой и оставили размокать. Мы с отцом ушли домой.

Через несколько дней – все это время работники поддерживали деревяшки во влажном состоянии – отец снова привел меня к карьеру.

– Смотри, – сказал он, указывая вниз. И тут, словно камень только и дожидался нашего прихода, послышался страшный треск. Казавшаяся монолитной толща известняка раскололась по линиям разлома на громоздкие глыбы и плоские пластины. Все эти обломки с грохотом попадали на дно карьера, но угодили в веревочные сети, растянутые внизу, чтобы избежать дробления камня на еще более мелкие части. Мы спустились вниз, и отец, осмотрев добытый материал, с удовлетворением заметил:

– Потребуются лишь небольшая обработка с помощью тесел да шлифовка водой с обсидиановым порошком, и из этих глыб выйдут превосходные строительные блоки, а из таких заготовок, – он указал на плоскую плиту размером с пол нашей хижины и толщиной с мою руку, – прекрасные панели для фасадов.

Из любопытства я потрогал поверхность одного из здоровенных, высотой мне по пояс, обломков. На ощупь она показалась мне словно бы навощенной и присыпанной пылью.

– Сейчас, сразу после добычи, этот камень слишком мягок, – сказал отец, проведя в доказательство своих слов ногтем по сколу и оставив там заметную бороздку. – Известняк легок в обработке, но для строительства пока не годится. Побыв на открытом воздухе, известняк затвердеет и сделается крепким, словно гранит, но пока он еще очень податлив. Для нанесения

на него резьбы подойдет инструмент из любого камня потверже, а с помощью пилящей тетивы и толченого обсидиана его можно распиливать на куски нужного размера.

Бóльшая часть известняка с нашего острова доставлялась на материк или в столицу, где его использовали в качестве строительного материала для стен, полов или потолков зданий. Однако, поскольку только что добытый камень, как уже говорилось, легко поддавался обработке, на каменоломнях работали не только каменотесы, но также резчики по камню и скульпторы. Они отбирали подходящие блоки и, пока те еще не успели затвердеть, превращали их в статуи наших богов и героев. Подходящие по толщине и размеру куски покрывались тонкими рельефами и служили для наружной отделки дворцов и храмов. Ну а из маленьких каменных обломков художники создавали изображения домашних богов, которые ценились повсюду. У нас дома имелось несколько таких статуэток – Тонатиу, Тлалока, богини маиса Чикомекоатль и богини домашнего очага Чантико. Моя сестренка Тцитци обзавелась своей собственной фигуркой Хочикецаль, богини любви и цветов, которую все молодые девушки молили даровать им хорошего, любящего мужа.

Самые мелкие осколки камня собирали и загружали в уже упоминавшиеся мною печи для получения известкового порошка, являвшегося ценным и ходовым товаром. Он служил составной частью известкового раствора, использовавшегося для скрепления каменных блоков, а также шел на приготовление штукатурки, годившейся для наружной отделки зданий попроще. Кроме того, смешанный с водой известняк использовался для очистки от шелухи зерен маиса, которые потом измельчались в муку для выпечки всевозможных лепешек. Но и это еще не все: некоторые женщины ухитрялись с помощью известняка обесцвечивать свои черные или темно-каштановые волосы до неестественного желтого оттенка, таковой мне случалось видеть у иных ваших красавиц.

Конечно, боги ничего не дают даром и, одарив Шалтокан известняком, время от времени взимают за это дань. Как-то раз мне случилось оказаться в карьере именно тогда, когда богам заблагорассудилось избрать себе жертву.

Толпа работников тащила огромный, только что отколотый блок вверх по длинной наклонной дороге, спиралью опоясывавшей карьер от его дна до самой вершины. Глыба была помещена в сеть, прикрепленную веревками к головным повязкам напрягавшихся изо всех сил людей. И вот то ли из-за неровности дороги, то ли из-за слишком резкого поворота камень завалился набок и начал переваливаться через край дороги. Работники с криками ужаса посрывали с голов повязки, ибо в противном случае сетка с глыбой увлекла бы их за собой с обрыва вниз. Но один малый, работавший внизу, в заполненном перестуком инструментов карьере, не расслышал этих криков, и блок, обрушившись на него, как гигантский каменный топор, разрубил несчастного надвое. Ровно пополам…

Обрушившись на человека под углом, известковый блок выбил в дне карьера выемку и застрял в ней, балансируя на самом краю. Поэтому отцу и его подручным, устремившимся вниз, без особого труда удалось завалить камень набок. К их величайшему изумлению, оказалось, что человек, избранный богами в жертву, еще жив и даже в сознании.

Обо мне в этой суматохе все позабыли, и я, подобравшись никем не замеченный поближе, смог разглядеть пострадавшего. Выше пояса его обнаженное потное тело оставалось совершенно целым, без видимых повреждений, а в районе талии оказалось сплющенным. Камень, который рассек кожу, плоть, внутренности и позвоночник, одновременно закрыл рану, почти не позволив пролиться крови. С виду человек походил на куклу, которую разрезали пополам, а потом зашили по месту разреза. Нижняя половина туловища, в набедренной повязке, лежала отдельно. Ноги еще продолжали подергиваться. Крови почти не натекло, но вот мочи и фекалий образовалась целая лужа.

Видимо, сила страшного удара умертвила все разорванные нервы, так что боли несчастный не чувствовал. Приподняв голову, он в изумлении воззрился на отсеченную часть своего тела, и товарищи, чтобы избавить его от этого зрелища, бережно перенесли бедолагу, точнее, его верхнюю половину в сторону и прислонили к стене карьера. Он пошевелил пальцами, согнул и разогнул руки, повертел головой и дрожащим голосом произнес:

– Я все еще могу шевелиться и говорить. Я вижу вас всех, мои товарищи. Я могу протянуть руку и дотронуться до любого из вас. Я слышу стук инструментов. Я вдыхаю горькую пыль известняка. Я все еще живу. Это чудо!

– Так оно и есть, Ксикама, – хрипло отозвался отец, – но долго это не продлится. Нет смысла даже посылать за врачом. Тебе понадобится жрец. Какого бога, выбирай!

– Очень скоро я уже не смогу делать ничего другого, кроме как приветствовать всех богов, – промолвил Ксикама после недолгого размышления. – Но пока у меня еще есть силы говорить, я хотел бы потолковать с Пожирательницей Скверны.

Пожелание умирающего криками передали наверх, и гонец со всех ног помчался за жрецом богини Тласольтеотль, или Пожирательницы Скверны. Несмотря на неблагозвучное имя, то была милосердная и сострадательная богиня. Именно перед ней умирающие, а в некоторых особых случаях даже вполне здоровые люди каялись в своих грехах и неблаговидных поступках. Она же из милосердия поедала все совершенное ими зло, и недобрые деяния исчезали бесследно, словно их никогда и не было. Грехи больше не числились за этим человеком, они исчезали даже из его памяти, так что уже не тяготили его потом в загробном мире.

Пока мы ждали жреца, Ксикама, отводя глаза от собственного, казавшегося втиснутым в расщелину карьера тела, спокойно и чуть ли не бодро разговаривал с моим отцом. Он сообщил ему все, что хотел передать родителям, вдове и осиротевшим детям, отдал необходимые распоряжения относительно своего небольшого достояния и высказал озабоченность тем, как теперь будет жить его столь нежданно лишившаяся кормильца семья.

– Не тревожься, – сказал мой отец. – Видать, твой тонали в том, чтобы боги прибрали тебя в обмен на благополучие соплеменников. Ты можешь считаться принесенным в жертву, а поэтому и община, и правитель назначат твоей вдове соответствующее возмещение.

– Значит, она получит достойное наследство, – с облегчением произнес Ксикама. – Это очень кстати для такой женщины, еще молодой и красивой. Прошу тебя, старший каменотес, позаботься о том, чтобы моя вдова снова вышла замуж.

– Я сделаю это. Есть еще пожелания? – Нет, – ответил Ксикама и, оглядевшись по сторонам, усмехнулся. – Вот уж не думал, что когда-нибудь стану сожалеть о том, что больше не увижу эти унылые каменоломни. Должен сказать тебе, что сейчас эта каменная яма кажется мне очень даже красивым местом. Сверху белые облака, под ними голубое небо, а еще ниже белесый камень… словно такие же облака подпирают синь неба и снизу. Жаль только, что зеленые деревья за краем обрыва отсюда мне уже не увидеть…

– Еще увидишь, – поспешил заверить его отец, – но сначала тебе лучше дождаться жреца. Не стоит рисковать и сдвигать тебя с места до его прихода.

Вскоре явился жрец. В своем развевающемся черном одеянии, с запекшейся на черных волосах кровью и сажей на немытом лице, он, казалось, одним лишь своим видом омрачал и пятнал белизну и лазурь окружающего мира, который Ксикаме было так жаль покидать. Остальные рабочие отошли в сторонку, чтобы дать им возможность пообщаться наедине, а отец, приметив наконец меня, сердито велел мне убираться, поскольку подобное зрелище не для детей. Пока Ксикама исповедовался жрецу, четверо работников подобрали вонючую, все еще дергавшуюся нижнюю часть его тела и понесли ее наверх, прочь из карьера.

Одного из них по дороге вырвало. Надо полагать, Ксикама не был отъявленным злодеем, так что на покаяние перед Пожирательницей Скверны ему потребовалось не так уж много времени. Довольно скоро жрец от имени богини отпустил ему все прегрешения, произнес все

предусмотренные обрядом слова, совершил все полагающиеся ритуальные жесты и отошел в сторону. Четверо рабочих бережно подняли все еще живого Ксикаму и со всей возможной быстротой понесли его по серпантину дороги наверх. Оставалась надежда на то, что несчастный проживет еще достаточно долго, чтобы добраться до своей деревни, где сможет попрощаться с семьей и выказать дань уважения тем богам, которых особенно любил. Однако, едва Ксикаму донесли до середины откоса, обрубок его тела стал истекать кровью, извергая одновременно содержимое желудка и сами внутренности. Бедняга перестал говорить и дышать, глаза его закрылись, и увидеть в последний раз зеленые деревья ему так и не удалось.

Некоторое количество добытого на острове известняка шло на возведение наших тламанакали и теокальтин, то есть нашей пирамиды и нескольких храмов. Часть камня сразу откладывалась в сторону, поскольку предназначалась для уплаты налогов в казну или ежегодной дани Чтимому Глашатаю и его Изрекающему Совету. (Когда мне было три года, юй-тлатоани Мотекусома, которого вы почему-то называете Монтесумой, скончался, оставив престол и власть своему сыну, Ашаякатлю, Лику Воды.) Особая доля известняка выделялась на содержание нашего текутли, или наместника, и некоторых других сановников, а также на нужды острова: постройку каноэ, покупку рабов для самых грязных и тяжелых работ, выплату жалованья и тому подобное. Но даже после всего этого у островитян оставалось еще вполне достаточно известняка для продажи и обмена.

Это давало Шалтокану возможность приобретать привозимые купцами товары и пригодные для обмена ценности, которые наш текутли распределял среди своих подданных согласно их положению и заслугам. Кроме того, он разрешал всем жителям острова, кроме, разумеется, рабов и прочих представителей низших каст, строить свои дома из добываемого ими известняка. Таким образом, Шалтокан отличался от большинства наших земель, где жилища в основном сооружались из дерева, высушенных на солнце глиняных кирпичей или тростника. В некоторых общинах много семей селилось под общей крышей одного большого жилища, а кое-где в горных краях люди обитали в пещерах. Только представьте, пол нашего дома, пусть в нем имелось всего три комнаты, был вымощен гладкой белой известняковой плиткой. Лишь немногие дворцы Сего Мира могли похвастаться тем, что на их строительство пошел материал лучшего качества. Однако, хотя жилища свои мы предпочитали строить из камня, остров наш в отличие от некоторых иных населенных долин вовсе не был лишен деревьев.

В то время нами правил Тлакухолтцин, владыка Красная Цапля. Когда-то его далекие предки были в числе первых поселенцев племени мешикатль на острове, а теперь этот человек стал первым среди местной знати. Это по обычаю, принятому в большинстве земель и племен нашей страны, обеспечивало ему пожизненное пребывание в должности нашего текутли, представителя Изрекающего Совета, возглавлявшегося Чтимым Глашатаем. Владыка Красная Цапля был полновластным правителем и распорядителем каменоломен, озера, острова и всех его обитателей, за исключением, пожалуй, жрецов, которые подчинялись одним только богам.

Далеко не каждой провинции повезло с вождем так, как нашему Шалтокану. Выходцу из знати подобало жить в соответствии со своим положением, то есть служить образцом благородства, однако на деле отнюдь не все люди высокого происхождения соответствовали этому требованию. Тем паче что пили, принадлежавший по рождению к высшей касте, уже не мог стать простолюдином, сколь бы низким и неблаговидным ни было его поведение, хотя равные ему пипилтин имели право сместить недостойного с занимаемой должности и даже, если находили его проступки непростительными, вынести ему смертный приговор. Добавлю также, что, хотя большинство сановников оказывались на высоких постах благодаря своему происхождению, путь наверх не был закрыт и для простонародья.

Я помню двоих жителей Шалтокана, которые возвысились из масехуалтин до пипилтин и получили соответствующее пожизненное содержание. Мицтль, немолодой отставной воин,

удостоился имени Свирепого Кугуара за подвиги, совершенные в ходе какой-то давней войны против давно забытого врага. Это стоило ему таких шрамов, что на беднягу было страшно смотреть, но зато он обрел право добавить к своему имени столь желанное для многих «цин», после чего стал именоваться господин Мицтцин Кугуар. Другим человеком, удостоившимся причисления к знати, был Куали-Омеятль, Благой Источник, молодой зодчий с прекрасными манерами, под руководством которого были разбиты замечательные сады, украсившие дворец правителя. Правда, Омеятль был столь же красив, сколь Мицтцин безобразен, так что за время работы во дворце он завоевал сердце девушки по имени Росинка, оказавшейся дочерью правителя. Женившись на ней, зодчий тоже стал именоваться господином. Обращаю ваше внимание на то, что наш владыка Красная Цапля был человеком сердечным и великодушным, но самое главное, справедливым. Когда его дочери, уже упомянутой Росинке, наскучил ее низкорожденный муж и она вступила в связь со знатным юношей, владыка Красная Цапля повелел предать смерти обоих виновных в прелюбодеянии. Многие знатные люди упрашивали его пощадить девушку и ограничиться изгнанием ее с острова, эта просьба была поддержана даже обманутым супругом, но правитель остался непреклонен, хотя все знали, как он любил дочь и сколь нелегким стало для него такое решение.

– Нарушив ради собственного ребенка закон, исполнения которого требую от своих подданных, я лишился бы права называться справедливым правителем, – ответил он представителям знати, а господину Источнику сказал: – Люди будут думать, что ты простил ее не по доброй воле, не по велению сердца, а из желания угодить мне и из страха перед моим саном.

По приказу владыки Росинка была казнена публично, а присутствовать при этом было предписано всем женщинам и девушкам Шалтокана, прежде всего – уже вступившим в пору цветения, но еще не вышедшим замуж, ибо Красная Цапля сказал:

– Их кровь бурлит, и они, возможно, сочувствуют моей дочери или даже завидуют тому, что она нашла свою любовь. Пусть же зрелище ее смерти послужит для них уроком и покажет, к каким последствиям приводит распущенность.

Моя мать пошла посмотреть на казнь, взяв с собой Тцитцитлини, а по возвращении рассказала, что неверная жена и ее любовник были удушены веревками, замаскированными под цветочные гирлянды. Росинка держалась плохо: рыдала, вырывалась, молила о пощаде. Даже обманутый муж плакал, жалея свою беспутную супругу, а вот владыка Красная Цапля не выказал никаких чувств. Тцитци своими впечатлениями от этого зрелища делиться не стала, но зато рассказала, как встретилась у дворца с Пактли, младшим братом приговоренной и сыном Красной Цапли.

– Ты только представь себе, – с дрожью в голосе сказала сестренка, – он уставился на меня, долго смотрел, а потом ухмыльнулся. Оскалил зубы. И это в такой-то день! Не зря его назвали Весельчаком! У меня аж мурашки пошли по коже.

Думаю, из моего рассказа вы поняли, почему все жители острова так высоко ценили нашего беспристрастного, справедливого правителя. По правде говоря, мы все надеялись, что господин Красная Цапля доживет до самых преклонных лет, ибо перспектива оказаться под властью Пактли никого не вдохновляла. Имя юноши означало Весельчак. Но это был как раз тот случай, когда имя плохо подходит своему владельцу. Он был злобным, деспотичным мальчишкой уже задолго до того, как стал носить набедренную повязку. Разумеется, недостойный отпрыск столь почтенного отца не водился с незнатными ребятишками вроде меня, Тлатли или Чимальи, да и был он на год или два нас постарше. Но по мере того как моя сестра Тцитци расцветала, превращаясь в настоящую красавицу, а Пактли начал проявлять к ней повышенный интерес, мы с ней стали относиться к нему со все большей настороженностью. Впрочем, рассказ об этом еще впереди.

В ту пору наше сообщество процветало, наслаждаясь довольством и покоем. Боги даровали нам возможность не тратить все свои телесные и душевные силы на добычу средств к пропитанию, что позволяло простым людям мысленно тянуться к дальним горизонтам и вершинам, не предназначавшимся им по рождению. Среди нас, детей, тоже появлялись мечтатели – такими, например, были друзья моего детства Чимальи и Тлатли. Отцы у того и другого были скульпторами-камнерезами, и оба мальчика в отличие от меня собирались пойти по стопам родителей. Причем они мечтали превзойти в этом искусстве своих отцов.

– Я хочу стать самым лучшим скульптором, – сказал мне как-то Тлатли. Он скоблил осколок мягкого камня, который уже начинал напоминать сокола – птицу, в честь которой паренек и получил свое имя. – Ты же знаешь, – продолжил мой товарищ, – статуи и резные отделочные плиты увозят с острова неподписанными, так что их создатели остаются неизвестными. Наши отцы получают за свои труды не больше славы, чем какая-нибудь рабыня, которая плетет коврики из озерного тростника. А почему? Да потому, что наши статуи и узорчатые панно, как и циновки рабыни, ничем особенным не выделяются. Каждый Тлалок, например, выглядит точно так же, как и всякий бог дождя, изваянный на Шалтокане с тех пор, как отцы наших отцов занялись этим промыслом.

– Но, должно быть, – заметил я, – именно такими их хотят видеть жрецы Тлалока.

– Нинотланкукуи тламакацкуе, – пробурчал Тлатли, умевший оставаться внешне невозмутимым. – Насчет этих жрецов скажу так: разжевать и выплюнуть. Лично я делаю изваяния по-новому, не так, как изготовляли их до меня. Да что там до меня: даже две статуи одного и того же бога, сработанные мною, будут хоть чем-то, но различаться. А главное, все они будут узнаваемы как мои творения. Увидев их, люди воскликнут: «Аййо, вот изваяние работы Тлатли!» Мне не придется даже помечать их своим символом сокола.

– Ты, я вижу, хочешь создавать вещи, равные по мастерству Солнечному Камню, – предположил я.

– Еще лучше, – упрямо заявил мой товарищ. – А насчет Солнечного Камня скажу так: разжевать и выплюнуть.

Мне показалось, что это уже с его стороны дерзость, ибо пресловутый Солнечный Камень я видел собственными глазами.

Однако наш общий друг Чимальи устремлял свой взор еще дальше, чем Тлатли. Он намеревался усовершенствовать искусство живописи так, чтобы оно не ограничивалось раскраской скульптур или рельефов. Его мечтой было писать картины и фрески на стенах.

– О, я раскрашу Тлатли его статуи, если он захочет, – сказал Чимальи. – Но скульптура требует лишь плоских красок, поскольку ее форма и объемность сами по себе уже придают краскам свет и тень.

К тому же мне надоели вечно одни и те же, никогда не меняющиеся цвета, которыми пользуются старые мастера росписи. Смешивая различные красители, я пытаюсь получать новые, нужные мне оттенки, чтобы плоское изображение казалось объемным и глубоким. – При этих словах Чимальи оживленно жестикулировал, словно пытаясь создать изображения из воздуха. – Когда ты увидишь мои картины, тебе покажется, будто горы и деревья на них настоящие, хотя объема в них будет не больше, чем в самой панели.

– Но зачем это нужно? – спросил я. – Затем же, зачем и мерцающая красота и изящная форма колибри! – заявил он. – Послушай, представь себе, что ты жрец Тлалока. Так вот, вместо того чтобы затаскивать огромную статую бога в маленький храм и тем самым сужать и без того тесное помещение, жрецы Тлалока могут просто поручить мне нарисовать на стене изображение бога – каким я его себе представляю, – причем на фоне проливного дождя. Храм будет казаться гораздо больше, чем на самом деле: в этом-то и кроется преимущество тонких плоских картин над объемными, громоздкими скульптурами.

– Да, – сказал я Чимальи, – щит, как правило, достаточно тонкий и плоский. – Это была шутка: имя Чимальи означало «щит», а сам он был долговязым и худым.

Честолюбивые планы, а порой и безудержная похвальба приятелей вызывали у меня снисходительные усмешки, не лишенные, впрочем, оттенка зависти, ибо они в отличие от меня знали, кем хотят стать и чем будут заниматься в жизни. А вот я еще не определился, и ни один бог, как назло, не пожелал послать мне на сей счет знак или знамение. Наверняка я знал только две вещи. Во-первых: я не хочу работать каменотесом в шумном, пыльном да вдобавок еще и опасном карьере. И во-вторых: какой бы путь я ни выбрал, будущее мое не будет связано с Шалтоканом, жить в провинции мне не хотелось.

С соизволения богов я намеревался попытать счастья в месте, предъявлявшем к своим жителям самые высокие требования, но зато и открывавшем самые широкие возможности. В столице, в резиденции юй-тлатоани, где соперничество честолюбивых людей было безжалостным, но где истинно достойный мог снискать достойную его награду. Я хотел отправиться в великий, прекрасный, полный чудес и внушавший благоговейный трепет город Теночтитлан.

Так что если я пока и не знал, какому делу собираюсь посвятить свою жизнь, то по крайней мере насчет того, где мне бы хотелось ее провести, сомнений не было. Теночтитлан сразу покорил мое сердце, хотя я побывал там один-единственный раз. Поездку туда отец подарил мне на седьмой день рождения, в который я получил свое взрослое имя.

Перед этим событием мои родители вместе со мной отправились к жившему на нашем острове тональпокуи, знатоку тональматль, «книги имен». Развернув слоистые страницы огромной, занимавшей большую часть пола его комнаты книги, старый ведун долго, пожевывая губу, внимательно изучал каждое содержащееся в ней упоминание о расположении светил и деяниях богов, имевших отношение к дню Седьмого Цветка месяца Божественного Вознесения года Тринадцатого Кролика, а потом кивнул, бережно закрыл книгу, принял вознаграждение (рулон тонкой хлопковой ткани), побрызгал на меня своей освященной водой и заявил, что отныне, в память о грозе, сопутствовавшей моему появлению на свет, я буду носить имя Чикоме-Ксочитль-Тлилектик-Микстли, то есть Седьмой Цветок Темная Туча. Это если полностью, а уменьшительно меня будут звать Микстли.

Новое имя звучало мужественно и мне понравилось, а вот сам ритуал его избрания впечатления не произвел. Даже в семь лет я, Темная Туча, имел по некоторым вопросам собственное суждение. Я сказал вслух, что это мог сделать любой, причем быстрее и дешевле, за что на меня строго шикнули.

Ранним утром того памятного дня меня отвели во дворец, где нас, с соблюдением церемониала, милостиво принял сам владыка Красная Цапля. Он погладил меня по голове и с отеческим добродушием сказал:

– Еще один мужчина вырос к славе Шалтокана, а? Правитель собственноручно начертал символы моего имени (семь точек, трехлепестковый цветок и серый, как глина, гриб-дождевик, знак темного облака) в токайяматль, книге записей, куда заносились имена всех жителей острова. Моя страница должна была оставаться там до тех пор, пока я буду жить на Шалтокане, ее могли изъять лишь в случае моей смерти, изгнания за какое-либо преступление или переселения в другое место. Интересно: как давно удалена из этой книги страница Седьмого Цветка Темной Тучи?

Как правило, день получения имени праздновался шумно и многолюдно, как это было, например, у моей сестры. Тогда к нам с подарками явились все наши родственники и соседи. Мать подала на стол множество праздничных угощений. Мужчины курили трубки с пикфет-

лем, старики пили октли. Но я не возражал против того, чтобы пропустить все это, ибо отец сказал мне:

– Сегодня в Теночтитлан отплывает судно с украшениями для храмов, и на борту найдется местечко не только для меня, но и для тебя. К тому же прошел слух, что в столице должна состояться пышная церемония – в честь какого-то нового завоевания или чего-то в этом роде. Но этот праздник так ловко подгадал и к твоему дню получения имени, Микстли, что мы можем считать, будто его устроили в твою честь.

Вот так и вышло, что после того, как мать и сестра поздравили меня, поцеловав в щеку, я последовал за отцом к грузовому причалу.

На всех наших озерах постоянно царило оживленное движение: каноэ сновали во всех направлениях, словно стайки водомерок. Правда, по большей части то были маленькие, одно– или двухместные скорлупки птицеловов и рыбаков, выдолбленные из древесных стволов в форме бобового стручка. Но попадались и суда покрупнее, вплоть до военных каноэ, рассчитанных на шестьдесят человек, или наших грузовых акали, состоявших из восьми почти таких же больших челнов, борты которых скрепляли между собой. Наш груз, резные известняковые плиты, был аккуратно уложен на днища, причем каждый камень на всякий случай тщательно завернули в толстую циновку.

Понятно, что столь громоздкое судно, да еще с таким тяжелым грузом, двигалось очень медленно, хотя гребли на нем (сменяя на мелководье весла на шесты) двадцать человек, включая моего отца.

Плыть пришлось зигзагом: сначала по озеру Шалтокан на юг, к проливу, оттуда в озеро Тескоко и уже по нему – снова на юго-запад, к городу, так что общее расстояние, которое мы должны были преодолеть, равнялось примерно семи долгим прогонам (эта мера длины приблизительно равна вашей испанской лиге), а наша большая неуклюжая шаланда редко двигалась быстрее, чем человек, идущий пешком. Мы покинули остров задолго до полудня, но в Теночтитлане пришвартовались лишь поздней ночью.

Некоторое время я не видел вокруг ничего особенного: лишь озеро с красноватой водой, которое я так хорошо знал. Потом мы вошли в южный пролив, по обеим сторонам от нас сомкнулась земля, а когда она расступилась вновь, вода постепенно стала приобретать серовато-коричневый оттенок. Мы вошли в великое озеро Тескоко, простиравшееся на юг и восток так далеко, что берега его скрывались за горизонтом.

Мы плыли на юго-запад еще какое-то время, но когда солнце-Тонатиу стал окутывать себя светящейся пеленой ночного наряда, наши гребцы начали табанить, подавая неуклюжее судно к причалу у Великой Дамбы. Эта преграда представляла собой двойной частокол из вбитых вплотную друг к другу в дно озера древесных стволов, пространство между параллельными рядами которых было плотно засыпано землей и гравием. Плотина служила препятствием для волн, которые при сильном восточном ветре грозили низко лежащему на берегу городу-острову затоплением. В запруде через равные промежутки были проделаны ворота, и служители держали их открытыми почти в любую погоду. Однако число лодок и суденышек, направлявшихся в столицу, было столь велико, что нам пришлось занять место в очереди и ждать.

Тем временем Тонатиу уже набросил на свое ложе темное покрывало ночи, окрашенное в пурпурный цвет. Очертания высившихся на западе, прямо перед нами, гор неожиданно приобрели особую четкость, но лишились объемности, словно это были лишь силуэты, вырезанные из черной бумаги. Над их контурами проступало робкое свечение, а потом, заверяя нас в том, что наступившая ночь отнюдь не последняя и не вечная, ярко воссияла звезда Вечерней Зари.

– Теперь, о сын мой Микстли, открой пошире глаза! – воззвал ко мне отец.

Если звезда над горизонтом явилась как бы сигнальным огнем, то спустя несколько мгновений из тьмы под зубчатой линией гор стала выступать целая россыпь огней, которые на первый взгляд тоже могли показаться звездами.

Вот так впервые в жизни я увидел Теночтитлан.

Он предстал передо мной не городом каменных башен, резного дерева и ярких красок, но городом огней. По мере того как зажигались лампы, фонари, свечи и факелы – в оконных проемах на улицах, вдоль каналов, на террасах, карнизах и крышах, – отдельные точки света складывались в светящиеся линии, вырисовывая в темноте очертания города.

Сами здания с такого расстояния виделись темными пятнами с почти неразличимыми контурами, но светочи, аййо, сколько там было светочей! Желтые, белые, красные, гиацинтовые – самые разнообразные оттенки пламени! То здесь, то там виднелись огни – зеленые или голубые: это жрецы бросали в алтарные курильницы щепотки окрашивающих пламя солей. И каждая из этих светящихся бусинок, гроздьев и полос света сияла дважды, ибо каждый огонек отражался в озере.

Даже на каменных мостах, дуги которых соединяли остров с сушей, даже над их пролетами, на одинаковом расстоянии друг от друга были расставлены столбы с зажженными фонарями. С нашего акали я видел лишь две дамбы, протянувшиеся из города на север и на юг. Вместе они выглядели как изящная, унизанная драгоценными каменьями цепочка, удерживавшая на бархатной груди ночи великолепный, сверкающий кулон города.

– Теночтитлан, Им Кем-Анауак Йойотли, – пробормотал вполголоса мой отец. – Истинное Сердце Сего Мира.

Я был настолько заворожен открывшимся мне зрелищем, что даже не заметил, как он подошел и встал рядом со мной на носу судна.

– Смотри как следует, сын мой Микстли. Возможно, тебе еще не единожды доведется увидеть и это чудо, и много других чудес. Но первый раз, он не повторяется никогда.

Не моргая и не отрывая глаз от великолепия, к которому мы все слишком медленно приближались, я лежал на циновке и таращился вперед до тех пор, пока, стыдно сказать, мои веки не смежились сами собой и меня не сморил сон. У меня не осталось никаких воспоминаний ни о той суете и суматохе, которые наверняка сопровождали нашу высадку, ни о том, как отец отнес меня на ближайший постоялый двор для лодочников, где мы и заночевали.

Я проснулся в ничем не примечательной комнате на соломенном тюфяке, брошенном на пол. Рядом на таких же тюфяках похрапывали мой отец и несколько других мужчин. Сообразив, что мы находимся на постоялом дворе, который, в свою очередь, находится в столице, я опрометью бросился к окну, выглянул… и обнаружил, что каменная мостовая так далеко внизу, что голова моя пошла кру́гом. Впервые в жизни мне довелось оказаться в хижине, поставленной поверх другой хижины. Так, во всяком случае, я решил в тот момент, и уже потом, когда мы вышли наружу, отец показал мне наше окошко, находившееся на верхнем этаже.

Оторвав взгляд от мостовой, я устремил его за пределы причалов, обозревая город. В лучах утреннего солнца он весь сиял, пульсировал, светился удивительной белизной. В сердце моем пробудилась гордость за свой родной остров, ибо даже те здания, которые не были сложены из белого известняка, покрывала белая штукатурка, а я хорошо знал, что бо́льшая часть этих материалов добывается у нас на Шалтокане. Конечно, здания здесь были украшены и росписями, и многоцветными мозаичными бордюрами, и панелями, однако преобладающим цветом оставался белый. А первым моим впечатлением стала сверкающая, почти серебряная белизна, от которой у меня чуть не заболели глаза.

Теперь все ночные огни были потушены, и лишь над алтарными курильницами к небу кое-где поднимались струйки дыма. Но взамен огней моему взору открылось новое чудо: над каждой крышей, каждым храмом, каждым дворцом, каждой высокой точкой в городе поднимался флагшток, а на каждом флагштоке реяло знамя. Они не были квадратными или треугольными, как боевые стяги, длина этих знамен во много раз превышала их ширину. На белом фоне

красовались цветные символы, в том числе знаки самого города, Чтимого Глашатая и некоторых известных мне богов. Остальные были мне незнакомы: я предположил, что это знаки столичной знати и местных богов.

Флаги белых людей – это всего лишь полосы ткани, и хотя порой на них со впечатляющим искусством изображены сложные геральдические фигуры, они так и остаются лоскутами, то вяло обвисающими на своих флагштоках, то трепещущими и капризно полощущимися, как белье, развешанное женщинами на кактусах для просушки. Эти же невероятно длинные знамена Теночтитлана были сотканы из перьев, тончайших перьев, из которых удалили стержни. Флаги не раскрашивали и не пропитывали красками, ибо белый фон создавали белые перья цапли, тогда как на цветные изображения шли перья других птиц. Красные – ара, кардиналов и длиннохвостых попугаев, голубые – соек и некоторых журавлей, желтые – туканов и танагр. Аййо, там были представлены все цвета радуги, все оттенки и переливы, доступные лишь живой природе, а не человеку, пытающемуся подражать ей, смешивая краски в горшочках.

Но чудеснее всего то, что наши знамена не обвисают, не полощутся – они парят! То утро выдалось безветренным, но одно лишь движение людей на улицах и судов на каналах создавало воздушные потоки, достаточные для поддержания этих огромных, но почти невесомых флагов. Подобно огромным птицам, не желающим улетать, довольствуясь сонным дрейфом, эти знамена, тысячи сотканных из перьев знамен, парили над землей и, словно под воздействием магической силы, мягко, беззвучно совершали волнообразные движения на всех башнях и шпилях волшебного города-острова. Рискнув высунуться из окна, я далеко на юго-востоке разглядел два вулканических конуса, называвшихся Попокатепетль и Истаксиуатль, что означает гора, Курящаяся Благовониями, и Белая Женщина. Хотя уже начался сухой сезон и дни стояли теплые, обе горы венчали белые шапки (впервые в жизни я увидел снег), а ладан, тлевший глубоко внутри Попокатепетля, воспарял вверх струйкой голубоватого дыма. Ветерок сносил эту струйку в сторону, и она тянулась над пиком, как знамена из перьев над Теночтитланом. Отпрянув от окна, я бросился будить отца. Он, надо думать, устал и хотел поспать, но прекрасно понимал, что ребенку не терпится выбраться наружу, а потому и не думал меня бранить.

Поскольку за разгрузку баржи и доставку груза по назначению отвечал тот, кому этот груз был предназначен, мы с отцом получили в свое распоряжение целый день. Правда, мать дала ему поручение, велев сделать какую-то покупку. Что именно следовало купить, я уже забыл, помню только, что первым делом мы направились на север, в Тлателолько.

Как вы знаете, почтенные братья, эта часть острова, которую вы теперь называете Сантьяго, отделена сейчас от южной части лишь широким каналом, через который перекинуто несколько мостов. Однако в прошлом Тлателолько являлся независимым городом с собственным правителем и дерзко соперничал с Теночтитланом, стараясь превзойти его великолепием. Долгие годы наши Чтимые Глашатаи относились к этому снисходительно, но когда бывший правитель города Мокуиуи имел наглость построить храмовую пирамиду выше, чем любая в четырех кварталах Теночтитлана, юй-тлатоани Ашаякатль с полным на то основанием возмутился. А возмутившись, приказал своим магам воздействовать на безмерно возгордившегося соседа.

Не знаю, правда ли это, но говорят, что вырезанное на стене тронного зала каменное лицо Мокуиуи неожиданно заговорило с живым правителем, причем высказалось относительно его мужского достоинства столь оскорбительно, что Мокуиуи схватил боевую дубинку и обрушил ее на рельеф. Но потом, ночью, когда он отправился в постель со своей Первой Госпожой, с ним завели беседу на ту же самую тему срамные губы его супруги. Эти удивительные события страшно напугали Мокуиуи, не говоря уж о том, что действительно лишили его мужской силы, так что правитель перестал уединяться даже с наложницами. Однако он по-прежнему ни в какую не желал уступить и признать свою зависимость от Чтимого Глашатая. Кончилось тем,

что незадолго до того, как отец меня повез в столицу, Ашаякатль занял Тлателолько силой, применив оружие.

Он собственноручно сбросил Мокуиуи с вершины его непристойно высокой пирамиды и вышиб тому мозги. Таким образом, ко времени нашего с отцом прибытия, случившегося всего-то через несколько месяцев после этого события, Тлателолько, оставаясь по-прежнему чудесным городом храмов, дворцов и пирамид, вошел в состав Теночтитлана и стал его пятым, торговым кварталом.

Тамошний гигантский открытый рынок показался мне по размеру таким же большим, как весь наш остров Шалтокан, но только более богатым и многолюдным и несравненно более шумным. Пешеходные проходы разделяли рынок на участки, где торговцы выкладывали свои товары на лавки или подстилки. Каждый участок предназначался для торговли определенным видом товаров. Там имелись ряды для продавцов золотых и серебряных украшений, перьев и изделий из них, овощей и приправ, мяса и рыбы, тканей и кожевенных изделий, рабов и собак, посуды глиняной и металлической, медных изделий, лечебных снадобий и снадобий, дарующих красоту, веревок, канатов, пряжи, певчих птиц, обезьян и различных домашних животных. Впрочем, этот рынок был восстановлен, и вы наверняка его видели. Хотя мы с отцом заявились туда рано утром, торг уже шел вовсю. Большинство покупателей были масехуалтин, как и мы, но встречались и представители знати, властно указывавшие на интересовавшие их товары, предоставляя торговаться сопровождавшим их слугам.

К счастью, мы пришли достаточно рано, чтобы застать на месте торговца, чей товар был настолько скоропортящимся, что к середине утра его уже не оставалось. Среди всей предлагавшейся покупателям снеди это лакомство считалось самым изысканным деликатесом, ибо то был снег, снег с вершины горы Истаксиуатль. Доставленный быстроногими гонцами с расстояния в десять долгих прогонов, он сохранялся в толстостенных глиняных горшках, под кипами циновок. Одна порция снега стоила два десятка бобов какао, что составляло среднюю поденную плату работника во всем Мешико. За четыреста бобов можно было купить здорового, крепкого раба, так что если мерить по весу, снег оказывался дороже даже лучших изделий из золота и серебра. Позволить себе столь редкостное освежающее лакомство могли лишь немногие богатые люди, однако торговец заверил нас в том, что его товар всегда распродается, прежде чем снег успевает растаять.

– А вот я, – проворчал отец, – хорошо помню, как в Суровые Времена, в год Первого Кролика, снег падал с неба аж шесть дней кряду. Его можно было брать даром, сколько угодно, но люди считали это бедствием.

Однако продавец на эти его слова никак не отреагировал, да и сам отец тут же смягчился и сказал:

– Ну что ж, раз сегодня у мальчика седьмой день рождения… Сняв наплечную суму, он отсчитал двадцать бобов какао и вручил их торговцу. Тот осмотрел их, удостоверился, что ни один из бобов не выдолблен изнутри и не наполнен для веса землей, а потом открыл свой кувшин, зачерпнул оттуда столовую ложку драгоценного лакомства, вложил его в сделанный из свернутого листа кулек, полил сверху сладким сиропом и вручил мне.

Я нетерпеливо впился в угощение зубами и от неожиданности чуть не выронил его. Лакомство оказалось таким холодным, что у меня заломило нижние зубы и лоб, но за всю свою жизнь мне не доводилось пробовать ничего более вкусного. Я протянул кусок отцу, предлагая попробовать. Он лизнул его разок языком, явно посмаковал и насладился не меньше меня, но сделал вид, что больше не хочет.

– Не кусай его, Микстли, – сказал он. – Лучше лижи: и зубы не заболят, и на дольше хватит.

Затем он купил то, что велела мать, и отослал носильщика с покупкой к нашей лодке, после чего мы с ним снова пошли на юг, к центру города. Многие из самых обычных домов

Теночтитлана имели по два, а то и по три этажа, но некоторые были еще выше, ибо почти все здания там, дабы уберечься от сырости, были построены на сваях. Дело в том, что остров нигде не поднимался над уровнем озера Тескоко выше чем на два человеческих роста. В те времена Теночтитлан во всех направлениях пересекали каналы, которых было почти столько же, сколько и улиц, так что сплошь и рядом люди, идущие по мостовой, запросто могли разговаривать с плывущими по воде. На одних перекрестках мы видели снующие туда-сюда толпы пешеходов, на других – проплывавшие мимо каноэ. На некоторых из них шустрые лодчонки перевозили людей по городу быстрее, чем те могли передвигаться пешком.

Попадались и личные акалтин знатных людей: вместительные, ярко разрисованные и великолепно украшенные, с балдахинами, защищавшими от солнца. Улицы имели гладкое, прочное глиняное покрытие, берега каналов были выложены кирпичом. Во многих местах, где вода в канале стояла почти вровень с мостовой, переброшенные через протоку мостки можно было откинуть в сторону, чтобы дать пройти лодке.

Точно так же, как сеть каналов, по существу, делала озеро Тескоко частью города, так и три главных проспекта делали сам город частью материка. Покидая пределы острова, эти широкие дороги тянулись по Великой Дамбе к берегам озера, так что можно было свободно добраться пешком до любого из пяти соседних городов, лежавших на севере, западе и юге. Еще одна дамба не предназначалась для пешеходов, ибо представляла собой акведук. По ней проходил желоб шириной и глубиной в два размаха человеческих рук. По этому желобу, выложенному плиткой, на остров поступала (да и по сию пору поступает) свежая вода из расположенного к юго-западу от столицы источника Чапультепек.

Поскольку все сухопутные и водные пути сходились в Теночтитлане, мы с отцом имели возможность полюбоваться подлинным парадом товаров и изделий, произведенных во всех уголках Мешико и за его пределами. Улицы заполняли носильщики, перетаскивавшие на спинах грузы, крепившиеся с помощью наброшенных на лоб лямок, а по каналам нескончаемым потоком двигались каноэ, доверху нагруженные товарами, предназначенными для продажи на большом рынке Тлателолько или уже купленными там. На других лодках, направлявшихся к дворцам, сокровищницам и государственным складам, доставлялись подати из провинций и дань, уплачивавшаяся покоренными племенами. Одного лишь многообразия корзин с фруктами было достаточно для того, чтобы составить представление о размахе торговли. Гуавы и медовые яблоки из земель отоми, что на севере, соседствовали с выращенными тотонаками у Восточного океана ананасами, а желтые папайи, привезенные из западного Мичоакана, с красными – из Чиапана, что на дальнем юге. Из южной страны сапотеков, как говорят, получившей название как раз по этому фрукту, везли сапатин, мармеладные сливы.

Оттуда же, из страны сапотеков, доставляли мешочки с маленькими сушеными насекомыми, вываривая которых получали яркие красители нескольких оттенков красного цвета. Из ближнего Шочимилько поступали цветы и растения, столь разнообразные и в таком количестве, что в это трудно было поверить, а из дальних южных джунглей – клетки с разноцветными птицами и целые тюки их перьев. Жаркие Земли, лежащие на западе и востоке, снабжали Теночтитлан какао, из которого изготовляют шоколад, и черными стручками – сырьем для получения ванили. Обитавшие на юго-восточном побережье ольмеки слали на продажу товар, давший имя самому этому народу, – оли, упругие полоски затвердевшего сока, идущие на изготовление мячей для нашей игры тлачтли. Даже Тлашкала, страна, извечно враждовавшая с Мешико, присылала сюда свой драгоценный копали, ароматную смолу, служившую основой для многих мазей, масел и благовоний.

Носильщики тащили на спинах коробы и клети с маисом, бобами и хлопком, целые связки оглушительно кричавших живых хуаксоломе (крупных, черных с красными бородками птиц, которых вы называете галльскими павлинами) и корзины с их яйцами, клетки с не умеющими лаять, лишенными шерсти съедобными собаками течичи, кроличьи тушки, оленьи и

кабаньи окорока, кувшины со сладким водянистым соком магуйиш или более густым и клейким продуктом брожения того же сока, хмельным напитком под названием октли.

Отец как раз указывал мне на все эти товары и объяснял, что есть что, когда чей-то голос прервал его:

– Всего за два какао-боба, мой господин, я расскажу о дорогах и днях, ждущих впереди твоего сына Микстли, отпраздновавшего седьмой день рождения.

Мой отец обернулся. У его локтя стоял согбенный низкорослый старикашка, который и сам по виду смахивал на боб какао. Не исключено, что когда-то он был гораздо выше ростом, но с возрастом, который, однако, трудно было определить по его виду, усох и съежился. Если подумать, старик, пожалуй, во многом походил на нынешнего меня. Он ладонью вверх протянул вперед обезьянью руку и снова повторил:

– Всего два боба, мой господин. Но отец покачал головой и учтиво сказал: – Для того чтобы узнать будущее, принято обращаться к прорицателю.

– А скажи-ка, – молвил согбенный коротышка, – а случалось ли, чтобы при посещении этих хваленых прорицателей кто-то из них с первого взгляда узнал в тебе мастера из каменоломен Шалтокана?

– Так ты, значит, настоящий провидец! – удивленно выпалил отец. – Ты способен прозревать будущее. Но тогда почему…

– Почему я расхаживаю в лохмотьях с протянутой рукой? Потому что я говорю правду, а люди мало ее ценят. Так называемые прорицатели едят священные грибы, приносящие им видения, а потом невнятно толкуют эти свои сны, потому что за невнятицу больше платят. А я просто вижу, что в твои костяшки въелась известковая пыль, однако ладони не покрыты мозолями, какие оставляет кувалда каменотеса или резец скульптора. Понял? Тайна моей прозорливости стоит так дешево, что я раскрываю ее даром.

Я рассмеялся. Рассмеялся и мой отец, который заявил: – Ты забавный старый мошенник. Но у нас много дел в других местах…

– Постой, – настойчиво сказал старик. Он наклонился (при его-то росточке это было не так уж трудно) и всмотрелся в мои глаза. Я в ответ уставился прямо на него.

Можно было предположить, что этот старый попрошайка, находясь где-то поблизости, когда отец покупал мне лакомый снег, подслушал упоминание о том, что я праздную седьмой день рождения, и принял нас за деревенских простаков, каких городские пройдохи легко обводят вокруг пальца. Но впоследствии, по прошествии немалого времени, события повернулись так, что я изо всех сил старался вспомнить все сказанное им тогда слово в слово…

Старик внимательно всмотрелся в глубину моих глаз и вполголоса пробормотал:

– Любой прорицатель может устремить взгляд вдоль дорог и дней. Даже если он и вправду увидит то, чему суждено произойти, его и будущее надежно разделяют время и расстояние, а значит, самому провидцу от такого знания нет ни вреда, ни пользы. Но тонали этого мальчика состоит в том, чтобы пристально смотреть на сущее и происходящее в этом мире, видеть вещи и дела близкими и простыми и постигать их значение. – Он выпрямился. – Поначалу, мальчик, эта способность покажется тебе никчемной, однако сей тип прозорливости – видение того, что вблизи, – позволит тебе различать истины, которые смотрящие вдаль способны проглядеть. Если ты сумеешь извлечь пользу из своего таланта, это поможет тебе стать богатым и великим.

Мой отец терпеливо вздохнул и полез в свой мешок. – Нет-нет, – возразил старик. – Я не пророчествую твоему сыну богатство или славу. Я не обещаю ему руку прекрасной дочери вождя или честь стать основателем выдающегося рода. Мальчик Микстли узрит истину, это так. Но он не только ее узрит, он еще и поведает о ней, а это чаще приносит бедствия, чем награды. За такое двусмысленное предсказание, господин, я не прошу мзды.

– Все равно возьми, старик, – сказал мой отец и сунул ему один боб. – Бери, только ничего больше нам не предсказывай.

В центре города торговля шла не так оживленно, как в рыночном квартале, но народу было не меньше, ибо все горожане, не занятые важными делами, стягивались к площади, чтобы присутствовать на церемонии. Осведомившись у какого-то прохожего, какой сегодня ожидается ритуал, отец выяснил, что собираются освящать Камень Солнца в связи с присоединением Тлателолько. Большинство собравшихся принадлежали, как и мы, к простонародью, но и пипилтин было столько, что хватило бы, дабы населить одной только знатью внушительных размеров город. Так или иначе, мы с отцом не зря поднялись спозаранку.

Хотя людей на площади уже собралось больше, чем шерстинок на голове у кролика, они не до конца заполнили эту огромную территорию. Мы могли свободно передвигаться и обозревать различные достопримечательности.

В те времена центральная площадь Теночтитлана – Кем-Анауак Йойотли, Сердце Сего Мира – еще не обладала тем поражающим воображение великолепием, какое она обрела впоследствии. Ее еще не обнесли Змеиной Стеной, а Чтимый Глашатай Ашаякатль по-прежнему жил во дворце своего покойного отца Мотекусомы, в то время как новый дворец уже строился для него наискосок через площадь. Новая Великая Пирамида, заложенная еще тем, первым Мотекусомой, не была закончена. Ее пологие каменные стены и лестницы с перилами в виде змей заканчивались высоко над нашими головами, тогда как старая, не столь грандиозная пирамида оставалась внутри. Однако даже в таком виде площадь вполне могла вызвать у деревенского мальчишки вроде меня благоговейный трепет. Отец рассказал, что как-то раз он измерил шагами одну сторону площади: получилось шестьсот ступней. Все это огромное пространство – шестьсот человеческих ступней с севера на юг и столько же с востока на запад – было вымощено мрамором, камнем, превосходящим белизной даже известняк Шалтокана. Мрамором, отполированным до блеска и сиявшим как тецкаль, так называется зеркало. Многим людям, явившимся в тот день на площадь в обуви с гладкими кожаными подошвами, пришлось, чтобы не скользить, разуться и ходить босыми.

Оттуда, с площади, начинались три самые широкие городские улицы, по каждой из которых в ряд могли пройти до десятка человек. На берегу озера улицы переходили в дороги, ведущие по дамбам к материку. Храмов, изваяний и алтарей в ту пору на площади было меньше, чем стало в последующие годы, однако скромные теокальтин со статуями главных богов города уже возвели, а на украшенном искусной резьбой выступе красовались черепа наиболее примечательных ксочимикуи, принесенных тому или иному из этих богов в жертву. Имелись здесь также площадка для игры в мяч, где пред очами Чтимого Глашатая разыгрывались ритуальные партии в тлачтли, и Дом Песнопений с удобными помещениями для известных певцов, танцоров и музыкантов, выступавших на площади во время религиозных праздников. В отличие от многих иных зданий Дом Песнопений не был впоследствии полностью уничтожен. Его восстановили, и сейчас, до завершения строительства вашего кафедрального собора Святого Франциска, он служит временной резиденцией его преосвященства сеньора епископа. Собственно говоря, о писцы моего господина, в одном из помещений этого Дома Песнопений мы с вами сейчас и находимся.

Верно рассудив, что семилетний мальчик едва ли особо заинтересуется религиозными или архитектурными достопримечательностями, отец повел меня прямиком к стоявшему на юго-восточной оконечности площади зданию, вмещавшему значительно разросшуюся в последующие годы коллекцию редких животных и птиц, принадлежавшую самому юй-тлатоани. Начало ей положил покойный правитель Мотекусома, задумавший выставить для всеобщего обозрения зверей и птиц, обитающих в разных частях его державы. Здание было разделено на множество отсеков – от крохотных каморок до просторных залов, – а отведенный от ближайшего канала желоб с проточной водой обеспечивал возможность постоянного смывания нечистот.

Каждое помещение выходило в коридор, по которому двигались посетители, но отделялось от него сеткой или, в некоторых случаях, прочной деревянной решеткой. Различные виды живых существ содержались порознь, вместе их помещали лишь в тех случаях, если они не враждовали и не мешали друг другу.

– А они всегда так орут? – крикнул я отцу, стараясь перекрыть рев, вой и пронзительные вопли.

– Точно не знаю, – ответил он, – но сейчас некоторые звери, из числа хищных, голодны. Некоторое время их специально не кормили, ибо в ходе церемонии будут принесены жертвы. Тела убитых скормят ягуарам, кугуарам, койотам и цопилотин, плотоядным птицам.

Я рассматривал самое крупное из водившихся в наших краях животное – безобразного, громоздкого и медлительного тапира, покачивавшего выступающим вперед рылом, когда вновь послышался знакомый голос:

– Эй, мастер каменоломен, почему ты не покажешь сыночку зал текуани?

Бросив раздраженный взгляд на говорившего, того самого сморщенного смуглого старикашку, который цеплялся к нам с пророчеством, отец поинтересовался: – Ты что, следишь за нами, старый надоеда?

Старик пожал плечами. – Я просто притащил свои древние кости сюда, посмотреть на ритуал освящения Камня Солнца.

Потом он жестом указал на закрытую дверь в дальнем конце коридора и сказал мне:

– Вот там, сынок, уж точно есть на что посмотреть. Люди-звери гораздо интереснее, чем простые животные. Знаешь ли ты, например, что такое тлакацтали? Это человек с виду самый обычный, но мертвенно-белый. Там есть такая женщина. А еще там есть карлик, у которого имеется только половина головы. Его кормят…

– Замолчи! – тихо, но строго велел отец. – У мальчика сегодня праздник. Я хочу доставить ему удовольствие, а не пугать ребенка видом жалких, несчастных уродцев.

– Ладно, ладно, – проворчал старик. – Попадаются ведь и такие, кто как раз наибольшее удовольствие получает, глядя на убогих да увечных. – Он посмотрел на меня, и глаза его сверкнули. – Ну что ж, юный Микстли, несчастные все еще будут там, когда ты войдешь в подходящий возраст, чтобы над ними насмехаться. Рискну предположить, что к тому времени диковин, еще более забавных и поучительных, в зале текуани только прибавится.

– Замолчишь ты наконец или нет? – взревел отец. – Прошу прощения, мой господин, – отозвался согбенный старик, сгорбившись еще больше. – Позволь мне загладить свою дерзость. Уже почти полдень, и церемония скоро начнется. Если мы пойдем прямо сейчас и займем хорошие места, может быть, я сумею растолковать мальчику, да и тебе тоже, некоторые вещи, в которых вы иначе можете и не разобраться.

Теперь площадь была набита битком, люди стояли впритык, плечом к плечу. Нам ни за что не удалось бы подобраться сколь бы то ни было близко к Камню Солнца, когда бы не странный старик. Дело в том, что самые знатные люди стали подтягиваться к площади в последний момент. Их несли на задрапированных, ярко разукрашенных креслах-носилках, и толпа, состоявшая из простых людей, сколь бы тесной она ни была, торопливо расступалась, давая знати дорогу. А вот наш горбун, ничуть не робея, протискивался следом за носилками. Мы шли позади него и, таким образом, оказались почти в самых первых рядах, среди важных разодетых особ. Меня чуть не затолкали, но отец поднял меня и посадил на плечо, чтобы лучше было видно.

– Я могу поднять и тебя, – промолвил он, взглянув вниз, на старика. – Спасибо на добром слове, мой господин, – отозвался тот, – но я тяжелее, чем кажусь с виду.

Все взгляды устремились на Камень Солнца, установленный по этому случаю на уступе, между двумя широкими лестницами незаконченной Великой Пирамиды. Правда, сам камень

пока был укрыт покрывалом из сияющего белого хлопка, поэтому я принялся во все глаза рассматривать носилки и одеяния знатных особ. Там было на что посмотреть. И мужчины и женщины красовались в мантиях, сотканных исключительно из перьев, иногда – многоцветных, иногда – переливчатых, а порой – сияющих разными оттенками одного цвета.

Волосы знатных женщин, как и приличествовало на столь важной церемонии, были окрашены пурпуром, к тому же они высоко поднимали руки, показывая браслеты и унизывавшие их пальцы перстни. Однако знатные мужи носили еще больше великолепных украшений, чем их жены и дочери. Головы вельмож покрывали золотые диадемы с пышными венцами из перьев, шеи украшали золотые цепи с медальонами, а уши, ноздри или губы – золотые серьги и кольца (иногда украшения имелись во всех трех местах).

– А вот и Верховный Хранитель святилища богини Сиуакоатль, – промолвил наш проводник. – Змей-Женщина, второе по значимости лицо после самого Чтимого Глашатая.

Я вытаращил глаза, рассчитывая и вправду увидеть женщину-змею, то есть кого-то из тех загадочных «людей-зверей», на которых мне так и не позволили взглянуть, но Верховным Хранителем оказался обычный пили, причем мужчина, выделявшийся среди прочих лишь еще большей роскошью одеяния. Его нижнюю губу, делая его похожим на рыбину с разинутым ртом, оттягивало удивительно тонкой работы золотое украшение в виде миниатюрной змеи, которая, в то время как сановник покачивался на носилках, извивалась и высовывала крохотный раздвоенный язычок в такт шагам носильщиков.

Покосившись на меня и, видимо, заметив на моем лице разочарование, старик рассмеялся.

– Змей-Женщина, сынок, это всего лишь титул, а не описание человека, – пояснил он. – Его получает каждый Верховный Хранитель святилища богини Сиуакоатль. Так повелось издавна, хотя вряд ли кто-нибудь может толком объяснить почему. Мне лично кажется, все дело в том, что и змеи, и женщины плотными кольцами сворачиваются вокруг любого сокровища, которое могут удержать.

Но тут гомон заполнявшей площадь толпы стих: появился сам юй-тлатоани. То ли он прибыл незамеченным, то ли прятался где-то рядом, но, так или иначе, совершенно неожиданно верховный правитель вдруг возник рядом с укутанным покрывалом Камнем Солнца. Лицо его было трудно разглядеть, ибо нос и уши скрывали золотые пластины, такая же пластина красовалась на губе, а чело затенял пышный венец из алых, вздымавшихся вверх и ниспадавших дугой на плечи перьев ары. Тело правителя тоже почти полностью скрывали одежды и украшения. На груди сиял огромный, искусной работы медальон, бедра опоясывала повязка из тонко выделанной красной кожи, а оплетавшие ноги до колен золоченые ремешки поддерживали сандалии, сделанные, похоже, из чистого золота.

По обычаю все мы, собравшиеся на площади, должны были при его появлении совершить обряд тлалкуалицтли – преклонить колени и коснуться пальцем земли, а потом губ. Чтимый Глашатай Ашаякатль ответил на общее приветствие кивком, всколыхнувшим алые перья венца, и поднятием вырезанного из красного дерева и отделанного золотом скипетра, одного из символов верховной власти.

Разительный контраст с блистающим великолепием Ашаякатля являла окружавшая его толпа жрецов – в грязных, вонючих одеждах, с черными от запекшейся грязи лицами и длинными, спутавшимися и слипшимися от крови волосами.

Чтимый Глашатай вознес хвалу Камню Солнца, тогда как жрецы всякий раз, когда он умолкал, чтобы перевести дух, заполняли паузы пением заклинаний. Нынче я уже не могу припомнить слова Ашаякатля, да и в ту пору, надо полагать, едва ли мог полностью понимать их значение. Но суть сводилась к следующему: поскольку Камень Солнца есть изображение и символ бога солнца Тонатиу, честь, воздаваемая ему, воздается одновременно и главному богу Теночтитлана Уицилопочтли, Южному Колибри.

Я уже рассказывал о том, что мы почитали одних и тех же богов в разных обличьях и под разными именами. Так вот, Тонатиу был солнцем, а без солнца, как известно, существовать невозможно, ибо все живое на земле погибло бы, лишившись его тепла. Жители Шалтокана, как и многие другие народы, поклонялись ему именно в этом качестве. Однако казалось очевидным, что солнце, дабы продолжить свои неустанные труды и каждодневное горение, требует насыщения, – а в чем из того, что могли предложить ему люди, было больше живительной силы и энергии, чем в том, что даровал нам сам этот бог? Я имею в виду человеческую жизнь. И если бог солнца был добр, то другим его воплощением являлся свирепый бог войны Уицилопочтли, под чьим водительством наше воинство добывало пленных, необходимых для свершения жертвенных обрядов. И именно в этом суровом его обличье Уицилопочтли более всего почитали здесь, в Теночтитлане, потому что именно в этом городе планировались и объявлялись все войны и здесь же собирались воины. А под еще одним именем – Тескатлипока, Дымящееся Зеркало, – солнце было главным богом наших соседей – аколхуа. И сдается мне, что все бесчисленные народы, о которых я и не слышал, даже живущие за морем, по которому приплыли вы, испанцы, наверняка почитают того же самого бога, только называют его каким-то другим именем, а то и разными именами, в зависимости от того, каким – улыбающимся или хмурым – они его видят.

Пока юй-тлатоани произносил речь, жрецы распевали священные песнопения, а музыканты подыгрывали им на флейтах из человеческих костей и на барабанах из человеческой же кожи, сморщенный старик потихоньку поведал нам с отцом историю Камня Солнца.

– К юго-востоку отсюда находится страна чаика. Когда двадцать два года назад покойный правитель Мотекусома покорил тамошний народ, им, естественно, пришлось преподнести Мешико подношение. Двое молодых чаика, родные братья, вызвались изготовить каждый по монументальному изваянию для установки здесь, в Сердце Сего Мира. Братья выбрали сходные камни, но обрабатывали их по-разному, работали по отдельности и никому ничего не показывали.

– Ну уж их жены-то наверняка подсмотрели, – заметил отец, ибо его собственная жена точно не упустила бы такой возможности.

– Целых двадцать два года, пока они обрабатывали и окрашивали камни, никто ничего не видел, – упрямо повторил старик. – За это время оба скульптора достигли среднего возраста, а Мотекусома отправился в загробный мир. Потом братья запеленали свои произведения в циновки, и правитель земель чаика отрядил примерно тысячу сильных, крепких мужчин, чтобы перетащить эти камни сюда, в столицу. – Старик махнул рукой в сторону все еще скрытого покрывалом предмета, стоящего на уступе. – Как вы видите, Камень Солнца огромен. Высотой он в два человеческих роста, а весит столько же, сколько триста двадцать взрослых мужчин. Второй камень был примерно таким же. Их доставляли по лесным тропам, а то и вовсе по бездорожью: то катили, подкладывая круглые бревенчатые катки, то волокли на деревянных слегах, а через реки переправляли на мощных плотах. Только представьте себе, каких это стоило трудов, сколько пролилось пота и было сломано костей и сколько людей пало замертво, не выдержав напряжения и безжалостных плетей надсмотрщиков!

– А где второй камень? – спросил я, но мой вопрос остался без ответа.

– Наконец они пересекли на плотах озера Чалько и Шочимилько, после чего вышли к главной дороге, что вела на север, в Теночтитлан. Оттуда до этой площади оставалось не более двух долгих прогонов, причем по широкой, ровной дороге. Ваятели вздохнули с облегчением. Наконец-то плоды их многолетнего усердного труда, ценой чудовищных усилий многих людей, оказались совсем недалеко от цели…

Толпа вокруг нас зашумела. Примерно двадцать человек, чья кровь должна была в тот день освятить Камень Солнца, выстроились в очередь, и первый из них уже начал подниматься по ступенькам пирамиды. Оказалось, что это просто пленный вражеский воин, плотный муж-

чина примерно тех же лет, что и мой отец, всю одежду которого составляла лишь чистая белая набедренная повязка. Выглядел он изможденным и несчастным, но к жертвеннику поднимался по своей воле, не связанный и не понукаемый стражей. Остановившись на уступе, пленник бесстрастно оглядел толпу, в то время как жрецы размахивали своими дымящимися курильницами и производили руками и посохами ритуальные жесты. Потом один жрец взял ксочимикуи за плечи, мягко развернул его и помог лечь спиной на камень – прямо перед задрапированным покрывалом монументом. Каменный жертвенник был высотой по колено и имел форму маленькой пирамиды, так что когда человек ложился на него, его тело выгибалось дугой и грудь выпирала вверх, словно подаваясь навстречу клинку.

Ксочимикуи лежал распростершись, четверо помощников жреца удерживали его за руки и за ноги, а позади него стоял главный жрец – палач, державший широкий, почти как мастерок строителя, черный обсидиановый нож. Но прежде чем жрец успел совершить ритуальное движение, распятый человек поднял свисавшую голову и что-то произнес. Среди стоявших на уступе произошел разговор, после чего жрец вручил свой ритуальный нож Ашаякатлю. В толпе послышался удивленный гомон. По непонятной причине этому ксочимикуи была оказана высокая честь – принять смерть от руки самого юй-тлатоани.

Ашаякатль не мешкал и не колебался. С искусством, сделавшим бы честь любому жрецу, он вонзил острие ножа в грудь жертвы. Удар пришелся с левой стороны, пониже соска, между двух ребер. Произведя разрез, правитель повернул широкий клинок в ране, чтобы ее расширить, запустил свободную руку во влажное окровавленное отверстие и, схватив в горсть все еще бившееся сердце, вырвал его из сплетения сосудов. И только тогда, только в этот миг, приносимый в жертву издал рыдающий стон, первый за все время свершения ритуала звук боли и последний звук в своей жизни.

Когда Чтимый Глашатай высоко поднял поблескивавший, сочившийся кровью пурпурно-красный комок, скрывавшийся где-то жрец дернул за веревку. Белое покрывало спало, и толпа восхищенно ахнула: взорам людей предстал Камень Солнца. Ашаякатль повернулся, протянул руку, поместил сердце жертвы в самый центр круглого камня, в рот высеченного на нем рельефного лика бога Тонатиу, и стал втирать его в камень. Это продолжалось до тех пор, пока комок не растерся в кровавую кашицу и рука правителя не опустела. Впоследствии жрецы рассказывали мне, что отдавший сердце умирает не сразу и успевает увидеть, что происходит с его сердцем. Но этот малый едва ли что-то разобрал, ибо высеченный на камне лик солнца уже был окрашен в пурпур и кровь на губах бога была практически неразличима.

– Чистая работа, – промолвил скрюченный старик. – Я часто видел, как вынутое сердце продолжало биться столь энергично, что выпрыгивало из пальцев жреца. Но это сердце, скорее всего, было разбито задолго до сегодняшнего обряда.

Теперь ксочимикуи лежал совершенно неподвижно, разве что кожа его то здесь, то там слегка подергивалась, как у собаки, которую донимают мухи. Жрецы сняли его тело с жертвенника и бесцеремонно сбросили с уступа вниз. Второй из предназначенных в жертву уже поднимался вверх по ступеням, но ни ему, ни последовавшим за ним Ашаякатль такой чести не оказал, предоставив совершать ритуал жрецам. По мере того как церемония продолжалась – извлеченное сердце каждого следующего человека растиралось на Камне Солнца, – я внимательно рассматривал этот массивный предмет, чтобы потом во всех подробностях описать его своему другу Тлатли. В ту пору он уже начал осваивать ремесло ваятеля, хотя пока еще лишь вырезал из дерева кукол.

Ййо, аййо, преподобные братья, если бы вы только могли увидеть этот Камень Солнца! По вашим лицам видно, что описание церемонии вызывает у вас неодобрение, но случись вам хотя бы единожды узреть этот камень, вы бы поняли, что он стоил всех долгих трудов и всех тех человеческих жизней.

Одна только резьба поражала воображение, ибо была выполнена по профириту, камню, не уступавшему по твердости граниту. В центре красовалось лицо Тонатиу с открытыми глазами и разинутым ртом, а по обеим сторонам – его когти, хватавшие человеческие сердца, каковые служили этому божеству пищей. Изображение окружали символы четырех эпох, предшествовавших нынешней; круг, включавший в себя двадцать наименований дней нашего цикла; и круг дополнительных символов, выложенный из жадеита и бирюзы, поделочных материалов, ценившихся в наших краях очень высоко. Этот круг был, в свою очередь, замкнут в круг солнечных лучей, а наружное кольцо составляли два опоясывавших камень изображения Огненного Змея Времени. Хвосты их смыкались на вершине камня, гибкие тела охватывали его, а головы сходились в нижней части. Всего на одном лишь камне художнику удалось символически запечатлеть все наше мироздание, все наше время.

Камень Солнца был окрашен в яркие цвета, но краски при этом не смешивались, а расчетливо и умело были наложены лишь там, где это требовалось. Порфир – камень, который состоит из кусочков слюды, полевого шпата и кварца, – как и все кристаллические вкрапления, художник закрашивать не стал. Таким образом, когда на камень падали полуденные лучи самого солнца, которому этот шедевр был посвящен, все крохотные кристаллики сияли среди светящихся красок подлинным светом самого Тонатиу.

И весь этот величайший шедевр казался не столько окрашенным, сколько светящимся изнутри. Однако, я думаю, в это трудно поверить на слово, его следовало бы увидеть своими глазами во всей его изначальной славе. Хотя, может быть, то был просто восторг пребывавшего во мраке невежества маленького язычника.

Тем временем старец продолжил рассказ, и я, отвлекшись от разглядывания камня, вернул свое внимание ему.

– Никогда прежде по проходившей по дамбе дороге к городу не перевозили столь тяжелых грузов. Два огромных камня, изделия двух братьев, передвигали на катках, и насыпь, не выдержав, просела. Камень, который катили первым, сорвался и рухнул в озеро Тескоко, но следующий успели остановить в самый последний момент. Тащить его дальше не решились: камень перекатили на плот и доставили на остров по воде. Его-то вы сейчас и видите, это Камень Солнца.

– А что стало с другим? – поинтересовался мой отец. – Неужели после стольких трудов и усилий нельзя было пойти на дополнительные расходы?

– Утонувший камень пытались достать, мой господин, – ответил старик. – Самые опытные ныряльщики раз за разом исследовали место, где утонул первый камень, но, увы, дно озера Тескоко покрыто очень толстым слоем мягкого, липкого ила. Его прощупывали длинными шестами, но так ничего и не обнаружили. Так что этот камень, каким бы он ни был, пропал навеки.

– Каким бы он ни был? – переспросил отец. – Никто, кроме самого художника, никогда его не видел. И никто никогда его не увидит. Возможно, он был даже более великолепен, чем этот, – старик указал на Камень Солнца, – но узнать, так ли это, нам не суждено.

– А разве сам художник не рассказывал о своем творении? – спросил я.

– Нет. Он не рассказывал ничего. Я не отставал: – Ну а разве он не мог повторить то, что создал однажды? Тогда я еще не представлял себе, что такое двадцать два года. – Может быть, и мог бы, но он не стал этого делать, ибо воспринял случившееся несчастье как проявление своего тонали, как знак того, что его подношение отвергнуто богами. Чтимый Глашатай удостоил художника чести принять Цветочную Смерть от его руки. Отвергнутый ваятель сам решил стать первой жертвой, посвященной Камню Солнца.

– Работе своего брата, – пробормотал отец. – Ну а что стало с его братом?

– Он получил богатые дары, добавку «цин» к имени и место среди знати. Но весь мир, включая его самого, будет вечно задаваться вопросом: а не было ли творение, покоящееся под

толстым слоем ила на дне озера Тескоко, еще более совершенным и великолепным, чем этот Камень Солнца?

Надо сказать, что со временем утонувший камень и вправду оброс легендами и стал цениться выше уцелевшего. Его прозвали Уиуитотетль, Достойный Камень, а Камень Солнца стали рассматривать лишь как его посредственный заменитель. Да и оставшийся в живых брат, кстати, так и не сотворил больше ничего выдающегося. Хуже того, он спился: воистину плачевная участь для человека, изваявшего шедевр и удостоившегося высоких отличий. Однако в нем сохранилось чувство собственного достоинства, и ваятель, дабы окончательно не покрыть позором обретенный им благородный сан, также вызвался участвовать в жертвенной церемонии. И когда второй брат умер Цветочной Смертью, его сердце тоже не выпрыгнуло из руки палача.

Ну а потом и сам Камень Солнца оказался утраченным, погребенным под руинами зданий Сердца Сего Мира, разрушенных вашими военными кораблями, пушечными ядрами и огненными стрелами. Но кто ведает: может быть, когда-нибудь и сам город Мехико, отстроенный вами на месте уничтоженного Теночтитлана, тоже будет разрушен до основания, а из-под его руин извлекут, во всем блеске его великолепия, Камень Солнца. А может быть, не только его, но и Достойный Камень, который прежде никому не доводилось видеть.

В тот же вечер мы с отцом отбыли домой на нашем составном акали, нагруженном купленными в городе товарами. Итак, я поведал вам о главных, самых памятных событиях того дня, ставшего мне подарком на седьмой день рождения. Думаю, то был самый радостный день рождения в моей жизни, а ведь жизнь мне выпала очень долгая.

Я рад, что смог увидеть Теночтитлан в тот день, ибо впоследствии мне уже никогда не доводилось видеть его таким. И дело не только в том, что город рос и менялся, или в том, что я возвращался в него пресыщенным впечатлениями. Я просто хочу сказать, что никогда уже больше не видел что-либо собственными глазами со столь отчетливой ясностью.

И если раньше я способен был различить очертания кролика на луне, звезду Вечерней Зари на сумеречном небе и символические детали на сотканных из перьев знаменах Теночтитлана или Камне Солнца, то, увы, по прошествии пяти лет с того памятного дня рождения я уже смог бы увидеть звезду Вечерней Зари, разве что какой-нибудь бог поднес бы ее к моим глазам. Мецтли, луна, даже самая полная и яркая, казалась мне невзрачным желто-белым шариком, не резко очерченным кругом, а размытым пятном.

Короче говоря, уже приблизительно с семилетнего возраста я начал терять зрение. Это поставило меня в исключительное положение, только вот, увы, ничего завидного в моем положении не было. Не считая слепых от рождения и ослепших вследствие раны или болезни, все мои соотечественники обладают острым зрением орлов и коршунов. Плохое зрение у нас в диковинку, и я, хотя глаза мои неуклонно слабели, стесняясь своего недуга, долгое время никому о нем не рассказывал. Когда кто-нибудь говорил, показав пальцем: «Эй, ты только посмотри!» – я восклицал: «А, да!» – хотя понятия не имел, о чем речь, следует ли мне таращиться в указанном направлении или, напротив, отвести глаза.

Мир виделся мне все более мутным, и, хотя беда эта не обрушилась на меня сразу, краски его неотвратимо тускнели. К девяти или десяти годам я различал предметы так же отчетливо, как и все, лишь примерно на расстоянии длины двух рук. Дальше очертания предметов начинали размываться, как будто я видел их сквозь прозрачную, но мутную водяную пленку. На более значительном расстоянии, скажем, если приходилось смотреть с вершины холма на

долину, все передо мной расплывалось и смешивалось, превращаясь в некое подобие одеяла с узором из размытых цветовых пятен. Однако поскольку вблизи я видел нормально, то мне по крайней мере не приходилось натыкаться на предметы и падать; когда меня просили принести что-то из соседней комнаты, я мог найти нужную вещь, не нашаривая ее на ощупь.

Но, увы, вдаль я видел все хуже и хуже. К тринадцати годам я хорошо различал предметы лишь на расстоянии одной руки и больше уже не мог скрывать свой недостаток от окружающих. А ведь до этого близкие и друзья считали меня просто небрежным или неуклюжим, а сам я, по мальчишеской глупости, предпочитал, чтобы во мне видели растяпу и неумеху, лишь бы только не прознали о моем недуге. Однако в конце концов правда вышла наружу: всем стало ясно, что с одним из пяти необходимых человеку чувств мне не повезло.

Родные и друзья отнеслись к этому неожиданному открытию по-разному. Мать заявила, что всему виной дурная наследственность с отцовской стороны: будто бы некий его дядюшка едва не умер из-за того, что, напившись пьяным, перепутал кувшин с октли с другим, похожим, в котором оказался едкий состав ксокоитль, использовавшийся для отбеливания сильно загрязненного известняка. Дядюшка выжил и даже бросил пить, однако ослеп и остался слепым до конца своих дней. По разумению матери, это плачевное наследие передалось и мне.

Отец в отличие от нее никого не винил и догадок не строил, а по большей части пытался меня утешить:

– Невелика беда, сынок, работе в карьере такой недостаток не помеха. Высматривать трещины и расколы в камне приходится не издали.

А мои сверстники (дети, как скорпионы, инстинктивно жалят очень больно), бывало, кричали мне:

– Эй, глянь-ка туда! Я прищуривался и говорил: – Ах, да. – Есть на что посмотреть, верно? Я щурился еще сильнее, отчаянно всматривался и говорил: – Верно.

Ребята заливались смехом и кричали насмешливо: – А там и нет ничего, Тоцани! Мои близкие друзья, такие как Чимальи и Тлатли, тоже, случалось, выкрикивали:

– Посмотри туда! – Но тут же быстро добавляли: – Гонец-скороход бежит к дворцу владыки Красной Цапли. На нем зеленая мантия благого вестника. Должно быть, наши войска одержали новую победу.

Моя сестра Тцитцитлини говорила мало, но всячески старалась сопровождать меня повсюду, куда бы мне ни приходилось идти, особенно в незнакомые места. Как правило, она брала меня за руку (со стороны любящей старшей сестры это было вполне естественно) и незаметно для других помогала обходить невидимые для меня препятствия, встречавшиеся на пути.

Однако детей, дразнивших меня, было больше, и прозвище Тоцани, которым сверстники меня наградили, вскоре заменило мое настоящее имя также и в устах их родителей. Взрослые, разумеется, называли меня так без злого умысла, особо не задумываясь, но в конечном счете все, кроме родителей и сестренки, перешли с имени на кличку. Постепенно я приспособился к своему физическому недостатку и научился держаться так, что моя близорукость особо не была заметна, но к тому времени прозвище уже прилипло ко мне намертво. По моему разумению, как раз настоящее имя Микстли, которое означает облако или тучу, теперь обрело иронический смысл и стало подходить мне больше, однако для окружающих я превратился в Тоцани.

Настоящий тоцани, маленький зверек, которого вы называете кротом, обитает под землей, в темноте, а когда изредка вылезает на поверхность, то обычный дневной свет слепит его, заставляя жмуриться. Он ничего не видит и не хочет видеть.

Я же, напротив, видеть очень хотел и в юности долгое время отчаянно сокрушался из-за своего недостатка. Прежде всего потому, что мне не суждено было стать игроком в мяч тлачтли и не приходилось надеяться на высокую честь – принять когда-либо участие в ритуальной игре при дворе Чтимого Глашатая.

Вздумай я стать воином, мне не только нипочем не удалось бы завоевать видное положение, но вообще следовало бы благодарить всех богов подряд, если бы удалось пережить хотя бы одно сражение. Пора было призадуматься: чем же я буду зарабатывать на жизнь? В каменоломни меня определенно не тянуло, но чем же в таком случае можно было заняться?

В мечтах я порой видел себя странствующим поденщиком. Такой род занятий мог в конечном счете завести меня далеко на юг, в страну майя. Поговаривали, будто тамошним лекарям известны чудодейственные снадобья, от которых едва ли не прозревают слепые. Вдруг они смогут вернуть мне былую зоркость, а с ней и возможность стяжать славу непобедимого игрока в тлачтли и героя сражений, а может, я даже смогу вступить в одно из трех сообществ благородных воителей?

Тем временем слепота замедлила свое угрожающее наступление: зрение перестало ухудшаться, я все так же мог хорошо видеть на расстоянии протянутой руки. Точнее сказать, ухудшаться-то зрение не перестало, но по сравнению с предыдущими годами этот процесс замедлился так сильно, что уже не казался столь пугающим. В настоящее время я могу различить невооруженным глазом черты лица моей жены не дальше чем в пяди от моего собственного. Теперь, когда я стар, это не имеет особого значения, но в молодости дело обстояло иначе.

Однако каковы бы ни были мои мечты и желания, мне пришлось приспосабливаться к жизни с ослабленным зрением. Тот странный старик из Теночтитлана, предсказание которого мы с отцом не слишком хорошо поняли, оказался прав: мой тонали и впрямь заставил меня «видеть вещи вблизи», причем не в каком-то там мистическом, а в буквальном смысле. А коль скоро мне приходилось присматриваться ко всему пристально, я и смотрел на предметы не так, как раньше, не бегло и торопливо, а неспешно и внимательно. Другие спешили, я ждал; другие неслись сломя голову, я проявлял осмотрительность. Я научился различать движение как таковое и движение, направленное на достижение определенной цели. Там, где другие, нетерпеливые, видели деревню, я видел ее жителей. Там, где другие видели жителей, я видел отдельных людей. В тех случаях, когда другие, скользнув по незнакомцу взглядом, кивали и торопились дальше, я рассматривал его вблизи и запоминал увиденное так подробно, что потом мог нарисовать этого человека. Причем сходство оказывалось таким, что даже столь способный художник, как Чимальи, восклицал:

– Надо же, Крот, ты уловил самую суть этого человека! Самое главное в его облике!

Я начал замечать то, что ускользает от внимания большинства людей, каким бы острым зрением они ни обладали. Вот вы, писцы моего господина, замечали, что маис растет быстрее ночью, чем днем? Замечали ли вы, что каждый початок маиса имеет четное количество рядов зерен? Ну не каждый, но почти каждый. Початок с нечетным количеством рядов встречается даже реже, чем листок клевера с четырьмя лепестками. А замечали ли вы, что нет двух пальцев – это относится не к одним только пальцам почтенных писцов, но, насколько я могу судить, к пальцам всех людей на свете, – которые имели бы на подушечках одинаковый узор тончайших линий и завитков? Не верите? А вы посмотрите на свои и сравните их. Попробуйте. Я подожду.

О да, я, конечно, понимал: в способности примечать такого рода детали не было какой-либо выгоды или пользы. Это получалось у меня само собой, служило своего рода упражнением, не преследовавшим какой-либо практической цели. Однако так было лишь поначалу. В конечном счете развившаяся вследствие недуга наблюдательность в сочетании со способностью точно изображать увиденное пробудили во мне интерес к нашему письму, которое основывается на рисунках.

На Шалтокане, к сожалению, не было школы, в которой изучался бы столь сложный предмет, однако я рыскал по всему острову в поисках любых письменных текстов, и когда мне попадался хотя бы обрывок письма, тщательно изучал его, изо всех сил стараясь постигнуть смысл и значение изображенного.

Думаю, в нашей системе изображения цифр разобраться нетрудно: раковина обозначает ноль, точки или пальцы – единицы, флаги – двадцатки, а маленькие деревья – сотни. Но я до сих пор помню, какое радостное волнение охватило меня, когда мне впервые удалось разгадать зашифрованное в картинке слово.

Мой отец, вызванный по делу к правителю, взял меня с собой, и пока они вели беседу в какой-то уединенной комнате, я сидел в приемной. Мне позволили посмотреть поименный список жителей нашей провинции. Найдя в нем первым делом себя (семь точек, цветок, серое облако), я принялся с интересом листать список дальше. Некоторые имена, как и мое собственное, угадывались легко просто потому, что я их знал. Так, найдя недалеко от своей страничку Чимальи, я, конечно, мигом узнал его три пальца, голову с утиным клювом, символизирующую ветер, и два переплетенных усика, представляющих дым, поднимающийся от оперенного по краям диска, – Йей-Эекатль Покуфа-Чимальи, или Третий Ветер, Дымящийся Щит.

Часто повторяющиеся рисунки было легко скопировать, ведь, в конце концов, детское имя у нас человек получал по дню рождения, а их в месяце было всего двадцать. Так что поразило меня вовсе не вполне очевидное прочтение составляющих элементов имени Чимальи и моего собственного, а нечто иное. На одной из страниц, ближе к концу списка, а следовательно, заполненной недавно, я обнаружил шесть точек, изображение, напоминавшее стоявшего на голове головастика, утиный клюв и цветок с тремя лепестками. Обнаружил и внезапно для себя понял, что я смог прочесть эту надпись! Шестая Дождинка, Цветок-на-Ветру. То было имя сестренки Тлатли, отпраздновавшей седьмой день рождения всего лишь на прошлой неделе.

Охватившее меня рвение несколько поумерилось после того, как я, листая слежавшиеся страницы и разыскивая другие повторяющиеся символы и знаки, убедился, что разобраться в них очень непросто. Как раз к тому времени, когда мне удалось (или я решил, будто мне удалось) прочесть еще одно имя, в приемную вышли правитель и мой отец.

Со смесью смущения и гордости я спросил: – Прошу прощения, владыка Красная Цапля. Не будешь ли ты добр сказать, прав ли я, считая, что на этой странице написано имя человека, которого зовут Второй Тростник, Желтый Глазной Зуб?

– Нет, это не так, – ответил правитель и, должно быть, заметив, как вытянулось мое лицо, терпеливо пояснил: – Там значится: Вторая Тростинка, Желтый Свет. Это имя прачки, работающей здесь, во дворце. С цифрой и тростником ты все понял правильно, но это и нетрудно. Понятие «желтый», кочтик, тоже легко обозначить, просто использовав этот цвет, о чем ты и догадался. Но тланикстелотль, «свет» – или, точнее, «стихия глаза» – есть нечто не вполне вещественное. Как можно изобразить столь отвлеченное понятие? Я использовал для этого изображение зуба, тланти, но лишь для того, чтобы передать «тлан», первую половину слова, а далее поместил образ ока, икстелотль, разъясняющий смысл. Получилось тланикстелотль, «свет». Понял?

Я кивнул, несколько раздосадованный собственной глупостью: мог бы и сам понять, что символы, используемые для письма, это не просто картинки, так что научиться читать сложнее, чем узнать зуб по рисунку. Правитель, однако, на тот случай, если до меня не дошло, дружелюбно похлопал меня по плечу и сказал:

– Письмо и чтение – это искусство, овладение которым требует усердия и долгой практики. Досуг для того, чтобы освоить его из любопытства, есть только у знати, но я восхищен твоей сообразительностью и тягой к познанию. Попомни мои слова, юноша: какую бы дорогу ты ни избрал, тебя на ней непременно ждет успех.

Рискну предположить, что сыну каменотеса следовало бы согласиться с прозрачным намеком правителя и заняться наследственным ремеслом. Раз уж слабое зрение не позволяло мне подвизаться на поприще, более отвечающем честолюбивым желаниям, я вполне мог бы удовлетвориться скучной, но надежной (как раз для «крота») работой в карьере, которая уж

всяко не оставила бы меня без пропитания. Разумеется, это сулило вовсе не ту жизнь, к которой я стремился в молодости, но можно сказать с уверенностью, что, избрав такой путь, я прожил бы отведенный мне срок спокойнее и безопаснее, чем последовав зову серд ца. Вот сейчас, мои господа, я вполне мог бы работать на строительстве, помогая вам возводить на месте старой столицы город Мехико. И если владыка Красная Цапля не ошибался в оценке моих способностей, не исключено, что построенный с моим участием город стал бы даже краше того, который создадут ваши зодчие и строители. Ну да ладно, оставим это, как и я сам в свое время оставил без внимания недвусмысленный намек правителя. Причем я сделал это, невзирая на неподдельную гордость отца своим ремеслом и его неустанные попытки привить любовь к своему делу и мне, невзирая на изводящие сетования матери, что я, дескать, стремлюсь добиться в жизни большего, нежели положено мне по рождению.

Все дело в том, что владыка Красная Цапля дал мне еще один намек, настолько важный, что проигнорировать его я не мог. Он дал мне понять, что письменный знак – это не просто картинка, что он может обозначать не только то, что изображает, но и отдельную часть слова, даже звук. Казалось бы, сущая ерунда, но для меня это стало настоящим озарением, великим открытием. После этого мой интерес к письму сделался еще сильнее, стал чуть ли не болезненным. Неустанно, везде, где только мог – начиная со стен храмов и кончая обрывками бумаг, случайно оставленных заезжими торговцами, – я искал письменные знаки, а найдя, ревностно пытался самостоятельно, без чьей-либо помощи и наставлений, проникнуть в их смысл.

Я даже пошел к дряхлому тональпокуи, четыре года назад так удачно давшему мне имя, и попросил разрешения изучать, в то время когда он сам ее не использует, его почтенную книгу имен. Старик вознегодовал даже более бурно, чем если бы я попросил у него дозволения пользоваться одной из его внучек, когда она не занята другими делами, в качестве наложницы. Мудрец возмущенно заявил, что благородное искусство тональматль предназначено для его потомков, а не для самоуверенных мальчишек-самоучек. Возможно, этот человек и вправду так думал, однако я готов поручиться, что старик либо не забыл мое заявление насчет того, что я и сам мог бы дать себе имя не хуже, либо, и это более вероятно, просто боялся разоблачения. Ибо на самом деле умел читать тональматль ничуть не лучше, чем к тому времени выучился это делать я.

Однажды вечером у меня случилась примечательная встреча. Весь день мы с Чимальи, Тлатли и другими мальчишками, не взяв на сей раз с собой Тцитцитлини, играли, забравшись в брошенный на берегу дырявый корпус акали и воображая себя путешествующими по озеру лодочниками. Игра увлекла нас настолько, что мы спохватились, лишь когда Тонатиу окрасил горизонт пурпуром, предупреждая о том, что готовится отойти ко сну. Путь домой был неблизким, и мальчишки, чтобы Тонатиу не успел улечься в постель прежде, чем они доберутся до дому, ускорили шаг. Днем я, надо думать, не отстал бы от них, но сумерки и слабое зрение вынуждали меня идти медленнее, с осторожностью. Остальные, видимо, не хватились меня и ушли далеко вперед.

В одиночестве я добрел до перекрестка, на котором стояла каменная скамья. Мне давненько уже не доводилось ходить этим путем, но тут я вспомнил, что на скамье вроде бы высечены какие-то знаки… и все остальное напрочь вылетело у меня из головы. Я позабыл даже о том, что уже слишком темно и мне не удастся даже разглядеть резные символы, не то что расшифровать их. Я забыл, для чего на перекрестке поставлена скамья, забыл об опасных тварях, таящихся в ночи и готовых напасть на припозднившегося путника. Где-то неподалеку заухала сова, но даже это предостережение не заставило меня вспомнить об угрозе. Если поблизости находилось то, что можно было попытаться прочесть, я просто не мог пройти мимо.

Скамья оказалась достаточно длинной, так что взрослый человек мог улечься на ней, если бы, конечно, кому-нибудь пришло в голову растянуться на неровной поверхности из рез-

ного камня. Я склонился над отметинами и, уставившись на них, стал водить по ним пальцем, переходя от одной к другой… в результате чего чуть не оказался на коленях сидевшего там человека. Отскочив как ошпаренный, я запинаясь пробормотал извинение:

– М-микспанцинко. Прошу снисхождения. – Ксимопанолти, – отозвался, как и подобало, незнакомец. – Ничего страшного.

Слова его были учтивы, но голос звучал устало. Потом мы воззрились друг на друга. Он, как я полагаю, увидел перед собой лишь слегка чумазого парнишку лет двенадцати, смотревшего на него искоса. Я же не мог разглядеть незнакомца как следует отчасти потому, что уже стемнело, отчасти же потому, что от неожиданности отскочил от него довольно далеко. Но это не помешало мне понять, что этот человек на нашем острове чужак или, во всяком случае, я уж точно не встречал его раньше. Плащ его был сшит из хорошей ткани, но изрядно потрепан непогодой, стоптанные сандалии говорили о проделанном им долгом пути, а на загорелую кожу налипла дорожная пыль.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил незнакомец, прервав затянувшееся молчание.

– Вообще-то меня прозвали Кротом, – начал я. – Могу в это поверить, – прервал он меня, – но ведь это не настоящее твое имя.

Прежде чем я успел спросить, откуда это ему известно, он задал следующий вопрос:

– А что ты сейчас делал? – Я читал, йанкуикатцин, – ответил я. Было в этом человеке что-то такое, я и сам не знаю, что именно, заставившее меня обратиться к нему как к знатному человеку: «Господин незнакомец». – Я читал письмена на скамье.

– Вот как, – произнес он усталым тоном, в котором сквозило недоверие. – Я бы никогда не принял тебя за образованного знатного юношу. И что же, по-твоему, гласит эта надпись?

– Она гласит: «От народа Шалтокана владыке Ночному Ветру. Место для отдыха».

– Кто-то рассказал тебе об этом. – Нет, господин незнакомец. Прости меня за дерзость, но… – Я подошел поближе, чтобы указать. – Этот знак, утиный клюв, означает ветер…

– Никакой это не утиный клюв, – перебил меня незнакомец. – Это труба, сквозь которую бог выдувает ветер.

– Правда? Спасибо за то, что просветил меня, мой господин. Но, так или иначе, вот этот символ означает «сказал» – ихикатль. А этот значок означает йоали – «опущенные веки».

– Ты действительно умеешь читать? – Совсем чуть-чуть, мой господин. Очень плохо. – Кто же научил тебя? – Никто, господин незнакомец. У нас на Шалтокане нет никого, кто учил бы этому искусству. А жаль, мне бы очень хотелось освоить его как следует.

– Тогда тебе нужно отправиться в другое место. – Я тоже так считаю, мой господин. – Предлагаю тебе сделать это прямо сейчас. Я устал, так что не стоит больше читать мне надписи на скамейке. Ты понял меня, мальчик, прозванный Кротом?

– Да, господин незнакомец, конечно. Микспанцинко. – Ксимопанолти. Я обернулся, чтобы бросить на него последний взгляд, но ничего не увидел. То ли из-за еще более сгустившейся тьмы, то ли в силу близорукости, то ли потому, что незнакомец просто встал и ушел.

Дома меня встретил обеспокоенный хор родных, в голосах которых испуг и облегчение смешались с гневом по поводу того, что я так задержался и провел столько времени один в опасной темноте. Но когда я поведал о том, что меня задержал незнакомец, и рассказал, какие он задавал вопросы, притихла даже сварливая матушка. И она, и моя сестра воззрились на отца огромными, как плошки, глазами. Да и он сам смотрел на меня с неменьшим удивлением.

– Ты встретил *его,* – хрипло произнес отец. – Ты встретил бога, и он дал тебе уйти. Это был сам Ночной Ветер.

Эту ночь я провел без сна и все пытался, правда без особого успеха, представить себе запыленного, усталого, хмурого путника в качестве бога. Но если он и вправду был Ночным Ветром, тогда, по поверью, меня ждало исполнение заветного желания.

Оставалось только одно затруднение. Если не говорить о желании выучиться читать и писать (не знаю уж, могло ли оно сойти за заветное), я тогда не очень-то представлял себе, чего именно больше всего хочу. Во всяком случае до тех пор, пока впоследствии не получил это. Но и то еще неизвестно, действительно ли я получил именно то, чего желал больше всего на свете.

В тот день, когда это произошло, я выполнял свое первое задание, полученное в карьере в качестве отцовского подмастерья. Задание это никак нельзя было назвать обременительным: мне поручили покараулить в каменоломне инструменты, пока остальные работники пошли домой пообедать. Не то чтобы у нас на острове было много воров, но орудия, оставленные без присмотра, могли попортить грызуны, например изгрызть черенки и рукоятки. Животных привлекала соль, оставленная на инструментах руками работников, а один-единственный дикобраз вполне способен за время отсутствия людей привести в полную негодность твердый рычаг из черного дерева. К счастью, зверюшек отпугивало одно лишь мое присутствие, ибо слабое зрение едва ли позволило бы мне заметить не только отдельного грызуна, но и целую стаю.

Мне же самому обед в тот день принесла из дому Тцитцитлини. Она сбросила сандалии, уселась рядом со мной на залитом солнцем краю карьера и, пока я ел запеченного в тортилье озерного сига, весело болтала. Обед приготовили недавно, и завернутые в салфетку кусочки рыбы еще сохранили жар костра. Я приметил, что, хотя денек выдался прохладный, сестренка моя тоже казалась разгоряченной. Лицо ее раскраснелось, и она все время оттягивала от груди квадратный вырез своей блузки.

Рыбешки с тестом имели необычно терпкий вкус, и я подумал, уж не сама ли Тцитци состряпала их сегодня вместо матушки и не потому ли она трещит без умолку, что боится, как бы я не стал дразнить ее как неумеху. Правда, непривычный вкус был не так уж плох, а я проголодался, так что умял бы и куда худшую снедь. Тцитци предложила мне прилечь и насыщаться с удобством, в то время как она постережет инструменты и будет отпугивать дикобразов.

Я растянулся на спине и поднял глаза к облакам, которые, будучи четко очерченными на фоне неба, мне виделись расплывчатыми белыми пятнами на смутном голубом фоне. К этому я уже успел привыкнуть, но на сей раз с моим зрением произошло нечто неожиданное и странное. Белые и голубые разводы сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начали вращаться, словно некий бог принялся ворошить небо венчиком для размешивания шоколада. Удивившись, я начал приподниматься, чтобы присесть, но внезапно голова моя закружилась, да так сильно, что я снова пал навзничь на траву.

Я не только чувствовал себя очень странно, но и, должно быть, производил какие-то странные звуки, ибо Тцитци склонилась надо мной, приблизив свое лицо к моему. И хотя в голове моей царил сумбур, у меня создалось впечатление, будто сестра чего-то ждала. Ротик ее был приоткрыт, кончик языка высовывался между блестящими белыми зубками, прищуренные глаза, казалось, искали какого-то знака. Потом ее губы изогнулись в лукавой улыбке, язык облизал их, а глаза, расширившись, наполнились торжествующим светом. А когда Тцитци заговорила, голос ее звучал необычно, словно доносившееся издалека эхо. Улыбаться, однако, она не прекратила, и я не ощущал никакого повода для беспокойства.

– У тебя такие большие глаза, брат. И темные: не карие, а почти совсем черные. Что ты ими видишь?

– Я вижу тебя, сестра, – промолвил я и почувствовал, что голос мой почему-то звучит хрипло. – Но ты, вот странно, выглядишь не так, как всегда… По-другому. Ты выглядишь…

– Да? – сказала она, поощряя меня продолжать. – Ты выглядишь очень красивой, – закончил я. Я просто не мог не сказать этого, хотя должен бы, как все мальчишки моего возраста, не замечать девчонок, а уж если и замечать, то только с презрением. Ну а к собственной сестре – тут уж не может быть никаких сомнений – надлежало относиться с еще большим пренебрежением, чем ко всем прочим девчонкам. Но то, что Тцитци красива, я знал бы, даже если бы не слышал, как об этом без конца говорят все взрослые. У всех мужчин, увидевших мою сестру впервые, захватывало дух. Ни один скульптор не смог бы передать гибкую грацию ее юного тела, ибо камень или глина не способны двигаться, а Тцитци, казалось, постоянно пребывала в плавном движении, даже когда она на самом деле не шевелилась. Ни один художник, как бы ни смешивал он свои краски, не смог бы точно воспроизвести золотисто-коричневый цвет ее кожи или цвет ее глаз, карих, с золотистыми крапинками.

Но в тот день ко всему этому добавилось еще нечто магическое, и именно это волшебство заставило меня признать ее красоту не только про себя, но и вслух. Сестренка просто лучилась магией, ибо ее окружала светящаяся аура наподобие того свечения взвешенных в воздухе мельчайших капелек воды, какое бывает, когда сразу после дождя нежданно проглянет солнце.

– Все светится, – продолжил я своим странно охрипшим голосом. – Твое лицо в тумане, но оно светится. Красным… с пурпурным ободом… и… и…

– Правда ведь, тебе приятно на меня смотреть? – спросила Тцитци. – Для тебя это наслаждение?

– Да. Да. Правда. Наслаждение. – Тогда тише, брат мой. Сейчас ты испытаешь настоящее наслаждение.

Я растерялся, ибо ее рука оказалась под моей накидкой, а ведь мне, если помните, оставалось еще больше года до того возраста, когда надевают набедренную повязку. Наверное, мне следовало бы счесть столь смелый жест сестры чем-то очень скверным, но мне почему-то так не казалось. Не говоря уж о том, что я пребывал в полном оцепенении и отстранить ее руку просто не мог. Самым же удивительным ощущением оказалось то, что некая часть моего тела, чего никогда не бывало прежде, начала расти. Впрочем, прямо на глазах изменялось и тело Тцитци. Обычно ее юные груди всего лишь слегка приподнимали блузку, но сейчас, когда она стояла возле меня на коленях, ее набухшие соски выпирали из-под тонкой ткани, словно кончики пальцев. Я ухитрился поднять свою отяжелевшую голову и смутно уставиться вниз, на собственный тепули, зажатый в ее руке. Я и не знал, что он может быть таким большим, таким твердым, что кожа на нем так подвижна и что ее можно отвести так далеко вниз. В первый раз в жизни я увидел, увидел полностью, головку своего члена. Разбухшую, красную головку, выглядевшую так, словно рука Тцитци сжимала гриб на толстой ножке.

– Ойя, йойолкатика, – пробормотала сестра, и лицо ее стало чуть ли не таким же красным, как шляпка этого «гриба». – Он растет, он оживает. Видишь?

– Тотон… тлапецфиа, – отозвался я, не дыша. – Он становится жарким.

Свободной рукой Тцитци приподняла юбку и стала развязывать нижнюю повязку. Поскольку один ее конец был пропущен между ног, сестре пришлось широко их расставить, и когда повязка упала, я увидел ее тепили настолько близко, что различить мне все как следует не помешало даже плохое зрение. Не то чтобы я никогда не видел сестру нагой, но раньше у нее между ног я замечал разве что бугорок и плотную щель, да и то скрытую легким пушком тонких волос. Теперь же эта расщелина была открыта, как…

Аййя, я вижу, брат Доминго опрокинул и разбил свою чернильницу. И теперь он покидает нас. Вне всякого сомнения, огорченный этой историей.

Раз уж мне случилось отвлечься, замечу, что некоторые из наших мужчин и женщин имеют на своем теле след имакстли, то есть волосяной покров в интимных местах. Однако у

большинства наших соплеменников ни там, ни где бы то ни было еще на теле, не считая, разумеется, пышной растительности на голове, волос не растет вовсе. Даже на лицах наших мужчин растительность скудна, а избыток таковой и вовсе считается уродством. Матери ежедневно моют лица маленьких мальчиков горячей известковой водой, и в большинстве случаев (как, например, в моем) это действует. На протяжении всей жизни борода у индейского мужчины практически не растет.

Брат Доминго не возвращается. Мне подождать, братья, или продолжать?

Хорошо. Тогда вернусь к вершине того далекого холма, где когда-то давным-давно я лежал, изумленный и недоумевающий, в то время как моя сестра самозабвенно занималась тем, что казалось мне столь странным.

Как я уже говорил, расщелина ее тепили раскрылась сама собой, словно распустившийся цветок. Розовые лепестки, появившиеся на фоне безупречной желтовато-коричневой кожи, даже поблескивали, словно бы спрыснутые росой. Мне показалось, будто только что расцветший цветок издавал слабый, едва ощутимый мускусный аромат, походивший на благоухание бархатцев. И все это вдобавок сопровождалось ощущением, что как открывшиеся мне только что интимные части, так и все тело и лицо сестры продолжали излучать пульсирующее, переливающееся свечение.

Задрав, чтобы не мешала, мою накидку, Тцитци подняла длинную, стройную ногу и села поверх меня. Все ее движения были медленными, но сестру била нервическая, нетерпеливая дрожь. Одной дрожащей маленькой рукой она нацелила мой тепули на свою промежность, тогда как другой пыталась раздвинуть еще шире лепестки своего «цветка». Как я говорил ранее, Тцитци в прошлом уже использовала с той же целью деревянное веретено, но ее лоно все еще оставалось суженным, так что читоли, перегородка, повреждена не была. Что касается меня, мой тепули пока не достигал мужской зрелости (хотя стараниями Тцитци он очень скоро обрел нужную величину, причем, как говорили мне впоследствии женщины, я даже превзошел в этом отношении большинство соплеменников.) Так или иначе, Тцитци оставалась девственной, а мой член был уж, во всяком случае, подлиннее и потолще какого-то там веретена.

Наступил мучительный, тревожный момент. Глаза моей сестры были плотно зажмурены, дышала она так, словно куда-то бежала, и, совершенно очевидно, чего-то отчаянно хотела. Я бы с радостью помог Тцитци, если бы знал, чего именно, и если бы все мое тело, кроме единственного органа, не пребывало в таком оцепенении. Потом неожиданно порог поддался: и у меня, и у Тцитци одновременно вырвался крик. Я вскрикнул от удивления, а она – то ли от боли, то ли от наслаждения. К величайшему своему изумлению, сам не понимая, каким образом, я оказался внутри своей сестры – окруженный, согретый и увлажненный ею, а потом еще и мягко массируемый, когда Тцитци начала двигать свое тело вверх и вниз в медленном ритме.

Небывалое ощущение начало распространяться от моего зажатого и ласкаемого ее промежностью тепули по всему телу. Мерцающая аура, окружавшая мою сестру, сделалась еще ярче, и ее пульсация, казалось, пронизывала все мое существо. Я чувствовал себя так, будто сестра ввела внутрь себя не только один, затвердевший и удлинившийся отросток моего тела, но и каким-то волшебным образом вобрала всю мою суть. Я был полностью поглощен Тцитцитлини, растворился в звоне маленького колокольчика. Восторг усиливался, пока мне не показалось, что я не смогу больше вынести его, но в следующий момент на меня обрушилось и вовсе неслыханное, небывалое наслаждение. Своего рода мягкий взрыв, как будто от стручка молочая, когда он трескается и разбрызгивает свое белое содержимое. В тот же самый миг Тцитци издала протяжный мягкий стон, в котором, даже пребывая в полном неведении и находясь в блаженном забытьи, я услышал тот же восторг, какой испытал сам.

Обмякнув, она упала на меня всем телом, и ее длинные мягкие волосы рассыпались по моему лицу. Некоторое время мы лежали молча и тишину нарушало лишь наше тяжелое дыхание. Потом я начал медленно осознавать, что странные краски бледнеют и удаляются, что небо над головой перестало вращаться. Между тем сестра, не поднимая головы и не глядя на меня, но, напротив, прижимаясь лицом к моей груди, спросила чуть слышно и несмело:

– Ты не жалеешь об этом, брат? – Я жалею только о том, что все кончилось! – воскликнул я так рьяно, что вспугнул перепела, который взлетел из травы рядом с нами.

– Значит, мы сможем проделать это снова? – пробормотала Тцитци, по-прежнему не глядя на меня.

– А разве это возможно? – спросил я, и вопрос сей был вовсе не так глуп и нелеп, как могло бы показаться. Я задал его по неведению, тем паче что мой член выскользнул из нее и снова стал маленьким и холодным, каким был всегда. И вряд ли стоит смеяться над тем, что мальчишке, впервые познавшему женщину, показалось, что подобное наслаждение можно испытать лишь единожды в жизни.

– Ну, не сейчас, – ответила Тцитци. – Взрослые вот-вот вернутся. В какой-нибудь другой день, да?

– Аййо, каждый день, если это возможно! Тцитци приподнялась на руках и с озорной улыбкой взглянула сверху вниз на мое лицо.

– Надеюсь, в другой раз мне не придется тебя дурманить? – Дурманить? – Ну, я имею в виду твое головокружение, оцепенение и все эти странные краски, которые ты видел. Признаюсь, брат, я совершила греховный поступок: стащила из храма при пирамиде один из их дурманящих грибов, растолкла и подмешала тебе в лепешки.

Поступок, совершенный ею, был не только греховным, но и безрассудным по своей дерзости. Маленькие черные грибы именовались теонанакатль, или «плоть богов», что само по себе уже указывало, насколько они были редки и как высоко ценились. Доставляли их с большим трудом и за высокую плату с какой-то священной горы в глубине земель миштеков, а вкушать «плоть богов» дозволялось лишь жрецам и прорицателям, причем лишь в тех случаях, когда возникала необходимость в предсказании будущего. Окажись Тцитци пойманной на краже этой святыни, ее убили бы на месте.

– Никогда больше так не делай, – сказал я. – Зачем вообще тебе это понадобилось?

– Да затем, что я хотела сделать… то, что мы только что сделали, но боялась, как бы ты, узнав, на что я тебя подбиваю, не воспротивился.

Интересно, а мог ли я и вправду воспротивиться? Во всяком случае, ни в тот раз, ни, разумеется, во все последующие ничего подобного не случилось, и я всегда испытывал точно такое же блаженство, но уже без помощи дурмана…

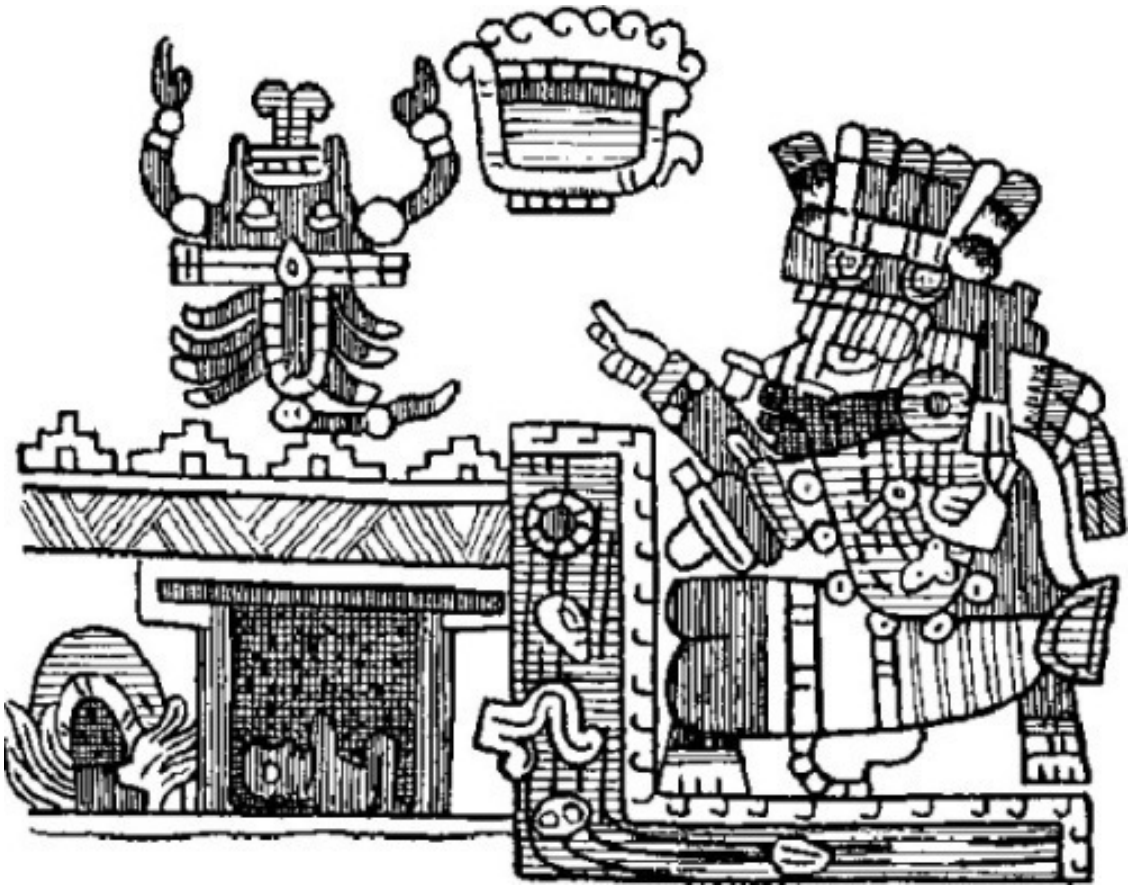
Да, мы с сестрой совокуплялись бесчисленное количество раз на протяжении всех тех последующих лет, пока я еще жил дома, причем делали это, не упуская ни малейшей возможности. И в карьере, во время обеденного перерыва, и в кустах на пустынном берегу озера, и, два или три раза, в нашем собственном доме, когда отец и мать отлучались на достаточно долгое время. Набираясь опыта, мы взаимно избавлялись от неловкости, хотя, конечно, оставались крайне наивными: так, например, нам обоим и в голову не приходило попробовать заняться этим восхитительным делом еще и с кем-нибудь другим. Мы мало чему могли научить друг друга (и далеко не сразу обнаружили, что то же самое можно проделывать, когда я наверху), однако со временем сами придумали множество разнообразных позиций.

Так вот, в тот день сестра соскользнула с меня и растянулась в блаженной неге. И тут выяснилось, что наши животы увлажнены и запачканы кровью, брызнувшей после разрыва ее читоли, и другой жидкостью. Моим собственным омисетль, белым, как октли, но более клейким. Тцитци окунула пучок сухой травы в маленький кувшинчик с водой и хорошенько нас вымыла, не оставив ни на коже, ни на одежде никаких предательских следов. Потом сестра

снова надела нижнюю набедренную повязку, расправила смявшуюся верхнюю одежду, поцеловала меня в губы, сказала (хотя первым это следовало бы сделать мне) спасибо и вприпрыжку убежала по травянистому склону.

Вот так, о писцы моего господина, и закончилось в тот день мое детство.

IHS. S.C.C.M



Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Его Наиславнейшему Величеству из города Мехико, столицы Новой Испании, в день Поминовения Усопших, в год от Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем мы наш нижайший поклон.

Посылая по повелению Вашего Величества, со всей подобающей почтительной покорностью, хотя и с неохотой, очередное дополнение к так называемой «Истории ацтеков», Ваш верный слуга просит разрешения процитировать сочинение Варгуса Геминуса, ту его часть, где речь идет об обращении к государю с неким vexata quaestio[14]: «Тот, кто осмеливается говорить перед тобой, о Кесарь, не знает твоего величия, тот, кто не осмеливается говорить перед тобой, не ведает твоей доброты…»

Хотя мы рискуем показаться нашему монарху дерзкими и заслужить упрек, мы умоляем Вас, государь, дозволить нам прекратить сие пагубное занятие. Признаюсь, что, поелику в предыдущей порции откровений нечестивого дикаря, доставленной в Ваши королевские руки, оный нечестивец с легкостью, словно в мелком проступке, признается в совершении отвратительного греха кровосмешения – преступления, запрещенного во всем известном мире, как в цивилизованном, так и в диком; злодеяния, каковое признают отвратительным даже такие выродившиеся народы, как баски, греки и англичане; проступка, порицаемого

[14] Животрепещущий вопрос, мучительная проблема *(лат.)*.

даже несовершенным lex non scripta[15] варваров, включая и соплеменников этого индейца, и, следовательно, акта столь греховного, что мы не можем смотреть на оный сквозь пальцы лишь потому, что на момент его свершения грешник не имел представления о христианской морали, – мы были уверены, что Ваше Набожное Величество, ужаснувшись и преисполнившись отвращения, прикажет немедленно положить конец гнусным излияниям сего безнравственного ацтека, если не самой его жизни.

Однако верный клирик Вашего Величества еще ни разу не ослушался приказа, исходящего от нашего сеньора, а потому ниже прилагает дальнейшие страницы, записанные за время, прошедшее после отправки предыдущих. Мы будем принуждать писцов и переводчика продолжать их тяжкий, отвратительный труд и вести сию мерзкую хронику до тех пор, пока наш Наипочтеннейший император не сочтет возможным положить этому конец. Осмелимся лишь молить Вас, государь, по прочтении прилагаемого фрагмента биографии вышеупомянутого ацтека, содержащего истории, каковых устыдились бы и в Содоме, отринуть скверну и повелеть прекратить дальнейшее ведение сей непристойной летописи.

И да пребудут неизбывным наставлением в путях и делах Вашего Величества чистота и непорочность Господа Нашего Иисуса Христа.

Сие есть искреннее желание преданного Вашему Священному Императорскому Католическому Величеству слуги, легата и посланца Хуана де Сумарраги, в чем он и подписывается собственноручно.

[15] Неписаный закон *(лат.)*.

TERTIA PARS[16]

В то время, когда меня прозвали Кротом, я еще учился в школе. Каждый вечер после окончания рабочего дня я, как и другие дети старше семи лет со всего Шалтокана, отправлялся либо в Дом Созидания Силы, предназначавшийся только для мальчиков, либо в Дом Обучения Обычаям, который мальчики и девочки посещали совместно. В Доме Силы нас, мальчишек, заставляли выполнять тяжелые физические упражнения, закаляя мускулы и волю. Мы учились игре в мяч, тлатчли, и получали первые навыки владения боевым оружием. В Доме Обычаев детей нашего возраста кратко знакомили с историей Мешико и других земель, несколько более подробно рассказывали о наших богах и о посвященных им многочисленных праздниках, обучали искусству обрядового пения, танцев и игры на музыкальных инструментах, которыми сопровождались все эти религиозные церемонии.

Только в этих телпочкалтин, или низших школах, мы, простолюдины, смешивались как равные с отпрысками знати и даже с несколькими детьми рабов, которые явно выделялись своими способностями. Считалось, что этого начального образования, в котором упор делался на воспитании вежливости, почтительности к родителям и достижении изящества и физической ловкости, для детей рядовых членов общины более чем достаточно, а уж для горстки детей рабов, которых сочли достойными обучения, такая возможность и вовсе была редким отличием и высокой честью.

Лишь немногие мальчики из простонародья могли рассчитывать на дальнейшее обучение в Домах Обычаев и Силы, совершенно недоступное для мальчиков-рабов и для всех девочек, будь они даже самого знатного рода. Чтобы продолжить учение в калмекактин, сыновья знатных родителей обычно покидали остров, поскольку на Шалтокане такой школы не было. Преподавали в подобных заведениях принадлежавшие к особому ордену жрецы, а учившиеся там по завершении обучения сами становились жрецами, правительственными чиновниками, пис-

[16] Часть третья *(лат.)*.

цами, историками, художниками, целителями и занимались другими, столь же почитаемыми занятиями. Поступление в калмекактин не было запрещено любому рожденному свободным юноше, но посещение его и проживание там обходились так дорого, что большинству простых людей такие траты было не осилить. Исключение составляли юноши, за время учебы в низшей школе проявившие исключительные способности, – таких обучали бесплатно.

Должен признаться, что я ни в Доме Созидания Силы, ни в Доме Обучения Обычаям ничем особенно себя не проявил. Помнится, когда я впервые появился в музыкальном классе, наставник мальчиков попросил меня спеть что-нибудь, чтобы он мог оценить мой голос. А когда я спел, он сказал:

– Звуки забавные, но пением бы я их не назвал. Может, попробовать научить тебя играть на каком-нибудь инструменте?

Увы, вскоре выяснилось, что я столь же неспособен извлечь мелодию из флейты с четырьмя дырочками или подобрать ритм хоть на одном из множества звучавших в разной тональности барабанов. В конце концов потерявший терпение наставник отправил меня в группу, осваивавшую простейший танец для начинающих, танец Громовой Змеи. Каждый танцор, притопнув, делал маленький прыжок вперед, совершал полный оборот кругом, припадал на одно колено и, вернувшись в исходную позицию, повторял все с начала. Когда мальчики и девочки, выстроившиеся в длинную колонну, последовательно, один за другим, проделывают эти движения, слышится непрерывный грохот, а их строй со стороны и впрямь производит впечатление извивающейся змеи. Или, во всяком случае, должен производить.

– Это первая в моей жизни Громовая Змея, которую мне приходится выстраивать с таким чудиком! – воскликнула наставница девочек.

– А ну выйди из этого ряда, Малинкуи! – вскричал следом за ней наставник мальчиков.

И с этого времени я стал для него Малинкуи, то есть Чудиком. С тех пор всякий раз, когда на острове, на площади перед пирамидой проводили церемонии и ученики нашей школы публично исполняли ритуальный танец, мое участие в празднестве сводилось к битью в барабан из черепашьего панциря парой маленьких оленьих рогов или к выбиванию ритма зажатыми в каждой руке клешнями краба. К счастью, честь нашей семьи на таких мероприятиях всегда поддерживала сестра: она выступала с сольным танцем, который пользовался неизменным успехом. Тцитци могла танцевать вообще без музыкального сопровождения, причем у зрителей создавалось впечатление, будто она слышит какую-то особую, звучащую лишь для нее одной музыку.

А вот мне начинало казаться, будто у меня нет собственного лица либо, напротив, их так много, что я не в силах разобраться, какое же из них настоящее. Дома я был Микстли, Туча, соседи чаще называли меня Тоцани, Кротом, в Доме Обучения Обычаям кликали Малинкуи, Чудиком. Ну а в Доме Созидания Силы я вскоре заслужил еще одно прозвище: Пойяутла, Связанный Туманом.

К счастью, с мускулами мне повезло больше, чем с музыкальными способностями, ибо я унаследовал рост, стать и силу моего отца. К четырнадцати годам я перерос многих учеников, бывших старше меня на два года, ну а прыгать, бегать и поднимать тяжести может, по моему разумению, даже слепец. Во всяком случае, наставник не находил изъянов в выполнении мною физических упражнений, пока дело не доходило до командной игры. Если бы в игре тлатчли допускалось использование рук и стоп, я играл бы лучше, ибо человек действует ими почти инстинктивно, однако удары по твердому мячу оли разрешалось наносить только локтями, коленями и ягодицами, да и сам этот мяч, когда мне вообще удалось его заметить, виделся лишь как смутная клякса. Соответственно, хотя на время игры мы надевали шлемы, набедренники, наколенники и налокотники из толстой кожи, а торс мой защищала толстая хлопковая безрукавка, я постоянно получал синяки и ссадины от ударов мяча.

Хуже того, я редко мог отличить своих товарищей по команде от игроков противника. А если уж мне, пусть и нечасто, удавалось попасть по мячу коленом или бедром, я вполне мог отправить его не в те ворота – приземистые каменные арки по колено высотой, которые, согласно сложным правилам этой игры, в ходе ее переносятся с места на место по краям игровой площадки. Что же до того, чтобы закинуть мяч в одно из вертикальных каменных колец, укрепленных высоко вдоль линии схождения двух окружавших площадку стен (это приносило победу вне зависимости от очков, набранных до этого каждой командой), то такой бросок и опытным-то игрокам с отменным зрением удавался лишь изредка, можно сказать, по счастливой случайности. Ну а для меня, видевшего все сквозь пелену тумана, это было бы настоящим чудом.

Вскоре наставник перестал привлекать меня к игре, и мое участие с тех пор сводилось к тому, чтобы следить за кувшином с водой и черпаком, а также колючками для уколов и сосательными тростинками, с помощью которых школьный целитель возвращал подвижность онемевшим мышцам игроков, отворяя в местах кровоподтеков густую черную кровь.

Кроме того, нас обучали действиям в боевом строю и владению оружием. Наставником по боевым искусствам был немолодой, покрытый шрамами куачик, «старый орел», каковой титул давался человеку, на деле доказавшему свою воинскую доблесть. Звали его Икстли-Куани, или Пожиратель Крови, и ему, надо полагать, было хорошо за сорок. Носить перья на голове и прочие знаки отличия настоящих воинов нам, мальчишкам, не разрешалось, однако у нас были деревянные или плетеные и обтянутые кожей щиты и сделанные по нашему росту боевые доспехи. Последние представляли собой стеганые одеяния из вымоченного в рассоле и затвердевшего хлопка, защищавшие все тело, от шеи до запястий и лодыжек. Эти доспехи предоставляли некоторую свободу движений и служили защитой от стрел, во всяком случае выпущенных с дальнего расстояния, но – аййя! – как же в них было жарко! Они царапали тело, и, пробыв в них совсем недолго, человек исходил по́том.

– Первым делом, – заявил Пожиратель Крови, – вы должны научиться издавать боевые кличи. Конечно, в настоящий бой вы пойдете под трубные звуки раковин, гром барабанов и треск трещоток. Но не помешает добавить к этому шуму и ваши собственные голоса, призывающие убивать, а также удары ваших кулаков или оружия по щитам. Уж я-то знаю по собственному опыту: оглушительный шум сам по себе может служить оружием. Он может поколебать сознание человека, разбавить водой его кровь, ослабить его мускулы, может даже опустошить его мочевой пузырь и кишки. Но если этот шум производите вы сами, то на вас он подействует совсем по-другому: укрепит вашу решимость и поднимет боевой дух.

Таким образом, несколько недель подряд, не получив даже учебного оружия, мы учились во весь голос подражать резкому клекоту орла, рычанию ягуара, протяжному уханью совы и пронзительным крикам попугая. Мы учились скакать и неистовствовать в притворном боевом рвении, делать угрожающие жесты и корчить угрожающие гримасы, учились с такой силой стучать по щитам, что они окрашивались кровью наших разбитых кулаков.

Не знаю, как у других народов, но у нас в Мешико воинские подразделения оснащались оружием, предназначенным для достижения конкретных целей, причем каждый человек имел возможность также дополнительно выбрать то, что ему лучше подходило. К некоторым необычным видам вооружения относились, например, кожаная праща для метания камней, тупой каменный топор, которым били, как молотом, тяжелая палица с утолщением, утыканным обсидиановыми остриями, трезубец с наконечниками из зазубренных костей и меч, представлявший собой насаженное на рукоять рыло рыбы-пилы. Но в основном воины Мешико сражались четырьмя видами оружия.

Всякое сражение начиналось с обстрела противника из луков – оружия, поражавшего на расстоянии. Мы, ученики, долгое время практиковались со стрелами, имевшими вместо нако-

нечников из острого обсидиана мягкие шарики оли. Как-то раз наставник выстроил примерно двадцать человек в шеренгу и сказал:

– Предположим, что близ вон тех кактусов нопали, – он указал на то, что моему взору представилось лишь размытым зеленоватым пятном, – находится враг. Натяните луки изо всех сил и вставьте стрелы так, чтобы они смотрели точно посередине между положением солнца и линией горизонта. Готовы? Встаньте поудобнее. Теперь прицельтесь в кактусы. Спустить тетивы!

Стрелы взвились в воздух, и почти сразу же последовал дружный разочарованный стон. Описав дугу, стрелы кучно вонзились в землю, причем ни одна из них даже не задела кактуса. Правда, выстрел на сто шагов удался всем, но лишь потому, что наставник уточнил, как следует натягивать лук и под каким углом стрелять. Всем было стыдно за промах, и мы воззрились на наставника, ожидая, что он объяснит, в чем заключается оплошность.

Он указал на квадратные и прямоугольные боевые стяги, древки которых были воткнуты в землю повсюду вокруг нас.

– Для чего нужны эти полотнища? – спросил Пожиратель Крови. Мы переглянулись. Потом Пактли, сын владыки Красной Цапли, ответил:

– Остроконечные флажки носят на поле боя командиры подразделений. Если мы в ходе сражения рассеемся, эти флажки укажут, куда надо собираться для перегруппировки.

– Верно, Пактцин, – похвалил его наставник. – Ну а вон тот, длинный стяг из перьев, он для чего нужен?

Последовал очередной обмен взглядами, и Чимальи робко произнес: – Мне кажется, мы носим его в знак гордости тем, что являемся воинами Мешико.

– Ответ хоть и неверный, но достойный, – заявил Пожиратель Крови, – так что наказания не последует. Но пусть все обратят внимание на то, как стелется по ветру этот вымпел.

Мы воззрились на флаг. Ветер был не слишком силен, и полотнище не реяло, как бывает, под прямым углом к древку, однако и не обвисло, а полоскалось под углом к земле.

– Ветер! Он дует справа налево! – взволнованно воскликнул один мальчик. – Мы целились правильно, куда надо, но ветер отнес наши стрелы в сторону от цели!

– Если вы промахнулись, значит, прицел был неверным, – сухо указал наставник. – Нечего сваливать вину на бога ветра. Чтобы ваши стрелы попадали куда надо, вы должны принимать во внимание то, с какой силой и в каком направлении дует Эекатль в свою ветровую трубу. Именно с этой целью на поле боя выносится стяг из перьев: по тому, в какую сторону он смотрит и под каким углом висит, можно определить, куда и с какой силой дует ветер, а значит, и рассчитать, далеко ли снесет он ваши стрелы. А сейчас марш туда! Соберите свои стрелы, повернитесь и выпустите их в меня! Слышите? Тот, кому удастся попасть в меня, получит освобождение от порки, даже самой заслуженной.

Мы припустили со всех ног, живо собрали стрелы и выпустили их в куачика. Увы, все они снова пролетели мимо.

Если лук и стрелы используют, чтобы поразить врага на дальнем расстоянии, то для более близкой цели подходит дротик, имеющий укрепленный на легком древке тонкий, острый обсидиановый наконечник. Он не оперен, а дальность его полета и поражающая сила зависят от силы и сноровки метателя.

– Имейте в виду, – говорил Пожиратель Крови, – как бы ни был могуч воин, одной лишь рукой он никогда не сможет метнуть дротик так далеко, как при помощи копьеметалки атль-атль. На первый взгляд эта палка с зацепом кажется неуклюжей, но когда вы после долгой практики овладеете ею как следует, то поймете, зачем она нужна: она удлинит вашу руку и удвоит вашу силу. На расстоянии тридцати длинных шагов вы сможете вогнать дротик в дерево толщиной в мачту. А теперь, мальчики, представьте, что будет, если он, пущенный с такой силой, попадет в человека?

Если после перестрелки и метания дротиков отряды сближались, в ход шли длинные копья с более широкими и тяжелыми обсидиановыми наконечниками. Нанося ими колющие удары, наши воины старались не подпускать противника вплотную. Ну а главным оружием неизбежно решающей судьбу битвы рукопашной схватки служил меч, именовавшийся макуауитль, что в переводе означает «охотящееся слово». Звучит не так уж и грозно, но меч этот был самым страшным, смертоносным оружием, применявшимся нашими войсками.

Макуауитль представлял собой планку из очень твердого дерева, длиной с руку и шириной в ладонь, по краям которой были вставлены острые обсидиановые пластины. Рукоять меча имела длину, позволявшую воину действовать как одной, так и обеими руками, причем она тщательно вырезалась и подгонялась под меченосца, для удобства его хватки. Обсидиановые пластины не просто вставлялись в дерево: мечу придавалось такое значение, что при его изготовлении в ход шла даже магия. Острые сколы обсидиана крепились в прорезях с помощью волшебного клея, в состав которого входили жидкий оли, драгоценная душистая смола копали и свежая кровь, которую поставляли жрецы бога войны Уицилопочтли.

Из обсидиана получаются зловещего вида наконечники стрел и копий или лезвия мечей, блестящие, словно кристаллы кварца, но черные, как Миктлан, загробный мир. Правильно обработанный, этот камень имеет грани столь острые, что с его помощью можно делать разрезы, тонкие, как травинка, и наносить глубокие, рассекающие раны. Единственным его недостатком является то, что обсидиан хрупок и может разбиться от удара о щит или меч противника. Но даже при этом в руках сильного, опытного бойца макуауитль с обсидиановыми лезвиями представляет грозное оружие, рассекающее человеческую плоть и кости с такой легкостью, словно это пучок травы. Ибо – о чем постоянно напоминал нам Пожиратель Крови – на войне враги являются не людьми, а всего лишь сорняками, каковые необходимо скосить.

Точно так же как наши стрелы, дротики и копья имели наконечники из резины, так и учебные мечи делали такими, чтобы мы не могли случайно изувечить друг друга. Основная планка изготовлялась из легкого дерева с мягкой древесиной, так что при нанесении слишком сильного удара такой меч просто ломался. Ну а по краям его вместо острых обсидиановых пластин вставлялись перья. Перед тем как двое учеников вступали в учебный поединок, наставник смачивал эти перья красной краской, с тем чтобы каждый нанесенный удар оставлял четкую отметину, похожую на настоящую рану. Краска была стойкой, и эти отметины сохранялись долго. За весьма короткое время мое лицо и тело оказались испещрены красными метками, так что мне стало неловко появляться на людях. Именно тогда наш куачик поговорил со мною наедине. Он был суровым, многоопытным бойцом, твердым, как обсидиан, и, вероятно, не получившим, кроме воинских навыков, никакого образования, но при всем том далеко не глупцом.

Представ перед Пожирателем Крови, я, как подобало, выразил свое почтение ритуальным жестом, целуя руку и землю, после чего, не вставая с колен, сказал:

– Наставник, тебе уже ведомо, что глаза мои слабы. Боюсь, ты напрасно тратишь время и терпение, пытаясь обучить меня воинскому искусству. Окажись все эти метки на моем теле настоящими ранами, я давно уже был бы мертв.

– И что с того? – прохладно произнес он, после чего присел, чтобы я лучше мог его слышать. – Внемли мне, Связанный Туманом, я поведаю тебе о человеке, повстречавшемся мне некогда в Куаутемалане, стране Спутанного Леса. Может быть, ты знаешь, что тамошние жители, все до единого, очень боятся смерти. Вот и этот человек, проявляя крайнюю осторожность, избегал малейшей угрозы, а ведь вся наша жизнь полна риска. Он окружил себя целителями, жрецами и кудесниками, вкушал только самую питательную пищу и хватался за всякое снадобье, о котором говорили, будто оно укрепляет здоровье. Ни один человек в мире никогда не заботился о своей жизни лучше. Он жил только ради того, чтобы продолжать жить.

Пожиратель Крови умолк. Я подождал, но поскольку продолжения не последовало, спросил:

– И что же, наставник, стало с этим человеком? – Он умер. – И это все? – А что еще в конечном счете происходит с любым человеком? Я и не помню, как его звали. Никто ничего не помнит о нем, кроме того, что он жил, а потом умер.

После очередной паузы я сказал: – Наставник, я знаю, что если буду убит на войне, то моя смерть послужит насыщению богов, они щедро наградят меня в загробном мире, и, возможно, мое имя не будет забыто. Но не могу ли я, прежде чем настанет мой черед умереть, сделать в этом мире что-то по-настоящему важное и полезное?

– Мой мальчик, если, оказавшись в бою, ты нанесешь хотя бы один верный удар, можешь считать, что ты уже совершил нечто важное и полезное. Даже если в следующий момент тебе суждено быть убитым, ты уже достигнешь большего, чем все те люди, которые влачат свое жалкое существование до тех пор, пока боги не устают смотреть на пустую суетность их жизней и не смахивают их в пропасть забвения.

Пожиратель Крови поднялся. – Связанный Туманом, вот мой собственный макуауитль, долго служивший мне верой и правдой. Возьми его. Только постарайся почувствовать рукоять.

Должен признаться, что, когда мне впервые в жизни довелось взять в руки боевое оружие, а не игрушечную щепку, окаймленную перьями, меня охватило радостное возбуждение. Меч был тяжел, просто зверски тяжел, но сам его вес как бы возглашал: «Во мне сила!»

– Вижу, ты размахиваешь им, держа в одной руке, что под силу лишь очень немногим мальчикам твоего возраста, – промолвил наставник. – А теперь, Связанный Туманом, иди сюда. Видишь этот крепкий нопали? А ну нанеси по нему смертельный удар.

Кактус был старый, величиной почти с дерево. Его колючие зеленые листья походили на весла, а покрытый коричневатой корой ствол не уступал по толщине моей талии. Я сделал мечом пробный взмах и, действуя одной лишь правой рукой, полоснул обсидиановым клинком по растению. Лезвие с голодным причмокиванием погрузилось в кору.

Я высвободил его, перехватил рукоять обеими руками, замахнулся и, вложив в него всю свою силу, нанес новый удар, рассчитывая, что на сей раз лезвие вонзится гораздо глубже. Эффект, однако, превзошел все мои ожидания: меч начисто разрубил ствол кактуса, разбрызгав его сок, словно бесцветную кровь. Верхняя часть нопали с треском повалилась вниз, и нам с наставником пришлось отскочить в сторону, чтобы не угодить под усеянную острыми колючками падающую массу.

– Аййа, Связанный Туманом! – восхищенно воскликнул Пожиратель Крови. – Пусть ты и лишен некоторых других качеств, но зато обладаешь силой прирожденного воина.

Я покраснел от удовольствия, однако вынужден был сказать: – Да, наставник. Силы мне не занимать, и я могу нанести мощный удар. Но как насчет моего плохого зрения? Что, если этот удар придется вовсе не по цели, а то я и вовсе задену кого-нибудь из своих?

– Ни один куачик, отвечающий за новобранцев, никогда не отведет тебе в боевом порядке такое место, где существует риск подобного несчастья. В Цветочной Войне командир поместит тебя среди «пеленающих», тех, кто носит при себе веревки, с тем чтобы связывать пленных и конвоировать их домой для принесения в жертву. Ну а на настоящей войне твое место будет в тыловом отряде, среди «поглощающих», чьи ножи даруют избавление от страданий тем воинам, и своим, и вражеским, которые, будучи раненными, остались лежать на земле, в то время как сражение пронеслось дальше.

– «Пеленающие» и «поглощающие», – пробормотал я. – Едва ли в рядах и тех и других можно стяжать славу героя или заслужить награду в загробном мире.

– Прежде ты говорил об *этом* мире, – строго напомнил мне наставник, – причем говорил о службе, а не героизме. Даже самые смиренные могут служить с пользой. Припоминаю, что было, когда мы вступили в дерзкий город Тлателолько, дабы присоединить его к нашему

Теночтитлану. Воины этого города, разумеется, сражались с нами на улицах, но женщины, дети и дряхлые старики стояли на крышах домов и бросали оттуда на нас большие камни, гнезда, полные сердитых ос, и даже пригоршни собственных испражнений!

Здесь, о писцы моего господина, мне следует остановиться и кое-что пояснить, ибо среди множества войн, которые мы вели, сражение за Тлателолько стояло особняком. Наш Чтимый Глашатай Ашаякатль просто счел необходимым покорить этот надменный город, лишить его независимости и силой заставить его жителей признать власть нашей великой столицы Теночтитлана. Но, как правило, остальные наши войны против других народов не имели своей целью завоевания, во всяком случае в том смысле, в каком ваши войска завоевали всю эту страну, назвав ее Новой Испанией и превратив в покорную колонию великой Испании, вашей родины. Мы тоже побеждали другие народы и приводили их к покорности, но их страны при этом не прекращали существовать. Мы сражались для того, чтобы показать свою мощь и востребовать с менее сильных дань. Когда другой народ покорялся и признавал зависимость от Мешико, он оставался жить на своей земле, возглавляемый собственными вождями, и продолжал пользоваться всем, что даровали ему боги – золотом, пряностями, оли, да чем угодно, – за исключением определенной доли, которая отныне изымалась и должна была ежегодно доставляться ко двору нашего Чтимого Глашатая.

Кроме того, если возникала нужда, воины покоренных народов должны были принимать участие в наших походах. Однако все эти племена сохраняли свои названия, свой привычный уклад жизни и свою религию. Мы не навязывали им свои законы, обычаи или своих богов. Например, бог войны Уицилопочтли был *нашим* богом. Именно его милостью мешикатль были возвышены над прочими народами, и мы вовсе не собирались делить щедроты этого бога с кем-либо еще. Напротив, побеждая те или иные племена, мы нередко обнаруживали новых богов (или новые воплощения известных богов) и, сделав копии их статуй, устанавливали в наших храмах.

Должен признать, что по соседству с нами существовали и такие народы, добиться от которых признания покорности и уплаты дани нам так и не удалось. Примером тому прилегающий к нам с востока Куаутлашкалан, земля Орлиных Утесов, называемая нами обычно просто Тлашкала, Утесы или Скалы. Вы, испанцы, по какой-то причине предпочли назвать ее Тласкала, что вызывает смех, поскольку это слово означает на нашем языке попросту «тортилья».

Тлашкала была подобна острову, ибо со всех сторон ее окружали подвластные нам страны. Однако ее правители упорно отказывались подчиниться нам хоть в чем-то, и поэтому их земля находилась в изоляции и испытывала большие трудности со ввозом многих необходимых товаров. Если бы жители Тлашкалы не торговали с нами, хоть и скрепя сердце, священной смолой копали, которой богаты их леса, у них не было бы даже соли, чтобы приправить пищу.

Поскольку наш юй-тлатоани не поощрял торговлю с тлашкалтеками, надеясь, что рано или поздно они смирят свою гордыню и покорятся, упрямцам приходилось испытывать тяжкие, унизительные лишения. Например, они вынуждены были обходиться лишь собственным хлопком, которого там растет очень мало, отчего даже их знати приходилось носить мантии из хлопка, смешанного с грубыми волокнами конопли, или магуй. В Теночтитлане в такой одежде ходили только рабы или дети. Понятно, что жители Тлашкалы ненавидели нас от всей души, и вам хорошо известно, какие суровые последствия возымела эта ненависть и для нас, и для самих тлашкалтеков, и для всех, населявших те земли, которые ныне именуются Новой Испанией.

– И кстати, – сказал мне Пожиратель Крови в ходе того памятного разговора, – как раз сейчас наши войска постыдно увязли на западе, в борьбе с упорствующим в неподчинении нашей воле народом. Предпринятая Чтимым Глашатаем попытка вторжения в Мичоакан,

страну Рыбаков, была с позором для нас отбита. Ашаякатль рассчитывал на легкую победу, ибо ни во что не ставил медные клинки этих пуремпече, однако они нанесли нам поражение.

– Но как, наставник? – удивился я. – Как мог миролюбивый народ, вооруженный не твердым обсидианом, а мягкой медью, дать отпор непобедимому Мешико?

Старый воин пожал плечами. – Может быть, пуремпече и не выглядят воинственными, однако, защищая свою родину, озерный край Мичоакан, они сражаются с великой яростью и отвагой. К тому же, по слухам, они обнаружили какой-то магический металл, который замешивают в свою медь, пока она еще расплавлена. Выкованные из этого сплава клинки обретают такую прочность, что наши обсидиановые лезвия кажутся в сравнении с ними сделанными из коры.

– Чтобы рыбаки и земледельцы побили могучих воинов Ашаякатля… – пробормотал я себе под нос.

– Можешь быть уверен, мы снова вторгнемся в их край, – промолвил Пожиратель Крови. – До сих пор Ашаякатль хотел всего лишь получить доступ к их богатым рыбой заводям и плодоносным долинам, но теперь к этому добавилось стремление раздобыть секрет магического металла. Он выступит против пуремпече снова, и когда это случится, ему потребуется каждый, кто способен шагать в строю. Даже… – Наставник умолк, но потом продолжил: – Даже ветеран с негнущимися суставами вроде меня или тот, кто сможет служить разве что «пеленающим» или «поглощающим». Нам всем, мой мальчик, до́лжно быть закаленными, обученными и готовыми к бою.

Вышло, однако, так, что Ашаякатль умер прежде, чем успел снова вторгнуться в Мичоакан, находящийся в том краю, который вы теперь называете Новой Галисией. При следующем Чтимом Глашатае мы, мешикатль и пуремпече, ухитрялись жить в своего рода взаимном уважении. И мне вряд ли стоит напоминать вам, почтенные братья, что ваш собственный военачальник, этот мясник Белтран де Гусма́н, и по сей день все еще пытается сокрушить упорно сопротивляющиеся отряды своенравного племени. Пуремпече держат оборону вокруг озера Чапалан и в других отдаленных уголках Новой Галисии, отказываясь покориться вашему королю Карлосу и вашему Господу Богу.

Я рассказал о войнах, которые велись ради завоевания соседних народов. Уверен, что природа таких войн понятна даже вашему кровожадному Гусману, хотя, конечно, ему в жизни не уразуметь, как можно сохранять побежденным не только жизнь, но и право на самоуправление. Но сейчас позвольте мне рассказать о наших Цветочных Войнах, ибо все, что связано с ними, остается непонятным для белых людей. «Как, – спрашивали меня многие, – могло быть, чтобы дружественные народы вели между собой столько совершенно ненужных, ничем не спровоцированных войн? И чтобы при этом ни одна из сторон даже не пыталась победить?»

Я по мере сил постараюсь вам это объяснить. Любая война по самой своей природе угодна нашим богам, ибо воин, умирая, проливает кровь, влагу жизни, самый драгоценный дар, который может преподнести им человек. В войне завоевательной или карательной целью является окончательная победа, и воины обеих сторон сражаются, чтобы убить или быть убитыми. Недаром мой наставник называл врагов сорняками, которые необходимо выкосить. В ходе таких войн лишь немногие попадали в плен, чтобы умереть впоследствии в ходе церемониального жертвоприношения. Но умирал ли воин на поле боя или на алтаре храма, его смерть считалась Цветочной Смертью, почетной для него самого и угодной богам. Во всем этом, если взглянуть на происходившее с точки зрения богов, был только один минус: войны происходили недостаточно часто. Они случались лишь время от времени, а насыщающая кровь, равно как и павшие воины, которые становились их слугами в загробном мире, требовались богам постоянно. Бывало, между двумя войнами проходили долгие годы, и все это время богам приходилось

поститься и ждать. Что, разумеется, раздражало их, и в год Первого Кролика они дали нам об этом знать.

Это случилось лет за двенадцать до моего рождения, но отец отчетливо помнил те события и частенько рассказывал о них, печально покачивая головой. В тот год боги наслали на все плато самую суровую зиму на людской памяти. Мало того что стужа и пронизывающие, обжигающие холодом ветра безвременно унесли жизни многих младенцев, болезненных старцев, домашних животных и даже диких зверей, так шестидневный снегопад еще и погубил прямо на корню все наши зимние посевы. В ночном небе наблюдались таинственные огни, полоски окрашенного холодом свечения, которые отец описывал как «богов, зловеще шагавших по небесам». По его словам, лица их «оставались неразличимы: народ лицезрел лишь мантии из белых, зеленых и голубых перьев цапель».

И это было только начало. Весна не просто положила конец холоду, но принесла палящую, изнуряющую жару, а в сезон дождей дождей не последовало. Ту часть наших посевов и животных, которая смогла пережить стужу и снегопад, теперь губила засуха. И этому бедствию не было видно конца и края. Следующие годы оказались такими же: стужа сменялась жарой и засухой. Во время холодов наши озера замерзали, а в жару съеживались: вода в них нагревалась и становилась такой соленой, что рыба гибла, всплывала брюхом кверху и гнила, наполняя воздух зловонием.

Этот период, который старые люди и по сию пору зовут Суровыми Временами, продлился пять или шесть лет. Ййа, аййа, должно быть, эти времена были не просто суровы, а ужасны, если нашим гордым, самолюбивым масехуалтин приходилось продавать себя в рабство. Видите ли, другие народы, жившие за пределами этого плато, в южных нагорьях и в прибрежных Жарких Землях, не подверглись подобным напастям. Они предлагали нам на обмен плоды своих по-прежнему щедрых урожаев, но с их стороны это вовсе не было великодушием, ибо они знали, что нам почти нечего предложить в ответ, только самих себя. Наши соседи, особенно те, кому прежде приходилось признавать наше превосходство, были рады возможности покупать «чванливых мешикатль» в качестве рабов и унижать нас еще сильнее, предлагая ничтожную плату.

В ту пору за крепкого работящего мужчину давали в среднем пятьсот початков маиса, а за женщину в детородном возрасте – всего четыреста. Если семья имела только одного пригодного для продажи ребенка, то этим мальчиком или девочкой приходилось пожертвовать, чтобы остальные домочадцы не умерли с голоду. Если в семье были только младенцы, ее глава продавал себя. Но долго ли могла продержаться семья на четырех или пяти сотнях маисовых початков? И что было делать, кого продавать после того, как эти початки оказывались съедены? Даже вернись нежданно Золотой Век, разве могла семья выжить без работающего отца? Да и Золотой Век что-то не наступал…

Все это происходило в правление Мотекусомы Первого, который, пытаясь облегчить страдания народа, опустошил и государственную, и свою личную казну. Наконец, когда все хранилища и амбары опустели, а никаких признаков конца Суровых Времен не наблюдалось, Мотекусома и его Змей-Женщина созвали Совет Старейшин, на который пригласили провидцев и прорицателей. За точность не поручусь, но рассказывают, будто на том достопамятном совещании происходило следующее.

Один седовласый кудесник, потративший месяцы, бросая гадательные кости и сверяя результаты со священными книгами, провозгласил:

– О Чтимый Глашатай, боги наслали на нас голод, дабы показать, что они сами испытывают такие же страдания. Боги голодают, ибо со времени нашего последнего вторжения в Тлашкалу, а оно имело место в год Девятого Дома, мы не вели войн и лишь изредка преподносили богам дары, освященные кровью. Запас пленников у нас иссяк, а одними преступниками и добровольцами богов не насытить. Им требуется много крови.

– Выходит, нужна новая война? – задумчиво промолвил Мотекусома. – Но Суровые Времена ослабили наш народ, и даже у лучших воинов едва ли хватит сил на то, чтобы совершить поход к вражеской границе, не говоря уж о том, чтобы вступить в бой.

– Это так, о Чтимый Глашатай. Но есть возможность совершить массовое жертвоприношение, не затевая войны.

– Ты предлагаешь перерезать наших людей прежде, чем они умрут с голоду? – саркастически спросил правитель. – Но они так исхудали и иссохли, что, пожалуй, нам со всего города не нацедить столько крови, чтобы ее хватило для утоления божественной жажды.

– Верно, Чтимый Глашатай. И в любом случае, это было бы столь жалкое подаяние, что боги, скорее всего, отвергли бы его с презрением. Нет, господин, без войны не обойтись, но это должна быть необычная война…

Так или примерно так рассказывали мне о том, откуда пошли Цветочные Войны и как была начата первая из них.

Самые сильные державы, расположенные в центре плато, составляли Союз Трех. В него входили: Мешико (со столицей в Теночтитлане); страна, населенная народом аколхуа, что лежит на восточном берегу озера (со столицей в Тескоко); а также земля, расположенная на западном побережье, жители ее называются текпанеками (со столицей в Тлакопане). На юго-востоке проживали три народа помельче: тлашкалтеки, о которых я уже говорил (напомню, их столица Тлашкала); уэшоцинеки, со столицей в Уэшоцинко; и некогда могущественные тьянья, или, как звали их мы, миштеки, чьи владения к тому времени уменьшились до размеров города Чолула с ближайшими окрестностями. Первые, о чем уже говорилось, были нашими врагами, но вторые и третьи еще издавна платили нам дань и считались, хоть и не по своей воле, нашими, пусть и не совсем полноправными, союзниками. Суровые Времена принесли трем названным народам такие же бедствия, как и народам, входившим в Союз Трех.

После совета со старейшинами Мотекусома устроил другой, с правителями Тескоко и Тлакопана, и эти вожди начертали и направили правителям городов Тлашкала, Чолула и Уэшоцинко послание. Звучало оно приблизительно так:

«Давайте устроим войну, целью которой будет не уничтожение, но выживание всех наших народов. Мы все разные, но Суровые Времена принесли нам одинаковые лишения, и мудрые люди говорят, что единственная наша надежда на спасение – это умилостивить богов человеческими жертвоприношениями. Поэтому мы предлагаем устроить сражение войск нашего Союза с войсками ваших трех городов и сделать это на равнине Акачинанко, которая не принадлежит никому и лежит в достаточном отдалении от всех владений. Эта война будет иметь своей целью не установление власти, присоединение территории, наложение дани или грабеж, но лишь захват пленных, каковым будет дарована Цветочная Смерть. Как только все стороны захватят столько пленников, сколько необходимо для ублажения их богов, это будет доведено до сведения командующих, после чего сражение немедленно прекратится».

Это, по понятиям испанцев, совершенно невероятное предложение было принято всеми заинтересованными сторонами, включая и воинов, которых вы называете безумными самоубийцами, ибо они сражались не ради победы или добычи, но выходили на бой, не суливший им ничего, кроме весьма вероятной безвременной кончины. Но скажите, разве среди состоящих на службе у вашего короля солдат не нашлось бы людей, готовых выйти на бой под любым предлогом, лишь бы избавиться от удручающей скуки, царящей в гарнизонах в мирное время? А у наших воинов, по крайней мере, имелся стимул: они знали, что если погибнут в бою или на алтаре врагов, то этим заслужат благодарность всего народа за то, что угодили богам, которые, в свою очередь, одарят их блаженством в загробном мире. К тому же в те Суровые Времена, когда так много народу бесславно умирало от голода, у мужчин были все основания предпочесть гибель от меча или жертвенного ножа.

Так была задумана первая Цветочная Битва, которую провели там, где и было предложено жрецами, хотя путь к равнине Акачинанко для всех шести армий оказался столь долгим и утомительным, что воинам, прежде чем они вступили в сражение, потребовался отдых. Так или иначе, но народу в той битве полегло немало, ибо некоторые воины, войдя в раж, дрались как на настоящей войне. Ведь солдату, обученному убивать, трудно воздержаться от убийства. Однако чаще по взаимному соглашению удары наносились не обсидиановым лезвием, но плоской частью меча. Оглушенные такими ударами люди не добивались «поглощающими», но попадали в руки «пеленающих». Спустя всего два дня состоявшие при каждом войске жрецы сочли число захваченных пленников достаточным для ублажения своих богов, и командующие один за другим стали разворачивать над полем знамена, призывая окончить сражение. Схватки, все еще продолжавшиеся кое-где на равнине, прекратились, и шесть усталых армий разошлись по домам, уводя с собой еще более усталых пленников.

Эта первая, пробная, Цветочная Война состоялась в середине лета, то есть в самый разгар сезона, коему следовало быть сезоном дождей, но который в Суровые Времена был сезоном зноя и засухи. Вожди всех шести народов договорились также и о том, чтобы все пленные, во всех шести городах, были принесены в жертву одновременно. Сейчас уже никто не возьмется сказать точно, сколько людей встретило в тот день свою смерть в Теночтитлане, Тескоко, Тлакопане, Тлашкале, Чолуле и Уэшоцинко, но в любом случае счет шел на тысячи. Вы, почтенные братья, можете считать это простым совпадением, ибо Господь Бог, разумеется, не был к тому причастен, однако в тот самый день, когда на пирамидах пролилась человеческая кровь, кто-то сорвал печать с облачных кувшинов и на все обширное плато, от края до края, пролился животворный ливень. Суровые Времена подошли к концу.

К тому же в тот самый день многие жители всех шести городов в первый раз за несколько лет наелись досыта, ибо вкусили останки жертвенных ксочимикуи. Боги довольствовались вырванными из груди и растертыми на их алтарях человеческими сердцами, тела жертв им нужны не были, но зато они очень даже пригодились собравшимся людям. Тела ксочимикуи, еще теплые, скатывались вниз по ступеням пирамиды, а поджидавшие внизу рубщики мяса рассекали их на части и делили среди толпившихся на площади людей. Черепа раскалывали и извлекали оттуда мозги, руки и ноги разрубали на куски, гениталии и ягодицы отчленяли, а печень и почки вырезали. Эти порции не просто кидали в толпу, их распределяли с восхитительным здравым смыслом, а народ, со столь же восхитительным терпением, ждал. По понятным причинам мозг доставался жрецам, гениталии – молодым семейным парам. Не столь значимые ягодицы и внутренности отдавали беременным женщинам, кормящим матерям и многодетным семьям. Остатки голов, рук, ступней и торсов, в которых больше костей, чем мяса, откладывали в сторону, чтобы удобрить землю для будущего урожая.

О том, являлось ли изначально это пиршество еще одним преимуществом замысла тех, кто придумал Цветочные Войны, я судить не берусь. Может быть, да, а может быть – и нет. Все народы, населявшие наши края, издавна употребляли в пищу все живое, что выращивали или добывали себе на потребу: дичь, домашнюю птицу, собак. Ели также ящериц, насекомых и кактусы, но на тела соплеменников, умерших в Суровые Времена, никто никогда не покушался. Это можно было бы счесть неразумным, но, как бы ни голодали населявшие наши края народы, умерших соотечественников они, в соответствии со своими обычаями, предавали земле или огню. Однако теперь благодаря Цветочной Войне люди получили множество трупов врагов (пусть они стали врагами лишь по договоренности), так что угрызений совести в этом случае никто не испытывал.

В последующие годы никогда не повторялись ни столь массовая резня, ни столь массовое пиршество, ибо необходимости в насыщении голодной толпы уже не возникало. Поэтому жрецы разработали и установили порядок поедания жертвенных трупов, превратив это действо в ритуал. Впоследствии воинам, захватившим пленных, отдавали лишь символические

кусочки мышц убиенных, которые они съедали в строгом соответствии с установленным обрядом. Остальное же мясо распределялось среди действительно бедных людей, в основном рабов, а в таких городах, где, как в Теночтитлане, имелись общественные зверинцы, трупы скармливались животным.

Человеческая плоть, как почти всякое другое мясо, будучи надлежащим образом разделана, приправлена и приготовлена, представляет собой вкусное блюдо и за отсутствием другой мясной пищи вполне годится для пропитания. Другое дело, что, подобно тому как браки между родственниками (а таковые были распространены среди нашей знати) хотя и приносили порой превосходные плоды, но чаще вели к вырождению потомства, так и люди, постоянно питающиеся человеческим мясом, надо думать, обрекают себя на упадок. Точно так же как род, дабы процветать и здравствовать, нуждается в притоке свежей крови со стороны, так и кровь человека улучшается благодаря употреблению мяса других животных. Таким образом, как только Суровые Времена миновали, поедание убитых ксочимикуи стало для всех, кроме совсем уж бедных, не более чем религиозным ритуалом.

Однако первая Цветочная Война, уж не знаю, было это совпадением или нет, привела к такому успеху, что те же самые шесть народов впоследствии постоянно продолжали затевать подобные войны, дабы оградить себя от возможного гнева богов и не допустить повторения Суровых Времен. Правда, осмелюсь предположить, что в дальнейшем у Мешико не было особой нужды в такой уловке, ибо Мотекусома и Чтимые Глашатаи, которые стали его преемниками, больше не допускали того, чтобы промежутки между настоящими войнами затягивались на годы. Редко бывало, чтобы наши войска не находились в походе, увеличивая число племен, платящих нам дань. Однако аколхуа или текпанеки, не столь могущественные и воинственные, вынуждены были затевать Цветочные Войны, ибо им больше негде было черпать жертвы для своих богов, а Теночтитлан, ставший прародителем подобных сражений, охотно продолжал в них участвовать. В таких случаях Союз Трех по-прежнему выступал против тлашкалтеков, миштеков и уэшоцинеков.

Воинам было все равно, где сражаться. Вероятность не вернуться с завоевательной или с Цветочной Войны была одинаковой, равно как и возможность стяжать славу героя и заслужить награду имелась как и у того, кто устилал поле боя телами убитых врагов, так и у того, кто приводил с равнины множество живых пленников.

– И запомни, Связанный Туманом, – сказал мне Пожиратель Крови в тот памятный день, – ни один воин – ни в настоящей войне, ни в Цветочной – не должен заранее настраиваться на смерть или пленение. Ему следует надеяться выжить, победить и вернуться с войны героем. Не стану лицемерить, мой мальчик, воин вполне может погибнуть вопреки всем своим надеждам и чаяниям, однако если он пойдет в бой, не рассчитывая завоевать победу для своего войска и славу для себя, вот тогда он погибнет наверняка.

В ответ я, не желая выглядеть малодушным, высказался в том смысле, что не боюсь смерти в бою или на жертвеннике, хотя, по правде сказать, и то и другое вовсе меня не привлекало. Я прекрасно понимал, что в любом случае, хоть на настоящей войне, хоть на Цветочной, я все равно окажусь разве что среди «пеленающих» или «поглощающих», обязанности которых с равным успехом можно было возложить и на женщин. Поэтому я спросил наставника, не кажется ли ему, что я мог бы принести народу Мешико бóльшую пользу, будь у меня возможность проявить другие свои таланты?

– Какие такие другие таланты? – пробурчал Пожиратель Крови. На миг этот вопрос поставил меня в тупик, но потом мне подумалось, что, добившись успеха в искусстве рисуночного письма, я вполне мог бы сопровождать армию в качестве отрядного летописца. Мог бы сидеть в сторонке, где-нибудь на вершине холма, и описывать действия командиров и особенности хода сражений в назидание будущим военачальникам.

Однако когда я изложил все это наставнику, старый вояка посмотрел на меня с раздражением.

– Сначала ты говоришь, будто видишь слишком плохо для того, чтобы сражаться с противником лицом к лицу, а потом заявляешь, якобы способен издали, со стороны узреть всю сложность битвы. Связанный Туманом, если ты добиваешься того, чтобы тебя освободили от военной подготовки, то выброси эту дурь из головы. Даже если бы я и захотел, то все равно не смог бы освободить тебя от занятий, ибо не могу нарушить предписание.

– Предписание? – озадаченно пробормотал я. – Что еще за предписание, наставник? Чье?

Он раздраженно нахмурился, как будто я поймал его на невольной обмолвке, и проворчал:

– Я сам устанавливаю себе предписания, ясно? Я сам налагаю на себя обязательства в отношении учеников, а мое глубокое убеждение состоит в том, что каждый мужчина за свою жизнь просто обязан побывать хоть на одной войне, на худой конец, поучаствовать хоть в одном бою. Если он уцелеет, это научит его по-настоящему ценить жизнь. Все, мой мальчик. Жду тебя, как обычно, завтра вечером.

С тех пор я регулярно ходил на военные занятия, да и что еще мне оставалось? Будущее по-прежнему представлялось мне неясным, но в одном я был уверен: чтобы избежать ненужных и неподходящих тебе обязанностей, существуют два пути. Следует доказать или полную свою неспособность к тому, что тебе хотят навязать, или же, наоборот, убедить начальствующих, что ты слишком хорош для такого дела и годишься на большее. Если бы мне удалось стать искусным писцом, никому и в голову бы не пришло, что я должен проливать свою кровь на поле боя. Поэтому я усердно посещал как Дом Созидания Силы, так и Дом Обучения Обычаям, а в свободное время тайком, неустанно и не жалея сил старался разобраться в секретах искусства изображения слов.

Будь этот жест еще в обычае, ваше преосвященство, я поцеловал бы землю. Но раз он ушел в прошлое, я просто распрямлю свои старые кости и встану, чтобы поприветствовать ваше появление так же, как это сделали почтенные братья.

Для меня большая честь, что вы, ваше преосвященство, вновь соблаговолили почтить нашу маленькую группу своим присутствием и уж тем более – услышать, как далеко вы продвинулись в изучении записей моего рассказа. Однако должен признаться, что некоторые вопросы, которые пытливо задает ваше преосвященство касательно уже изложенных мной ранее событий заставляют меня в смущении, даже в некотором стыде, опустить веки.

Да, ваше преосвященство, на протяжении всех тех лет взросления, о которых шла речь, я и моя сестра продолжали получать плотское удовольствие друг от друга. Да, ваше преосвященство, мы, конечно, понимали, что предаемся греху.

Скорее всего, Тцитцитлини знала об этом с самого начала, но я был моложе и лишь со временем стал сознавать, что мы с ней занимаемся чем-то непозволительным. Потом, уже повзрослев, я понял, что наши женщины всегда узнавали о тайнах плоти раньше мужчин, и подозреваю, что то же самое справедливо по отношению к женщинам всех рас, включая и вашу, белую. Ибо похоже, что девицы повсюду склонны с малолетства шушукаться, пересказывая одна другой на ушко секреты, выведанные ими насчет своих и мужских тел, а равно и общаться со вдовами и старухами, которые – может быть, потому, что их собственные соки давно засохли, – радостно или злокозненно норовят наставлять молодых девушек в женских хитростях, уловках и обманах.

Я сожалею о том, что недостаточно пока сведущ в новой христианской религии, чтобы знать обо всех ее правилах и предписаниях на эту тему, хотя предполагаю, что она косо смотрит на любые соития, кроме производящихся венчанными супругами-христианами ради появления на свет христианских младенцев. Ведь даже у нас, язычников, существовало множество законов и огромное количество обычаев, ограничивавших эту сторону жизни.

Незамужней девушке предписывалось хранить целомудрие, а ранние замужества не поощрялись жрецами, ибо в таком случае женщине пришлось бы в своей жизни слишком много и часто рожать. А где жить и чем питаться слишком многочисленному потомству? Правда, девушка могла не выходить замуж, а стать ауаниме, оказывающей плотские услуги воинам. Это занятие, хотя и не пользовалось особым уважением, считалось вполне законной профессией. Девица, непригодная для брака в силу уродства или какого-либо физического недостатка, могла стать платной маатиме. Находились также девушки, сознательно сохранявшие невинность, чтобы снискать честь быть принесенными в жертву на какой-нибудь церемонии, где требовалась девственница, а некоторые поступали так, чтобы, подобно вашим монахиням, до конца своих дней быть прислужницами при храмах. Правда, состояли они не столько при храмах, сколько при жрецах, а потому люди много чего болтали насчет того, в чем именно заключалась их служба и как долго сохранялась их девственность.

В отношении мужчин соблюдение целомудрия до вступления в брак не считалось таким уж обязательным, ибо им для плотских утех всегда были доступны маатиме или рабыни, да и вообще, очень трудно доказать или опровергнуть, что юноша уже имел дело с женщинами. Впрочем, могу сообщить вам по секрету, сам я узнал об этом от сестры, что если только у женщины есть время подготовиться к первой брачной ночи, она легко может убедить мужа в своей девственности. Некоторые старухи специально откармливают голубок темно-красными семенами какого-то им одним известного цветка, а потом продают яйца этих птиц предполагаемым девственницам. Голубиное яйцо настолько мало, что его можно без труда ввести в женское лоно, а скорлупа у него такая хрупкая, что возбужденный жених ничего не заподозрит, тем более что желток этого яйца имеет цвет крови. Кроме того, старухи продают женщинам вяжущую мазь, изготовленную из ягоды, которую вы называете крушиной, и эта мазь стягивает влагалище, вновь делая его тесным, как в юности…

Если такова воля вашего преосвященства, я, конечно же, постараюсь в дальнейшем воздержаться от излишних подробностей.

Изнасилование считалось у нас преступлением, но случалось это довольно редко, по трем причинам. Во-первых, почти невозможно было совершить изнасилование, не оказавшись при этом пойманным: общины наши не отличались многочисленностью, все друг друга знали, а чужаки всегда были на виду. Во-вторых, чтобы удовлетворить похоть, нашему мужчине не требовалось прибегать к насилию, ибо к услугам вожделеющего всегда имелись маатиме и рабыни. Ну и наконец, изнасилование каралось смертной казнью. Такая же кара полагалась за прелюбодеяние, за куилонйотль, то есть мужеложство, и за патлачуиа, соитие между женщинами. Правда, эти преступления, вероятно не столь уж редкие, выходили наружу нечасто, если только виновных не застигали с поличным. В противном случае доказать приверженность таким порокам так же трудно, как и потерю невинности.

Напомню, что сейчас я говорю только о том, что запрещено или, по крайней мере, осуждается (за исключением праздников плодородия, когда торжествует показная распущенность) у нас в Мешико. Вообще мы, мешикатль, по сравнению со многими другими народами отличаемся довольно строгими нравами. Помню, что, впервые оказавшись далеко к югу отсюда, в стране майя, я был поражен тем, что во многих их храмах водосточные трубы были изготовлены в виде мужских тепули. На протяжении всего сезона дождей тепули эти беспрестанно мочились с крыш.

Хуаштеки, живущие к северо-востоку от нас, на побережье Восточного океана, вообще крайне грубы и неразборчивы в плотских связях. Я видел их храмовые рельефы с изображением мужчин и женщин, совокупляющихся во множестве поз. Кроме того, любой мужчина из этого племени, имеющий тепули больше среднего размера, горделиво выставляет его напоказ и как ни в чем не бывало разгуливает в общественных местах без набедренной повязки. Этот хвастливый обычай снискал хуаштекам репутацию обладателей особой мужской силы. Насколько это справедливо, мне неведомо. Могу лишь сказать, что когда мужчин этого племени выставляли на продажу у нас на невольничьем рынке, то наши знатные женщины, являвшиеся на торжище, скрыв лица под вуалями, и державшиеся поодаль, нередко знаками приказывали своим слугам вступить в торг.

Пуремпече, живущие в Мичоакане, что к западу отсюда, в такого рода вопросах более чем снисходительны. Например, сношение мужчины с мужчиной у них не только не наказывается смертью, но и вовсе не осуждается. Это нашло отражение даже в их письменности. Может быть, вы знаете, что символом женской тепили служит изображение маленькой раковины? Так вот, чтобы отобразить сношение между двумя мужчинами, пуремпече рисовали обнаженного мужчину с раковиной улитки, прикрывающей его настоящий член.

Что же касается соитий между сестрой и мною… Вы называете это инцест? Понятно, ваше преосвященство. Так вот, я полагаю, что подобное было запрещено у всех мне известных народов. Да, конечно, мы рисковали жизнью, ибо за кровосмешение, связь между братьями и сестрами, родителями и детьми и так далее, устанавливались особо жестокие виды казней. Правда, касалось это только нас, масехуалтин, составлявших большую часть населения. Я уже упоминал, что среди знати, стремившейся сохранить то, что они называли чистотой крови, браки между близкими родственниками были обычным делом, хотя никаких свидетельств того, чтобы это действительно улучшало породу, не имелось. Ну и конечно, ни закон, ни общественное мнение не проявляли интереса к изнасилованиям, кровосмешениям или прелюбодеяниям, если речь шла о рабах.

Вы, разумеется, можете спросить: как вышло, что мы с сестрой так долго предавались своей греховной страсти, не будучи уличенными? Отвечу: матушка, строго наказывая нас за куда менее серьезные проступки, приучила и меня, и сестру к крайней осторожности. Даже когда я стал отлучаться с Шалтокана и мои отлучки длились месяцами, мы с Тцитци при встрече ограничивались прохладным поцелуем в щеку, хотя оба за это время извелись от тоски и страсти. На людях мы сидели порознь, словно нам нет друг до друга дела, и я, скрывая внутреннее смятение, долго рассказывал жадным до новостей родичам обо всем, что увидел за пределами нашего острова. Бывало, что проходило несколько дней, прежде чем нам с Тцитци удавалось наконец уединиться в надежном, безопасном месте. Тогда мы нетерпеливо срывали одежду, набрасывались друг на друга, а утолив первую страсть, затихали рядом, словно на склоне нашего собственного, тайного вулкана. Скоро он пробуждался снова, только теперь ласки были менее бурными, но зато более прочувствованными и изощренными.

Однако мои отлучки с острова начались позже, а в ту пору нас с сестренкой ни разу не застали с поличным. Разумеется, если бы у нас, как у христиан, чуть ли не каждое соитие оборачивалось зачатием, дело обернулось бы для обоих большой бедой. Я в ту пору даже не думал о подобной опасности, ибо просто не мог себе представить, как это мальчик вдруг может оказаться отцом. Но сестра, как всякая женщина, была взрослее и мудрее, знала на сей счет больше и принимала необходимые меры предосторожности. Те же самые старухи, о которых я уже рассказывал, тайно продавали незамужним девушкам (тогда как в лавках семейным парам, не желавшим рисковать зачать ребенка всякий раз, когда они ложились в постель, такие снадобья продавались открыто) измельченный порошок корнеплода под названием тлатлаоуиуитль. Клубень его похож на сладкий картофель, только в сто раз больше. Вы, испанцы, называете

его барабоско, но, наверное, не знаете, что женщина, принимающая ежедневно дозу толченого барабоско, не рискует зачать нежеланного младенца!

Простите меня, ваше преосвященство, я и понятия не имел о том, что в моих словах есть нечто неподобающее и оскорбляющее ваши чувства. Пожалуйте, садитесь снова.

Должен сообщить, что долгое время я лично все-таки подвергался риску, но не во время близости с Тцитци, а наоборот, когда находился с нею в разлуке. В ходе наших вечерних занятий в Доме Созидания Силы отряды из шести-восьми мальчиков регулярно высылались на окрестные поля и рощи «нести дозор на случай нападения на школу». Обязанность эта была нудной, и мы скрашивали время, играя скачущими бобами в патоли. Но потом кто-то из мальчиков, я уж и забыл кто, обнаружил возможность получать удовлетворение в одиночку. Не будучи стеснительным или эгоистичным, он немедленно поделился с остальными своим открытием, и с тех пор мальчики, отправляясь в дозор, уже не брали с собой бобы, поскольку все нужное для игры имели при себе постоянно. Да, все это сводилось всего-навсего к игре. Мы устраивали соревнования и делали ставки на то, кто сможет дойти до семяизвержения больше раз, затрачивая меньше времени на восстановление сил. Это было сродни играм, затевавшимся нами в более раннем возрасте: кому удастся дальше плюнуть или помочиться. Однако новый вид соревнований был чреват для меня определенным риском.

Дело в том, что я частенько приходил на эти игры, едва покинув объятия Тцитци, так что, как вы понимаете, мой резервуар был уже опустошен, не говоря уже о способности к возбуждению. Соответственно, семяизвержения я достигал редко, да и было оно весьма скудным. Частенько я выдавливал из себя лишь капли, а порой и вовсе не мог заставить свой тепули встать. Сначала товарищи поднимали меня на смех, но потом насмешки сменились сочувствием. Некоторые особо сострадательные мальчики предлагали мне различные средства – есть сырое мясо, подольше париться в парилке и тому подобное. А два моих лучших друга – Чимальи и Тлатли – обнаружили, что достигают гораздо более волнующих ощущений, когда каждый манипулирует не собственным тепули, а тепули товарища. Поэтому они предложили…

Гнусность? Непристойность? Это терзает ваш слух? Прошу прощения, если огорчаю ваше преосвященство и вас, писцы моего господина, но я рассказываю об этих вещах не из праздной похотливости.

Несколько наших товарищей, включая и Пактли, сына правителя, пошли на разведку в ближайшую к школе деревню, где отыскали и наняли для услуг рабыню лет двадцати или постарше, а может быть, даже и тридцати. Забавно, что завали ее Тетео-Темакалиц, что означает Дар Богов. Во всяком случае, для наших патрулей, которых эта особа стала посещать почти ежедневно, она стала настоящим подарком.

Пактли имел возможность принудить рабыню к участию в наших плотских забавах, однако, по-моему, не только никакого принуждения, но даже уговоров ей не потребовалось. Во всех этих игрищах она участвовала с немалым удовольствием. Аййа, полагаю, у бедной потаскушки были на то свои причины. Коренастая, с рыхлым, как тесто, телом и потешной шишкой на носу, она едва ли могла надеяться выйти замуж даже за мужчину из низшего сословия тлакотли, к какому принадлежала и сама, а потому затея Пактли стала для девушки прекрасной возможностью удовлетворить свое вожделение. Этому занятию она предалась увлеченно и самозабвенно.

Как я уже говорил, каждый вечер на сторожевых постах в поле находились от шести до восьми мальчиков. К тому времени, когда Дар Богов заканчивала обслуживать последнего из этой компании, первый уже должен был восстановить свои силы, чтобы начать все с начала.

Не сомневаюсь, что при ее сладострастии Дар Богов вполне могла бы предаваться этому занятию и всю ночь напролет, однако постепенно она превращалась в настоящую омикетль, скользкую, слизистую, испускающую запах подгнившей рыбы. Когда это происходило, мальчишки по общему согласию прекращали игрище и отсылали рабыню домой, с тем чтобы на следующий вечер она, тяжело дыша от похотливого вожделения, вновь явилась к нам снова. Я не принимал участия в этих забавах и лишь наблюдал за ними со стороны, но как-то раз Пактли, использовав Дар Богов, шепнул ей на ухо пару слов, и девушка направилась ко мне.

– Вот что, Крот, – сказала она, поглядывая на меня искоса, – Пактли говорит, что у тебя имеются трудности. – Тут рабыня покачала бедрами, причем ее обнаженная, увлажненная тепили находилась прямо перед моим разгоряченным лицом. – Может быть, ты для разнообразия перестанешь зажимать свое копье в кулаке и вонзишь его в меня?

Чертовски смущенный ухмылками таращившихся на нас товарищей, я промямлил, что сейчас ее услуги мне не ко времени.

– Аййо! – воскликнула Дар Богов, задрав мою накидку и развязав набедренную повязку. – Да у тебя, юный Крот, есть на что посмотреть! – Она подбросила мой тепули на ладони. – Он у тебя, даже невозбужденный, больше, чем у многих мальчиков постарше. Даже больше, чем у благородного Пактцина.

Окружавшие нас мальчишки покатились со смеху, пихая друг друга в бока локтями. На сына владыки Красной Цапли я не смотрел, но и без того знал, что из-за неуместного замечания рабыни приобрел недоброжелателя.

– Конечно, – сказала она, – милостивый масехуалтин не откажет в удовольствии смиренной тлакотли. Позволь мне вооружить моего воина оружием.

С этими словами Дар Богов поместила мой член между своими большими отвислыми грудями и, сжав их вместе одной рукой, принялась ими меня массировать. Но ничего не произошло. Тогда она сделала нечто большее, чем не одаряла даже Пактли. Он надулся, скривился и отошел в сторону. И опять все оказалось тщетно, хотя она даже…

Да-да, я сейчас закончу об этом рассказывать, осталось совсем немного.

Наконец Дар Богов с досадой отказалась от своих попыток, выпустила мой тепули и раздраженно сказала:

– Надо полагать, горделивый юный воин бережет свое целомудрие для женщины, которая ему ровня.

Сплюнув, рабыня отскочила от меня и набросилась на другого мальчишку. Они повалились на землю и задергались так, словно их кусали осы…

Но, мои господа, разве его преосвященство не просил меня рассказать о плотских утехах моего народа? Но, похоже, он не в силах выслушивать мой рассказ достаточно долго, без того чтобы не покраснеть, как его мантия, и не удалиться в другое место. Между тем мне хотелось бы, чтобы он понял, к чему я клоню… Ах да, я постоянно об этом забываю… Разумеется, его преосвященство может прочесть все это потом, в более спокойной обстановке. Так я продолжаю свой рассказ, господа писцы?

Так вот, после этого ко мне подошел Чимальи и, присев рядышком, сказал:

– Кстати, я над тобой вовсе не смеялся. Дар Богов и меня не возбуждает.

– Дело ведь не только в том, что она безобразна и неряшлива, – отозвался я и пересказал Чимальи все то, насчет чего меня недавно просветил отец. О болезни нанауа, возникающей из-за нечистых соитий, болезни, которая поражает столь многих ваших испанских солдат, что они в насмешку прозвали ее «плодом земным». – Женщин, для которых их плоть служит

законным источником заработка, опасаться нечего, – сказал я Чимальи. – Например, маатиме, обслуживающие наших воинов, не только сами поддерживают себя в чистоте, но еще и постоянно осматриваются войсковыми лекарями. Однако женщин, которые готовы раздвинуть ноги перед кем попало, лучше избегать, чтобы не заразиться. Кто знает, каких грязных рабов Дар Богов обслуживает перед тем, как прийти к нам? Если ты заразишься нанауа, излечиться будет невозможно. Это страшная болезнь! Мало того что твой тепули может сгнить и отвалиться. Но гниение способно затронуть еще и мозг, ты же не хочешь превратиться в косноязычного, с трудом ковыляющего идиота?

– А ты не загибаешь, Крот? – Чимальи побледнел, бросил взгляд на извивавшихся на земле, покрытых потом юношу и женщину и пробормотал: – А ведь я тоже собирался ее поиметь, только чтобы меня не изводили насмешками. Но нет, лучше уж потерпеть, чем стать идиотом.

Он побежал к Тлатли, пересказал мои слова ему, а потом они оба донесли их до остальных. С того вечера очередь к Дару Богов сократилась, и я приметил, что в парной мои товарищи стали осматривать себя на предмет гниения. Ну а имя женщины переиначили, назвав ее Тетео-Тлайо, то есть Требуха Богов.

Некоторые мальчишки, правда, все-таки продолжали беспечно использовать ее, в том числе и Пактли. Видно, у меня на лбу было написано, как я его за это презираю, ибо однажды Пактли подошел ко мне и угрожающе сказал:

– Значит, Крот слишком печется о своем здоровье и не хочет пачкаться о маатиме? А вот по-моему, это лишь отговорка: ты и хотел бы, да не можешь! Но дело даже не в этом: советую тебе не слишком осуждать мое поведение, поскольку не стоит порочить репутацию будущего родственника.

Я воззрился на Пактли с недоумением. – Да-да, – рассмеялся он, – прежде чем сгнить от болезни, которой ты тут всех стращаешь, я успею жениться на твоей сестрице. Даже будь я и вправду убогим, волочащим ноги идиотом, она не посмела бы отказать такому знатному жениху. Правда, мне не хотелось бы ее принуждать, так что предупреждаю тебя, предполагаемый братец: Тцитцитлини не должна ничего знать о моих забавах с Даром Богов. Иначе я тебя убью.

И он зашагал прочь, не дожидаясь моего ответа, который я, впрочем, все равно не мог бы ему дать, поскольку онемел от ужаса. Не то чтобы я боялся кулаков Пактли: он уступал мне и ростом, и силой. Но будь этот юноша даже слабаком и карликом, он все равно оставался сыном нашего правителя, а теперь еще и затаил на меня злобу. А ведь я жил в постоянном страхе с самого того времени, когда мальчишки затеяли соревнования по рукоблудию, сменившиеся соитиями с Даром Богов. Разумеется, насмешки сверстников задевали меня, но страх был сильнее уязвленного самолюбия. Пусть уж лучше все будут уверены в моем мужском бессилии. Пактли был самодовольным наглецом, но не дураком, и появись у него хоть малейшее подозрение насчет того, что я вовсе не слабосилен, а просто растрачиваю свою мужскую силу в другом месте, он непременно заинтересовался бы, где именно. И уж он бы мигом догадался, что на нашем маленьком острове я не могу тайно встречаться ни с одной женщиной, кроме…

Тцитцитлини впервые обратила на себя внимание Пактли, когда, будучи еще совсем девочкой, посетила дворец: они с матушкой ходили посмотреть на казнь его старшей сестры, уличенной в измене мужу. А совсем недавно, на весеннем празднике Великого Пробуждения, Тцитци возглавляла танцовщиц на площади пирамиды, и ее танец поверг сына правителя в смятение. С тех пор Пактли всячески искал с ней встреч и прилюдно заговаривал, что считалось неприличным даже для самого благородного юноши. В последнее время он к тому же пару раз заявился в наш дом под тем предлогом, что ему якобы необходимо «поговорить с Тепетцланом о делах карьера», и нам приходилось принимать гостя. Любого другого юношу нескрываемая неприязнь Тцитци мигом отвадила бы навсегда, но только не Пактли.

И вот теперь этот мерзавец заявил, что собирается жениться на моей дорогой сестренке! В тот вечер, вернувшись домой, я дождался, когда мы расселись вокруг скатерти и отец вознес хвалу богам за ниспосланную пищу, и без обиняков заявил:

– Пактли сказал мне сегодня, что собирается взять в жены Тцитцитлини. Причем вряд ли он будет просить ее саму и родных о согласии. Пактли предупредил, что получит то, что хочет, независимо от ее или нашего желания.

Сестра вздрогнула и поднесла руку к лицу, как делают наши женщины, когда испугаются. Отец нахмурился, матушка же как ни в чем не бывало продолжала есть и лишь через некоторое время сказала:

– Если он даже и хочет этого, Микстли, так что с того? Правда, начальную школу Пактцин скоро заканчивает, но ведь, прежде чем он сможет жениться, ему придется провести несколько лет в калмекактин.

– Он вообще не может жениться на Тцитци! – возмутился я. – Пактли глупый, жадный, грязный…

Мать наклонилась через скатерть и сильно ударила меня по лицу. – Вот тебе за то, что непочтительно говоришь о нашем будущем правителе. Да кто ты сам таков, чтобы порочить знатного юношу?

С уст моих рвались злые и грубые слова, но я проглотил их и сказал: – Я всего лишь один из жителей нашего острова, но мне известно, что Пактли – человек развращенный и достойный презрения…

Мать ударила меня снова. – Тепетцлан, – заявила она нашему отцу, – если он скажет еще хоть слово, тебе придется заняться исправлением этого болтливого мальчишки.

Потом матушка обратилась ко мне: – Чем болтать попусту, лучше подумал бы о том, что, когда такой знатный юноша, сын владыки Красной Цапли, женится на Тцитци, мы все тоже станем пипилтин. Или, может быть, ты, не имея ни ремесла, ни знаний, со своими дурацкими планами стать писцом сможешь возвысить семью до такого положения?

Отец прокашлялся и сказал: – Лично меня не так уж привлекает возможность добавить «цин» к нашим именам, однако я меньше всего хочу для семьи позора и бесчестья. Отказ такому знатному человеку, как Пактли, особенно если он окажет нам честь, попросив в жены нашу дочь, станет оскорблением для него и позором для всех нас. Такого позора нам не пережить, ведь в лучшем случае всей семье придется покинуть Шалтокан.

– Вовсе незачем всем бежать с острова, – с неожиданной твердостью промолвила Тцитци. – Хватит того, что отсюда уберусь я. Если этот поганый выродок… Эй, матушка, не вздумай замахиваться! Я уже взрослая и на удар отвечу ударом.

– Ты моя дочь, и это мой дом! – возмутилась мать. – Дети, да что это на вас нашло? – воскликнул отец. – Я скажу только одно, – продолжила Тцитци, – если Пактли потребует отдать ему меня в жены и вы дадите ему согласие, то ни вы, ни он никогда больше меня не увидите. Я навсегда покину остров. Вплавь, если не могу одолжить или украсть акали. А если мне не удастся добраться до материка, то пусть я лучше утону, но ко мне никогда не прикоснется ни Пактли, ни какой-либо другой мужчина, кроме того, которому я отдамся сама!

– На всем Шалтокане, – выкрикнула, брызжа слюной, мать, – нет другой такой дерзкой, неблагодарной, наглой…

На сей раз ей пришлось умолкнуть, поскольку отец веско заявил: – Тцитцитлини, если бы эти твои неподобающие дочери слова услышали за пределами нашего дома, то даже я не смог бы простить тебя или отвести от тебя наказание. Тебя бы раздели, выпороли и обрили голову наголо. И откажись я наказать дочь сам, это сделали бы соседи в назидание своим собственным детям.

– Мне очень жаль, отец, – спокойно ответила сестра, – но тебе придется выбрать: непокорная дочь или вообще никакой.

– Я благодарю богов, что мне не нужно делать этот выбор сегодня. Как заметила твоя мать, пройдет еще несколько лет, прежде чем молодой господин сможет жениться. Так что не будем говорить об этом сейчас, в гневе или спешке. За то время, что Пактли проведет в школе, очень многое может случиться.

И я согласился с отцом, хотя и не знал, серьезно ли говорила Тцитци. Ни в тот вечер, ни в следующий мне так и не представилась возможность поговорить с ней наедине. Мы осмеливались лишь изредка обмениваться обеспокоенными и тоскующими взглядами. Однако при любом раскладе, осуществит сестра свою угрозу или нет, будущее виделось мне в самом мрачном свете. В обоих случаях – и если она сбежит от Пактли, и если уступит его домогательствам и выйдет за него замуж – я все равно ее потеряю. Конечно, если Тцитци придется лечь с ним в постель, то сестре, при ее искушенности и сообразительности, будет нетрудно убедить жениха в том, что она девственница. Но если, прежде чем это произойдет, мое поведение заставит Пактли заподозрить, что другой мужчина (а тем паче я) уже знал девушку, ярость его будет безмерной и он отомстит, причем немедленно и жестоко. Но страшнее всего даже не смерть, а то, что мы с Тцитци так и так будем друг для друга потеряны.

Аййа, с тех пор действительно много чего случилось, в том числе и со мной. Так, например, на следующий день, снова оказавшись назначенным в один караул с Пактли, я, явившись на место, застал Дар Богов уже обнаженной, распростертой на земле и на все готовой. И тут, ко всеобщему изумлению, я сорвал набедренную повязку и набросился на эту толстую шлюху, изо всех сил стараясь изобразить неопытность. Мне нужно было убедить остальных мальчиков в том, что я проделываю это впервые в жизни, и, похоже, потаскухе наше соитие доставило так же мало удовольствия, как и мне самому. Когда я, решив, что все продолжалось достаточно долго, уже приготовился было закончить это занятие, то не сумел подавить отвращения, и меня стошнило прямо на ее лицо и обнаженное тело. Мальчишки покатились со смеху. Тут уж проняло даже жалкую Требуху Богов: она подхватила свое тряпье, убежала прочь, прижав его к нагому телу, и больше у нас не появлялась.

Вскоре после этого случая одно за другим, почти подряд, произошли еще четыре примечательных события. Мне они, во всяком случае, запомнились.

Во-первых, наш юй-тлатоани Ашаякатль, будучи еще совсем молодым, скончался от ран, полученных в сражении с пуремпече, и трон Теночтитлана занял его брат по имени Тисок, Иной Лик.

Во-вторых, я и мои товарищи Чимальи и Тлатли завершили обучение в телпочкалтин. Теперь я считался «образованным», других школ для юноши моего круга на Шалтокане не было.

В-третьих, однажды вечером правитель нашего острова прислал к нам гонца, приказав мне немедленно явиться к нему во дворец.

И наконец, в-четвертых (что стало результатом третьего события), я оказался разлучен с Тцитцитлини, своей сестрой и возлюбленной.

Однако лучше рассказать обо всех этих событиях более подробно и в том порядке, в котором они происходили.

Смена Чтимого Глашатая не особенно повлияла на жизнь в провинции, да и в самом Теночтитлане правление Тисока мало чем запомнилось. Как и два его предшественника, он продолжал работы по возведению в Сердце Сего Мира Великой Пирамиды, а от себя добавил к

облику центральной площади нашей столицы Камень Битв. Этот массивный плоский цилиндр высекли по приказу Тисока из вулканической породы, громоздившейся, словно груда огромных тортилий, между незаконченной пирамидой и пьедесталом Камня Солнца.

В высоту Камень Битв достигал человеческого роста, в поперечнике имел около четырех шагов. Вдоль его обода красовались рельефы, изображавшие воинов Мешико, сражавшихся с неприятелем и захватывавших в плен врагов. На общем фоне выделялся сам Тисок. Плоская верхушка камня служила платформой для своего рода публичных поединков, в которых много лет спустя мне изредка доводилось участвовать.

Для меня лично куда более важным событием, чем смена верховного властителя, стало завершение обучения. Разумеется, о продолжении учебы за деньги в калмекактин не приходилось и мечтать, а то, что из одной школы я вынес прозвище Малинкуи, Чудик, а из другой – Пойяутла, Связанный Туманом, едва ли могло способствовать решению какой-либо из высших школ на материке пригласить меня учиться бесплатно.

Самое обидное, что я изо всех сил стремился к дальнейшему образованию, но не имел такой возможности, тогда как мои друзья Чимальи и Тлатли, не особенно ломавшие над этим вопросом голову, оба получили по приглашению от калмекактин, причем не откуда-нибудь, а из самого Теночтитлана, города моих мечтаний. За время обучения в Доме Созидания Силы они зарекомендовали себя и как отменные игроки в тлачтли, и как способные юные воины. Разумеется, у по-настоящему благородного человека манеры и познания, вынесенные моими товарищами из Дома Обучения Обычаям, вызвали бы лишь улыбку, но Чимальи с Тлатли сумели отличиться и там, придумав оригинальные костюмы и декорации для церемоний, совершаемых в дни празднеств.

– Жаль, что ты не можешь поехать с нами, Крот, – сказал Тлатли вполне искренне, хотя это нисколько не омрачило его радость. – Ты бы ходил вместо нас на все эти скучные школьные занятия, а мы бы тем временем работали в мастерской.

В школах, которые их пригласили, оба юноши должны были помимо традиционного обучения у жрецов учиться еще и у теночтитланских художников: Тлатли у скульптора, а Чимальи у живописца. Я был уверен, что ни один из них не станет уделять серьезное внимание урокам истории, чтения, письма, счета и тому подобного, а ведь всему этому мне хотелось научиться больше всего на свете. Накануне отъезда Чимальи сказал:

– Крот, вот мой прощальный подарок: оставляю тебе все свои краски, камышинки и кисти. У меня в городе все это будет, только получше, а тебе, глядишь, и пригодится – попрактикуешься в письме.

Да, я по-прежнему не оставлял попыток самостоятельно освоить искусство чтения и письма, хотя возможность стать «знающим мир» казалась мне теперь далекой, как никогда, а мой переезд в Теночтитлан и вовсе представлялся несбыточной мечтой. Отец мой к тому времени потерял надежду сделать из меня толкового каменотеса, а для того, чтобы сидеть возле карьера, отпугивая грызунов, я стал уже слишком взрослым. Мне пора было зарабатывать на пропитание и вносить свой вклад в семейный котел, так что я на некоторое время сделался обычным сельским поденщиком.

Конечно, на Шалтокане не было настоящих сельских угодий, ибо верхний слой почвы там недостаточно толст для глубоких корней маиса, а в нашей стране в основном возделывается эта культура. На Шалтокане, как и на большинстве других островов, выращивали овощи, причем не на основном грунте, а на постоянно расширявшихся чинампа, которые вы назвали плавучими огородами. Каждый чинампа представлял собой плот из сплетенных ветвей и сучьев. Его погружали в воду у берега, а потом засыпали лучшей землей, доставлявшейся с материка. В эту почву высаживали растения. Сезон за сезоном овощи скрепляли почву корнями, новые корни переплетались со старыми и в конечном счете намертво прикрепляли этот плот и к берегу, и к

дну озера. Тогда вдоль его кромки устанавливали и засыпали новые чинампа, площадь которых постоянно увеличивалась. Все обитаемые острова на всех наших озерах, включая, разумеется, и Теночтитлан, были окружены кольцом таких насыпных огородов, причем на некоторых из более плодородных островов трудно было различить, где земля, сотворенная Богом, уступает место творению рук человеческих.

Для того чтобы ухаживать за такими посадками, вполне достаточно не только кротового зрения, но и кротовой сообразительности, так что я смог присматривать за теми из них, которые принадлежали нашей семье и соседям. Работа не требовала особых умений и оставляла уйму свободного времени, которое я, используя доставшиеся мне от Чимальи кисти и краски, всецело посвящал письму, стараясь сделать сложные символы проще, тоньше и изящнее. Хотя видимых оснований для этого не было, я все еще лелеял тайную надежду на то, что такого рода самообразование сможет каким-то образом изменить мою жизнь к лучшему. Теперь воспоминания о том, как я, молодой, сижу на земляном плоту среди пустивших побеги маиса, бобов и чили (вдыхая при этом вонь – мы использовали в качестве удобрений потроха животных и рыбьи головы), торопливо вывожу знак за знаком на всем, что подвернется под руку, и лелею свои честолюбивые мечты, вызывают у меня лишь улыбку. Например, я воображал себя почтека, странствующим торговцем, совершающим путешествие в земли майя, где какой-нибудь лекарь волшебным образом восстановит мое зрение, а сам я разбогатею, причем благодаря исключительной проницательности в ведении торговых дел. Голова моя была в ту пору полна замечательных планов, позволяющих, располагая изначально лишь самым скромным запасом товаров, нажить целое состояние. Планы были чудесные, и до них (я в этом не сомневался) прежде не додумывался ни один купец. Единственным препятствием на пути к успеху, как тактично заметила Тцитци, когда я поделился с ней некоторыми из моих идей, являлось то, что даже самых пустяковых средств, необходимых, чтобы начать дело, у меня не было и в помине.

И вот как-то вечером у двери нашего дома появился один из гонцов владыки Красной Цапли. На нем была мантия нейтрального цвета, означающая, что принесенные им вести не относятся ни к хорошим, ни к дурным.

– Микспанцинко, – вежливо сказал он моему отцу. – Ксимопанолти, – учтиво отозвался тот, жестом приглашая гонца в дом.

Молодой человек, он был примерно моих лет, шагнул внутрь и сказал отцу, что владыка Красная Цапля приказывает его сыну немедленно явиться во дворец.

Отец и сестра выглядели удивленными и озадаченными. Я, наверное, тоже. Одна только мать, ничуть не удивившись, заголосила:

– Ййа, аййа, я всегда знала, что этот сорванец непременно оскорбит кого-нибудь из знати, из богов или… – Она прервала причитания, чтобы спросить у гонца: – Да что же он натворил, наш Микстли? Если негодника следует выпороть или наказать каким-либо другим способом, то стоит ли утруждать владыку такими мелочами? Мы сами с радостью поучим юнца уму-разуму!

– Мне неизвестно, чтобы он что-то натворил, – осторожно ответил посланец. – Я лишь выполняю данный мне приказ: привести вашего сына во дворец без задержки.

Делать было нечего, и я незамедлительно отправился во дворец, навстречу неизвестности. В отличие от матушки я испытывал скорее любопытство, чем страх, ибо никакой вины за собой не знал. Конечно, случись такой вызов раньше, мне первым делом пришло бы в голову, что Пактли оговорил меня перед своим отцом, но нынче этого бояться не приходилось. Молодой господин уже два, если не три года учился в столице, в особой школе, куда принимали только отпрысков правящих семей, которым самим предстояло стать правителями. Теперь Пактли приезжал на Шалтокан лишь на короткие школьные каникулы. В каждое свое посещение он обязательно наведывался к нам, однако я во время этих его визитов всегда бывал

на работе. Таким образом, мы с ним не виделись со времени совместных дежурств и забав с Требухой Богов.

Посланец, следуя за мной на расстоянии нескольких шагов, проводил меня в тронный зал, где я склонился и исполнил обряд целования земли пред владыкой. Рядом с Красной Цаплей сидел человек, которого я никогда прежде на нашем острове не видел. И хотя его сиденье, как подобало, располагалось ниже престола нашего правителя, незнакомец показался мне знатной особой, не менее важной, чем наш наместник.

А то и более важной: даже я при своем слабом зрении разглядел и его мантию из великолепных перьев, и такие роскошные украшения, какими не мог бы похвалиться ни один знатный человек Шалтокана.

– Нами было получено предписание вырастить из него мужчину, – сказал владыка Красная Цапля, обращаясь к незнакомцу. – Ну что ж, наставники наших Домов Созидания Силы и Обучения Обычаям сделали все, что от них зависело. Сейчас посмотрим, что у них вышло.

– Микспанцинко, – успел сказать я обоим знатным господам, преж де чем гость правителя развернул свиток, а про себя подумал, что если мне предстоит лишь такое испытание, то это несложно: там была лишь одна строка рисованных знаков, которые я видел раньше.

– Ты можешь прочесть это? – спросил незнакомец. – Я забыл упомянуть, что Микстли может прочесть некоторые простые вещи, выказывая при этом изрядное понимание, – вставил Красная Цапля так, как будто он сам учил меня искусству письма.

– Да, мои господа, – ответил я. – Я могу это прочесть, тут написано, что…

– Неважно, что тут написано, – прервал незнакомец, – ты лучше скажи мне, что означает этот утиный клюв?

– Он означает, мой господин, ветер. – Дальше? – Ну, в сочетании с другим изображением, с опущенными веками, знак этот означает Ночной Ветер. Но…

– Да, юноша? Говори! – Но если мой господин извинит меня за дерзость, никакого утиного клюва среди этих знаков нет. Это труба ветра, через которую бог…

– Достаточно. Незнакомец повернулся к Красной Цапле: – Он нам подходит, господин правитель. Стало быть, твое разрешение получено?

– Ну конечно, конечно, – сказал Красная Цапля услужливым тоном, после чего обратился ко мне: – Ты видишь перед собой господина Крепкую Кость, Змея-Женщину самого́ Несауальпилли, юй-тлатоани Тескоко. Господин Крепкая Кость привез для тебя личное приглашение Чтимого Глашатая жить, учиться и служить при дворе Тескоко.

– Тескоко! – изумленно воскликнул я. Мне в жизни не доводилось бывать ни там, ни в других поселениях страны аколхуа. Я никого там не знал, и вряд ли хоть один ее житель слышал о моем существовании. А уж паче того сам Чтимый Глашатай Несауальпилли, правитель, властью и могуществом уступавший лишь одному Тисоку, юй-тлатоани Теночтитлана. Мое удивление было столь велико, что я, позабыв об учтивости, выпалил:

– Но почему?

– Это не приказ, – отрывисто произнес Змей-Женщина Тескоко. – Тебя приглашают, так что ты волен согласиться или отказаться. Но тебе не следует расспрашивать о причинах.

Я промямлил неуклюжее извинение, но тут на помощь мне пришел сам владыка Красная Цапля.

– Прости этого юношу, мой господин. Не сомневаюсь, что он озадачен так же, как был озадачен я сам, узнав, что столь высокая особа удостоила своим вниманием одного из моих масехуалтин.

Змей-Женщина только хмыкнул, тогда как владыка Красная Цапля продолжил:

– Мне и раньше никто не объяснял, в чем заключается интерес твоего правителя к этому молодому простолюдину. Разумеется, я помню вашего предыдущего властителя Несауалькойотля, тенистое древо мудрости, великодушного Постящегося Койота. Я также наслышан о том,

как он, изменив внешность, странствовал в одиночку по Сему Миру, выискивая людей, достойных его милости. Но следует ли его блистательный сын Несауальпилли этому благородному примеру? И если да, то что выдающегося мог он увидеть в нашем юном подданном Тлилектик-Микстли?

– Я не могу этого сказать, господин наместник. – Надменный вельможа говорил с Красной Цаплей почти столь же резко, как незадолго до того со мной. – Никто не дерзает расспрашивать Чтимого Глашатая о причинах его намерений и желаний. Даже я, его Змей-Женщина. И у меня есть дела поважнее, чем ждать, пока этот колеблющийся юнец решит, примет ли он оказанную ему исключительную честь. Молодой человек, завтра с восходом Тескатлипоки я возвращаюсь в Тескоко. Ты отправляешься со мной или нет?

– Конечно да, мой господин, – ответил я. – Мне нужно только собрать одежду, бумаги, краски. Если, конечно, мне не потребуется взять с собой что-то еще, – смело добавил я в надежде разжиться хотя бы намеком на то, почему и надолго ли меня пригласили в незнакомый город.

– Всем необходимым тебя обеспечат на месте, – заявил вельможа. – Тогда приходи на дворцовую пристань, Микстли, завтра на восходе Тонатиу, – сказал Красная Цапля.

Господин Крепкая Кость прохладно глянул на нашего наместника, потом на меня и заявил:

– Усвой хорошенько, молодой человек, что отныне солнце надо называть Тескатлипока.

«Отныне и *навсегда*? – мысленно повторял я, в одиночестве возвращаясь домой. – Значит ли это, что мне теперь всю оставшуюся жизнь придется жить среди аколхуа и чтить их богов?»

Когда я рассказал обо всем домашним, отец взволнованно воскликнул:

– Ночной Ветер! Все вышло так, как я тебе и говорил, сын мой Микстли! Видно, и впрямь самого бога Ночного Ветра ты повстречал тогда на дороге! И именно благодаря ему исполнится твое заветное желание.

– А что, если им там, в Тескоко, просто не хватает подходящего юноши ксочимикуи для какого-нибудь жертвоприношения? – встревоженно предположила Тцитци.

– Какие там жертвоприношения? – усмехнулась мать. – Можно подумать, будто наш оболтус вырос писаным красавцем или исполнен выдающихся достоинств, чтобы быть избранным богами. Что-то я не припомню, чтобы такие, как он, позарез требовались для какой-либо церемонии. – Однако она и сама ничего не могла понять, и это ее страшно сердило. – Вообще-то как-то все это подозрительно. Читая всякую писанину, которая ему попадалась, да бездельничая на чинампа, наш Микстли никак не мог совершить ничего такого, что бы привлекло к нему внимание даже паршивого работорговца, не говоря уж о могучем правителе.

– Мне кажется, – заметил я, – по тому, что было сказано во дворце, и по тем символам, которые мне показали, можно кое о чем догадаться. Похоже, в ту ночь на перекрестке я повстречался не с богом, а путешественником из страны аколхуа, придворным самого Несауальпилли, который и сыграл роль Ночного Ветра. С тех пор, все эти годы, не знаю уж почему, в Тескоко не упускали меня из виду, и, судя по всему, путь мой теперь лежит в тамошний калмекактин, изучать письмена. Я стану писцом, как мне всегда хотелось. По крайней мере, – закончил я, пожав плечами, – это единственное, что приходит мне в голову.

– С той же вероятностью, сын мой Микстли, – ответил отец, – можно предположить, что ты действительно повстречал Ночного Ветра и принял его за простого смертного. Боги, как и люди, могут путешествовать неузнаваемыми. А тебе эта встреча явно принесла удачу, так что было бы весьма разумно воздать богу Ночному Ветру хвалу.

– Ты прав, отец. Я так и сделаю. Был ли Ночной Ветер причастен к этому напрямую или нет, но так или иначе мое заветное желание, похоже, скоро исполнится.

– Но это только одно из моих заветных желаний, – сказал я Тцитци, когда нам удалось улучить момент и остаться наедине. – Как могу я оставить маленький звонкий колокольчик?

– Если у тебя есть здравый смысл, ты оставишь его здесь, танцуя от радости, – заявила она с женской практичностью, хотя особого веселья в ее голосе не ощущалось. – Не собираешься же ты, Микстли, провести всю жизнь здесь, строя пустые планы вроде твоей затеи стать торговцем? Хвала богам, теперь у тебя есть будущее, причем такое, о каком большинству масехуалтин Шалтокана и мечтать не приходится.

– Но если Ночной Ветер, или Несауальпилли, или кто бы там ни было предоставили мне одну возможность, то могут выпасть и другие, даже лучше. Я всегда мечтал отправиться в Теночтитлан, а не в Тескоко. Как сказал господин Крепкая Кость, я могу отклонить это предложение. Почему бы мне не подождать другого случая?

– Потому что у тебя все-таки есть здравый смысл, Микстли. Когда я еще ходила в Дом Обучения Обычаям, наставница девочек рассказывала нам, что если Теночтитлан является могучей рукой Союза Троих, то Тескоко – это его мозг. Двор Несауальпилли – это не просто пышность и власть: там собирают сокровища поэзии, искусства и мудрости. Еще она говорила, что из всех наших земель, где в ходу язык науатль, чище и правильнее всего говорят на нем именно в Тескоко. Разве не в такое место следует стремиться человеку, жаждущему знаний? Ты должен отправиться туда, и непременно отправишься! Будешь учиться, освоишь все науки и добьешься успехов. И если тебя и впрямь удостоил своего покровительства сам Чтимый Глашатай, то кто осмелится сказать, каковы могут быть планы такой особы в отношении твоего будущего? Когда ты говоришь об отказе от приглашения, ты несешь вздор… – Голос ее упал. – Несешь вздор, причем только из-за меня!

– Из-за нас. Сестра вздохнула. – Мы все равно должны были когда-нибудь повзрослеть. – Я всегда думал, что мы повзрослеем вместе. – Давай надеяться на лучшее. Ты будешь приезжать домой на праздники, так что мы сможем бывать вместе. И кто знает, вдруг после обучения ты станешь богатым могущественным человеком? Будешь именоваться Миксцин, а знатный человек может жениться на ком угодно.

– Я надеюсь стать выдающимся знатоком письменности, Тцитци, но дальше этого мое честолюбие не простирается. А из писцов лишь немногие удостаиваются прибавки «цин».

– Ну… может быть, тебя пошлют на работу в какую-нибудь далекую провинцию их страны, где никто не знает, что у тебя есть сестра. И я переберусь к тебе под видом невесты, которую ты выбрал на родном острове.

– Если такое и возможно, то очень не скоро, – возразил я. – А ты уже приближаешься к брачному возрасту. Пока я буду учиться в Тескоко, проклятый Пактли станет наведываться на Шалтокан на каникулы, а потом вернется сюда совсем, и это произойдет задолго до того, как закончится мое обучение. Ты знаешь, чего он хочет и чего потребует, причем отказать ему будет нельзя.

– Если нельзя отказать, то можно отсрочить, – сказала Тцитци. – Я приложу все старания, чтобы отбить у господина Весельчака охоту на мне жениться, и кто знает, – она отважно улыбнулась, подняв глаза, – теперь, когда у меня появится родственник и защитник при более могущественном дворе Тескоко, не будет ли он менее настойчив в своих требованиях. Твое место там. – И сестра улыбнулась дрожащими губами. – Богам угодно разлучить нас на некоторое время, чтобы потом мы уже не расставались никогда.

Губы Тцитци задрожали сильнее, улыбка рассыпалась и разбилась вдребезги.

Сестра зарыдала.

Акали господина Крепкая Кость, из красного дерева, с отделанным бахромой навесом, была украшена богатой резьбой и жадеитовыми значками и флагами из перьев, в соответствии с высоким саном ее владельца. Лодка обогнула прибрежный город Тескоко, которому

вы, испанцы, дали новое имя в честь святого Антония Падуанского, и проследовала дальше, к выступавшему прямо из вод озера, примерно в одном долгом прогоне к югу, средней величины холму.

– Тескококинацин, – промолвил Змей-Женщина, и то было первое слово, обращенное им ко мне с тех пор, как мы утром отплыли из Шалтокана. Я прищурился и присмотрелся к холму, ибо по другую его сторону находился загородный дворец Несауальпилли.

Большое каноэ, скользя, приблизилось к прочной пристани, гребцы сложили весла, и рулевой спрыгнул на берег закрепить лодку. Я подождал, пока лодочники помогли господину Крепкая Кость сойти на причал, а потом выбрался и сам, неуклюже волоча за собой плетеную корзину с пожитками.

– Тебе туда, юноша, – коротко бросил Змей-Женщина, указывая на каменную лестницу, поднимавшуюся от пристани к вершине холма, и это было второй раз за день, когда он счел нужным обратиться ко мне.

Я помедлил, прикидывая, не следует ли из учтивости подождать, пока его люди разгрузят с лодки подарки, которые владыка Красная Цапля прислал юй-тлатоани Несауальпилли, но сановник больше не смотрел в мою сторону, поэтому я взвалил на плечи свою корзину и в одиночестве побрел вверх по лестнице.

Некоторые ступени этой лестницы представляли собой доставленные на склон и уложенные там каменные плиты, другие же были вырублены прямо в скальной основе холма. Поднявшись на тринадцать ступеней, я оказался на широкой каменной площадке, где стояли скамья для отдыха и маленькая статуя какого-то незнакомого мне бога. Следующий пролет, отходивший в сторону и состоявший из такого же количества ступеней, привел меня точно к такой же площадке. Таким образом я зигзагами поднимался вверх по склону до тех пор, пока, на пятьдесят второй ступени, не оказался на вырубленном в скале огромном плоском уступе, на котором цвел дивный, роскошный сад. Между цветочными клумбами, под сенью великолепных деревьев, рядом с журчащими извилистыми ручьями, проходила мощеная дорожка, по которой я добрался до подножия очередного пролета. Еще тринадцать ступеней, и моему взору вновь предстали скамья и статуя…

Небо уже довольно давно затягивали тучи, а пока я поднимался, разразилась обычная в это время года в наших краях гроза. Сущее светопреставление: зигзаги ослепительных молний, барабанный рокот грома, шквалистый ветер и ливень, больше похожий на потоп, который, казалось, не кончится никогда. Впрочем, на самом деле все такие ливни продолжаются не дольше, чем может длиться полуденный сон Тонатиу, или Тескатлипоки, чей сияющий лик вскоре вновь возникает над поблескивающим, омытым влагой миром, чтобы обратить воду в пар и высушить землю перед своим закатом. Как только набухшие тучи пролились дождем, я укрылся на одной из лестничных площадок, найдя убежище на каменной скамье под тростниковым навесом. Пережидая бурю, я размышлял о нумерологическом значении зигзагообразной лестницы и улыбался, дивясь мастерству ее создателя.

Как и вы, белые люди, мы в этих землях жили по годичному календарю, основанному на пересечении солнцем неба. Таким образом, наш солнечный год, как и ваш, состоял из трехсот шестидесяти пяти дней, и мы пользовались этим календарем для своих повседневных нужд: чтобы знать, когда какие семена сажать, когда ждать сезона дождей и так далее. Этот солнечный год мы делили на восемнадцать месяцев по двадцать дней в каждом, к которым прибавлялись немонтемин, так называемые «скрытые дни», то есть те пять дней, которых недоставало до трехсот шестидесяти пяти. Эти дни считались очень несчастливыми.

Впрочем, в наших землях пользовались и другим календарем, основанным не на дневных шествиях солнца, а на ночном появлении яркой звезды, которую мы называли в честь нашего древнего бога Кецалькоатля, или Пернатого Змея. Он, Кецалькоатль, иногда являл себя в качестве звезды Вечерней Зари, но обычно перемещался к другой стороне небосвода и оста-

вался последней звездой, видимой после того, как солнце, восходя, затмевало все прочие светила. Любой из наших звездочетов мог бы растолковать это во всех подробностях с помощью звездных карт и схем, но я никогда не был силен в астрономии. Правда, я знаю, что движения звезд не хаотичны и не произвольны, и другой наш календарь, который именовался пророческим, как раз и основывался на движении звезды, названной в честь Кецалькоатля. Несмотря на название, этим календарем пользовались также и в быту, в частности с его помощью давали имена младенцам. Наши историки и писцы сверялись с ним для датировки примечательных событий и установления длительности правления вождей, но, самое главное, прорицатели на его основе предрекали нам будущее, предостерегая народ против грядущих напастей и указывая дни, благоприятные для принятия решений и для важных начинаний.

Согласно пророческому календарю, год состоял из двухсот шестидесяти дней, каждый из которых имел порядковый номер от одного до тринадцати. Номера эти присваивались одному из традиционных астрономических знаков: кролик, тростник, нож… ну и так далее. Каждый солнечный год сам по себе также имел название – он получал его по ритуальному номеру и знаку первого дня. Как вы понимаете, наши солнечный и пророческий календари все время перекрывали друг друга: то один отставал, то другой вырывался вперед. Но если вы не поленитесь произвести подсчет, то выяснится, что оба календаря уравновешиваются в циклах из пятидесяти двух полных солнечных лет. Год моего появления на свет был назван, например, Тринадцатым Кроликом, и никакой последующий год не носил такого же названия вплоть до наступления моего пятьдесят второго дня рождения.

Таким образом, для нас число пятьдесят два было знаменательным, «вязанкой лет», как мы говорили, ибо, с одной стороны, такой цикл был присущ обоим календарям, а с другой – именно столько у нас в среднем жили люди. Бывало, конечно, что жизнь моих соплеменников обрывалась преждевременно – из-за несчастных случаев, болезней или войн. Тринадцать ступеней между площадками каменной лестницы, зигзагами взбиравшейся по склону холма к дворцу правителя Тескоко, обозначали тринадцать ритуальных чисел, а пятьдесят две ступени между уступами символизировали вязанку лет.

Добравшись наконец до вершины, я сложил все ступени, и у меня получилось число пятьсот двадцать: именно столько дней было в двух годах, если считать по пророческому календарю, а также в десяти полных вязанках лет. Да, весьма изобретательно.

Когда дождь прекратился, я продолжил свое восхождение. Был я тогда молодым и резвым, так что, наверное, без труда мог бы взбежать наверх на одном дыхании, но специально задерживался на каждой площадке – посмотреть, узнаю ли я бога или богиню, статуи которых там стояли. Узнать удалось примерно половину. Например, Тескатлипоку – бога солнца, главного бога аколхуа Кецалькоатля, о котором я уже говорил, Ометекутли и Омекуатль, нашу Высшую Божественную Чету…

В садах я задержался подольше. В отличие от Шалтокана земли здесь хватало с избытком, да и недостатка в плодородной почве тоже не было. Правитель Несауальпилли, видимо, очень любил цветы и желал видеть их повсюду. На самих уступах растения были высажены аккуратно, но эти цветущие террасы не имели ограждений, так что усыпанные яркими цветами вьющиеся стебли свисали с их краев, словно зеленые, с разноцветными вкраплениями вуали, почти достигая нижних уступов. Моему взору предстали решительно все цветы, какие мне доводилось видеть прежде, а также множество таких, каких я отродясь не встречал. Должно быть, бóльшую их часть доставили из дальних краев, что обошлось очень дорого. Постепенно я сообразил, что все эти пруды с лилиями, мерцающие заводи, бассейны с рыбами, журчащие ручейки и водопады связаны между собой воедино и питаются из одного какого-то источника на вершине холма.

Если господин Крепкая Кость и поднимался вслед за мной, то я его так и не заметил, зато в очередном саду, на более высоком уступе, наткнулся на другого человека. Он сидел разва-

лившись на каменной скамье, и я, подойдя поближе и хорошенько присмотревшись, вспомнил и эту морщинистую кожу цвета бобов какао, и рваную набедренную повязку, составлявшую единственное одеяние этого человека. Я уже встречал его.

Завидев меня, он выпрямился, по крайней мере насколько это было возможно для согбенного, съежившегося старца. Со времени нашей встречи я вырос и теперь смотрел на него сверху вниз.

Торопливо пробормотав традиционное приветствие (боюсь, это получилось у меня менее учтиво, чем хотелось бы), я сказал:

– Вот уж не ожидал тебя здесь встретить, я думал, что ты просто попрошайка из Тлателолько. Что ты здесь делаешь, старик?

– Домом бездомного человека является весь мир, – промолвил он так, словно гордился званием бродяги. – Что я здесь делаю? Да поджидаю тебя, чтобы поприветствовать по прибытии в страну аколхуа.

– Ты?! – удивился я, ибо этот странный сморщенный старикашка выглядел в столь пышном, цветущем саду еще более странно и неуместно, чем среди пестрой рыночной толпы.

– А ты ожидал, что тебя будет лично приветствовать сам Чтимый Глашатай? – осведомился он, обнажив в насмешливой улыбке редкие зубы. – Добро пожаловать в Кинацин, дворец правителя Тескоко, юный Микстли. Или юный Тоцани, юный Малинкуи, юный Пойяутла – как тебе больше нравится?

– Когда мы встретились много лет назад, ты знал мое имя. А теперь ты знаешь все мои прозвища.

– Человек, обладающий даром слушать и слышать, может услышать даже то, что не произносится вслух. В будущем у тебя появятся и другие имена.

– А ты и правда провидец? – спросил я, невольно скопировав ту же интонацию, с какой несколько лет назад говорил мой отец. – Откуда ты узнал, что я здесь появлюсь?

– Ну, положим, это было совсем не трудно, – произнес старик точно таким же тоном, словно передразнивая меня. – Я горжусь тем, что твое появление здесь не обошлось и без моего скромного участия.

– Стало быть, ты знаешь гораздо больше меня. И я был бы весьма признателен, если бы ты мне кое-что объяснил.

– В таком случае знай: я тогда впервые увидел вас с отцом в Тлателолько и просто подслушал, что у тебя седьмой день рождения. Из чистого любопытства я пригляделся к тебе и по глазам понял, что зрение твое вскоре неизбежно ослабнет. Дело в том, что это заболевание имеет отчетливые признаки и легко определяется по форме глазного яблока. Так что я с полной уверенностью мог сказать, что ты не будешь прозревать дали, но видеть то, что вблизи, зато видеть это в истинном свете.

– Помнится, ты еще сказал, что и рассказывать об увиденном я тоже буду правдиво.

Старик пожал плечами. – Ты показался мне достаточно смышленым для такого мальчонки, из чего нетрудно было заключить, что ты вырастешь человеком неглупым. Ну а если тот, кто из-за слабого зрения вынужден рассматривать все его окружающее вблизи, еще и обладает здравым смыслом, он, как правило, склонен описывать этот мир таким, каким он является на самом деле.

– Ты хитрый старый пройдоха, – сказал я с улыбкой. – Но какое это имеет отношение к тому, что меня призвали в Тескоко?

– Каждого правителя, вождя или наместника окружают подхалимы и проходимцы, которые говорят ему или то, что он хочет услышать, или то, что выгодно им самим. Правдивый человек среди придворных – большая редкость. Я предположил, что ты сможешь стать таким. Надеюсь, тебе понятно, что твои способности лучше оценят при дворе более изысканном и благородном, чем двор Шалтокана. Поэтому я ронял словечко здесь, словечко там…

– Ты хочешь сказать, – промолвил я недоверчиво, – что у тебя есть возможность ронять слова в уши самого Несауальпилли?

Старик бросил на меня такой взгляд, что я, несмотря на значительное превосходство в росте, вдруг почувствовал себя по сравнению с ним совсем маленьким.

– Тогда, во время нашей давней встречи, я, кажется, уже признавался в том, что тоже склонен говорить правду, хотя, наверное, мне было бы выгоднее выдавать себя за всеведущего посланца богов. Несауальпилли не так циничен, как ты, юный Крот. Он готов выслушать нижайшего из людей, если этот человек говорит правду.

– Прости, старик, – сказал я, помолчав. – Мне следовало сказать тебе спасибо, а не высказывать сомнения. И я действительно очень благодарен…

Он отмахнулся. – Не стоит благодарности, я ведь не только о тебе заботился. И заботы мои, кстати, обычно окупаются. Я просто рассчитываю, что ты хорошо послужишь юй-тлатоани, и мы оба получим заслуженную награду. А теперь ступай.

– Но куда? Никто не сказал мне, куда идти и к кому обратиться. Я что, должен просто перебраться через этот холм, в надежде, что меня узнают?

– Да. Дворец находится по другую сторону, и тебя там ждут. Правда, встретишься ли ты и на этот раз с самим Чтимым Глашатаем, я сказать не берусь.

– И на этот раз? – удивился я. – Но мы никогда не встречались! – Вот как? Что ж, я советую тебе снискать расположение госпожи Толланы-Текиуапиль, самой любимой из семи жен Несауальпилли. Правда, имей в виду, что у него имеется еще сорок наложниц, так что во дворце обитает около шестидесяти сыновей и полусотни дочерей Чтимого Глашатая. Сомневаюсь, чтобы отец сам знал точное число, поэтому он вполне может принять тебя за внебрачного сынишку, прижитого за границей, а теперь отправленного в отцовский дом. Но не робей, молодой Крот, тебя в любом случае ожидает радушный прием.

Я повернулся и совсем было собрался идти, но в последний момент спросил:

– Могу ли я быть чем-то полезен тебе, достойный господин? Может быть, помочь тебе подняться на вершину холма?

– Спасибо на добром слове, – отозвался он, – но я еще некоторое время побуду здесь. А вот тебе лучше подняться на холм и перевалить через него одному, ибо по ту его сторону тебя ожидает вся твоя будущая жизнь.

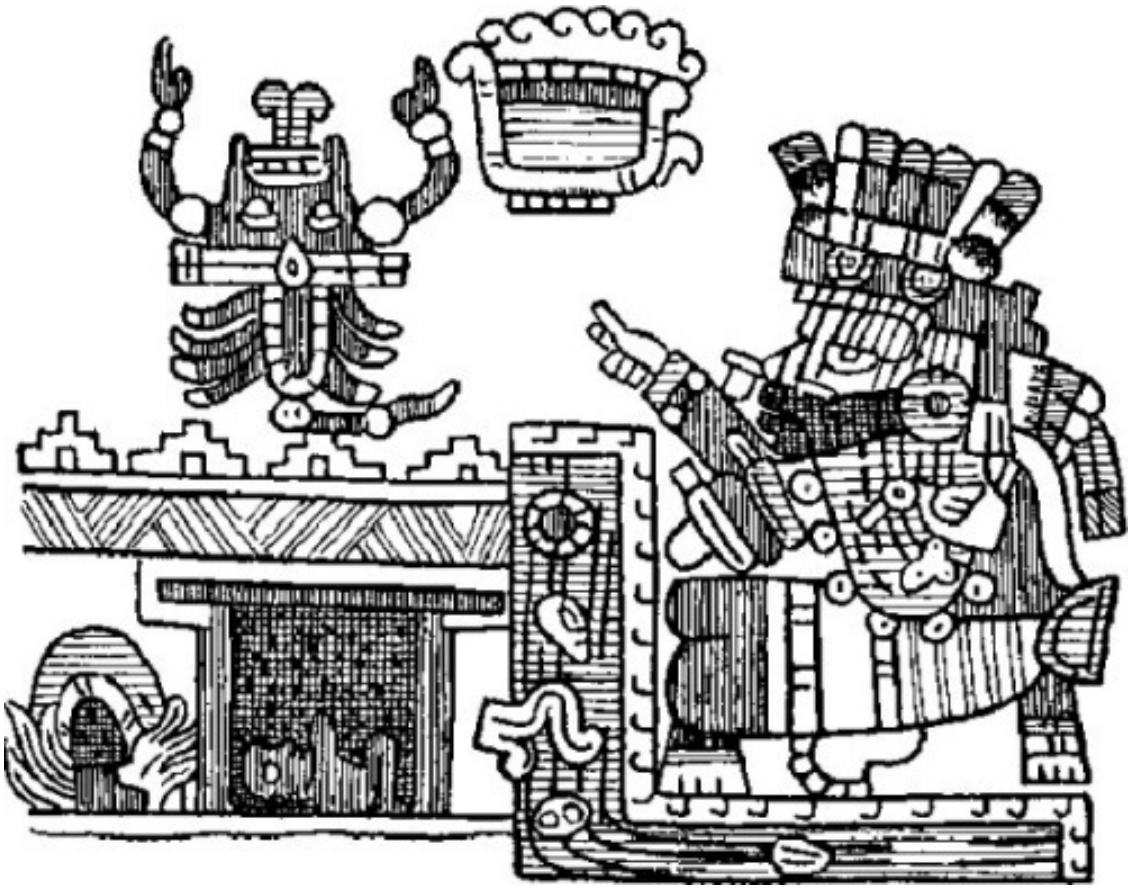
Ничего не скажешь, звучало это красиво и торжественно, однако я заметил неувязку и с улыбкой возразил:

– Сдается мне, что эта самая будущая жизнь ожидает меня повсюду, куда бы я ни направился, причем неважно, один я туда пойду или нет.

Старик с шоколадной кожей тоже улыбнулся, но иронически. – Да, в твоем возрасте тебя и впрямь повсюду поджидает множество жизней. Иди любым путем, который выберешь. Если хочешь – один, а если хочешь – в компании. Спутники могут пройти рядом с тобой бóльшую или меньшую часть пути. Но неважно, шел ты один или в толпе, в конце жизни тебе все равно предстоит узнать то, что должны узнать все. Но вот только тогда окажется уже слишком поздно что-либо менять, будет слишком поздно для всего, кроме сожаления. Поэтому учись сейчас. Как ни много в этом мире самых разнообразных путей, но никому еще не удавалось прожить больше одной жизни, и, так или иначе, какую бы жизнь человек ни выбрал, большую ее часть он проживает в одиночку.

Старик помолчал, глядя мне прямо в глаза, а потом спросил: – Ну, Микстли, каким путем ты пойдешь и в какой компании? Я молча отвел взгляд, повернулся и продолжил путь вверх по склону холма. Я отправился навстречу своей будущей жизни в одиночестве.

IHS. S.C.C.M



Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Добродетельнейшему и прозорливейшему монарху из города Мехико, столицы Новой Испании, в день праздника Обрезания Господня, в год от Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем мы наш нижайший поклон.

С тяжелым сердцем, но смиренной рукой верный Ваш капеллан вновь, во исполнение высочайшего повеления, направляет Вашему Императорскому Величеству еще одну подборку историй, продиктованных к настоящему времени по-прежнему пребывающим у нас ацтеком, или злым духом Асмодеем, как все более склонен именовать сего нечестивца слуга Вашего Величества.

Ибо мы можем понять изысканность замечания Вашего Величества касательно того, что из рассказа вышеупомянутого индейца «можно почерпнуть значительно более полезного, нежели из беспрестанных фан-фаронад новоявленного маркиза, сеньора Кортеса, ныне украшающего своим пребыванием королевский двор в Кастилии». Несмотря на переполняющие наше сердце печаль и уныние, Ваш верный клирик в состоянии оценить также и иронию Вашего Величества, когда Вы пишете: «Сообщения этого индейца есть первые полученные Нами из Новой Испании послания, не содержащие ни похвальбы, ни льстивых просьб, имеющих целью пожалование титула, выделение из завоеванных земель обширных владений или выманивание денег на новые экспедиции».

Однако что повергает нас в полнейшее изумление, так это заявление, будто бы Ваше Величество и Ваши придворные «увлечены чтением этих страниц вслух и пребывают от него в полном восторге». Несмотря на то что мы во всем верны и покорны присяге, данной нашему высокочтимому монарху, другие священные обеты, принесенные Вашим епископом как лицом духовным, предписывают нам верноподданнейше предостеречь государя нашего ex officio et de fides[17] от дальнейшего чтения и распространения среди христиан сих богомерзостных писаний.

От недремлющего ока Вашего Величества, конечно же, не могло ускользнуть, что в предыдущих частях оной хроники походя, без малейших признаков раскаяния и угрызений совести живописались такие грехи, как убийство, самоубийство, людоедство, кровосмешение, блуд, пытки и пренебрежение заповедью «Чти отца своего и мать свою». Если справедливо утверждение, что грех человеческий есть рана на душе грешника, то душа этого индейца кровоточит каждой своею порою.

Однако на тот случай, если некие не столь откровенные, но не менее еретические его инсинуации каким-то образом укрылись от внимания Вашего Величества, позвольте нам указать на то, что сей дерзкий ацтек осмелился высказать оскорбительную мысль о происхождении рода человеческого от некой «Высшей Божественной Четы», индейский миф о которой есть языческая пародия на учение о наших Прародителях Адаме и Еве. Мало того, он также дерзает намекать, будто бы мы, христиане, и сами являемся идолопоклонниками, ибо поклоняемся целому пантеону богов, вполне сопоставимому, по его разумению, с тем кишащим мерзостью скопищем демонов, коим молился его народ. Не меньшее богохульство представляет собой и намек сего язычника на то, что Святые Таинства, такие как Крещение и Отпущение Грехов через Исповедь, равно как и обычай благословлять трапезу, были известны и распространены в здешних краях ранее, еще до того, как их жители получили знания о Господе Нашем и о дарованных Им католикам Святых Таинствах. Но пожалуй, самым гнусным из всех его кощунственных измышлений является утверждение, с которым Вашему Величеству еще предстоит ознакомиться, а именно: будто бы один из их нечестивых языческих правителей был рожден Непорочной Девой!

В своем последнем письме Ваше Величество дает также дополнительные указания, в связи с чем мы, хотя по мере возможностей и стараемся присутствовать при расспросах и задавать сему ацтеку наводящие вопросы, дабы полнее удовлетворить любознательность нашего монарха, должны почтительно напомнить Вашему Величеству, что у епископа Мексики есть и другие важные, а порой и неотложные обязанности, которые не позволяют нам лично подтвердить или опровергнуть каждое из сообщений вышеупомянутого язычника.

Мы также осмеливаемся высказать надежду на то, что одно из ваших высочайших указаний, об уточнении полученных от сего ацтека непристойных утверждений, является не более чем добродушной шуткой нашего милостивого монарха. Однако, поелику долг так или иначе предписывает нам ответить, сообщаем, что сами не располагаем достоверными сведениями о чудодейственных свойствах, каковые ацтек приписывает корнеплоду под названием «барбаско». Нам неведомо, может ли он и вправду цениться в Испании на вес золота и быть нарасхват у придворных дам, однако мы пребываем в уверенности, что сама мысль о сотворении Господом Нашим некоего овоща, способного облегчать блуд и прелюбодеяния, невозможна и потому оскорбительна.

[17] Как по долгу службы, так и в силу личной преданности *(лат.)*.

Прошу прощения за кляксу, Ваше Величество: рука наша дрожит от волнения. Но satis superque[18]*…*

По повелению Вашего Величества благочестивые братья, равно как и молодой толмач, будут продолжать заполнять сии страницы до тех пор, пока – надеемся, это случится по прошествии не столь долгого времени – Ваше Величество не прикажет освободить их от этой прискорбной обязанности. Либо же до тех пор, пока они сами не почувствуют, что не в силах более ее выполнять. Мы полагаем, что не нарушим тайны исповеди, если попутно заметим, что за эти последние месяцы собственные покаянные признания братьев преисполнились столь странных и пугающих фантазий, что отпущение им грехов становится возможным лишь по наложении епитимьи.

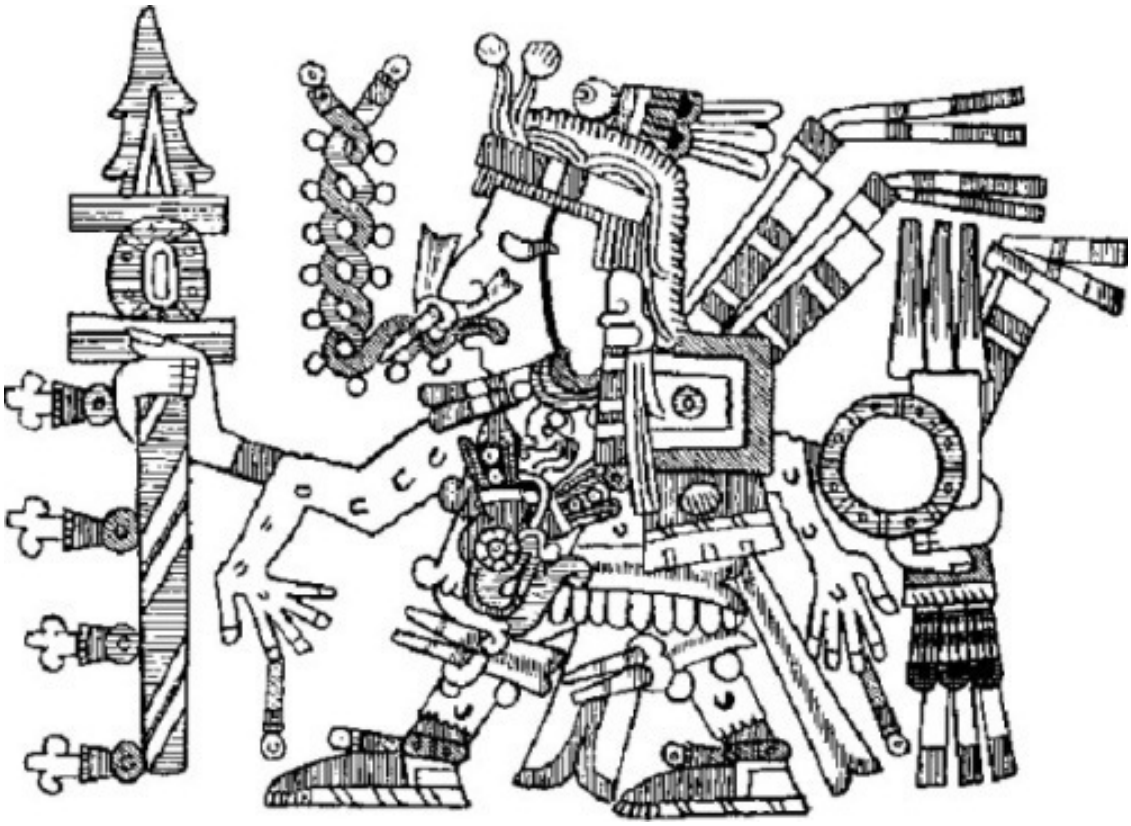
Да останется Спаситель и Владыка наш Иисус Христос вечным утешителем и защитником Вашего Величества от всех козней Врага Рода Человеческого, о чем в неустанных молениях пребывает Вашего Священного Императорского Католического Величества смиренный капеллан

Хуан де Сумаррага

(подписано собственноручно)

[18] Пожалуй, довольно *(лат.)*.

QUARTA PARS[19]



Другая сторона холма оказалась еще прекраснее той, что выходила на озеро Тескоко. Склон был пологим, ухоженные сады и пестрящие цветами лужайки с купами деревьев сбегали вниз, мягкими волнами, а на поросших сочной травой прогалинах паслись ручные олени. То здесь, то там, в стороне от тенистых рощиц, виднелись деревья и кусты, искусно подстриженные в форме животных и птиц. А у подножия холма красовалось множество строений, больших и малых, но обладавших одинаково гармоничными пропорциями и расположенных на удобном расстоянии друг от друга. Мне даже показалось, что я различил на дорожках между зданиями прогуливавшихся людей в богатых одеждах, хотя, конечно, сверху были видны только яркие переливающиеся точки. Шалтоканский дворец господина Красной Цапли был удобным и достаточно внушительным зданием, но резиденция юй-тлатоани Несауальпилли представляла собой целый город, загадочный, но содержащий в себе все необходимое.

Вершина холма, где я стоял, поросла «старейшими из старых» кипарисовыми деревьями, иные из которых имели стволы настолько толстые, что, пожалуй, их не могли бы обхватить и двенадцать человек, и настолько высокие, что серо-зеленая перистая листва деревьев сливалась с лазурным небосводом. Оглядевшись по сторонам, я приметил искусно замаскированные кустами толстые глиняные трубы, по которым подавалась вода для орошения садов и снабжения раскинувшегося внизу города. Насколько мне удалось разглядеть, трубы эти тянулись издалека, с вершины еще более высокой горы, где, надо думать, и находился чистый источник.

Я был настолько очарован, что не раз и не два останавливался, чтобы полюбоваться разнообразными садами и парками, через которые пролегал мой путь, так что добраться до подножия холма мне удалось лишь ближе к закату. Там по дорожкам, усыпанным белым гравием, прогуливались богато одетые знатные мужчины и женщины, благородные воины в головных

[19] Часть четвертая *(лат.)*.

уборах из перьев и благообразные старцы. Каждый из них приветствовал меня кивком или любезным словом как своего, но мне было неловко беспокоить этих важных особ расспросами насчет того, куда именно в этом удивительном месте мне надлежит явиться. Потом я приметил юношу примерно моих лет, который, по-видимому, не был занят каким-либо неотложным делом. Стоя рядом с молодым оленем, который только что начал отращивать рога, он праздно почесывал бугорки между его ушами. Уж не знаю, чешутся ли только что проклюнувшиеся рожки, но оленю, похоже, подобное внимание доставляло удовольствие.

– Микспанцинко, брат, – приветствовал меня молодой человек, и я предположил, что это один из многочисленных отпрысков Несауальпилли, принявший меня за очередного внебрачного сына правителя. Но потом он заметил мою вместительную корзину и сказал: – Ты, наверное, новичок по имени Микстли?

Я подтвердил это, поприветствовав его в свою очередь. – Меня зовут Уишкоцин, – представился мой новый знакомый.

(Имя это означает Ива.) – Знаешь, у нас тут уже не меньше трех Микстли, так что для тебя, видимо, надо будет придумать другое прозвание.

Не ощущая особой нужды в еще одном имени, я сменил тему: – Слушай, я в жизни не видел, чтобы олени разгуливали свободно, без всяких вольеров, и не боялись людей.

– Они попадают к нам еще детенышами: обычно охотники подбирают их, если самка убита, и доставляют сюда. Ну а здесь для них всегда находят кормилицу, которая выкармливает их своим молоком. Оленята растут среди людей и, видимо, себя тоже считают людьми. А ты, Микстли, наверное, только что приплыл? Проголодался? Устал?

На все три вопроса я ответил утвердительно: – Да, да и да. Только я ничего не знаю: ни чем мне здесь предстоит заниматься, ни даже куда нужно идти.

– Кто все знает, так это первая супруга моего отца, – промолвил юноша. – Пойдем, я отведу тебя к ней.

– Спасибо тебе, господин Ива, – поблагодарил я его. Выходит, я не ошибся, этот юноша действительно был одним из сыновей правителя.

Пока мы с ним шли по территории, прилегающей к дворцу (олень тоже увязался за нами), молодой принц рассказывал мне о самых примечательных сооружениях, мимо которых пролегал наш путь. Показав на огромное, с трех сторон обступавшее цветущий внутренний двор двухэтажное строение, Ива пояснил, что в левом крыле расположены его собственные покои и комнаты всех остальных детей правителя, в правом размещаются сорок наложниц юй-тлатоани, а помещения центрального флигеля отведены советникам Чтимого Глашатая – мудрецам, неотлучно его сопровождающим, находится ли он в городе или в загородном дворце. Там живут также поэты, художники и ученые, которым владыка покровительствует. Вокруг здания красовалось множество окруженных садами уютных беседок с мраморными колоннами. Там мудрецы могли без помех предаваться размышлениям и творчеству, прозревать будущее или медитировать.

Сам дворец властелина Тескоко ни размером, ни пышностью убранства не уступал дворцам Теночтитлана. Длина фасада этого двухэтажного здания составляла самое меньшее тысячу шагов. Здесь находились тронный зал, палаты Совета, залы для придворных увеселений, караульные помещения и так называемый зал правосудия, где юй-тлатоани регулярно принимал своих подданных, дабы выслушать их жалобы или прошения. Тут же размещались личные покои Несауальпилли и покои его жен.

– Там целых три сотни комнат, – сказал принц, а потом с ухмылкой добавил: – Соединенных между собой множеством тайных ходов и лестниц. Таким образом, мой отец может посещать любую жену, не вызывая при этом зависти остальных.

Когда, оставив оленя, мы вошли в центральные ворота, стоявшие по обе их стороны часовые (а это, разумеется, были не простые воины) вытянулись в струнку, держа свои копья остри-

ями вверх. Ива провел меня через просторный зал, увешанный гобеленами из перьев, после чего по широкой, устланной тростниковыми циновками лестнице мы поднялись к изысканным покоям его мачехи. Вот так и получилось, что вторым человеком, с которым я познакомился на новом месте, оказалась госпожа Толлана-Текиуапиль, та самая первая и любимейшая супруга правителя и благороднейшая из знатных женщин аколхуа, о которой старик упоминал на холме. Когда мы появились на пороге, эта высокая красавица разговаривала с каким-то угрюмого вида молодым человеком, но одарила нас улыбкой и жестом пригласила войти.

Принц Ива представил ей меня, и я наклонился, чтобы совершить обряд целования земли. Госпожа Толлана, однако, собственноручно подняла меня с колен и в свою очередь представила молодому человеку с нависавшими бровями:

– Мой старший сын, Иштлильшочитль. Я снова преклонил колени, ибо в данный момент передо мною находился сам принц Черный Цветок, официально провозглашенный наследником титула и трона Несауальпилли, правителя Тескоко. У меня начала слегка кружиться голова, и не только оттого, что мне без конца приходилось то преклонять колени, то подниматься. Ведь как-никак нечасто бывает, чтобы сын простого каменотеса за один день познакомился сразу с тремя столь знатными особами. Черный Цветок кивнул мне, слегка приподняв черные брови, после чего он и его сводный брат покинули комнату.

Первая супруга осмотрела меня с ног до головы, а я тем временем украдкой и сам разглядывал ее. Возраст госпожи мне определить не удалось, хотя, надо думать, она уже достигла средних лет. Судя по облику принца Черного Цветка, ей было никак не меньше сорока, но на прелестном добром лице госпожи я не углядел ни морщинки.

– Микстли, верно? – промолвила она. – Право же, у нас тут многовато юношей, которых так зовут. А полные имена я плохо запоминаю.

– Некоторые зовут меня Тоцани, госпожа. – Ну нет, ты гораздо больше крота. Ты и сейчас уже высокий юноша, а ведь тебе еще расти и расти. Я буду звать тебя Кивун.

– Как будет угодно моей госпоже, – отозвался я, в душе облегченно вздохнув. – Такое же прозвище и у моего отца.

– Раз так, нам обоим будет нетрудно его запомнить, верно? Ну что ж, пойдем, я покажу тебе твои покои.

Должно быть, госпожа Толлана дернула за веревочку колокольчика или чего-то в этом роде, поскольку, когда мы вышли из комнаты, ее уже ждали два рослых сильных раба с креслом-носилками. Они поставили паланкин на пол, а когда она уселась, подняли и бережно, не допуская ни малейшего наклона, спустили его вниз по лестнице и понесли за ворота дворца, в сгущавшиеся сумерки. Третий раб бежал перед паланкином со смолистым сосновым факелом, а четвертый нес позади особое знамя, свидетельствовавшее о высоком ранге госпожи. Я рысил рядом с носилками, остановившимися у того самого здания с тремя флигелями, которое уже показывал мне Ива. Госпожа Толлана завела меня внутрь, мы поднялись по лестнице и после нескольких поворотов оказались в дальней части левого крыла.

– Заходи, – пригласила она, открывая дверь, сделанную из кожи, натянутой на деревянную раму и покрытой для прочности лаком.

Раб внес факел внутрь, чтобы осветить мне путь, но я замешкался и лишь засунул внутрь голову, неуверенно пробормотав:

– Здесь, кажется, пусто, моя госпожа. – Разумеется. Эту комнату специально освободили для тебя. – Я думал, что в калмекактин всех учеников селят в общих спальнях. – Наверное, так оно и есть, но тебе предстоит жить в этой пристройке. Мой супруг и господин не особенно любит эти школы и жрецов, которые в них преподают. Ты приехал сюда не затем, чтобы посещать калмекактин.

– Как не за этим, моя госпожа? А я-то думал, что мне предстоит учиться!..

– Это действительно так, причем тебе придется постараться: ты будешь учиться вместе с отпрысками самого Несауальпилли и его придворных. Наших детей учат не немытые фанатичные жрецы, а избранные самим господином моим супругом мудрецы, каждый из которых преуспел в той области знаний, которую он преподает. Здесь, Кивун, тебе не придется без конца зубрить молитвы и заклинания, у тебя появится возможность получить настоящие, полезные знания.

Если до сего момента я, по крайней мере, не таращился на нее разинув рот, то теперь, когда рабы, обходя помещение, зажгли вставленные в настенные канделябры свечи из пчелиного воска, меня охватило настоящее изумление. Мало того что мне предназначалось отдельное помещение, но в дальней стене еще и находилась арка, а за ней – следующая комната! Неужели мне одному – целых две комнаты?!

– Моя госпожа, как же так? Здесь столько же места, сколько было во всем нашем доме?!

– Ты привыкнешь к удобствам, – с улыбкой промолвила она, чуть ли не силой затолкнув меня внутрь. – В первой комнате ты будешь заниматься, та, дальняя, твоя спальня, а за ней находится еще и умывальня. Наверняка с дороги ты захочешь умыться и привести себя в порядок. Если понадобится помощь, дерни за веревочку, и сюда явится твой слуга. Как следует поешь и хорошенько выспись, Кивун. Скоро мы увидимся с тобой снова.

Раб проследовал за ней из комнаты и закрыл дверь. Мне было жаль видеть, как уходит столь добрая госпожа, но, с другой стороны, меня радовала возможность обойти свои новые покои и, подобно настоящему кроту, осмотреть их, близоруко вглядываясь в предметы обстановки. В комнате для занятий находились низенький стол, икпали, приземистое сиденье с подушками, плетеный сундучок, в котором я мог хранить свою одежду и книги, каменный очаг, куда уже положили поленья, подсвечники со свечами, в количестве, достаточном для того, чтобы я мог продолжать занятия после наступления темноты, и зеркало из полированного тецкаля, редкого кристаллического минерала, позволяющего видеть не смутные очертания лица, а настоящее, четкое отражение. Окно занавешивалось шторой из расщепленного тростника, которую можно было, свернув в рулон, поднять или опустить с помощью шнуров.

Вместо обычного, сплетенного из тростника тюфяка в спальне на плоскую приподнятую над полом лежанку было брошено штук десять, а то и целая дюжина стеганых и, видимо, набитых пухом одеял. Мягчайшие на ощупь, они все вместе были похожи на пуховое облако. Устраиваясь отдохнуть, я мог забраться на это ложе между одеялами на любом уровне, в зависимости от того, насколько мягким хотелось мне чувствовать его под собой и сколько тепла мне хотелось получить сверху. А вот оценить все возможности и достоинства умывального помещения мне удалось далеко не с такой легкостью. Зайдя туда, я обнаружил в полу выложенное плитками углубление, куда, видимо, следовало сесть, чтобы помыться, но ни кувшинов, ни каких-либо иных емкостей с водой в помещении не было. Зато имелся горшок, явно предназначавшийся для отправления естественных надобностей, только вот он почему-то был намертво приделан к полу, и я решительно не понимал, как же его опорожняют после использования. Правда, и в ванной, и в верхней части горшка имелись любопытной формы выступы с отверстиями, но если то и были трубы, то вода из них не текла, так что какой от них толк, оставалось для меня тайной. До этого дня я и представить себе не мог, что буду нуждаться в наставлениях по поводу того, как мне умыться и опорожнить желудок, однако, уразумев, что самому мне в этих мудреных приспособлениях не разобраться, сдался. Я вернулся в первую комнату, подергал за шнурок колокольчика и не без смущения стал ждать, когда появится приставленный ко мне тлакотли.

– Меня зовут Коцатль, мой господин, – объявил с порога явившийся на мой зов бодрый румяный мальчуган. – Мне девять лет, и на меня возложена обязанность служить тем шести молодым господам, покои которых находятся в конце этого коридора.

Коцатль означает Драгоценное Ожерелье – имя, пожалуй, слишком высокопарное для прислужника, но смеяться над ним я не стал. В конце концов, ни один дающий имена тональпокуи не стал бы сверяться со своими пророческими книгами, дабы наречь младенца, рожденного в рабстве, даже имейся у его родителей средства, чтобы оплатить услуги. Взрослые имена таких детей не записывались ни в какие книги. Рабы называли своих отпрысков как угодно, порой давая им (как это было в случае с Даром Богов) совершенно неподходящие прозвания. Однако для мальчика-раба Коцатль выглядел упитанным, не имел следов побоев, держался без подобострастия и помимо обычной для рабов мужского пола набедренной повязки носил короткую, безупречной белизны накидку. Все это заставило меня предположить, что в стране аколхуа или, всяком случае, во дворце правителя с низшими обращаются хорошо.

Обеими руками мальчик нес огромный глиняный сосуд с горячей водой, от которой поднимался пар, поэтому я поскорей посторонился, дав рабу возможность пройти в умывальню и вылить воду в выложенную плиткой лохань. Даже если Коцатль принял меня за настоящего выходца из знати, он с полным на то основанием мог предположить, что сын провинциального вождя едва ли знаком с подобной роскошью. Во всяком случае, мальчик, не дожидаясь с моей стороны вопроса, пояснил:

– Мой господин, ты можешь охладить воду в купальной лохани до нужного тебе состояния. Вот так.

Он указал на выступавшую из стенки глиняную трубу, в которую, ближе к концу, был сверху вставлен обрезок другой трубы, покороче. Прислужник всего-то и сделал, что повернул эту торчавшую вертикально трубку, и из отверстия полилась струя чистой холодной воды.

– Длинная труба подводит воду из главного потока, снабжающего весь дом. Короткая трубка имеет с одной стороны отверстие, и, поворачивая ее так, чтобы отверстие было обращено внутрь, к длинной трубе, ты позволяешь воде выливаться наружу, в лохань. Повернешь в обратную сторону, поток перекроется. А когда ты закончишь мыться, мой господин, вытащи из донышка ванны вот эту оли, затычку. Грязная вода убежит вниз, в сливную трубу.

Потом он указал на прикрепленный к полу сосуд для отправления нужды и добавил:

– Ашикатль используют примерно так же. Когда ты облегчишься в него, подкрути вон ту трубку, и струя воды смоет все через дырку в днище.

Я, до сих пор даже не замечавший это отверстие, в невежественном испуге спросил:

– Как, неужели испражнения упадут в нижнюю комнату? – Нет-нет, мой господин. Как и вода из ванной, они попадут в трубу, которая вынесет их прочь из дома. Все отходы отводятся в специальный пруд, выгребную яму, откуда их доставляют на поля как удобрение. А сейчас я велю приготовить для моего господина ужин, так что, когда он кончит мыться, его уже будет ждать еда.

«Да уж, для того чтобы отвыкнуть от провинциальных, простонародных замашек и усвоить манеры знати, мне потребуется время», – размышлял я чуть позже, когда, сидя за собственным столом, уминал жаренного на решетке кролика, бобы, тортильи, зажаренную в тесте тыкву и запивал все это шоколадом. Запивал! В моих родных краях шоколад считался редким и дорогим лакомством. Его подавали по большим праздникам, раз или два в год, причем почти без приправ. Здесь же я угощался пенистым красноватым напитком, состоявшим, кроме драгоценного какао, также из меда, ванили и перемолотых алых семян акхфиотля. Все это смешивали между собой и сбивали в густую пену. И этот бесценный напиток можно было получать даром, в любом количестве. Словно простую воду!

Я невольно задумался о том, сколько времени потребуется мне, чтобы освоиться, избавиться от шалтоканского акцента и усвоить тот классический науатль, на котором говорят в Тескоко, и вообще, как выразилась первая госпожа, «привыкнуть к удобствам».

Со временем я понял, что ни одному знатному человеку, действительно ли благородному или оказавшемуся, как я, в этой роли временно, никогда не приходится самому себя обслуживать. Например, знатный человек никогда не снимал великолепную накидку из перьев, а лишь расстегивал поддерживавшую одеяние пряжку на плече и делал шаг вперед. Однако одеяние при этом никогда не падало на пол, ибо его всегда кто-нибудь подхватывал. Представитель знати был настолько уверен, что какой-либо слуга непременно окажется рядом, что даже никогда не оглядывался. Точно так же, желая сесть, благородный человек никогда не смотрел назад. Он совершенно не боялся упасть, ибо кто-нибудь непременно подставлял ему икпали, переносное сиденье. Так было всегда и иначе быть просто не могло.

«Интересно, – гадал я, – является ли столь непоколебимая уверенность прирожденной или же она приобретается с опытом?» Был только один способ выяснить это, и я им воспользовался. При первом же удобном случае я, войдя в помещение, полное знатных особ обоего пола, и поприветствовав их подобающим образом, сел, не оглянувшись назад. Сиденье оказалось на месте, и мне стоило труда заставить себя сдержаться и не вертеть во все стороны головой, выясняя, откуда же оно взялось. Я понял, что не только икпали, но все, что я жду от нижестоящих, всегда окажется там, где нужно. Этот маленький опыт позволил мне раз и навсегда усвоить важную истину: чтобы к тебе относились с подобающим благородному человеку почтением, нужно лишь решиться самому ощутить себя благородным!

На следующее утро после моего прибытия раб Коцатль вместе с завтраком принес мне целую охапку – больше, чем у меня было за всю жизнь! – новых одеяний. И каких одеяний! Набедренные повязки и накидки из дорогого хлопка, с красивой вышивкой. Сандалии из мягкой легкой кожи, причем одна пара, со шнуровкой до колен, предназначенная для церемоний, оказалась золоченой! Госпожа Толлана даже прислала мне маленькую гелиотроповую застежку для накидки, которую я с тех пор носил на плече. Когда я облачился в один из этих щегольских нарядов, Коцатль снова повел меня по дворцовой территории, указывая здания, где находились учебные помещения.

Классов там было больше, чем в любой школе, и меня, конечно, в первую очередь интересовали те, где изучали искусство письма, историю, землеописание и тому подобные науки. Однако ничто не мешало мне при желании посещать также занятия по стихосложению, работе с золотом, серебром и перьями, огранке драгоценных камней и другим искусствам.

– Занятия, для которых не требуется столов, скамей или инструментов, проводятся в помещении только в плохую погоду, – сообщил мой маленький проводник. – В ясные дни, как сегодня, господа наставники и их ученики предпочитают заниматься на воздухе.

И впрямь, то здесь то там, на лужайках или вокруг мраморных беседок виднелись группы обучающихся. Учителями, каковые выделялись среди прочих желтыми накидками, были в основном люди пожилые, среди учеников же можно было увидеть не только мальчиков и отроков, но также и молодых мужчин. Более того, я приметил даже нескольких девушек и рабов, сидевших, правда, чуть в сторонке.

– А что, учеников подбирают не по возрасту? – поинтересовался я. – Нет, мой господин, по способностям. Кому-то быстрее даются одни науки, кому-то – другие. Каждый из твоих наставников первым делом поговорит с тобой и выяснит, насколько ты сведущ и куда годишься: в начинающие, познающие, познавшие основы… ну и так далее. В какую группу ты попадешь, будет зависеть от твоих изначальных знаний по каждой науке и от того, какие ты при этом проявишь способности.

– Я вижу, у вас также учатся женщины и рабы? – Любой дочери благородного человека разрешено посещать занятия по всем наукам, вплоть до самого высшего уровня, если у нее есть способности и желание. Рабам дозволяется учиться тому, что соответствует их обязанностями.

– Ты сам, как я вижу, очень сведущ для такого юного тлакотли. – Спасибо, мой господин. Я стараюсь правильно говорить на науатль, а также изучаю хорошие манеры и основы ведения домашнего хозяйства. Когда стану постарше, у меня будет возможность обратиться с прошением о дальнейшем обучении, я мечтаю стать со временем хранителем ключей в каком-нибудь благородном доме.

– Если у меня когда-нибудь заведется такой дом, обещаю тебе, Коцатль, эту должность, – заявил я с великолепной самоуверенностью.

При этом, признаюсь, говоря «если», я имел в виду «когда», ибо уже не просто мечтал о величии, но считал такое будущее очевидным. Да, мои господа, тот оборванный старик, что находится сейчас перед вами, с улыбкой вспоминает рослого, прекрасно одетого, сопровождаемого слугой юношу, который, стоя посреди дивного парка, с наивной самоуверенностью воображал, будто непременно станет выдающимся человеком.

Господин учитель истории Нелтитика, выглядевший таким старым, что казалось, он вполне мог лично видеть все события, о которых рассказывал, объявил классу:

– Сегодня у нас на занятиях присутствует новый пильтонтли, благородный ученик. Это мешикатль по прозванию Кивун.

Я был настолько польщен тем, что меня представили как «благородного ученика», что прозвище принял как должное, даже не поморщившись.

– Может быть, Кивун, – продолжил учитель, – ты расскажешь нам об истории Мешико и твоего народа?

– Да, господин наставник, – ответил я и, когда все взоры обратились ко мне, прокашлялся и принялся излагать то, что усвоил в Доме Обучения Обычаям: – Ведайте же, что первоначально мое племя обитало далеко к северу от здешних земель. Тот край именовался Ацтлан, страна Белоснежных Цапель, отчего живший там народ называл себя ацтлантеками или, для краткости, ацтеками – народом Белой Цапли. Однако Ацтлан был суровой страной, и верховный бог моего народа, Уицилопочтли, поведал своим почитателям, что далеко к югу лежит куда более благоприятный для жизни край. Путь туда будет долгим и нелегким, о том же, что они добрались до цели, люди узнают, когда узрят знамение: золотого орла, сидящего на кактусе нопали. Так и вышло, что ацтеки покинули свои прекрасные дома, дворцы, пирамиды, храмы и сады и всем племенем выступили на юг.

Кто-то в классе потихоньку хихикнул. – Путь этот занял долгие годы, и им пришлось пройти через земли многих других народов. Некоторые были настроены враждебно и пытались с оружием в руках заставить ацтеков повернуть назад. Иные же проявляли гостеприимство, и на их территориях странствующий народ останавливался на отдых, задерживаясь иногда ненадолго, порой же – на многие годы. Этим народам сторицей воздалось за гостеприимство, ибо они обучились благородному языку, а также высоким искусствам и наукам, ведомым только ацтекам.

В классе зашушукались, и на этот раз хихиканье стало громче. – Когда ацтеки наконец пришли в эту долину, их радушно принял живший на западном побережье озера народ текпанеков, уступивший странникам для временного поселения Чапультепек, гору Кузнечиков. А тем временем жрецы ацтеков продолжали обследовать местность в поисках заветного орла, сидящего на нопали. А поскольку на диалекте текпанеков кактус нопали называется теночтли, это племя прозвало ацтеков теночтеками. Со временем те и сами приняли это имя и стали называть себя народом Кактуса. Потом, как и обещал Уицилопочтли, жрецы обнаружили вещее знамение – золотого орла, сидевшего на кактусе, причем случилось это на никем не заселенном острове. Естественно, что все ацтеки, или теночтеки, с радостью переселились с Чапультепека на этот остров.

Кто-то в классе открыто засмеялся. – На острове они построили два больших города, один назвали Теночтитлан, Становище Народа Кактуса, а другой – Тлателолько, Поселение Посреди Скал. Пока мои предки строили свои города, они заметили, что каждую ночь видят со своего острова отражающуюся в водах озера луну. Поэтому они прозвали новое место обитания Мецтли-Шитли, Лунная Середина. Со временем название сократилось до Мешитли, а потом видоизменилось в Мешико, а сам наш народ стал именоваться мешиками, или мешикатль. В качестве же своего герба это племя избрало сидящего на кактусе орла, который держит в клюве нечто вроде ленты, символа войны.

Многие из моих новых однокашников уже смеялись в голос, но я упорно продолжал:

– Потом мешикатль приобрели влияние и начали расширять свои владения. И многие народы выгадали, объединившись с этим новым племенем, став его союзниками или начав торговать с мешикатль. Соседи стали почитать наших богов и познакомили нас со своими. Они выучились от нас счету, переняли у нас календарь, начали из страха пред нашими непобедимыми воинами платить нам дань и, признавая наше превосходство, выучили наш язык. Мешикатль создали самую могущественную державу в истории, а город Мешико-Теночтитлан по праву именуется Ин Кем-Анауак Йойотли – Истинное Сердце Сего Мира.

Я поцеловал землю в знак почтения к пожилому господину наставнику Нелтитике и сел. Одноклассники чуть ли не все одновременно замахали руками, прося разрешения высказаться. При этом они покатывались со смеху. Однако по властному жесту учителя класс мгновенно умолк.

– Спасибо, Кивун, – добродушно промолвил он. – Мне было интересно услышать, чему наставники учат молодых мешикатль в наши дни. Вижу, юноша, что об истории ты знаешь чрезвычайно мало, да и то немногое, что ты усвоил, неверно почти в каждой детали.

Я встал снова, мое лицо горело, словно мне отвесили пощечину. – Господин наставник, ты просил изложить лишь краткую историю. Я могу рассказать более подробно.

– Будь добр, избавь меня от этого, – сказал он. – А взамен я окажу тебе любезность, исправив всего лишь одну из твоих ошибок. Слова «Мешико» и «мешикатль» происходят вовсе не от названия луны.

Он зна́ком велел мне сесть и обратился ко всему классу: – Благородные юные ученики и ученицы, вот вам пример того, о чем я уже не раз говорил. Не будьте легковерными, подвергайте сомнению различные предлагаемые вам версии истории, ибо они зачастую продиктованы тщеславием и содержат самые нелепые выдумки. Более того, я никогда не встречал историка, да и вообще занимающегося любой отраслью знаний ученого, который мог бы признать свои ошибки и посмеяться над ними. Ни разу не довелось мне также встретить и того, кто не считал бы свою узкую область знания самой важной и весомой из всех существующих и не полагал бы, что истинная наука не совместима с весельем. Сразу скажу, что я понимаю всю важность научных трудов, но неужели все связанное с познаниями обязательно должно быть при этом скучным, тошнотворно серьезным и исполненным нелепых претензий? Историки могут быть серьезными людьми, да и сама история порой оказывается настолько мрачной, что не располагает к веселью. Но ведь историю делают живые люди, и каких только казусов при этом не случается. Это подтверждает и истинная история Мешико.

Он снова обратился ко мне: – Кивун, твои предки ацтеки не принесли в эту долину никакой древней мудрости, никаких искусств, наук или культуры. Вообще ничего, кроме самих себя – вороватых, невежественных бродяг в рваных, грязных, кишевших паразитами звериных шкурах, поклонявшихся отвратительному демону, кровожадному богу войны. Стоит ли удивляться, что все развитые, образованные народы презирали и отталкивали этот дикий сброд. Сам посуди, с чего бы цивилизованным людям приветствовать нашествие неотесанных нищих? Ацтеки поселились на том острове, у болотистого побережья озера, не потому, что их бог ниспослал им какое-то там знамение, и отправились они туда вовсе не с радостью. Нет, они пере-

брались туда потому, что больше им было некуда сунуться, а на эту землю, на этот торчащий из трясины прыщ, больше никто не претендовал.

Одноклассники косились на меня с насмешливым видом, а я, внимая словам Нелтитики, старался не выдать своей растерянности.

– Первое время ацтекам было не до строительства великих городов, пирамид и всего такого, – продолжил учитель, – ибо все их время и все силы уходили на поиски съестного. Им не разрешалось ловить рыбу, поскольку права на ловлю принадлежали исконным жителям побережья, и долгое время твои предки существовали – да, не жили, а лишь влачили жалкое существование! – питаясь противными мелкими существами вроде червяков и водяных насекомых, склизкими яйцами всяких болотных тварей и единственным съедобным растением, которое росло в том жалком болоте. Называлось оно мешикин и представляло собой горьковатую на вкус траву, которую прочие народы считали никчемным сорняком. Но если твои предки, Кивун, не обладали ни богатством, ни знаниями, ни чем-либо в этом роде, то им никак нельзя было отказать в чувстве юмора и способности к сарказму. Посмеиваясь над собой и своим бедственным положением, они стали называть себя новыми именем – мешикатль.

Рассказ учителя породил очередную волну смешков, но Нелтитика продолжил:

– В конце концов твои предки придумали чинампа, плавучие огороды, и стали получать сносные урожаи, но даже после этого только-только обеспечивали себя основными пищевыми культурами вроде маиса и бобов. Их чинампа подходили скорее для выращивания более редких овощей и трав – томатов, шалфея, кориандра, сладкого картофеля, – культивированием которых не хотели утруждать себя их высокоразвитые соседи. Когда мешикатль стали выращивать эти продукты в избытке, они завели торг с соседями, выменивая свой урожай на необходимые им предметы: инструменты, строительные материалы, ткани и оружие. То есть на все то, чего у них не было и чего просто так им бы никто не дал. Нельзя не признать: этот народ сумел быстро перенять достижения соседей, а в чем-то, например в военном деле, и опередить их. И хотя теперь твои сородичи уже не употребляют в пищу скромный сорняк мешикин, позволивший им пережить трудные времена, они сохранили взятое в его честь имя. Ныне слово «Мешико» известно повсюду, но при всем внушаемом им почтении или страхе означает оно всего-то навсего…

Учитель намеренно выдержал паузу, улыбнулся, и мое лицо вспыхнуло снова, когда весь класс дружно выкрикнул:

– Народ Сорняка!

– Я так понимаю, юный господин, что ты пытался научиться читать и писать собственными силами? – Наставник по словесному знанию сказал это с таким видом, словно сильно сомневался в том, что с помощью самообразования возможно добиться на этом поприще какого-либо успеха. – И полагаю, у тебя имеются образцы твоей работы?

Я почтительно вручил ему длинную, сложенную гармошкой ленту из скрепленных между собой полосок грубой бумаги. Книгу, которой весьма гордился.

Символы были начертаны мною с величайшим старанием и раскрашены яркими, переливающимися красками, подаренными мне Чимальи. Господин наставник взял мою самодельную рукописную книжицу и стал медленно ее разворачивать.

В своей работе я запечатлел эпизод из нашей истории, относящийся к тому времени, когда мешикатль только что пришли в эту долину. Самым могущественным из всех населявших ее племен было тогда племя калхуа. Когда вождь калхуа Кошкок объявил войну народу шочимилько, он предложил новоприбывшим мешикатль участвовать в ней в качестве его союзников. Те согласились, поход увенчался победой, и калхуа стали похваляться захваченными пленниками, тогда как у мешикатль взятых в плен не оказалось вовсе. Кошкок обвинил новых союзников в трусости, но тут наши воины развязали свои мешки и высыпали перед вождем

целую груду ушей, причем только левых, отрубленных у поверженных ими шочимилько. Кошкок был повергнут в изумление, а мешикатль с тех пор стяжали славу бойцов, с которыми нельзя не считаться. Думая, что мне очень хорошо удалось изобразить этот эпизод (особенно я старался передать несчетное количество левых ушей и выражение изумления на лице Кошкока), я самонадеянно ждал от учителя если не восторга, то, во всяком случае, похвалы.

Но он лишь хмурился, вновь и вновь просматривая страницы и переводя взгляд с одной стороны на другую, а потом наконец спросил:

– А в каком направлении все это следует читать? – У нас на Шалтокане принято листать страницы слева направо, – озадаченно ответил я. – То есть каждую полоску можно читать слева направо.

– Я не про то! – отрезал он. – Мы все обычно читаем слева направо. Но ведь в твоей книге отсутствуют какие-либо указания на то, что читателю следует поступать именно так.

– Какие еще указания? – растерялся я. – Предположим, тебя попросили выполнить надпись, которая должна читаться в каком-либо ином направлении. Скажем, на фризе храма или на колонне, где архитектура требует, чтобы надпись читалась справа налево или даже сверху вниз.

Подобное просто не приходило мне в голову, в чем я честно признался.

– Когда писец изображает двоих людей или богов, занятых разговором, они, естественно, должны быть обращены лицами друг к другу, – нетерпеливо продолжал учитель. – Однако всегда следует помнить общее правило: лицам большинства изображаемых фигур следует быть обращенными в том направлении, в каком читается надпись.

Я сглотнул и, кажется, довольно громко. – А ты, выходит, так и не уразумел этого элементарного, основополагающего правила? – язвительно осведомился наставник. – И у тебя хватило дерзости продемонстрировать мне свою писанину? – Он швырнул мне книгу, даже не удосужившись ее сложить. – Завтра приступишь к занятиям по письму. Учиться будешь вон в той группе.

И наставник показал на кучку учеников, собравшихся вокруг одной из беседок. Тут лицо мое моментально вытянулось, а гордость испарилась. Даже издалека было видно, что все ребята в группе вдвое меня моложе и намного меньше ростом.

Разумеется, мне казалось обидным и унизительным заниматься вместе с мелюзгой и начинать изучение таких вроде бы любимых мною предметов, как письмо и история, с самого начала. Можно подумать, что раньше меня никогда ничему не учили и сам я не прилагал стараний узнать как можно больше. Единственным отрадным известием оказалось лишь то, что, по крайней мере при изучении поэзии, не было подразделения на начинающих, познающих, познавших основы и прочих. На занятия по стихосложению приходили те, кого к этому влекло, так что в одной группе занимались и совсем дети, и люди, достигшие зрелости. Среди учеников оказались также и юный принц Ива, и его старший сводный брат – наследный принц Черный Цветок, и множество других знатных людей, включая совсем немолодых. Девушек, женщин, а также рабов я увидел там больше, чем на любых других занятиях.

Похоже, что здесь не имело значения ни кто сочиняет стихотворение, ни какова его тема, представляет ли оно собой восхваление какого-либо бога или героя, длинное историческое повествование, любовную песню, горестный плач или добродушную шутку. Не принимались также в расчет и пол, возраст, богатство, знатность, заслуги, образование или опыт сочинителя. В поэзии важно другое: стихотворение или есть, или его нет. После того как оно слагается, стихотворение или запечатлевается в памяти, или забывается так быстро, словно никогда и не появлялось на свет. На тех занятиях я скромно сидел в сторонке и слушал других, а о том, чтобы сочинять собственные стихи, не смел даже и помышлять. И лишь многие, многие годы спустя мне случилось сочинить стихотворение, которое, как я потом слышал, деклами-

ровали странники. Однако стихотворение это совсем крохотное, так что из того, что оно живет в памяти людей, еще не следует, будто я вправе называть себя поэтом.

Больше всего мне запомнилось самое первое занятие в поэтическом классе. Господин наставник пригласил какого-то знаменитого стихотворца прочесть нам свои произведения. Я прибыл и уселся на траву позади всех слушателей, когда он готовился к выступлению. С такого расстояния, да еще при моем зрении, рассмотреть поэта как следует было мудрено, но я разобрал, что он среднего роста, хорошо сложен и примерно тех же лет, что и госпожа Толлана. Поэт был облачен в богато расшитую хлопковую накидку, поддерживаемую золотой застежкой, однако не имел более никаких иных украшений, указывавших на его происхождение или сан.

Поэтому я принял его за профессионального стихотворца, получившего за свой дар содержание от правителя и место при дворе.

Поэт пошуршал листочками с записями, передал один из них мальчику – рабу, сидевшему на земле у его ног с маленьким барабаном на коленях, и, ничуть не напрягая хорошо поставленный голос, отчетливо произнес:

– Достойные учащиеся, с разрешения вашего господина наставника я прочту вам сегодня не свои стихи, а сочинения куда более великого и мудрого поэта. Моего отца.

– Аййо, с моего разрешения и к превеликому моему удовольствию! – отозвался господин учитель, удовлетворенно кивая.

– Аййо! – повторил за ним весь класс, как будто присутствующие как один прекрасно знали творения того выдающегося поэта, о котором шла речь.

Из того, что я вам уже рассказал о нашей системе письма, почтенные братья наверняка поняли, что оно не годилось для того, чтобы полноценно записывать поэтические произведения. Наша поэзия существовала лишь благодаря передаче из уст в уста, и стихотворение жило только в человеческой памяти. Если оно кому-то нравилось, человек заучивал его наизусть и пересказывал другому, а тот, в свою очередь, пересказывал дальше. Так стихотворение и жило, передаваясь из уст в уста. Чтобы произведение легче запоминалось, оно, как правило, содержало ритмические повторения и созвучия на концах строк.

Ни то ни другое было невозможно передать средствами нашего письма, так что записи, которые гость просмотрел перед выступлением, были лишь подспорьем для памяти. Они служили для того, чтобы чтец не пропустил какую-нибудь строку или выделил голосом то или иное место. Ну а на страничке, переданной им барабанщику, и вовсе не было никаких рисунков. Она содержала лишь россыпь разноцветных точек, нанесенных кистью, клякс разнообразной формы и плотности, подсказывавших музыканту ритм, который ему следовало выбивать ладонью на барабане. Барабан сопровождал декламацию, то звуча тихо и размеренно, то рассыпаясь резкой дробью, – подчеркивая волнение, заполняя паузы между строками звуками, подобными биению сердца. Стихотворения, которые наш гость продекламировал, прочел нараспев или пропел в тот день, были все как одно красивы и выразительны, однако роднило их не только это, но и оттенок грусти. Все они были слегка окрашены меланхолией, подобно дням в самом конце лета, все еще ярким, но уже слегка тронутым дыханием ранней осени. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, не имея под рукой странички-подсказки и задающего ритм и отмечающего паузы барабана, я, пожалуй, прочту одно из них:

Я песнь сложил, дабы жизнь воспеть,
Мир, яркий, как птицы кецаль оперение,
Лазурь небес, солнца яркую медь,
Чистых вод жадеит и садов цветение…

Но плавится медь, жадеит крошится,
Вянут цветы, лепестки теряя,

Ночи сдаваясь, солнце садится,
И деревья не вечны, листву роняя.

Зри же, как увядает наша краса!
Точно так и наша любовь остывает —
Боги храмы древние покидают,
И руины скрывают их чудеса.

Неужели в жизни все тлен и ложь?
Почему моя песнь пронзает как нож?

Когда декламация была закончена, почтительно внимавшие ей слушатели встали и разошлись. Некоторые, и я в том числе, поспешили уединиться, чтобы, прогуливаясь и повторяя на ходу строки, затвердить наизусть полюбившиеся стихотворения. Другие окружили чтеца, всячески выражая свой восторг и осыпая его благодарностями и похвалами. Я ходил кругами по траве, склонив голову, и твердил вновь и вновь то самое стихотворение, которое только что прочел вам, когда ко мне подошел молодой принц Ива.

– Знаешь, Кивун, – сказал он, – мне тоже это стихотворение понравилось больше всего. И оно навеяло мне другое, которое сложилось в моей собственной голове. Хочешь послушать?

– Я польщен возможностью стать первым слушателем этого сочинения, – ответил я.

И принц прочел мне следующие строки:
Ты упорно твердишь, что не вечен я,
Как цветы, что взлелеяны мною нежно,
Что навеки сгинет слава моя
И имя забудется безнадежно.
Но мой сад цвести еще долго будет,
И песни мои будут помнить люди.

– По-моему, Уишкоцин, это хорошее стихотворение, – сказал я. – Красивое и правдивое. Господин наставник наверняка удостоил бы тебя одобрительного кивка. – Я говорил это не для того, чтобы подольститься к принцу, но вполне искренне, недаром ведь стихотворение запомнилось мне на всю жизнь. – Вообще-то, – продолжил я, – его вполне можно принять за творение того великого поэта, чьи сочинения мы сегодня слышали.

– Да брось ты, Кивун, – укорил меня Ива. – Ни один из поэтов нашего времени не может сравниться с бесподобным Несауалькойотлем.

– Кем? – А ты разве не знал? Ты не понял, что мой отец цитировал сочинения своего отца, моего деда, Чтимого Глашатая Постящегося Койота?

– Что? Выходит, перед нами читал стихи сам Несауальпилли! Но постой, а где же знаки его высокого сана? Я не видел ни венца, ни мантии из перьев, ни скипетра, ни знамени…

– О, он совсем не такой, как все. В отличие от прочих юй-тлатоани отец использует одежды и регалии, подобающие его сану, лишь во время государственных церемоний. Он считает, что человеку пристало гордиться лишь собственными достижениями и носить лишь знаки, свидетельствующие о личных заслугах. По его мнению, боевые шрамы стократ дороже драгоценных безделушек, унаследованных от предков, купленных или полученных в приданое. Но постой, неужели ты хочешь сказать, что еще ни разу его не встречал? Идем!

Однако, похоже, Несауальпилли не очень-то любил массовые проявления преданности и почтения. К тому времени, когда нам с принцем удалось протолкаться сквозь толпу учеников, он уже ускользнул.

Госпожа Толлана не ввела меня в заблуждение, сказав, что учиться мне придется усердно, однако я не стану утомлять почтенных братьев-писцов рассказами о том, как проходили у нас уроки, и о том, как я занимался самостоятельно. Скажу лишь, что я освоил арифметику, научился вести счетные книги, а также вычислять относительную стоимость различных ценностей, выступавших у нас в разных краях в той роли, которую у вас, испанцев, исполняют золотые и серебряные монеты. Впоследствии эти познания мне весьма пригодились. Кроме того, я узнал много нового о наших землях, хотя (в этом мне потом довелось убедиться на личном опыте) о землях, лежавших за пределами нашей долины, даже самым сведущим людям было известно очень мало.

Наибольшее удовольствие мне доставляли уроки письма и чтения, в которых я неустанно и успешно совершенствовался; самыми же полезными, пожалуй, являлись уроки истории, хотя услышанное на них не только входило в противоречие со многим из усвоенного мною дома, но и уязвляло самолюбие уроженца Мешико. Господин наставник Нелтитика щедро делился с учениками своими познаниями и нередко тратил на общение с наиболее любознательными из нас свое личное время. Помню, как-то раз, беседуя со мной и с другим мальчиком, по имени Пойек, сыном одного из знатных мужей Тескоко, он сказал:

– В истории Мешико, как ни печально, есть пробел, подобный широкому провалу, который может образоваться в земле после землетрясения.

Рассуждая, он одновременно готовил себе покуитль – тонкую трубку, искусно вырезанную то ли из кости, то ли из жадеита, с мундштуком на одном конце. В другой, открытый конец вставлялись сухая камышинка или скатанный лист, набитый измельченными сухими листьями растения пикфетль, иногда, дабы придать большее благоухание, смешивавшегося с пряностями и ароматическими травами. Владелец такой трубки, держа ее между пальцами, подносит вставленную с дальнего конца камышинку к огню, после чего измельченный лист начинает тлеть, обращаясь в пепел и выделяя благоуханный дым, который человек втягивает в себя через мундштук, а потом выдыхает – через рот или через ноздри.

Наконец Нелтитика разжег свою трубку угольком из жаровни и продолжил:

– Всего лишь вязанку лет тому назад тогдашний Чтимый Глашатай Мешико Ицкоатль, Обсидиановый Змей, создал Союз Трех, объединившись с Тескоко и Тлакопаном. Главенствующая роль в этом союзе, разумеется, принадлежит Теночтитлану. Обеспечив таким образом себе и своему народу высокое положение, Обсидиановый Змей повелел сжечь все подлинные хроники былых дней и написать новые, всячески возвеличивавшие его соплеменников. Вот так Мешико и получил выдуманную историю, ложную славу и фальшивую древность.

– Книги… сожгли… – ошеломленно пробормотал я, глядя на поднимавшийся над покуитль голубоватый дымок. Трудно было поверить в то, чтобы даже юй-тлатоани решился уничтожить нечто столь драгоценное, незаменимое и невозместимое, как книги.

– Обсидиановый Змей совершил это, желая внушить своим подданным, что именно они были и остаются истинными носителями науки и культуры, а стало быть, не только имеют право, но и обязаны распространять «свои» достижения среди отсталых народов, – продолжил наставник. – Но даже могущественный повелитель Мешико не мог заставить людей забыть, что древние, высокоразвитые цивилизации существовали в здешнем краю задолго до прихода мешикатль. Поэтому пришлось придумывать всяческие легенды.

Мы с Пойеком задумались об услышанном, и мой товарищ высказал предположение:

– Ты имеешь в виду что-то вроде Теотиуакана, места Сбора Богов? – Хороший пример, юный Пойекцин. Ныне этот город заброшен, разрушен и представляет собой лишь груду заросших сорняками развалин, но даже по этим руинам видно, что некогда он и размерами, и великолепием намного превосходил Теночтитлан, тот, какой он есть сейчас, и тот, каким может когда-либо стать.

– Но, господин учитель, – подал голос я, – нам объясняли, что этот великий город был воздвигнут богами. Там они держали совет относительно сотворения земли, человека и всего живого…

– Конечно учили, как же иначе. Вам внушали, что все великое, что есть в мире, является либо делом рук мешикатль, либо самих богов, но никак не иных смертных.

Он фыркнул и выпустил из ноздрей струйку дыма. – Но хотя Обсидиановый Змей и переписал историю края заново, он не мог сжечь библиотеки Тескоко и других городов. Мы по-прежнему храним подлинные хроники, повествующие о том, какова была эта долина до прихода ацтеков. Переиначить на свой лад всю историю Сего Мира не под силу даже такому вождю, как Обсидиановый Змей.

– А как далеко в прошлое углубляются эти подлинные, неискаженные хроники? – поинтересовался я.

– Не в такую уж глубокую древность. Мы вовсе не пытаемся возводить наши предания к самой Высшей Божественной Чете. Вы ведь знаете эту легенду насчет первых обитателей земли, после которых явились остальные боги, а за ними – племя гигантов…

Нелтитика сделал еще несколько затяжек, курение помогало ему думать.

– Должен сказать, однако, что в рассказах о гигантах, возможно, и содержится некое зерно истины. Обросшее, разумеется, сказками, но тем не менее… Я сам видел старую, отмеченную разрушительными следами времени кость, откопанную крестьянами и до сих пор хранящуюся в Тескоко. Наши лекари, знатоки человеческого тела, утверждают, что это бедренная кость. Только вот в длину она размером с меня.

– Не хотел бы я повстречаться с обладателем такого бедра, – промолвил маленький Пойек с натянутым смешком.

– Так или иначе, – сказал наставник, – богами и гигантами у нас занимаются жрецы. Меня же интересует история простых людей вроде нас с вами и в первую очередь история людей, населявших в прошлом нашу долину и воздвигнувших древние города наподобие Теотиуакана или Толлана. Ведь все, что мы знаем и умеем, унаследовано нами от них.

Он затянулся в последний раз и освободил свой покуитль от обгоревшего окурка.

– Возможно, мы уже никогда не узнаем, как, когда и почему они исчезли, хотя обгоревшие балки разрушенных строений и наводят на мысль, что их изгнали захватчики. Вероятно, дикие чичимеки, так называемый народ Пса. Из немногих сохранившихся настенных надписей, рельефных или живописных, мы можем прочесть лишь малую долю и даже не в состоянии выяснить подлинное имя ушедшего народа. Но все, что от него осталось, отмечено таким умением и искусством, что мы с почтением называем их тольтеками, народом Мастеров, учимся у них и уже не одну вязанку лет пытаемся достичь их мастерства.

– Но, господин, – промолвил Пойек, – если эти тольтеки давно исчезли, то как мы можем чему-то у них учиться?

– Дело в том, что, когда что-то или кто-то погубил их города, некоторые, очень немногие из тольтеков, сумели укрыться высоко в горах или в лесных чащах. Они совершили настоящий подвиг, стараясь сохранить часть своих бесценных знаний и передать их соседям, с которыми роднились. Увы, в ту пору рядом с ними обитали лишь примитивные народы: вялые, нелюбознательные отоми, безнравственные пуремпече и, конечно, вездесущий народ Пса.

– Аййа, – сказал юный Пойек. – Отоми так и не научились даже искусству письма. А чичимеки и по сей день едят собственные экскременты.

– Но даже среди варваров попадаются выдающиеся люди, – заметил Нелтитика. – Мы должны признать, что тольтеки не роднились с кем попало. Их дети и внуки поступали так же, благодаря чему сохранилось несколько блистательных древних родов. Должно быть, существовал незыблемый, священный семейный уговор: передавать от отца к сыну то, что он помнил о древнем знании тольтеков. Тем временем с севера в эту долину стали приходить новые народы,

тоже примитивные, но способные воспринять, оценить и использовать эти знания. Желающие раздуть тлеющий огонек и вновь разжечь яркое пламя.

Господин наставник умолк, чтобы вставить в свою трубку новый скрученный лист. Многие люди курили покуитль потому, что, по их мнению, вдыхание дыма способствовало сосредоточенности и ясности мысли. Я и сам, когда стал постарше, пристрастился к этому и находил трубку большим подспорьем в минуты размышления. Но Нелтитика курил гораздо больше, чем кто-либо из тех, кого я встречал, и эта привычка, возможно, и объясняла его исключительную мудрость и долгую жизнь.

– Первыми с севера явились калхуа, – продолжил он. – За ними пришли аколхуа, да и твои, юный Пойекцин, предки. Прочие поселенцы – текпанеки, шочимильки и так далее – появились у озера позднее. Тогда, как и сейчас, они называли себя разными именами, и только боги знают, где находилась их родина, но все эти скитальцы прибыли сюда, говоря на том или ином диалекте языка науатль. И здесь, в бассейне этого озера, встретившись с потомками исчезнувших тольтеков, они начали перенимать остатки их древних искусств и ремесел.

– Все это не могло совершиться не только за один день, но даже за вязанку лет, – заметил я.

– Да, – согласился Нелтитика. – Никто не ведает счета вязанкам лет, которые на это потребовались. Однако хотя учиться приходилось лишь по обрывочным сведениям, хотя люди совершали множество ошибок, пытаясь создать нечто близкое к чудом сохранившимся древним образцам, но чем больше народу приобщалось к учению, тем успешнее шло дело. К счастью, все эти племена, калхуа, аколхуа, текпанеки и прочие, говорили на одном языке, что позволяло им обмениваться достижениями. Одновременно они, осваиваясь, вытесняли отсюда старожилов, оказавшихся малочисленнее и слабее. Пуремпече двинулись на запад, отоми и чичимеки отступили на север, а долина осталась за народами, говорящими на науатль. Они быстро умножались в числе и совершенствовались в знаниях, однако по мере приобщения к цивилизации сотрудничество между ними стало сменяться соперничеством, борьбой за первенство. И как раз в разгар этой борьбы сюда и явились дикие ацтеки.

Господин наставник перевел на меня взгляд. – И вот эти ацтеки, или же мешикатль, встретились здесь с народами куда более развитыми, чем они сами, однако раздоры между жителями долины позволили пришельцам осесть и обжиться. Через некоторое время вождь калхуа Кокшкок соблаговолил принять невежд под свою защиту и назначить одного из своих вельмож, Акамапичтли, их Чтимым Глашатаем. Акамапичтли познакомил своих подданных с искусством письма, а потом и с другими знаниями, спасенными потомками тольтеков и возрожденными благодаря совместным трудам жителей долины. Ацтеки жадно впитывали знания, но употребили их не на общую пользу. Используя раздоры между племенами, вступая в союзы то с одними народами, то с другими, они добились того, что все их соседи ослабли во взаимных распрях, они же оказались самими сильными в военном отношении.

Маленький Пойек воззрился на меня с возмущением, словно я был лично виновен в агрессивности своих предков. Нелтитика же, с отстраненной бесстрастностью истинного историка, продолжал:

– С тех пор мешикатль преуспевали и процветали во всем, превзойдя влиянием и богатством соседние народы, некогда смотревшие на них свысока. Теночтитлан, их столица, стал самым богатым, самым великолепным городом со времен тольтеков. Хотя Сей Мир населяет множество народов, говорящих на множестве языков, но проникавшие повсюду воины, торговцы и исследователи из Мешико сделали науатль вторым языком каждого племени, от северных пустынь до южных джунглей. – Должно быть, господин наставник заметил на моем лице легкую самодовольную улыбку, ибо заключил: – Полагаю, этих достижений вполне достаточно для законной гордости, однако мешикатль, не удовлетворяясь истиной, занялись самовозвеличиванием вопреки истории. Они переписали свои исторические книги, стараясь убедить себя

и остальных в том, что являются древнейшим народом, творцом всего, что заслуживает восхищения. Разумеется, можно заниматься самообманом и даже вводить в заблуждение будущих историков, однако на самом деле мешикатль – всего-навсего обыкновенные узурпаторы, а не подлинные наследники былого величия. И уж тем более не возрожденные тольтеки.

Госпожа Толлана пригласила меня к себе отведать шоколада, и я отправился в гости охотно, ибо на языке у меня давно вертелся не дававший мне покоя вопрос. Правда, в ее покоях присутствовал также и наследный принц, так что, пока они обсуждали с ним какие-то непонятные мне вопросы дворцовой жизни, я помалкивал. Однако едва в их беседе наступило затишье, отважился спросить:

– Вы родились в Толлане, моя госпожа, а ведь это бывший город тольтеков. Значит ли это, что вы тоже принадлежите к этому народу?

И сама госпожа, и Черный Цветок удивились, потом она улыбнулась: – Знай, Кивун, что любой уроженец Толлана был бы горд, имей он возможность заявить, будто в его жилах течет хоть капля крови тольтеков, но я, увы, о себе этого сказать не могу. Толлан с незапамятных времен является городом текпанеков, и я происхожу именно из этого племени, хотя подозреваю, что в прошлом в нашей семье пару раз попадались отоми.

– Выходит, – разочарованно промолвил я, – в Толлане не осталось и следа тольтека?

– Что до людей, то мало кто может проследить свое происхождение так далеко, но вот развалины, пирамиды, каменные террасы и обнесенные стенами дворы еще сохранились. И пусть пирамиды пусты, террасы прогнулись и потрескались, а стены местами обвалились, но изысканный узор древней каменной кладки различим до сих пор. Кое-где сохранились рельефы и даже рисунки. Но особенно много осталось статуй, они-то и производят самое сильное впечатление.

– Статуи богов? – спросил я. – Вряд ли, ибо все они одного роста, с одинаковыми лицами. Статуи эти строги, просты и правдоподобны, без излишеств и показных красот, присущих современным произведениям. Похоже, что когда-то они были колоннами, поддерживавшими некую массивную крышу. Только вот высечены эти колонны в виде настоящих людей, если, конечно, можно представить себе людей ростом в три раза выше нас.

– А может быть, это изображения гигантов, населявших землю после богов? – предположил я, вспомнив огромную бедренную кость, о которой поведал Нелтитика.

– Нет, я думаю, это изображения самих тольтеков, только гораздо больше их истинного роста. Лица изваяний не суровы и не жестоки, чего можно ожидать от богов или гигантов, они невозмутимы, но бдительны. Многие колонны повалены на землю, но иные еще стоят, и лики древних взирают с них со спокойным, терпеливым ожиданием.

– А чего они ждут, моя госпожа? – Может быть, возвращения тольтеков, – ответил за нее Черный Цветок и, издав хриплый смешок, добавил: – Ждут, когда те, проведя невесть сколько вязанок лет, притаившись в небытии, вновь объявятся во всем своем величии и обрушат свой гнев на нас, дерзких похитителей их славы и их владений.

– Нет, сын мой, – возразила госпожа Толлана, – тольтеки никогда не были воинственным народом и не стремились к господству. Даже случись чудо и появись они снова, тольтеки наверняка пришли бы с миром.

Она отпила шоколаду, поморщилась и, взяв со своего столика искусно вырезанный из древесины ароматного кедра венчик, состоявший из нанизанных на центральный стержень позвякивающих колец, опустила его в свою чашку. Потерев этот венчик между ладонями, хозяйка взбила красноватый напиток до образования густой шапки пены. Сделав еще глоток, госпожа слизнула пенку с верхней губы и сказала:

– Сходи как-нибудь в город Теотиуакан, Кивун, и полюбуйся там остатками настенных росписей. Там много изображений тольтеков, но воин изображен лишь единожды. Да и тот

снаряжен не для войны, а для какой-то церемонии. У его копья вместо острого наконечника – пучок перьев, а кончики стрел покрыты смолой оли, как у мальчиков, обучающихся стрельбе из лука.

– Да, моя госпожа. Я сам стрелял таким стрелами, когда учился военному делу.

– А другие настенные изображения позволяют предположить, что тольтеки никогда не совершали человеческих жертвоприношений, а одаряли своих богов лишь цветами, бабочками, перепелами и тому подобным. Народ Мастеров был миролюбив и потому, что поклонялся добрым богам. Одним из них был Кецалькоатль, до сих пор почитаемый многими племенами, и именно то, каким видели тольтеки Пернатого Змея, позволяет нам больше узнать о них самих. Кто, как не мудрый и доброжелательный народ, мог оставить нам в наследство бога, столь гармонично сочетающего в себе могущество и любовь? Самого грозного и в то же время самого милостивого из всех существ, змея, облачением которого служит не твердая чешуя, а нежное, красивое оперение птицы кецаль.

– Но мне рассказывали, что Пернатый Змей некогда жил в здешних землях и когда-нибудь вернется снова.

– Да, Кивун, судя по тому немногому, что нам удалось понять из сохранившихся надписей, Кецалькоатль действительно когда-то здесь жил. Давным-давно он был у тольтеков юйтлатоани, если только они не именовали своих правителей иначе. Говорят, он был очень добр и исполнен высочайшей мудрости. Именно ему приписывают создание календарей, звездных карт и цифр, которыми пользуются и в наше время. Говорят даже, что он оставил рецепты многих современных блюд, хотя мне трудно представить себе Кецалькоатля на кухне, занимающимся стряп ней. – Она улыбнулась, покачала головой, но потом снова заговорила серьезно: – Говорят, будто в годы его правления хлопок на полях рос не только белый, но и самых разных цветов, словно его уже окрасили, а початки маиса созревали такие, что больше одного человеку было не поднять. О пустынях в его правление и не слышали, фрукты и плоды в изобилии росли повсюду, и воздух благоухал их смешанными ароматами…

– Моя госпожа, – спросил я, – а возможно ли, чтобы он и вправду вернулся?

– Ну, если верить легендам, Кецалькоатль, случайно или намеренно, совершил тяжкий грех, после чего посчитал себя недостойным и отрекся от престола. Он отправился к берегу Восточного океана, соорудил плот (по одним рассказам – сплел его из перьев, а по другим – свил из живых змей), обратился к опечаленным тольтекам с прощальной речью, пообещав, что еще вернется, отчалил от берега и исчез за горизонтом. С тех пор Пернатого Змея чтут как бога все известные нам народы. Уже минули многие вязанки лет, сами тольтеки тоже исчезли, но Кецалькоатлю еще предстоит вернуться.

– Не исключено, что он уже вернулся, – предположил я. – Жрецы говорят, что боги часто появляются среди нас в человеческом обличье и остаются неузнанными.

– Прямо как наш господин, мой отец, – рассмеялся Черный Цветок. – Но, сдается мне, Пернатого Змея было бы трудно проглядеть. При появлении такого бога наверняка поднялся бы шум. Будь уверен, Кивун, если Кецалькоатль вообще вернется, хоть со своей свитой из тольтеков, хоть один, мы непременно о нем услышим.

Я покинул Шалтокан ближе к концу сезона дождей в год Пятого Ножа и, если не считать тоски по Тцитцитлини, был настолько поглощен учебой и прелестями дворцовой жизни, что почти не замечал, как летит время. Поэтому я удивился, когда однажды мой товарищ по учебе принц Ива сказал, что завтра наступает первый день немонтемин, пяти «скрытых дней». Мне пришлось посчитать на пальцах, чтобы убедиться в том, что я нахожусь вдали от дома уже почти целый год, и год этот подходит к концу.

– На эти пять «скрытых дней» вся жизнь замирает, – промолвил принц. – Никто не учится и не работает, и в нынешнем году мы воспользуемся ими, чтобы двор смог перебраться во дворец в город Тескоко и подготовиться к празднованию месяца Куауитль Ихуа.

Это был первый месяц нашего солнечного календаря, название его означало «Древо Возрастает». На первый месяц года по традиции приходилось множество пышных церемоний, суть которых сводилась к обращению к богу дождя Тлалоку: весь народ молился о ниспослании нам обильных дождей.

– Думаю, тебе захочется побывать дома, – продолжил Ива, – поэтому я предлагаю тебе воспользоваться моим личным акали. По окончании праздников я снова пришлю лодку на Шалтокан, и ты вернешься ко двору в Тескоко.

Это предложение оказалось для меня неожиданным, но я принял его с глубокой благодарностью за проявленную принцем заботу.

– И вот еще что, – сказал он. – Ты не мог бы отправиться в путь прямо завтра утром? Понимаешь, Кивун, моим гребцам хотелось бы вернуться на свой берег до начала «скрытых дней».

Ах, сеньор епископ! Я весьма польщен благосклонным решением вашего преосвященства снова присоединиться к нашему маленькому обществу. И снова, мой господин, ваш недостойный и смиренный слуга осмеливается покорнейше приветствовать ваше прибытие… Да, я понимаю, ваше преосвященство. Вы говорите, что до сих пор я недостаточно рассказывал о религиозных обрядах моего народа. Вы желаете узнать побольше о нашем суеверном страхе перед «скрытыми днями» и выслушать из первых уст рассказ о ритуале вымаливания дождя, который длился целый месяц. Ну что ж, я сделаю все, чтобы угодить вашему преосвященству, и постараюсь рассказать обо всем, что вас интересует. Если моя старческая память уведет меня в сторону от того, что имеет значение, или мой старый язык будет слишком поверхностно описывать то, что относится к делу, то пусть ваше преосвященство, ничуть не стесняясь, прерывает меня в любом месте, задает вопросы или требует разъяснений.

Так вот, до окончания года Шестого Дома оставалось шесть дней, когда резной, украшенный флагами и балдахином акали принца Ивы доставил меня в Шалтокан. Это роскошное судно с шестью гребцами причалило почти одновременно с простеньким двухвесельным каноэ владыки Красной Цапли, на котором прибыл из школы домой его сын. Да что там каноэ, я даже одет был лучше, чем этот отпрыск провинциального вождя, так что Пактли на пристани невольно отвесил мне почтительный поклон, а когда узнал меня, от удивления потерял дар речи.

Дома меня встретили как героя, вернувшегося с войны. Отец без устали хлопал меня по плечу, кстати, я уже почти догнал его и по росту, и по ширине плеч. Тцитцитлини бросилась мне на шею, и при этом ноготки ее мягко, но призывно вонзились в мою спину, однако со стороны это выглядело обычными сестринскими объятиями. Даже на матушку я произвел благоприятное впечатление, главным образом благодаря наряду. Я намеренно предстал перед сородичами в лучшем своем одеянии – великолепно расшитой накидке с гелиотропной застежкой на плече и вызолоченных сандалиях, на которых ремешки переплетались чуть ли не до колен.

Среди друзей, родственников и соседей, валом валивших, чтобы на меня поглазеть, я с радостью заметил Чимальи и Тлатли. Они приехали из Теночтитлана домой с оказией, на грузовом судне. Родительский дом, с его тремя комнатами и двориком, казался слишком тесным, ибо в нем было не протолкнуться от гостей. Не подумайте, что все так уж по мне соскучились.

Тут дело было скорее в любопытстве, а также в том, что в полночь наступали «скрытые дни», на время которых все визиты прекращались.

За исключением моего отца и нескольких товарищей, работавших в карьере, лишь немногие из гостей выбирались за пределы нашего острова, и всем, конечно, хотелось послушать, что делается в большом мире. Однако вопросов гости почти не задавали, довольствуясь тем, что мы – я, Чимальи и Тлатли – рассказывали, каждый по-своему, об учебе и школах.

– Ох уж эти школы, – хмыкнул Тлатли. – На настоящее учение и времени-то почти не остается. Эти противные жрецы поднимают нас до рассвета, заставляя подметать не только наши спальни, но и все здание, после чего мы отправляемся на озеро – ухаживать за школьными чинампа да собирать маис и бобы для школьной кухни. Или же тащимся по дамбе на материк – рубить деревья для священных костров да резать и собирать в мешки колючки мангуйи.

– Насчет еды и растопки мне все понятно, – сказал я, – но зачем нужны колючки?

– Чтобы наказывать провинившихся, приятель Крот, – буркнул Чимальи. – За самую мелкую провинность жрец заставляет ученика наносить себе уколы. В ушные раковины, в пальцы, в ладони… даже в промежность.

– Но достается и тем, кто ведет себя безупречно, – подхватил Тлатли. – Там, в столице, чуть ли не через день праздник в честь какого-нибудь бога, о большинстве которых я прежде даже не слыхал. И всем мальчикам приходится приносить в дар этим богам свою кровь, хотя бы по капле.

– А когда же вы учитесь? – спросил кто-то из слушателей. Чимальи скорчил гримасу. – В оставшееся время, да только что это за учеба? Учителями у нас жрецы, а они в науках не сведущи и знают в лучшем случае только то, что написано в книгах. Да вдобавок и книги в школе все старые, разваливаются прямо в руках.

– Правда, нам с Чимальи еще повезло, – вставил Тлатли. – Нас ведь не в писцы готовят, так что без пособий вполне можно обойтись. Бóльшую часть учебного времени мы проводим в мастерских своих наставников по искусству, которые не тратят зря времени на всевозможную чушь вроде обрядов да ритуалов. Они заставляют нас всерьез заниматься делом, так что мы в конечном счете учимся-таки тому, что нас послали изучать.

– Некоторые другие мальчики тоже, – подхватил Чимальи. – Те, кого направили в ученики и подмастерья к лекарям, резчикам, музыкантам и прочим мастерам ремесел. Но мне по-настоящему жаль тех, кому положено учиться в классах, изучать чтение, письмо и тому подобное. Когда эти бедняги не заняты работами по школе, исполнением церемоний или умерщвлением плоти, их учат жрецы столь же невежественные, как и они сами. Ты можешь радоваться, Крот, что не попал в калмекактин. Там мало чему можно научиться, если только сам не желаешь стать жрецом.

– А кому захочется стать жрецом какого бы то ни было бога? – пробормотал, передернувшись, Тлатли. – Ведь это означает отказ не только от соитий или пития октли, но даже от умывания. Разве что ненормальному, которому нравится страдать самому и видеть, как страдают другие.

Надо же, а ведь не так давно, когда Тлатли и Чимальи, надев свои лучшие накидки, отправлялись на учебу, я завидовал им. А вот теперь наоборот, мои товарищи, в тех же самых накидках приехавшие на праздники домой, искренне завидовали мне. Чтобы произвести на них впечатление, не было нужды рассказывать о роскошной жизни при дворе Несауальпилли, достаточно было просто сообщить, что наши учебники для прочности рисуют на обработанной дымом оленьей коже. Ну а уж то, что нас практически не отвлекают на участие в церемониях, не заставляют заниматься посторонней работой и не отягощают правилами, а наши наставники, все как один, знатоки своего дела и рады заниматься с любознательными учениками даже в неурочное время, повергло моих друзей в изумление.

– Подумать только! – пробормотал Тлатли. – Учителя хорошо разбираются в той области знаний, которую преподают!

– Учебники из оленьей кожи! – с завистью вздохнул Чимальи. Неожиданно гости, столпившиеся у двери, стали отодвигаться в стороны, давая дорогу ученику еще одного, лучшего в столице и предназначенного для избранных калмекактин. При появлении сына правителя многие попытались исполнить обряд целования земли, но не всем хватило для этого места.

– Микспанцинко, – нерешительно сказал гостю мой отец. Не обращая на хозяина ни малейшего внимания и даже не потрудившись его поприветствовать, Пактли протиснулся ко мне и заявил:

– Я пришел, чтобы попросить тебя о помощи, юный Крот. – Он вручил мне лист сложенной гармошкой писчей бумаги и, постаравшись придать голосу дружелюбие, пояснил: – Я так понимаю, что ты у нас обучаешься в основном словесности – искусству письма и чтения, – а потому мне хотелось бы, прежде чем я вернусь в школу и представлю эту работу на суд моего наставника, узнать о ней твое мнение.

Правда, пока господин Весельчак произносил эту фразу, взгляд его переместился на мою сестренку, и я подумал, что ему, наверное, не слишком-то приятно использовать такой предлог для посещения нашего дома. Но другого предлога он придумать не успел, тем паче что после наступления полуночи, как я уже говорил, все визиты прекращались. Хотя было понятно, что Пактли ничуть не интересует мое мнение о его писанине (он без зазрения совести таращился на Тцитци), я все же пролистал сложенные страницы, а потом усталым голосом спросил:

– А в каком направлении все это следует читать? Несколько человек, напуганные моим тоном, воззрились на меня в ужасе. А Пактли с таким негодованием, будто получил от меня оплеуху, буркнул:

– Можно подумать, Крот, что ты этого не знаешь! Как всегда, слева направо.

– Слева направо знаки читают обычно, но не всегда, – пояснил я. – Первое и основное правило письма, которое ты, очевидно, не усвоил, состоит в следующем: большинство изображений должны быть обращены в ту сторону, в каком направлении следует читать написанное.

Должно быть, куражу мне придало то, что двор, при котором я провел почти целый год, несравненно превосходил великолепием двор отца Пактли. Я очень уверенно чувствовал себя в щегольском одеянии и был польщен тем, что оказался в центре внимания родных и близких, иначе ни за что не осмелился бы выйти за рамки традиции, предписывающей выказывать по отношению к знати подобострастное почтение. Так или иначе, не утруждая себя дальнейшим чтением, я сложил рукопись и вернул ее Пактли.

Замечали ли вы, ваше преосвященство, что разные люди, испытывая одинаковые чувства (например, гнев), меняются в лице по-разному? Услышав ответ, Пактли побагровел, а лицо моей матери побледнело. Тцитци от удивления непроизвольно поднесла руку к губам, но тут же рассмеялась. Следом за ней рассмеялись Тлатли и Чимальи. Господин Весельчак перевел испепеляющий взгляд с меня на них, потом обвел им всех собравшихся (большинству гостей, похоже, очень хотелось сделаться невидимками) и, потеряв от ярости дар речи, скомкал свою писанину и вышел, грубо отпихивая плечом всякого, кто не успевал посторониться и дать ему пройти.

Большинство гостей, словно желая отмежеваться от моей непочтительности, поспешили уйти следом за Пактли. Все вдруг заговорили о том, что живут неблизко, а ведь еще нужно поспеть домой до наступления темноты и удостовериться, что в очагах не осталось ни одного непотушенного уголька. Пока этот массовый исход продолжался, Чимальи и Тлатли поддерживали меня улыбками, Тцитци пожала мне руку, отец выглядел растерянным, а матушка – совершенно ошеломленной. Правда, ушли не все гости. Некоторых из наших знакомых подобная дерзость, да еще проявленная мною перед самым наступлением несчастливых дней, нисколько не обескуражила.

В эти грядущие пять дней делать что-либо считалось опрометчивым, однозначно бесполезным, а возможно, и опасным. Считалось, что это вроде как не настоящие дни, а некая пустота между Ксуитекуитль, последним месяцем уходящего года, и Куауитль Ихуа, первым месяцем наступающего. Предполагалось, что в эти отсутствующие в календаре и как бы несуществующие дни боги погружаются в ленивую дрему, отчего даже солнце на небе становится прохладнее и бледнее. Естественно, что люди старались ничего не делать, дабы не потревожить дремлющих в истоме богов и не навлечь на себя их гнев.

Таким образом, на протяжении этих пяти «скрытых дней» жизнь замирала. Всякая работа останавливалась, все виды деятельности, кроме жизненно необходимых, прекращались. Домашние очаги были потушены, так что пищу не готовили и питались всухомятку. Люди не пускались в дорогу, не ходили в гости, не собирались группами. Мужья и жены воздерживались от плотской близости. Кстати, подобное воздержание или меры предосторожности практиковались также и за девять месяцев до немонтемин, ибо считалось, что дети, рожденные в «скрытые дни», их не переживут. По всем окрестным землям люди сидели дома и бездельничали, в крайнем случае занимались рутинными домашними делами вроде заточки инструментов или починки сетей. Скучное это было время.

Поскольку затевать что-либо в «скрытые дни» считалось дурным предзнаменованием, неудивительно, что и оставшаяся в нашем доме в тот вечер компания завела разговор о знаках и знамениях. Чимальи, Тлатли и я, сидя в сторонке, продолжали сравнивать наши школы, когда до меня донеслись обрывки разговоров старших.

– Как раз в «скрытые дни», скоро тому уж год будет, Ксопан переступила через свою маленькую дочурку, которая ползала на кухне у матери под ногами. И, понятное дело, она испортила ребенку тонали. Прошел год, а бедная девочка не подросла ни на палец. Вот увидите, так карлицей и останется.

– Я раньше смеялся над всякими историями о вещих снах, но теперь точно знаю, что это правда. Однажды ночью мне приснилось, будто разбился кувшин с водой, а на следующий день погиб мой брат Ксикама. Его задавило в карьере, помните?

– Порой бывает, что страшные последствия наступают не сразу, и можно даже забыть, что накликало беду. Вот, помню, давно это было, уж не один год минул, приметил я, что Теоксиуитль метет сор прямо под ноги нашему сынишке, который играл на полу. Я ей сказал: быть беде! И что вы думаете, прошло время, малец подрос и взял в жены женщину, вдвое старше его годами! Ровесницу самой Теоксиуитль. Стал посмешищем всей деревни!

– А вот ко мне как-то прицепилась бабочка, кружит и кружит вокруг головы. И что вы думаете: месяца не прошло, как получаю известие: Куепоини, моя единственная любимая сестра, в тот самый день умерла в своем доме в Тлакопане. Вот и не верь после этого в знамения!

Я невольно отметил про себя два момента. Во-первых, на Шалтокане все говорили на грубом диалекте, после изысканного науатль Тескоко резавшем мне слух. Во-вторых, все как один рассказывали только о дурных знаках: никто не вспомнил случая, когда сбылось бы доброе предзнаменование. Но от этих мыслей меня отвлек Тлатли, начавший рассказывать, что ему удалось узнать от своего наставника-ваятеля.

– Люди – единственные существа, у которых есть нос. Нет, не смейся, Крот. Из всех живых существ, изображения которых вырезает или высекает скульптор, только у мужчин и женщин есть носы, которые представляют собой не просто пару отверстий на морде, как у животных, но особую, выступающую часть лица. А поскольку, как известно, наши статуи всегда богато украшаются орнаментами и прочим, так что создаваемые ими образы во многом условны, наставник научил меня, изображая людей, всегда делать лица с преувеличенно большими носами. Таким образом, глядя на самую сложную статую, всякий, даже совершенно не

сведущий в искусстве человек может с первого взгляда определить, что она представляет человека, а не ягуара, змею или, к примеру, богиню воды Чальчиутликуэ с лицом лягушки.

Я кивнул, и эта мысль отложилась в моей памяти. Более того, я применил ее в рисуночном письме, а впоследствии эту манеру – изображать мужчин и женщин с сильно выступающими носами – переняли у меня и многие другие писцы. Если даже нашему народу суждено исчезнуть с лица земли, как исчезли тольтеки, я надеюсь, что, по крайней мере, наши книги уцелеют. Наверное, у будущих читателей может сложиться ошибочное представление, будто все жители здешних земель имели длинные крючковатые носы, как у майя, но, по крайней мере, они смогут без труда отличить людей от зверей или богов в облике животных.

– Спасибо тебе, Крот. Я придумал уникальную подпись для моих рисунков, – сказал Чимальи со смущенной улыбкой. – Другие художники подписывают свои работы символами своего имени, но я использую вот это.

И он показал мне пластинку размером с подошву сандалии, со вкраплениями по всей поверхности несчетного количества крохотных кусочков острого обсидиана. Признаться, я порядком испугался, когда Чимальи вдруг сильно хлопнул левой ладонью по этой дощечке, а потом, все еще ухмыляясь, раскрыл ее и продемонстрировал струящуюся кровь.

– Художников по имени Чимальи может быть на свете сколько угодно, но именно ты, Крот, объяснил мне, что нет двух одинаковых рук. – Теперь ладонь друга была полностью покрыта его собственной кровью. – Таким образом, у меня есть подпись, которую никто никогда не сможет подделать.

Он хлопнул по стоявшему поблизости здоровенному жбану для воды, и на тускло-коричневой глиняной поверхности заблестел красный отпечаток его ладони. Путешествуя по здешним краям, ваше преосвященство, вы увидите эту подпись на многих настенных росписях и рисунках во дворцах и храмах. Чимальи, прежде чем перестал работать, создал невероятное количество произведений…

Они с Тлатли в тот вечер покинули наш дом последними. Друзья оставались у нас до тех пор, пока бой барабанов и завывание раковины-трубы не возвестили о начале немонтемин. Мать заметалась по дому, гася светильники, а друзья заторопились, чтобы добраться до своих жилищ прежде, чем эти сигналы смолкнут. Надо сказать, что задержаться в такой вечер в гостях могли только отважные люди, ибо, какой бы дурной славой ни пользовались «скрытые дни», слава «скрытых ночей» была и того хуже. Кстати, то, что друзья остались, спасло меня от выволочки. В их присутствии матушка не стала нападать на меня за непочтительность по отношению к господину Весельчаку, а подвергать сына наказанию во время немонтемин ни она, ни отец не могли. Ну а потом о происшествии и вовсе позабыли.

Однако для меня те дни оказались если и «скрытыми», то по-особенному. В один из них Тцитци отвела меня в сторонку и тихонько, но решительно прошептала:

– Братец, мне что, нужно пойти и стянуть еще один священный гриб?

– Безбожница, – шепнул в ответ я. – В такие дни даже мужьям и женам запрещается восходить на супружеское ложе.

– Только мужьям и женам. Нам с тобой это запрещено всегда, поэтому мы особенно ничем не рискуем.

И прежде чем я успел сказать что-нибудь еще, сестренка подошла к здоровенному, по пояс ей высотой, глиняному кувшину, тому самому, на котором теперь остался кроваво-красный отпечаток руки Чимальи, и налегла на него всем телом. Сосуд упал и разбился, а вода, которую матушка заготовила впрок, разлилась по известковому полу. Мать, ворвавшись в комнату, разразилась в адрес Тцитцитлини визгливой бранью:

– Ах ты растяпа!.. Да чтобы наполнить кувшин, потребовался целый день… Думала, запаслись водой до конца немонтемин… а теперь – ни капли не осталось! И ведь другого сосуда, такого же большого, у нас нет!

– Ничего страшного, – невозмутимо откликнулась сестра. – Мы с Микстли можем взять каждый по два самых больших сосуда из оставшихся и вдвоем за один раз принесем столько же воды, сколько и было.

Матери это предложение не понравилось, и бранилась она еще довольно долго, однако, кричи не кричи, а другого выхода не было. В результате она отпустила нас, и мы, прихватив по самому большому кувшину, выскользнули из дома. Стоит ли говорить, что очень скоро кувшины оказались отставленными в сторону?

В последний раз я описывал вам Тцитци такой, какой она была в ранней юности, но за время моего отсутствия сестренка повзрослела и расцвела. Ее бедра и ягодицы приобрели женственную округлость, а каждая из упругих грудей теперь заполняла мою сложенную чашечкой ладонь. Соски, когда она возбуждалась, набухали еще сильнее, кружки вокруг них сделались больше и сильнее выделялись на нежной коже, а сама Тцитци стала еще более возбудимой, страстной и необузданной в ласках.

За не столь уж долгое время, которое мы могли уделить друг другу по дороге к источнику, она самое меньшее трижды достигла наивысшего возбуждения. Ее возросшая страстность в сочетании с более зрелым телом навели меня на некоторые догадки, а последующий опыт общения с женщинами убедил в том, что они оказались правильными. Вот что я понял. Если хотите узнать, какова женщина в постели, достаточно взглянуть на кружки вокруг ее сосков. Чем они больше и темнее, тем более возбудима и страстна их обладательница. Красота и особенности фигуры при этом не имеют значения, точно так же как и манера поведения. Изображая распутницу или, наоборот, нарочито сдержанную женщину, она может намеренно или неумышленно вводить мужчину в заблуждение, но знающий человек всегда определит степень ее приверженности плотским утехам по надежным признакам, которых никакое искусство, никакие мази и притирания не могут ни скрыть, ни подделать. Женщина с большими темными кругами вокруг сосков всегда привержена плотским радостям, даже если будет прикидываться холодной, а женщина с соском, походящим на мужской, неизменно останется холодна, сколько бы она ни изображала буйный темперамент. Разумеется, я высказался лишь в самом общем смысле, тогда как и цвет, и размер сосков имеют множество градаций, которые немало говорят опытному взгляду. Но только опытному. Зато уж такой мужчина, бросив лишь один взгляд на обнаженную грудь, получает полное представление о том, чего ему ждать от этой женщины и насколько пылкой она будет в постели. Опытного человека не проведешь.

Ваше преосвященство желает, чтобы я покончил с этой темой? Ну что ж, должен признать, что я уделил ей столько внимания, поскольку не мог не изложить своей собственной теории. Она многократно подвергалась проверке на практике и ни разу меня не подвела. По-моему, мужчине очень полезно знать такие вещи, ведь они могут пригодиться ему и за пределами спальни.

Ййо, аййо!!! Знаете, ваше высокопреосвященство, мне вдруг пришло в голову, что моим открытием могла бы заинтересоваться ваша Святая Церковь. Посудите сами, разве это не самый быстрый и простой способ безошибочного отбора тех женщин, кому самой природой предназначено быть монахинями в ваших…

Да-да, мой господин, уже заканчиваю. Можно сказать, закончил. Так вот, когда мы с Тцитци наконец, шатаясь, вернулись домой с четырьмя полными воды кувшинами, матушка, разумеется, не преминула выбранить нас за то, что мы шляемся неизвестно где в такое время. Сестренка удивила меня и тут. Только что она была страстной, неистовой, в экстазе впивающейся в меня ногтями самкой, а сейчас лгала с небрежной легкостью, что твой жрец:

– Нечего нас ругать. Мы вовсе не бездельничали. Просто не нам одним потребовалось набрать из источника воды. Народу пришло немало, а поскольку всякие сборища нынче запре-

щены, нам с Микстли пришлось ждать своей очереди в сторонке. Так что, матушка, вины за нами никакой нет.

Когда эти унылые «скрытые дни» подошли к концу, весь Сей Мир вздохнул с огромным облегчением. Уж не знаю, ваше преосвященство, что вы имеете в виду, говоря вполголоса о «пародии на Великий пост», но первый же день месяца Растущего Древа положил начало всеобщему веселью. В последующие дни праздник продолжался. В особняках знати, в домах зажиточных простолюдинов и даже в местных деревенских храмах устраивались пирушки, на которых все – хозяева и гости, жрецы и молящиеся – вознаграждали себя за вынужденное воздержание во время немонтемин.

Правда, в том году начало празднеств было несколько омрачено известием о кончине Тисока, нашего юй-тлатоани, но надо сказать, что его правление было самым коротким и наименее примечательным за всю историю Мешико. Поговаривали, разумеется не открыто, что правителя отравили. Одни приписывали это злодеяние старейшинам Совета, недовольным тем, что владыка совершенно не интересовался войнами, а другие его брату Ауицотлю, Водяному Чудовищу, – весьма деятельному принцу, который мечтал заполучить власть и снискать славу великого государя. Так или иначе, Тисок был настолько бесцветной фигурой, что о нем не слишком скорбели, и у нас на Шалтокане проходившая на площади перед пирамидой многолюдная церемония восхваления бога дождя Тлалока была одновременно посвящена и восшествию на престол Чтимого Глашатая Ауицотля.

К свершению обрядов приступили лишь после того, как Тонатиу погрузился в сон на своем западном ложе, дабы владыка тепла не узрел, какие почести воздают его брату, властелину влаги, и не позавидовал тому. На закате на площади и на склонах ближайших холмов начали собираться жители острова. Приходили все, кроме самых старых, немощных и недужных, а также тех, кому приходилось остаться дома, чтобы за ними ухаживать. Едва солнце скрылось за горизонтом, как на ступенях пирамиды и в находящемся на ее вершине храме появились жрецы в черных одеждах. Они готовились разжечь множество факелов и жаровен, которым предстояло распространять разноцветный дым и сладостные ароматы. Жертвенный камень в эту ночь не использовался: вместо этого к подножию пирамиды, так, что в нее при желании мог заглянуть каждый, доставили огромную каменную купель, наполненную предварительно освященной особыми заклинаниями водой. После наступления темноты деревья, росшие вокруг пирамиды, тоже осветились множеством огоньков. Бесчисленные крохотные светильники создавали удивительное впечатление: казалось, будто в рощице собрались все светлячки Сего Мира. А на ветвях деревьев раскачивалось множество ловких малышей – мальчиков и девочек в любовно сшитых матерями праздничных нарядах. Разноцветные бумажные платьица девочек были круглыми или вырезанными в форме лепестков – малышки изображали различные фрукты и цветы. Мальчики, в еще более причудливых костюмах из перьев, представляли собой птиц и бабочек. Всю праздничную ночь мальчики-«птицы» и мальчики-«насекомые» перебирались с ветки на ветку, делая вид, будто «пьют нектар» из девочек-«фруктов» и девочек-«цветов».

Когда окончательно настала ночь и все население острова собралось у пирамиды, на ее вершине появился главный жрец Тлалока. Протрубив в раковину, он властно воздел руки, и шум толпы начал стихать. Руки жреца оставались поднятыми до тех пор, пока на площади не воцарилась полная тишина. Потом он уронил их, и в тот же самый миг раздался оглушительный раскатистый гром: ба-ра-РУУМ! То был голос самого бога дождя Тлалока. Содрогнулось все: листва на деревьях, пламя костров, благовонный дым и даже сам воздух. На самом деле Тлалок тут, конечно, был ни при чем: это жрецы били огромной деревянной колотушкой по туго натянутой змеиной коже «громового» барабана, иначе именовавшегося «барабаном, вырывающим сердце». Звуки эти разносились аж на два долгих прогона, так что можете себе

представить, как они воздействовали на нас, собравшихся неподалеку. Наводящий страх пульсирующий грохот продолжался до тех пор, пока людям не стало казаться, что их кости вот-вот рассыплются. Потом грохот постепенно начал стихать, пока наконец его звук не слился с ударами в небольшой, «божий» барабан. Их ритмичный перестук стал фоном для ритуального приветствия Тлалока, провозглашаемого главным жрецом.

Время от времени жрец умолкал, и тогда вся толпа издавала протяжный, похожий на совиный крик: «Ноо-оо-оо!» – приблизительно соответствующий по смыслу вашему церковному «аминь». Также в промежутках между его декламациями вперед выступали младшие жрецы. Они извлекали из своих одежд маленьких водяных существ – лягушек, саламандр и змей, – показывали нам этих извивающихся тварей, а потом глотали их. Живых и целиком!

Наконец жрец завершил свое древнее песнопение, выкрикнув изо всей мочи: «Техуан тьецкуийа ин ауиуитль, ин покхотль, Тлалокцин!»

Переводится это так: «Мы хотим укрыться под могучим кипарисом, о владыка Тлалок!», то есть: «Мы просим твоей защиты, твоего покровительства».

В тот самый миг, когда их глава проревел это, остальные жрецы, рассредоточенные по площади, бросили в жаровни пригоршни тончайшей маисовой муки, и каждое такое облачко взорвалось с громким треском и ослепительной вспышкой: казалось, что повсюду засверкали молнии. И вновь оглушительно загрохотал громовой барабан. Его пробирающий до самых костей бой начал стихать лишь тогда, когда казалось, что еще чуть-чуть – и наши зубы, расшатавшись, выпадут из десен. Но вот громыхание сошло на нет, и наши уши, вновь обретшие способность воспринимать обычные звуки, наполнила музыка. Теперь играли на глиняной флейте, имевшей форму сладкого картофеля, на подвешенных тыквах различных размеров, издававших, когда по ним ударяли палочками, звуки разной тональности, и на свирели, сделанной из пяти скрепленных между собой обрезков тростника различной длины. Ритм этому оркестру задавал инструмент под названием «крепкая кость» – то была оленья челюсть, скрежетавшая, когда по зубам животного водили жезлом. Едва зазвучала музыка, танцоры – мужчины и женщины, которым предстояло исполнять танец Тростника, – выстроились кругами, каждый из которых был расположен внутри другого. У их лодыжек, колен и локтей были прикреплены высушенные стручки с семенами, трещавшие, шуршавшие и шептавшие при каждом движении. Мужчины в одеждах синего, как вода, цвета держали в руках обрезки тростниковых стеблей – длиной в руку и толщиной в запястье. Юбки и блузы женщин были бледно-зелеными, цвета молодого тростника, а тон всему танцу задавала Тцитцитлини.

Танцоры скользили в такт жизнерадостной музыке грациозно переплетающимися вереницами. Руки женщин изящно изгибались над головами, подражая колышущемуся на ветру тростнику, а мужчины потрясали своими палками, чтобы создать впечатление, что этот качающийся тростник шелестит и шуршит. Потом музыка стала громче; женщины собрались в центре площади, приплясывая на месте, тогда как мужчины обступили их кольцом, выполняя в такт резкие движения своими толстыми обрезками тростника. При каждом таком выпаде становилось ясно, что в руке у танцора находится не один стебель, а много вставленных один в другой. В самом толстом тростнике находился другой, потоньше, в том – еще тоньше, и так далее. После резкого взмаха все спрятанные внутри стебли выскакивали наружу, и в руке танцора вместо короткого обрезка оказывалось длинное, утончающееся к концу удилище. Концы этих удилищ смыкались над головами танцующих женщин, и те, к восторгу зевак, оказывались под сенью легкого тростникового купола. Потом ловким движением запястий мужчины заставляли эти раздвижные стебли сложиться обратно, причем делали это все одновременно. Этот искусный трюк повторялся снова и снова, но каждый раз с каким-нибудь отличием. Например, выстроившись в две линии, танцоры раздвигали свои удилища навстречу друг другу, образуя коридор или тоннель с тростниковой крышей, по которому в танце проходили женщины…

Когда танец Тростника подошел к концу, началось действо, вызвавшее у зрителей немало смеха. На освещенную кострами площадь приковыляли (а то и приползли) все те старики, которых донимала боль в костях и в суставах. Известно, что такого рода недуги, делающие людей скрюченными, по какой-то причине особенно обостряются именно в сезон дождей. Старики и старухи притащились на площадь для того, чтобы, танцуя перед Тлалоком, упросить владыку дождливого сезона сжалиться над ними и облегчить их страдания.

Несчастные, разумеется, относились к церемонии со всей серьезностью, но со стороны такой танец неизбежно выглядел весьма комично, и зрители один за другим начинали хихикать, а потом и вовсе покатываться со смеху. Танцоры, со своей стороны, осознав, что выглядят смешно, начинали кривляться уже намеренно, потешая и зрителей, и бога. Одни выставляли свои недуги, хромоту или спотыкание в преувеличенном виде, а другие и вовсе подпрыгивали на четвереньках, изображая лягушек, ковыляли бочком на манер крабов или вытягивали навстречу друг другу свои старые негнущиеся шеи, словно журавли в брачный сезон. Зеваки просто заходились от смеха.

Престарелые танцоры настолько увлеклись и так затянули свое безобразное кривляние, что жрецам пришлось убирать их со сцены чуть ли не силой. Возможно, вам, ваше преосвященство, будет интересно узнать, что все эти усилия просителей никогда не оказывали на Тлалока желаемого воздействия, так что ни один калека в результате не выиграл. Напротив, многие из них после той ночи оказывались прикованными к постели, но эти старые дурни все равно год за годом приходили на церемонию.

Потом наступил черед танца ауаниме, то есть тех женщин, долгом которых было доставлять телесную радость благородным воинам. Их танец не зря назывался квеквецкуекатль, «щекотливый», ибо он пробуждал у зрителей, мужчин и женщин, старых и молодых, желание устремиться к танцовщицам и начать вытворять нечто совершенно непристойное и недопустимое. Танец был настолько откровенным в своих движениях, что, хотя в нем и участвовали только женщины, причем держались они на расстоянии одна от другой, зрители могли бы поклясться, что рядом с ними незримо присутствовали обнаженные мужчины…

После того как ауаниме, запыхавшиеся, растрепанные, еле державшиеся на ногах, покинули площадь, жрецы под алчный стон «божьего» барабана вынесли туда богато украшенные носилки с мальчиком и девочкой, лет примерно четырех. Поскольку ныне покойный и не очень-то оплакиваемый Чтимый Глашатай Тисок так и не удосужился устроить войну, у нас не было детей-пленников, так что для праздничного жертвоприношения жрецам пришлось купить малышей в семьях местных рабов. Четверо их родителей теперь с гордостью взирали на то, как разукрашенные носилки несколько раз торжественно обнесли вокруг площади.

И родители, и дети имели полное основание испытывать гордость и удовлетворение, ибо покупка была совершена заранее, и все это вр е-мя за детьми тщательно ухаживали и хорошо их кормили. Пухленькие, бодрые и бойкие, малыши весело махали ручонками своим родителям, да и всем, кто махал им. И уж конечно, не будь эти дети предназначены в жертву, им бы никогда не надеть таких нарядов – одеяний тлалокуэ, духов, составляющих свиту бога дождя. Накидки были из тончайшего хлопка, сине-зеленые, с узором из серебристых дождевых капелек, а за спиной у малышей трепыхались облачно-белые бумажные крылышки.

Дальше произошло то, что всегда бывало на каждой церемонии в честь Тлалока: дети и понятия не имели о том, что их ждет и чего ждут от них, а потому при виде такой нарядной толпы, огней и музыки от души радовались, подпрыгивали, смеялись и лучились, как два маленьких солнышка. Это, конечно, шло вразрез с тем, что требовалось, поэтому жрецам, несшим кресло, пришлось тайком ущипнуть малышей за ягодицы. Поначалу детишки растерялись, потом принялись огорченно хныкать и наконец разрыдались. Именно это от них и было нужно: ведь чем громче крик, тем сильнее будут грозы, чем больше слез, тем обильнее прольются дожди.

Толпа (это поощрялось и ожидалось даже от взрослых мужчин и закаленных воинов) подхватила плач. Люди били себя в грудь и оглашали площадь горестными стенаниями. Когда охи и стоны, перекрывавшие неистовый бой «божьего» барабана, достигли предела, жрецы остановили носилки возле стоявшей у подножия пирамиды каменной ванны, наполненной водой. Шум стоял такой, что жрец наверняка и сам не слышал собственных слов, которые произносил нараспев, обращаясь к детишкам, поднимая их по очереди на руках к небу, дабы Тлалок узрел и одобрил предлагаемую жертву.

Потом к ним приблизились еще два младших жреца: один с маленьким горшочком, а другой – с кистью. Главный жрец склонился над мальчиком и девочкой, и, хотя никто не мог слышать, все поняли, что он велит им надеть маски, чтобы вода не попала малышам в глаза, пока они будут плавать в священном сосуде. Дети все еще хныкали, их щеки были мокрыми от слез, но они не противились, когда жрец кистью размазал по их лицам жидкий оли, оставив непокрытыми только бутоны их губ. Мы не видели выражения лиц детишек, когда жрец отвернулся от них и, хотя слова его по-прежнему заглушались шумом, снова принялся декламировать заключительное обращение к Тлалоку. Призыв принять жертву, даровать взамен щедрые дожди и все в таком духе…

Помощники жреца подняли мальчика и девочку в последний раз, и главный жрец быстро мазнул клейкой жидкостью по нижней части их лиц, покрыв оли рты и ноздри, после чего детей опустили в резервуар. Соприкоснувшись с холодной водой, резиновый сок мгновенно загустел. Понимаете, согласно обряду, жертвы должны были умереть не от воды, а в воде. Поэтому дети не захлебнулись и не утонули. Они медленно задохнулись под плотным слоем загустевшего каучука, брошенные в резервуар, где бились и дергались в конвульсиях под вой толпы и бой барабанов. Дети барахтались все слабее, и наконец сначала девочка, а за ней и мальчик затихли и погрузились в воду. На поверхности остались лишь их неподвижные, широко распростертые белые крылья.

Хладнокровное убийство, ваше преосвященство? Но ведь они были детьми рабов, и в жизни их не ожидало ничего хорошего. Лишения, страдания, а в конце – бессмысленная смерть и унылая, беспросветная вечность во тьме Миктлана. Вместо этого малыши умерли во славу Тлалока, ради блага тех, кто продолжил жить, а потому заслужили вечное блаженство в пышных зеленых садах загробного Тлалокана.

Варварское суеверие, ваше преосвященство? Но следующий сезон дождей оказался столь изобильным, что лучшего не мог бы выпросить даже христианин. И урожай был прекрасным.

Жестоко? Душераздирающе? Что ж, пожалуй… Мне, по крайней мере, этот праздник запомнился именно таким. Ибо он был последним, какой нам с Тцитцитлини довелось провести вместе…

Когда принц Ива прислал за мной свой акали, дули такие ветры и волнение было столь сильным, что гребцам удалось подогнать судно к Шалтокану лишь около полудня. Ну и погода выдалась, однако мне все равно пришлось возвращаться. Ветер просто ревел, лодка плясала на обдававших нас брызгами волнах, и до Тескоко мы добрались уже после того, как солнце прошло полпути к своей постели.

Город начинался сразу от пристани, но, по существу, то была лишь окраина, где обитали и работали те, чья жизнь была напрямую связана с озером. Там находились верфи, мастерские, где вили канаты и плели сети, изготовляли крючки, отроги и прочую утварь, предназначавшуюся для лодочников, рыбаков и птицеловов. Поскольку никто меня не встречал, гребцы Ивы

вызвались проводить меня какую-то часть пути и поднести узлы. Я прихватил с собой кой-какую одежду, еще один, тоже подаренный мне Чимальи, комплект красок да корзинку со сластями, испеченными Тцитци.

По мере того как мы приближались к улицам, где жили мои спутники, они прощались и уходили, и вот наконец последний из гребцов сказал мне, что если я пойду дальше, никуда не сворачивая, то непременно выйду на центральную площадь, к большому дворцу. К тому времени уже совсем стемнело, и на улицах в столь непогожий вечер почти не было прохожих. Но не думайте, что я шел в темноте, ибо окна почти всех домов светились. Похоже, здесь у всех жителей имелись светильники с кокосовым маслом, рыбьим жиром или чем-нибудь еще, в зависимости от благосостояния хозяев. Свет проникал через окна, даже если они были закрыты решетчатыми ставнями и занавешены полотнищами из промасленной бумаги. Кроме того, на самих улицах были установлены высокие шесты, на верхушках которых в медных жаровнях полыхали смолистые сосновые щепки. Ветер сдувал оттуда искры, а порой и капли горящей смолы. Эти шесты крепились в отверстиях, просверленных в каменных станинах, выполненных по большей части в виде приземистых статуй различных богов.

Проделав не столь уж долгий путь, я почувствовал усталость, ибо был изрядно нагружен, да и сильный ветер не добавлял мне бодрости. Неудивительно, что, приметив под усыпанным красными цветами деревом тапучини каменную скамью, я обрадовался и присел на нее, чтобы перевести дух. Ветер сдувал на меня алые лепестки. Через некоторое время я почувствовал, что на каменной поверхности скамьи вырезан рельеф. Однако было так темно, что я, даже не пытаясь всмотреться в надпись, начал водить по ней пальцами, надеясь ее прочесть.

– Место отдыха для Владыки Ночного Ветра, – процитировал я вслух, мысленно улыбнувшись.

– Как раз то же самое, – произнес голос из темноты, – ты прочел в прошлый раз, когда мы с тобой встретились на другой скамейке. Это было несколько лет тому назад.

Я вздрогнул, а потом прищурился, чтобы рассмотреть фигуру на другом конце скамьи. И снова увидел человека в накидке и сандалиях – дорогих, хотя и изношенных в пути. И опять его лицо было покрыто дорожной пылью, что делало и без того плохо различимые в сумраке черты и вовсе неразборчивыми. Только вот сейчас я и сам был запылен не меньше его, к тому же с прошлого раза сильно подрос и раздался в плечах. Просто удивительно, что незнакомец меня узнал.

– Да, йанкуикатцин, – сказал я, справившись с волнением, – это поразительное совпадение.

– Ты не должен называть меня господином незнакомцем, – проворчал он с язвительностью, которая запомнилась мне в прошлый раз. – Здесь я свой, и меня все знают. Если кто тут и незнакомец, так это ты.

– Верно, мой господин, – охотно согласился я. – Однако именно здесь мне удалось научиться читать кое-что посложнее знаков, которые вырезают на скамейках.

– Хотелось бы надеяться, – сухо проронил он. – Это все благодаря юй-тлатоани Несауальпилли, – пояснил я, – по великодушному приглашению которого я уже много месяцев обучаюсь при его дворе.

– И чем ты собираешься отблагодарить Чтимого Глашатая за такую милость?

– Ну, я готов сделать для него все, что угодно, ибо искренне признателен своему благодетелю и был бы рад ему угодить. К сожалению, мне пока не выпало чести лично увидеть Чтимого Глашатая, и никто до сих пор не возлагал на меня никаких поручений, не считая выполнения учебных заданий. Признаюсь, порой мне становится неловко: кому приятно чувствовать себя нахлебником?

– Может быть, Несауальпилли просто ждет. Хочет убедиться, что ты оказался достойным его доверия. Удостовериться, что ты готов сделать для него все.

– Я готов. Сделаю все, чего бы он ни потребовал. – Не сомневаюсь, что рано или поздно ему что-нибудь от тебя понадобится.

– Надеюсь на это, мой господин. Некоторое время мы сидели в молчании, нарушаемом лишь ветром, стонавшим между домами как Чокакфуатль, Рыдающая Женщина, вечная скиталица. Наконец запыленный странник саркастически изрек:

– Ты хочешь принести пользу при дворе Чтимого Глашатая, а сам сидишь здесь, хотя его дворец там.

Он махнул рукой, и я понял этот жест: незнакомец опять отсылал меня столь же бесцеремонно, как и в прошлый раз.

Я встал, собрал свои узлы и не без обиды сказал: – Я понял намек моего нетерпеливого господина и ухожу. Микспанцинко.

– Ксимопанолти, – равнодушно обронил он. На углу, возле светильника, я обернулся, но оказалось, что его свет не достигает скамьи. Если путник и продолжал сидеть, с такого расстояния его уже было не разглядеть. Единственное, что я видел, это небольшое облачко красных лепестков тапучини, танцующих на улице под порывами ночного ветра.

Наконец я добрался до дворца и нашел там поджидавшего меня мальчика-раба Коцатля. Видимо, в отличие от пригорода в столице не было достаточного пространства для возведения дополнительных павильонов и пристроек, поэтому городской дворец оказался гораздо больше: думаю, в нем насчитывалось никак не меньше тысячи комнат. Впрочем, он тоже занимал обширную площадь: даже в центре столицы Несауальпилли не отказывал себе в садах, деревьях, фонтанах и тому подобном.

Здесь имелся даже живой лабиринт, занимавший пространство, которого хватило бы на десяток крестьянских наделов. Насадил его какой-то давний предок нынешнего правителя, и с тех пор лабиринт, хотя его регулярно подстригали, сильно разросся. Теперь его извилистые, разветвляющиеся и переплетающиеся дорожки обступали непроницаемые колючие изгороди из терновника, вдвое выше человеческого роста. В зеленой внешней ограде имелось одно-единственное отверстие, лаз, и говорили, что якобы всякий вошедший туда непременно, пусть и после долгих блужданий, найдет путь к маленькой травянистой полянке в центре лабиринта, но что вернуться обратно тем же путем решительно невозможно. Путь наружу знал только главный садовник дворца – старик, в семье которого этот секрет передавался из поколения в поколение; его не раскрывали даже самому юй-тлатоани. Поэтому входить внутрь разрешалось только в сопровождении старого садовника, не считая тех случаев, когда кого-то отправляли в лабиринт в наказание. Бывало, что нарушителя закона обнаженным загоняли (иной раз – остриями копий) в лаз, а спустя примерно месяц садовник отправлялся в лабиринт и выносил то, что оставалось от несчастного, оголодавшего, израненного колючками, поклеванного птицами и изъеденного червями.

На следующий день перед началом занятий ко мне подошел принц Ива и, поздравив с возвращением ко двору, мимоходом заметил:

– Кивун, отец велел передать, что будет рад видеть тебя в тронном зале в любое удобное для тебя время.

В удобное для меня время! Сколь же любезен был юй-тлатоани аколхуа, если проявлял такую учтивость по отношению к безродному чужеземцу, который жил припеваючи во дворце правителя исключительно благодаря его доброте и гостеприимству.

Конечно, я немедленно покинул классную комнату и пошел – точнее, почти побежал по галереям огромного строения. Запыхавшись, я наконец добрался до тронного зала, где выполнил ритуальный жест целования земли и промолвил:

– Счастлив предстать перед высокой особой Чтимого Глашатая. – Ксимопанолти, Кивун, – ответил правитель и, поскольку я оставался коленопреклоненным, добавил: – Можешь подняться, Крот.

Я выпрямился, но не сдвинулся с места, и тогда он сказал: – Подойди ко мне, Темная Туча. Я с почтительной робостью двинулся вперед, тогда как правитель улыбнулся и заметил:

– Имен у тебя, как у птицы, которая вольно летает над всеми землями Сего Мира и которую каждый народ называет по-своему.

Коротким, быстрым движением он указал на одно из сидений, стоявших полукругом перед троном:

– Садись. По правде сказать, так называемый трон Несауальпилли был ничуть не более величественным или впечатляющим, чем коренастый табурет, предложенный мне. Правда, трон стоял на помосте, и поэтому я смотрел на правителя снизу вверх. Он сидел не в церемонной, торжественной позе, а расслабившись: вытянул ноги вперед и скрестил их на уровне лодыжек. Хотя стены тронного зала украшали гобелены из перьев и расписные панели, никаких других предметов обстановки, кроме трона, низких табуретов для посетителей да стоящего непосредственно перед юй-тлатоани низенького стола из черного оникса (на столе этом, поблескивая, покоился белый человеческий череп), я не увидел.

– Этот череп, уж не знаю чей он, всегда держал здесь мой отец, Постящийся Койот, – пояснил правитель, проследив за моим взглядом. – Возможно, это череп какого-нибудь врага и его поместили здесь как напоминание о торжестве. Или же череп умершей возлюбленной служил отцу воспоминанием об утрате. Не знаю, почему он хранил его, но не исключено, что по той же причине, что и я сам.

– И что же это за причина, владыка Глашатай? – В этот зал издавна являются послы, которые угрожают нам войнами или предлагают договориться о мире. Сюда приходят обиженные, дабы я восстановил справедливость, и челобитчики, просящие о милостях. Когда эти люди обращаются ко мне, их лица искажаются гневом, омрачаются невзгодами или озаряются улыбками, изображающими фальшивую преданность. Так вот: внимая словам всех этих посетителей, я предпочитаю смотреть не на их лица, а на этот череп.

– Но почему, мой господин? – только и смог сказать я. – Да потому, что это есть единственно чистое и честное человеческое лицо, без какой-либо маски, без лживой личины, скрывающей вероломство. Лицо, не искаженное ни страхом, ни подобострастием. Лицо, на котором навсегда запечатлена ироническая усмешка над суетной озабоченностью каждого человека насущными, сиюминутными потребностями. Когда посетитель умоляет меня немедленно вмешаться, я нарочно тяну время, скрываю свои чувства и порой выкуриваю покуитль, а то и два, глядя на этот череп. Он напоминает мне о том, что слова, которые я произнесу, вполне могут пережить мою бренную плоть, что, воплотившись в указы и законы, они могут просуществовать очень долго, а значит, я не вправе изрекать их, не оценив все возможные последствия как для тех, кто живет ныне, так и для тех, кому предстоит жить в грядущем. Аййо, сей череп нередко остерегал меня от необдуманных решений, которые я мог принять в порыве чувств.

Несауальпилли перевел взгляд с черепа на меня и рассмеялся: – И даже если некогда эта голова принадлежала болтливому идиоту, то, как ни странно, в качестве молчаливого мертвеца он оказался бесценным мудрым советчиком.

– Мне кажется, мой господин, – заметил я, – что даже самый мудрый советник может быть полезен лишь тому, кто и сам достаточно мудр, чтобы внимать советам и понимать, что он в них нуждается.

– Я принимаю это как похвалу, Кивун, и благодарю тебя. Но скажи, мудро ли я поступил, привезя тебя сюда с Шалтокана?

– Как я могу судить об этом, мой господин? Мне ведь неизвестно, зачем это было сделано.

– Еще во времена Постящегося Койота город Тескоко прославился как центр знаний и культуры, но это не значит, что он сам по себе останется таким навеки. В самых благородных семьях могут рождаться болваны и бездельники – за примерами далеко ходить не надо, такие есть и среди моей собственной родни, – поэтому мы не стесняемся привлекать таланты ото-

всюду и не чураемся даже вкраплений иностранной крови. Ты показался нам человеком одаренным и многообещающим, а потому оказался в Тескоко.

– Придется ли мне здесь и остаться, владыка Глашатай? – Это будет зависеть от тебя, от твоего тонали и от обстоятельств, которые никто не может предвидеть. Однако твои учителя отзываются о тебе с похвалою, поэтому я думаю, Кивун, что тебе предстоит принять более деятельное участие в придворной жизни.

– Мой господин, я всегда надеялся, что мне представится возможность отблагодарить тебя за великодушие. Правильно ли я понял, что смогу принести тебе пользу, ибо на меня будет возложено некое задание?

– Да, если, конечно, оно придется тебе по вкусу. За время твоего недавнего отсутствия я взял себе еще одну жену. Ее зовут Чалчиуненетль, Жадеитовая Куколка.

Я промолчал, несколько смущенный столь неожиданным и вроде бы не имевшим ко мне никакого отношения заявлением. Правитель, однако, продолжил:

– Она старшая дочь Ауицотля, его подарок мне, коим он обозначил свое восшествие на трон в качестве нового юй-тлатоани Теночтитлана. Эта девушка мешикатль, как и ты, а по возрасту (ей пятнадцать лет) годится тебе в младшие сестры. Наша брачная церемония, разумеется, будет совершена по всем правилам, однако плотскую близость придется отсрочить до тех пор, пока Жадеитовая Куколка не достигнет полной зрелости.

И снова я промолчал, хотя, конечно, мог бы рассказать мудрому Несауальпилли кое-что об особенностях созревания девушек нашего народа.

– С ней прибыла целая армия прислужниц, – продолжил Чтимый Глашатай, – так что мне пришлось отвести для ее свиты все восточное крыло. Можно сказать, что Жадеитовая Куколка имеет свой маленький двор, поэтому, что касается удобств, услуг и женского общества, тут она не будет ни в чем нуждаться. Однако, Кивун, мне пришло в голову, что не мешало бы и тебя включить в ее свиту, ибо там явно не хватает хотя бы одного лица мужского пола, а вы с ней к тому же соплеменники. Таким образом, ты мог бы послужить мне, обучая девушку нашим обычаям, принятой в Тескоко манере говорить и всему тому, что необходимо супруге, которой я мог бы гордиться.

– Но, владыка Глашатай, – уклончиво ответил я, – возможно, твоя супруга не слишком обрадуется тому, что к ней приставят то ли соглядатая, то ли наставника. Юные девушки бывают своенравны, строптивы и нетерпимы, если им вдруг покажется, что кто-то покушается на их свободу.

– Уж мне ли этого не знать, – вздохнул Несауальпилли. – У меня самого две или три дочери примерно того же возраста. А Жадеитовая Куколка, будучи дочерью одного юй-тлатоани и супругой другого, наверняка окажется еще своенравнее их. По правде сказать, я и врагу не пожелал бы состоять на службе у такой бойкой, избалованной девицы. Хотя, Крот, надеюсь, что она тебе понравится…

Должно быть, некоторое время назад правитель дернул за скрытую веревочку колокольчика, ибо в следующее мгновение он сделал жест, и я, обернувшись, увидел стройную девушку в богатых церемониальных юбке, блузке и головном уборе, которая медленно, но уверенно направлялась к помосту. Она шла с высоко поднятой головой, но скромно по-тупя очи, а черты ее лица поражали совершенством.

– Дорогая, – промолвил Несауальпилли, – это тот самый Микстли, о котором мы говорили. Ты не против, если он присоединится к твоей свите в качестве спутника и защитника?

– Если это угодно моему господину и супругу, я готова повиноваться, а к молодому человеку, коль скоро он не против, буду относиться как к старшему брату.

Тут веки с длинными ресницами поднялись, и я увидел очи, подобные невероятно глубоким лесным озерам. Позднее я узнал, что она имела обыкновение закапывать в глаза сок травы камопалксиуитль, расширявший зрачки и придававший им блеск, подобный сиянию драгоцен-

ных камней. Правда, это принуждало Жадеитовую Куколку избегать не только очень яркого, но и простого дневного света, при котором ее расширенные глаза видели почти так же плохо, как мои.

– Вот и хорошо, – сказал Чтимый Глашатай, удовлетворенно потирая руки.

«Интересно, – подумал я, – долго ли он совещался со своим советником-черепом, прежде чем принял такое странное решение?» Признаюсь, меня мучили дурные предчувствия.

– Кивун, я хочу, чтобы госпожа Жадеитовая Куколка всегда могла получить от тебя братский совет и наставление. Разумеется, ты не должен бранить ее за оплошности или наказывать за проступки: простолюдин, поднявший руку на знатную женщину или оскорбивший ее словом, присуждается к смерти. Я не требую и того, чтобы ты взял на себя роль тюремщика, шпиона или доносчика, но был бы рад, Крот, если бы ты нашел возможным посвящать госпоже, своей названой сестре, то время, какое сможешь уделить без вреда для своей учебы и выполнения домашних заданий. Надеюсь, ты будешь служить ей с той же преданностью, с какой служишь мне или моей первой супруге, госпоже Толлане-Текиуапиль. А теперь, молодые люди, ксимопанолти. Ступайте и познакомьтесь друг с другом.

Как только мы, с подобающими поклонами, покинули тронный зал, Жадеитовая Куколка с приветливой улыбкой сказала:

– Микстли, Крот да еще и Кивун. Сколько же у тебя имен? – Моя госпожа может называть меня как пожелает. Она улыбнулась еще нежнее и приложила кончик изящного пальчика к остроконечному маленькому подбородку.

– Я, наверное, буду звать тебя… – Госпожа улыбнулась еще более ласково и промолвила с нежностью, отдающей приторностью липкого сиропа магуй: – Я буду звать тебя Куалкуфе.

Это слово у нас употребляется только в повелительном наклонении и произносится всегда властно, в приказном тоне, ибо обозначает: «Выполняй!» Сердце мое упало: если она с ходу придумала мне такое имечко, то, похоже, все мои недобрые предчувствия относительно этого поручения были не напрасны.

В этом я оказался прав. Хотя Жадеитовая Куколка и продолжала говорить слащавым тоном, от ее нарочитой скромности и смирения не осталось и следа: теперь она стала настоящей принцессой.

– Тебе нет нужды отрываться от своих дневных занятий, Выполняй, – заявила она. – Однако я хочу, чтобы ты был в моем распоряжении вечерами, а если необходимо, то и в ночное время. Так что изволь перенести свои пожитки в покои, находящиеся напротив моих.

С этими словами, не дожидаясь моего ответа и даже не попрощавшись, госпожа повернулась и зашагала прочь по коридору.

Камень жадеит, в честь которого эта красавица получила свое имя, хотя и не являлся редким и не обладал какими-то особо полезными свойствами, высоко ценился нашим народом, ибо его цвет считался цветом Средоточия, или Центра Всего. В отличие от испанцев, признающих лишь четыре стороны света, которые они распознают при помощи устройства, именуемого компасом, мы их различаем пять и обозначаем различными цветами. Вашим востоку, северу, западу и югу у нас соответствуют красный, черный, белый и голубой цвета. Но у нас также есть еще и зеленый, символизирующий, если пользоваться вашими понятиями, центр компаса. Место, где человек находится прямо сейчас, в любой момент, все пространство над этим местом до самого неба и все пространство под ним до загробной обители Миктлан. Таким образом, зеленый, жадеитовый, цвет имел в наших глазах особую ценность, и именем Жадеитовая Куколка могли наречь лишь дочь очень знатных, высокопоставленных родителей.

Как и с жадеитом, с этой юной принцессой следовало обращаться почтительно, а благодаря своей удивительной, изысканной красоте она вполне заслуживала того, чтобы именоваться куколкой. Другое дело, что, как настоящая куколка, она полностью лишена была человеческой совести и никогда не ведала ее угрызений. И хотя я не сразу верно истолковал свое

дурное предчувствие, ей, как настоящей жадеитовой кукле, впоследствии суждено было оказаться разбитой.

Должен признаться, что предчувствия предчувствиями, однако великолепие новых покоев привело меня в восторг. Они состояли из трех комнат, не считая ванной с парилкой. Мало того что груда стеганых одеял на кровати в новой спальне была еще выше, чем в прежней, так на нее еще и было наброшено огромное покрывало, сшитое из сотен отбеленных беличьих шкурок. Над этим ложем высился балдахин с кистями, с которого свисали почти невидимые, тончайшие сетчатые занавески, задернув которые вокруг постели я мог отгородиться от москитов и мотыльков.

Некоторое неудобство состояло в том, что мои новые покои находились на значительном удалении от остальных помещений, обслуживавшихся Коцатлем, но стоило мне упомянуть об этом Жадеитовой Куколке, как маленького раба тут же освободили от всех прочих обязанностей и полностью предоставили в мое распоряжение. Мальчик был горд таким повышением, да и сам я, признаться, почувствовал себя чуть ли не молодым вельможей. Забегая вперед, скажу, что впоследствии, когда мы с Жадеитовой Куколкой впали в немилость, маленький Коцатль не покинул меня в несчастье и готов был свидетельствовать в мою пользу.

Однако вскоре мне пришлось усвоить, что если мальчик теперь является моим личным рабом, то сам я – точно такой же раб Жадеитовой Куколки. В первый же вечер, когда служанки пропустили меня в ее роскошные покои, юная принцесса встретила меня такими словами:

– Я рада, что мне подарили тебя, Выполняй, а то тут можно умереть от скуки. Я чувствую себя словно какое-то редкое животное в клетке.

Я попытался было возразить против слова «подарили», но она перебила меня.

– Питца, – промолвила юная супруга правителя, указывая на стоявшую за ее покрытой подушками кушеткой немолодую служанку, – сказала мне, что ты ловок по части изображения людей и умеешь передать на рисунке внешнее сходство.

– Моя госпожа, я и впрямь льщу себя надеждой на то: изображенные мною люди без труда узнают себя на рисунках. Правда, мне довольно давно не доводилось практиковаться в этом искусстве…

– Вот на мне и попрактикуешься. Питца, сбегай за Коцатлем и вели ему принести все, что потребуется Выполняю для рисования.

Мальчик вскоре явился с несколькими мелками и листами самой дешевой, коричневой, неотбеленной, ибо она использовалась лишь для черновиков, бумаги. Я жестом велел ему присесть в углу комнаты.

– Ты знаешь, моя госпожа, что у меня слабое зрение, – промолвил я извиняющимся тоном. – Не позволишь ли пересесть поближе к тебе?

Она милостиво кивнула, я пододвинул табурет поближе и принялся делать набросок. Все время, пока я рисовал, Жадеитовая Куколка держала голову неподвижно и ровно, не сводя с меня огромных блестящих глаз, а когда я закончил и вручил ей бумагу, она, не взглянув, передала ее через плечо служанке.

– Питца, это я? Что скажешь, похожа? – До самой последней ямочки на щеке, моя госпожа. И глаза твои, тут уж никто не ошибется.

Только после этого юная принцесса соблаговолила рассмотреть рисунок и милостиво улыбнулась:

– Да, это и вправду я. Я очень красивая. Спасибо, Выполняй. Скажи, а ты умеешь изображать только лицо или тело тоже?

– О моя госпожа, я умею изображать жесты, облачения, эмблемы и знаки достоинства…

– Меня все это не интересует, я спрашиваю про тело. Ну-ка нарисуй меня.

Служанка Питца издала сдавленный крик, а у малыша Коцатля отвисла челюсть, когда Жадеитовая Куколка без тени смущения и малейшего колебания сняла с себя все свои украшения и браслеты, сандалии, блузку, юбку и даже нижнее белье.

Питца отошла в сторону и спрятала покрасневшее от смущения лицо в оконной занавеске, а Коцатль, похоже, и вовсе потерял способность двигаться. Юная госпожа вольготно расположилась на своей кушетке, в то время как я, хоть от волнения и уронил кое-какие свои рисовальные принадлежности на пол, преодолевая смущение, ухитрился довольно строгим тоном сказать:

– Моя госпожа, но это весьма нескромно. – Аййа, – рассмеялась принцесса, – узнаю стыдливого простолюдина! Ты должен усвоить, Выполняй, что знатная особа не стесняется своей наготы в присутствии рабов, хоть мужчин, хоть женщин. Для нее они все равно что ручной олень, перепел или мотылек.

– Я не раб, – довольно натянуто возразил я, – а для свободного человека созерцание его госпожи, супруги юй-тлатоани нагой является преступлением, караемым смертью. Ну а что до рабов, то они умеют говорить.

– Только не мои, ибо они боятся гнева своей госпожи больше любого закона или владыки. Питца, а ну покажи Выполняю свою спину.

Служанка заскулила и, не поворачиваясь, спустила блузу, продемонстрировав свежие рубцы от ударов. Я покосился на Коцатля: он тоже все увидел и все понял.

– Давай, – промолвила Жадеитовая Куколка, улыбаясь своей слащавой улыбкой, – садись как тебе угодно близко и нарисуй меня всю, с ног до головы.

Я повиновался, хотя моя рука и дрожала так, что мне часто приходилось стирать линию и рисовать ее заново. Признаюсь, дрожь эта объяснялась вовсе не страхом или смущением, нет, тут дело было совсем в другом. Лицезрение обнаженной Жадеитовой Куколки повергло бы в дрожь кого угодно. Наверное, ее правильнее было бы назвать Золотой Куколкой, ибо кожа девушки имела цвет золота, а тело, в каждом своем изгибе, в каждой выпуклости или углублении, было совершенным, без малейших изъянов, словно вышло из-под резца великого ваятеля. Я не мог не заметить, что и размер, и цвет ее сосков свидетельствовали о страстности натуры. Я изобразил свою госпожу в той свободной позе, в которой она расположилась на кушетке, небрежно опустив одну ногу на пол. Руки она закинула за голову, чтобы еще выгоднее подчеркнуть красоту груди. И хотя я не мог не видеть (да признаться, не мог и не запомнить) некоторые особо интимные места, чувство приличия заставило меня изобразить их несколько смазанно, скорее намеком. Что вызвало крайнее неудовольствие Жадеитовой Куколки:

– Все бы ничего, но что это за расплывчатое пятно у меня между ног? Ты такой щепетильный, Выполняй, или просто не знаешь, как устроено женское тело? Неужели не ясно, что мое лоно, святая святых моего тела, заслуживает самого пристального внимания и детального изображения?

Встав с кушетки, она подошла ко мне (я сидел на низеньком табурете) почти вплотную и пальцем обвела места, о которых только что говорила и которые выставила на обозрение.

– Видишь, как эти нежные розовые губы смыкаются здесь, впереди, обнимая это маленькое ксаапили, утолщение, похожее на жемчужину, которое – ооо! – реагирует на любое, самое легчайшее прикосновение?

Я весь покрылся по́том, служанка Питца зарылась в занавески, а бедняга Коцатль, сидевший в углу на корточках, казалось, не мог ни говорить, ни двигаться.

– Ладно, Выполняй, не дрожи ты так. Я не собираюсь ни дразнить тебя, молодой ханжа, ни испытывать твое искусство рисовальщика. Мне и так все ясно, и сейчас ты получишь задание.

Красавица повернулась и щелкнула пальцами, призывая служанку. – Эй, Питца, кончай прятаться! Выходи и одень меня. Пока служанка ее одевала, я поинтересовался: – Моя госпожа желает, чтобы я нарисовал чей-нибудь портрет? – Да. – Чей же? – На свое усмотрение, – ответила Жадеитовая Куколка и, когда я озадаченно заморгал, пояснила: – Ты должен понимать, что при моем положении было бы неприлично, гуляя по дворцу или передвигаясь в паланкине по городу, указывать при всех на того или другого человека и говорить: «Вот этого!» К тому же, случается, зрение меня подводит, так что я могу проглядеть кого-нибудь действительно привлекательного. Я имею в виду мужчину, конечно.

– Мужчину? – тупо переспросил я. – Я хочу, Выполняй, чтобы ты повсюду носил с собой листы бумаги и мелки. И как только тебе повстречается, где угодно, красивый молодой мужчина, ты должен будешь запечатлеть для меня его лицо и фигуру. – Она хихикнула. – Можешь не раздевать его. Я хочу получить как можно больше рисунков самых разных мужчин, столько, сколько ты сможешь сделать. Но при этом никто не должен знать, зачем ты их рисуешь и для кого. Если тебя спросят, скажи, что ты просто практикуешься в своем искусстве.

И с этими словами госпожа кинула мне обратно два рисунка, которые я только что сделал.

– Это все. Ты можешь идти, Выполняй! Вернешься, когда сможешь показать мне подходящую подборку.

Даже тогда я был не настолько наивен, чтобы не заподозрить в глубине души, чем чреват этот приказ. Однако я предпочел выбросить подозрения из головы и, приложив к этому все свои способности, сосредоточился на выполнении задания. Самым трудным было понять, в чем именно заключается мужская красота для пятнадцатилетней девушки. Не получив на этот счет никаких конкретных указаний, я стал тайком делать наброски с принцев, благородных воинов, наставников по телесным упражнениям и тому подобных рослых, крепких и, на мой взгляд, видных молодых людей. Однако, отправляясь к госпоже в сопровождении Коцатля, тащившего целую стопку моих работ, я шутки ради положил сверху сделанное по памяти изображение того согбенного, скрюченного, коричневого, как боб какао, странного старика, который продолжал появляться в моей жизни.

Жадеитовая Куколка хмыкнула и, к моему удивлению, сказала следующее:

– Ты думаешь, будто остроумно подшутил надо мной, Выполняй. Однако мне приходилось слышать от опытных женщин, что, имея дело с карликами и горбунами, можно получить особое удовольствие. Так же как и, – она покосилась в сторону Коцатля, – занимаясь этим с мальчиками, чей тепули размером еще с мочку уха. Как-нибудь попробую, когда мне надоедят взрослые мужчины…

Госпожа просмотрела все рисунки и выбрала один: – Йо, аййо, Выполняй! Вот этот мне нравится. Какой решительный взгляд! Кто он?

– Наследный принц Черный Цветок. Красавица нахмурилась. – Нет, это могло бы вызвать осложнения. Она вновь внимательно перебрала листы бумаги. – А этот? – Я не знаю его имени, моя госпожа. Он гонец: порой я вижу его бегущим с посланиями.

– То, что нужно! – заявила Жадеитовая Куколка со своей обычной чарующей улыбкой и, указав на рисунок, распорядилась: – Приведи его ко мне. Выполняй!

На этот раз она не просто произнесла мое имя, а отдала приказ. Признаюсь, я ожидал чего-то подобного, но все равно покрылся холодным потом и заговорил осторожно, с нарочитой официальной почтительностью:

– Моя госпожа, мне было приказано служить, а не укорять тебя, однако, если я правильно понял твои намерения, то прошу тебя передумать. Ты дочь величайшего правителя Сего Мира и законная супруга другого великого владыки. Позабавившись с кем бы то ни было, еще даже не побывав в постели своего мужа, ты уронишь честь двух Чтимых Глашатаев.

Я ожидал, что Жадеитовая Куколка схватится за хлыст, так хорошо знакомый ее рабам, однако госпожа выслушала меня все с той же очаровательной улыбкой и, ничуть не смутившись, промолвила:

– Я могла бы наказать тебя за дерзость, но вместо этого просто замечу, что Несауальпилли старше моего отца и что его мужская сила, очевидно, израсходована на госпожу Толлану и на всех прочих жен и наложниц. Муж пока не приближает меня к себе, поскольку наверняка отчаянно пытается вернуть с помощью всяческих знахарских и колдовских снадобий твердость своему вялому тепули. Но с какой стати я должна впустую тратить свою юность, соки и цвет моей красоты, ожидая, когда он восстановит силы и снизойдет до исполнения своих супружеских обязанностей. Коль скоро моему господину вздумалось отложить вступление в супружеские права, я сделаю так, что это будет отложено по-настоящему надолго. Ну а когда мы оба действительно будем готовы стать мужем и женой, я, можешь не сомневаться, сумею устроить так, что у Несауальпилли не возникнет и тени сомнения в моей невинности.

Я предпринял еще одну попытку. Я действительно приложил тогда все усилия к тому, чтобы отговорить Жадеитовую Куколку, хотя впоследствии этому, кажется, никто не поверил.

– Моя госпожа, вспомни, из какого рода ты происходишь. Ты внучка почитаемого Мотекусомы, рожденного Непорочной Девой. Его отец бросил в сад своей возлюбленной жадеит. Она положила камень себе на грудь и в тот же миг понесла. Таким образом, великий Мотекусома был зачат до того, как его мать сочеталась браком и вступила в плотские отношения с его отцом. Ты не должна пятнать семейное наследие, тебе следует хранить чистоту и целомудрие…

Она прервала меня смехом. – Выполняй, я тронута твоей заботой. Но ты запоздал со своими наставлениями. Они были бы уместны лет пять или шесть назад, когда я еще была девственницей.

– Тебе лучше… ты можешь идти, мальчик, – спохватившись, хоть и с некоторым опозданием, сказал я, повернувшись к Коцатлю.

– Выполняй, приходилось ли тебе когда-нибудь видеть рельефные изображения необузданных хуаштеков? Деревянные торсы и торчащие вверх мужские члены преувеличенного размера? Мой отец Ауицотль повесил одну такую панель на стене дворцовой галереи, чтобы удивлять и забавлять мужчин, своих друзей. Однако рельеф этот вызывает интерес и у женщин. Некоторые его детали вытерты до блеска, и сделали это восхищенные женщины. Самые разные – знатные, служанки, шлюхи. Поучаствовала в этом и я.

– Полагаю, мне не пристало выслушивать… – пробормотал я, но Жадеитовая Куколка оставила мои робкие возражения без внимания.

– Чтобы дотянуться до этой штуковины, мне пришлось притащить и приставить к стене большой сундук.

И я повторяла это вновь и вновь, ибо после каждого раза вынуждена была давать передышку своей нежной тепили и возобновляла свое занятие лишь после того, как у меня все заживало и переставало болеть. Но я упорствовала, и наступил день торжества, когда мне удалось-таки совладать с кончиком этой здоровенной деревянной штуковины. Постепенно мне удалось ввести ее в себя почти полностью. Признаюсь тебе откровенно: с той поры у меня было, наверное, мужчин сто, не меньше, но ни с одним из них я не пережила таких ощущений, какие испытывала тогда, прижимаясь животом к грубой резьбе, изображавшей хуаштека.

– Моя госпожа, мне не следует это знать, – взмолился я. Жадеитовая Куколка пожала плечами. – Я не стыдлива и не лицемерна, ибо сама природа требует от меня частой близости с мужчинами, а я не собираюсь противиться своей природе. И если потребуется, то я использую для этой цели и тебя, Выполняй. Ты совсем недурен. И ты не станешь доносить на меня, поскольку сам Несауальпилли заявил, что не хочет видеть в тебе соглядатая. Правда, это не может помешать тебе признаться в собственной вине, но поскольку она обоюдна, то ты погубишь этим не только себя, а нас обоих. Так что…

Госпожа вернула мне рисунок, который я сделал с ничего не подозревающего гонца, а также вручила перстень, который сняла со своего пальца.

– Дашь ему это. Это свадебный подарок моего господина-супруга, и другого такого перстня ни у кого нет.

И действительно, стоимость огромного изумруда, оправленного в червонное золото, даже не поддавалась оценке. Эти драгоценные камни лишь изредка доставляли в наш край купцы, осмеливавшиеся добраться до далекой страны Спутанного Леса, однако изумруды добывались даже не там, а еще южнее, в какой-то неизвестной земле. Перстень моей госпожи был из числа тех украшений, которые выигрывают, когда рука их владельца поднята, ибо к его кольцу крепились еще и жадеитовые подвески, лучше всего видные именно в таком положении. Перстень, изготовленный специально для среднего пальца Жадеитовой Куколки, мне едва налез на мизинец.

– Ни ты, ни гонец ни в коем случае не должны надевать его, – предупредила меня девушка. – Этот перстень слишком бросается в глаза. Пусть этот человек просто спрячет его, а потом, сегодня ночью, ровно в полночь, покажет стражнику у восточных ворот. Увидев этот знак, стража пропустит его, а Питца встретит и приведет сюда.

– Сегодня ночью? – сказал я. – Но мне нужно время, чтобы отыскать его, моя госпожа. Он же гонец, и его могли послать с поручением неизвестно к кому.

– Сегодня ночью, – повторила принцесса. – Я и так уже слишком долго обходилась без мужчины.

Уж не знаю, что бы она сделала со мной, если бы я не нашел этого человека, но я смог отыскать гонца и подошел к нему с видом знатного юноши, которому нужно отправить послание. Мое имя при этом названо не было, а вот гонец представился:

– Я Йейак-Нецтлин, к услугам господина. – К услугам госпожи, – поправил я его. – Она желает, чтобы ты посетил ее во дворце в полночь.

Парень растерянно посмотрел на меня и пробормотал, что ночь – не лучшее время для того, чтобы бегать с посланиями, но тут взгляд молодого человека упал на перстень в моей ладони, и глаза его расширились.

– Если речь идет об этой госпоже, – промолвил он, – то послужить ей мне не помешают ни полночь, ни сам Миктлан.

– Речь идет о службе, требующей особой осторожности, – проворчал я, чувствуя во рту горечь. – Покажешь этот перстень стражнику, и тебя пропустят.

– Слушаю и повинуюсь, юный господин. Я непременно приду. И он пришел. Я не ложился спать, пока не услышал, как Питца крадучись подвела Йейак-Нецтлина к двери напротив. После этого я заснул, так что не знаю, как долго он пробыл там и когда ушел. Неизвестно мне также и то, как часто потом повторялись визиты молодого гонца в спальню моей госпожи. Могу лишь сказать, что, прежде чем зевающая от скуки Жадеитовая Куколка поручила мне возобновить поиски и зарисовки, прошел целый месяц. Видимо, Йейак-Нецтлин все это время вполне ее удовлетворял. Имя этого гонца означало Длинные Ноги, но, возможно, он был щедро одарен и по части длины чего-нибудь еще.

Однако хотя Жадеитовая Куколка на целый месяц оставила меня в покое, на душе у меня все равно было очень тревожно. Раз в восемь или девять дней Чтимый Глашатай непременно наносил визит своей младшей, предположительно любимой, супруге, и я, присутствуя при их встречах, изо всех сил старался не потеть от смущения и страха. Мне оставалось лишь гадать, почему, во имя всех богов, Несауальпилли не замечает очевидного – того, что его супруга вполне созрела и готова к тому, чтобы муж (или же кто-нибудь другой) насладился ею в постели.

Ювелиры, имеющие дело с жадеитом, утверждают, что этот минерал легко найти среди обычных камней, ибо он сам заявляет о своем присутствии. Если вы как следует присмотритесь во время прогулок по загородной местности, то непременно заметите, что над некоторыми камнями поднимаются испарения. Это и есть жадеит. Он словно бы объявляет: «Я здесь. Приди и возьми меня!»

Подобно тому поделочному камню, в честь которого она получила свое имя, Жадеитовую Куколку тоже окружал какой-то загадочный, не поддающийся определению ореол, некое свечение, аура, я даже не знаю, как это лучше назвать, одним словом – нечто как бы говорившее каждому мужчине: «Я здесь. Приди и возьми меня!» Неужели Несауальпилли оказался единственным человеком в мире, не ощущавшим ее призывного жара? Или же он, как и предполагала его юная жена, действительно был лишен мужской силы и поэтому не интересовался ее прелестями? Вряд ли. Будучи свидетелем их встреч и бесед, я склоняюсь к тому, что он проявлял из благородства благоразумие, осмотрительность и сдержанность. Ибо Жадеитовая Куколка, подогреваемая своим порочным нежеланием довольствоваться лишь одним мужчиной, умело вводила мужа в заблуждение, побуждая видеть в себе вовсе не жадную до плотских утех юную женщину, но наивное, хрупкое, невинное создание, которое принудили вступить в брак из политических соображений, дитя, еще не готовое делить постель с мужчиной. Во время его визитов она вовсе не была той искушенной женщиной, которую так хорошо знали я, ее рабы и, надо думать, Йейак-Нецтлин. Жадеитовая Куколка облачалась в одежды, искусно скрывавшие соблазнительные формы и придававшие ей трогательную хрупкость ребенка. Каким-то непостижимым образом коварная красавица ухитрялась ослаблять свою манящую ауру плотского вожделения, не говоря уж о том, что от ее обычного высокомерия и вспыльчивости не оставалось и следа. Обращаясь ко мне, она ни разу не назвала меня унизительным именем Выполняй. Удивительно, но истинная Жадеитовая Куколка была способна оставаться для собственного супруга тайной, сокрытой, как говорят у нас, «в мешке и в ларце».

В присутствии своего господина она не только не позволяла себе томно возлежать на кушетке, но даже не садилась на табурет, а лишь смиренно стояла на коленях у его ног, смущенно потупив взор. Голос девушки звучал как робкий лепет невинного ребенка, так что, не будь мне известна вся ее подноготная, я и сам бы поверил, что передо мною наивное дитя.

– Надеюсь, теперь, в обществе земляка, тебе уже не так скучно и одиноко, как раньше? – спросил ее как-то Несауальпилли.

– Аййо, мой господин, – отозвалась Жадеитовая Куколка и улыбнулась, продемонстрировав трогательные ямочки на щеках. – До чего же я благодарна Микстли. Он все мне показывает, объясняет, что к чему, а вчера даже сводил меня в книгохранилище и прочел несколько величайших стихотворений твоего досточтимого отца.

– Ну и как, тебе понравилось? – поинтересовался юй-тлатоани. – О да, очень. Но еще больше мне хотелось бы послушать собственные сочинения моего супруга и господина.

Несауальпилли, разумеется, не упустил случая продекламировать несколько своих произведений, хотя с подобающей скромностью и отметил, что гораздо лучше эти стихи звучат в сопровождении барабана. Мне лично больше всего запомнилось стихотворение, воспевающее закат. Его завершали следующие строки:

…Как дивных цветов ярчайший букет
Опускают в вазу из самоцветов,
Так и бог лучезарный скрывает свой свет,
И уходит день, вместе с солнечным светом.

– Какая прелесть! – выдохнула Жадеитовая Куколка. – Но до чего же грустно стало от этих стихов у меня на душе!

– На тебя так действует закат? – удивился правитель. – Нет, мой господин, просто я подумала о боге солнца. И о богах вообще. Я знаю, что со временем познакомлюсь со всеми богами твоей страны, но пока мне не хватает тех, к кому я привыкла у себя на родине.

Что, если я осмелюсь попросить у высокочтимого супруга разрешения поставить в этих покоях несколько особенно дорогих мне статуй?

– Моя дорогая Куколка, – с добродушной снисходительностью промолвил юй-тлатоани, – ты можешь делать все, что угодно, и размещать в своих покоях что вздумается, лишь бы это помогало тебе стать счастливее и справиться с тоской по дому. Я пришлю к тебе Пицкуитля, придворного скульптора, и он изготовит для тебя изваяния тех богов, какие милы твоему нежному сердечку.

В тот раз, покидая покои, Несауальпилли велел мне знаком последовать за ним, что я и сделал, усилием воли заставляя себя не потеть от страха, ибо не сомневался, что меня станут расспрашивать о том, чем занимается Жадеитовая Куколка, когда не посещает книгохранилищ и не наслаждается стихами. Однако, к огромному моему облегчению, Чтимый Глашатай поинтересовался лишь моими собственными делами.

– Не слишком ли обременительно для тебя, Крот, посвящать столько времени юной госпоже, твоей названой сестре? – доброжелательно спросил он.

– Нет, мой господин, – солгал я. – Она весьма разумна в своих требованиях и не посягает на время, предназначенное для моих занятий. Мы беседуем, прогуливаемся по дворцу или бродим по городу только по вечерам.

– Кстати, о беседах, – промолвил правитель. – Хочу попросить тебя приложить некоторые усилия и постараться избавить Жадеитовую Куколку от режущего слух произношения, выдающего в ней уроженку Мешико. Сам ты легко и быстро овладел благородной речью Тескоко, так что будь добр, Кивун, постарайся научить ее выражаться более изыс канно.

– Да, мой господин, я постараюсь. Он продолжил: – Твой наставник по словесному знанию сказал мне, что и в искусстве письма ты также быстро добился заслуживающих восхищения успехов. Может быть, ты сумеешь выделить время и для того, чтобы применить эти познания на практике?

– Конечно, мой господин! – с жаром заверил я его. – Я обязательно найду на это время.

Так началась моя карьера писца, которой я, замечу, во многом был обязан Ауицотлю, отцу Жадеитовой Куколки. Едва вступив на престол Мешико, он немедленно заявил о себе как о решительном и доблестном правителе, развязав войну против живших на северо-восточном побережье хуаштеков. Чтимый Глашатай лично возглавил объединенное войско мешикатль, аколхуа и текпанеков и менее чем за месяц завершил поход, одержав победу. Воинам досталась большая добыча, а побежденный народ, как было заведено, обложили ежегодной данью. Все трофеи и подати делили между участниками Союза Трех: по две пятых доставалось Теночтитлану и Тескоко, одна пятая – Тлакопану.

В связи с этим Несауальпилли поручил мне расчертить учетную книгу, где бы перечислялось все, что уже поступило и должно было поступить от хуаштеков: бирюза, какао, хлопчатобумажные накидки, юбки и блузы, всевозможные ткани. Кроме этого, следовало также изготовить другие книги, где отмечалось распределение вещей и ценностей по различным складам Тескоко. За это ответственное задание, требовавшее познаний не только в письме, но и в арифметике, я взялся с пылом и рвением, твердо вознамерившись выполнить его как следует.

Однако, как я говорил, Жадеитовая Куколка также нашла применение моим способностям и вскоре снова призвала меня, велев возобновить поиски и зарисовки «красивых мужчин». А заодно не преминула пожаловаться на полную бездарность придворного ваятеля:

– С дозволения моего господина и супруга я заказала эту статую, снабдив присланного им придворного ваятеля, этого старого болвана, подробнейшими указаниями. И взгляни, Выполняй, что он изобразил! Какое уродство!

Я присмотрелся к мужской фигуре, которую вылепили в полный рост из глины и для твердости обожгли. Ни на одного из известных мне богов нашей родины скульптура не походила, хотя мне и показалось, что я уже где-то видел это изображение.

– Считается, будто аколхуа преуспели по части искусств, – с презрением продолжила девушка, – но я вижу, что здешний придворный мастер просто удручающе бездарен в сравнении с куда менее известными художниками, творения которых я видела дома. Если следующая работа Пицкуитля окажется не лучше этой, я пошлю в Теночтитлан за теми безвестными мешикатль, и он будет посрамлен. Так ему и передай!

Я заподозрил, что госпожа попросту изобретает предлог, чтобы вызвать в Тескоко кого-то из своих прежних любовников, но оставил свои подозрения при себе и, как было велено, отправился вниз, в мастерскую придворного ваятеля. Там царил шум: в печах для обжига ревело пламя, стучали молотки, скрежетали резцы учеников и подмастерьев. Чтобы сообщить мастеру о жалобах и угрозах Жадеитовой Куколки, мне пришлось кричать.

– Я сделал все, что мог, – сказал пожилой художник, – но юная госпожа даже не соизволила назвать мне имя избранного ею бога, чтобы я мог взять за образец другие его статуи или рисованные изображения. Вот, посмотри, для работы мне дали лишь это.

И ваятель показал мне рисунок, выполненный мелком на грубой бумаге. Мой собственный рисунок, изображавший Йейак-Нецтлина. Для меня это стало полнейшей неожиданностью. Я не понимал, с чего это Жадеитовой Куколке пришло в голову придать статуе неведомого бога сходство с простым смертным, дворцовым скороходом. Однако я не стал расспрашивать госпожу, поскольку она наверняка ответила бы, что это не мое дело.

В следующий раз, показывая рисунки, я намеренно добавил к ним и шутливое изображение супруга Жадеитовой Куколки, Чтимого Глашатая. Она удостоила его лишь мимолетного взгляда, фыркнула и презрительно отбросила в сторону. А выбор ее на сей раз пал на молодого помощника придворного садовника. Именно этому юноше, его звали Ксали-Отли, я на следующий день и вручил перстень, сопроводив это необходимыми указаниями. Как и его предшественник, новый любовник госпожи был всего лишь простолюдином, однако на науатль говорил очень чисто. Это вселило в меня надежду, что, хотя мне в ближайшее время предстоит редко видеться с Жадеитовой Куколкой, этот юноша поможет ей совершенствоваться в благородном наречии Тескоко, так что поручение Несауальпилли будет выполнено.

Составив полный перечень всего, что поступило в качестве дани от хуаштеков, я принес свою работу отвечавшему за учет податей помощнику казначея, который по достоинству оценил мой труд, удостоив его похвалы перед лицом своего начальника, Змея-Женщины. А господин Крепкая Кость, в свою очередь, был настолько добр, что хорошо отозвался обо мне в присутствии Несауальпилли. Так что в результате Чтимый Глашатай послал за мной и спросил, не хочу ли я попробовать свои силы в той самой работе, которой сейчас занимаетесь вы, почтенные братья. Мне предложили записывать все, что произносилось в зале, где юй-тлатоани заседал со своим Изрекающим Советом, и в палате справедливости, где он принимал простых аколхуа, являвшихся к нему с жалобами и прошениями.

Естественно, я взялся за эту работу с радостью и энтузиазмом, и хотя поначалу она давалась мне непросто и случались ошибки, но в конечном счете и этот мой труд был удостоен похвалы. К тому времени я уже набил руку в письме, так что мог изображать символы красиво и точно, однако на моей новой должности требовалась еще и быстрота. Скажу с гордостью, в этом мне тоже удалось преуспеть, хотя, конечно, скорость моего письма, почтенные господа писцы, не шла ни в какое сравнение со скоростью вашего. А ведь на советах, приемах и судах требовалось записывать практически каждое слово, причем зачастую несколько человек гово-

рили одновременно. К счастью, в таких случаях у нас, так же как и у вас, одновременно работали несколько опытных писцов, поэтому то, что упустил один, как правило, всегда мог восполнить другой.

Я быстро научился рисовать по ходу дела только те знаки, которые отражали лишь самое важное из сказанного, а уже потом, на досуге, припоминал детали, заполнял пропуски и превращал свою скоропись в подробную развернутую запись. После этого я переписывал текст начисто и добавлял краски, которые делали его полностью понятным. Подобный порядок действий не только помогал мне делать записи быстрее, но и способствовал улучшению памяти.

Весьма полезным изобретением стали придуманные мною, если можно так выразиться, составные символы, отображавшие целую последовательность слов. Например, изображение одного лишь кружка, знака открытого рта, обозначало длинную тираду, с которой каждый выступавший начинал свою речь. Это было традиционное обращение к юй-тлатоани: «В высочайшем присутствии благороднейшего нашего повелителя и господина, Чтимого Глашатая Тескоко Несауальпилли…» Если же речь шла о том, что случилось давно, или, напротив, о совсем недавних событиях, я предварял запись изображением младенца, обозначавшего «новое», «недавнее», или же стервятника – символа «старости», «былого». Ну да ладно… я понимаю, что это не слишком ценные воспоминания, которые могут представлять хоть какой-то интерес разве что для моих собратьев-писцов. Признаюсь честно, я так подробно говорил обо всех этих вещах по той простой причине, что мне не хочется рассказывать о некоторых других. Прежде всего о том, как я выполнял поручения своей госпожи, Жадеитовой Куколки.

– Мне требуется новое лицо, – заявила она, хотя мы оба знали, что требовалось ей отнюдь не лицо. – И я не собираюсь ждать, пока ты соберешь новую подборку рисунков. Дай-ка мне взглянуть на те, что ты уже сделал.

Я принес госпоже все, что у меня имелось, и она, быстро просмотрев рисунки, сказала:

– Вот этот вроде бы неплох. Кто он такой? – Какой-то раб, которого я видел во дворце. Кажется, носильщик или кто-то в этом роде.

– Выполняй! – скомандовала Жадеитовая Куколка, вручая мне перстень.

– Моя госпожа, – изумился я. – Раб?! – Когда у меня появляется срочная потребность, я особо не привередничаю, – призналась она. – Кроме того, иметь дело с рабами порой совсем неплохо. Хотя бы потому, что от них можно потребовать любых непристойностей: эти бедолаги ни в чем не осмелятся мне отказать. – И красавица улыбнулась своей слащавой улыбкой пресыщенной женщины. – Чем меньше у человека прав, тем сильнее он пресмыкается, стараясь угодить.

Прежде чем я успел что-либо возразить, Жадеитовая Куколка подвела меня к алькову в стене и сказала:

– Посмотри. Вот второй бог, которого я заказала у так называемого ваятеля Пицкуитля.

– Это не бог! – в ужасе воскликнул я, уставившись на новую статую. – Это младший садовник Ксали-Отли.

– Тебе, как и всем в Тескоко, следует считать, что это малоизвестный бог, почитаемый в Теночтитлане моей семьей. Но не беспокойся: этот старый бездарь Пицкуитль так его изобразил, что и мать родная не узнает. Я уже послала в Мешико за художниками, о которых говорила. Они прибудут сюда сразу после праздника Очпанитцили. Иди и скажи Пицкуитлю, что я велю приготовить для них мастерскую и снабдить их всеми материалами, какие потребуются. А потом найди того раба и дай ему перстень. Выполняй!

Когда я снова явился к скульптору, он ворчливо сказал: – Могу лишь повторить, что не так просто делать статую на основе рисунка. Хорошо хоть, на сей раз госпожа дала мне еще и череп.

– Что? – Ну да, добиться сходства гораздо легче, когда у тебя под рукой подлинные лицевые кости, на которые остается лишь вместо плоти налепить глину.

Не желая поверить в то, о чем мне следовало бы догадаться гораздо раньше, я, запинаясь, пробормотал:

– Но… но, мастер Пицкуитль… никто не может обладать черепом бога.

Он смерил меня долгим взглядом из-под тяжелых век и ответил: – Я знаю одно: мне дали череп недавно умершего молодого мужчины, строение лицевых костей которого примерно соответствовало полученному мною рисунку, и сказали, что речь идет о каком-то второстепенном боге. Я не жрец, чтобы подвергать сомнению подлинность этого бога, и я не такой дурак, чтобы позволить себе сомневаться в словах великой госпожи, супруги правителя. Я просто исполняю то, что мне поручают, и поэтому мой собственный череп до сих пор остается в целости и сохранности. Ты все понял?

Я молча кивнул. Да уж, наконец-то я все понял, причем слишком хорошо.

– Что касается новых, прибывающих по приказу госпожи художников, то мастерская для них будет готова, – продолжил мастер. – Но скажу откровенно: я не завидую никому, кто находится в услужении у госпожи Жадеитовой Куколки. Ни самому себе. Ни им. Ни тебе.

Вот уж точно, мое положение, положение сводника и пособника убийцы, было незавидное. Но увы, я увяз уже так глубоко, что не видел никакой возможности освободиться. А потому отправился искать парнишку, звавшегося, на высокопарный манер рабов, Ньец-Уийотль, что значит Я Обрету Величие. Видимо, его способности не соответствовали столь многообещающему имени, ибо вскоре Жадеитовая Куколка призвала меня снова.

– Ты был прав, Выполняй, – промолвила она. – С рабом вышла ошибка: это существо и впрямь возомнило себя человеком. – Красавица рассмеялась: – Ну что ж, в скором времени он станет богом, а это всяко больше того, на что такое ничтожество вообще могло рассчитывать. Но это наводит меня вот на какую мысль. Мой супруг и господин может в конечном счете задуматься, почему в моих покоях стоят лишь статуи богов мужского пола: мне не помешает обзавестись хотя бы одной богиней. В последний раз среди твоих рисунков я приметила миловидное женское лицо. Принеси этот листок, я хочу взглянуть на него еще раз.

С тяжелым сердцем выполнил я приказ госпожи, проклиная себя за то, что вообще сделал этот набросок, пленившись очарованием незнакомой красавицы. Она и впрямь привлекала множество мужских взглядов, зажигавшихся мечтами и желаниями, хотя сама была замужней женщиной, супругой процветающего кожевенника, державшего лавку на рынке Тескоко. Звали ее Немальуфли, и она поражала не только своей совершенной, цветущей красотой, но еще и тем, что буквально лучилась счастьем. И имя ей подходило: оно означало Сама Утонченность.

Жадеитовая Куколка внимательно присмотрелась к изображению и, к моему облегчению, сказала:

– Я не могу послать тебя к ней, Выполняй! Это было бы нарушением приличий и могло бы вызвать нежелательный шум. Я пошлю одну из моих рабынь.

К сожалению, вопреки надеждам мне не удалось остаться непричастным к этой истории, ибо вскоре юная госпожа заявила:

– Эта женщина, Немальуфли, придет сюда сегодня вечером. И – поверишь ли? – она станет первой женщиной, с которой я займусь тем, чем обычно занимаюсь с мужчинами. Я хочу, чтобы ты захватил свои рисовальные принадлежности и изобразил нашу забаву во всех подробностях, дабы я потом могла полюбоваться всем, что мы с ней проделаем.

Разумеется, меня все это напугало и огорчило, причем по трем причинам. Во-первых, я злился на себя из-за того, что невольно навлек на Саму Утонченность беду, во-вторых (сознаюсь, это было эгоистично), после такой ночи я уже никак не смог бы утверждать, что не знал, что за дела творятся в покоях моей госпожи. В-третьих, я содрогался при одной лишь мысли о том, что мне придется стать вынужденным свидетелем акта, требовавшего, по моему глубо-

кому убеждению, уединения. Но поскольку возможности уклониться так и так не было, я, к стыду своему, испытывал одновременно и некое извращенное любопытство. Разумеется, само слово «патлачуиа» мне слышать доводилось, но на практике я просто не мог себе представить, как две женщины могут заниматься *этим* друг с другом.

Сама Утонченность выглядела, как всегда, веселой, хотя и несколько озадаченной этим загадочным приглашением. Стояло лето, ночь была теплой, но красавица явилась в накидке: возможно, ей было велено по пути во дворец закрывать лицо плащом.

– Моя госпожа? – деликатно промолвила она, переведя вопросительный взгляд с юной супруги правителя на меня, сидевшего со стопкой бумажных листов на коленях. Мне следовало бы постараться деликатно скрыть свое присутствие, но поскольку я плохо видел, то мог запечатлевать происходящее только с близкого расстояния.

– Не обращай внимания на писца, – сказала Жадеитовая Куколка. – Смотри только на меня. Во-первых, я должна быть уверена, что твой муж ничего не знает об этом посещении.

– Ничего, моя госпожа. Он спал, когда я ушла. Твоя служанка сказала мне, чтобы я ничего ему не говорила, и я не говорила, ибо подумала, тебе может понадобиться от меня что-то, что не касается мужчин.

– Именно так, – удовлетворенно улыбаясь, промолвила хозяйка, а когда гостья вновь перевела взор на меня, резко заявила: – Я же сказала, не обращай на писца внимания. Он ничего не видит и не слышит. Это просто предмет обстановки. Его не существует. – Потом она понизила голос, и он зазвучал завораживающе томно: – Мне говорили, что ты одна из самых красивых женщин в Тескоко. Как видишь, я тоже. Думаю, мы могли бы не без удовольствия сравнить наши прелести.

С этими словами она потянулась и сдернула через голову накидку Немальуфли. Гостья, естественно, удивилась тому, что супруга правителя лично снимает с нее верхнюю одежду, а потом и испугалась, когда Жадеитовая Куколка следом за накидкой взялась и за блузу, в результате чего посетительница оказалась обнаженной до пояса.

Ее испуганный взор метнулся ко мне, однако я, словно ничего особенного не происходило, придал лицу бесстрастное выражение и сосредоточился на только что начатом рисунке. Не думаю, чтобы потом Сама Утонченность взглянула на меня еще хоть раз: похоже, ей каким-то образом удалось убедить себя в том, будто я и вправду не живой человек, а какой-то неодушевленный предмет. Ибо, не сумей бедная женщина выбросить меня из своего сознания, она, наверное, умерла бы от стыда.

В то время как гостья неподвижно, словно обратившись в статую, стояла посреди комнаты с не прикрытой одеждой грудью, Жадеитовая Куколка с нарочитой медлительностью, как, наверное, делала, когда желала возбудить мужчину, сняла собственную блузу и шагнула вперед, так что обнаженные тела двух женщин почти соприкоснулись. Сама Утонченность была лет на десять старше и на пядь выше юной госпожи.

– Да, – молвила Жадеитовая Куколка, – твоя грудь действительно красива. Только, – она сделала вид, будто надула губки, – почему твои соски выглядят так робко? Разве они не могут набухнуть и затвердеть, как мои? – Она привстала на цыпочки, подалась грудью вперед и воскликнула: – Ты только посмотри, они соприкасаются! Наши груди так подходят одна к другой, моя дорогая! Может быть, подойдет и все остальное?

И она припала губами к губам Самой Утонченности. Та не закрыла глаз, и выражение ее лица не изменилось, но щеки Жадеитовой Куколки ввалились. Спустя мгновение она слегка отстранилась и с восторгом прошептала:

– Ну конечно, я ведь знала, что твои соски могут набухнуть. Смотри, как восхитительно трутся они о мои. – Она снова подалась вперед для очередного поцелуя, и на сей раз Сама Утонченность закрыла глаза, словно боясь того, что может невольно в них отразиться.

Они обе стояли неподвижно достаточно долго, так что я успел их запечатлеть: Жадеитовая Куколка поднялась на цыпочки, и соприкасались у них лишь губы и груди. Потом девушка потянулась и развязала пояс женщины: юбка с шелестом упала на пол. Я увидел, как Сама Утонченность вздрогнула и непроизвольно сомкнула ноги. Спустя мгновение Жадеитовая Куколка развязала также пояс собственной юбки и, поскольку под юбкой у нее ничего не было, осталась совершенно нагой, если не считать золоченых сандалий. Однако, прижавшись к гостье всем телом, она поняла, что та, как всякая порядочная женщина, носила нижнее белье, и, отпрянув, воззрилась на нее со смесью удивления, насмешки и легкой досады.

– Я не стану снимать твое последнее скромное прикрытие, Сама Утонченность, – нежно прошептала она, – и не стану просить тебя это сделать. Я добьюсь того, что тебе самой этого захочется.

Юная госпожа взяла женщину за руку и потянула ее за собой к большому, осененному балдахином ложу. Они улеглись на него, ничем не прикрывшись, а я подошел поближе со своими мелками и листами бумаги.

Брат Херонимо полагает, что это уж слишком? Ну что ж, не стану спорить. Правда, то, что я видел тогда, трудно позабыть. Но конечно, если вам угодно, я избавлю ваш чувствительный слух от описания подробностей. Скажу лишь, почтенные писцы, что я не один раз становился свидетелем изнасилований: того, как воины, и наши, и ваши, неистово набрасывались на своих пленниц. Но за всю свою жизнь мне не доводилось видеть, чтобы не только тело, но и душа женщины были бы изнасилованы другой женщиной так бесстыдно, так похотливо и так всецело, как проделала это Жадеитовая Куколка по отношению к Самой Утонченности.

И что еще меня тогда особенно поразило, так это то, каким образом юная девушка ухитрилась полностью подчинить себе взрослую, замужнюю женщину. Не прибегая к силе, угрозам или приказам, она одними своими прикосновениями, поцелуями и ласками довела Саму Утонченность до такого состояния, что та уже не владела собой.

Может быть, здесь уместно будет упомянуть, что у нас, когда речь идет о соблазнении женщины, принято употреблять выражение «ласкать цветами»…

Некоторое время Сама Утонченность покорно, но безразлично лежала на ложе, тогда как Жадеитовая Куколка губами, языком и самыми кончиками своих пальцев прикасалась к опущенным векам женщины, к ее ресницам, ушным раковинам, углублению в горле, выемке между грудями, обнаженному животу и пупку. Раз за разом языком или кончиком пальца она медленно выводила спирали вокруг одного из теперь уже напрягшихся сосков гостьи, перед тем как ущипнуть или лизнуть его. Юная госпожа больше не припадала к губам Самой Утонченности в страстных поцелуях, но время от времени шаловливо облизывала ее закрытые губы. Постепенно губы женщины, как и ее груди, стали набухать и краснеть. Ее гладкое, медного оттенка тело местами покрылось гусиной кожей и стало подрагивать.

Порой Жадеитовая Куколка прерывала свои ласки и крепко прижималась к Самой Утонченности всем телом, извиваясь в экстазе. Та, даже не открывая глаз, чувствовала, что происходит с юной госпожой. Равнодушной к этому могла бы остаться лишь каменная статуя, а женщина, пусть даже самая добродетельная и запуганная, – отнюдь не изваяние. Когда юная госпожа в очередной раз затрепетала в экстазе, Сама Утонченность откликнулась стоном и впервые по своей воле припала к губам Жадеитовой Куколки. Губы женщин слились, они обе застонали, трепетные тела крепко прижались одно к другому, и гостья, протянув руку, уже по своей воле сорвала с бедер разделявшую их ткань.

Потом Сама Утонченность снова закрыла глаза, вытянулась и укусила тыльную сторону своей ладони, не удержавшей всхлип. Она опять застыла неподвижно, а Жадеитовая Куколка продолжила свое соблазнение. Но теперь лежавшая на ее разворошенной постели женщина была полностью обнажена, так что юная госпожа получила доступ к спрятанным ранее интим-

ным местам. Некоторое время Сама Утонченность удерживала ноги плотно сжатыми, но потом медленно, словно вопреки ее воле, они стали раздвигаться. Сначала самую капельку, потом чуточку больше…

Жадеитовая Куколка зарыла свою голову между ними, ища то, что она когда-то описала мне как «маленькую розовую жемчужину». Это продолжалось некоторое время, за которое гостья, словно испытывая муки, издала множество охов и стонов, а потом наконец выгнулась и забилась в экстазе. Ну а затем, придя в себя, она, должно быть, решила, что, раз зашла так далеко, терять ей уже нечего, и начала вытворять с Жадеитовой Куколкой то же самое, что до этого та проделывала с ней. Они сливались воедино в разнообразных позициях: то как мужчина и женщина, целуя одна другую в губы и соприкасаясь промежностями; то обняв друг друга за бедра и используя свои языки в качестве миниатюрных, но зато более проворных и неутомимых заменителей мужского члена. Порой они устраивались так, что смыкали свои лона и старались соприкоснуться и потереться друг о друга «маленькими розовыми жемчужинами».

Это их положение напомнило мне легенду о возникновении человечества. По нашим поверьям, когда на земле миновали эры богов и гигантов, боги решили подарить ее людям. Однако подобных существ тогда просто не существовало, так что им пришлось изготовить одинаковое количество мужчин и женщин. Однако эти первые люди оказались неудачными, ибо и у мужчин, и у женщин не было ног, а то, что расположено между ними, заменяли гладкие выпуклости. Легенда гласит, что боги намеревались скрыть срамные части людей из скромности, но в это трудно поверить, ибо сами они, и боги и богини, всегда были привержены плотским радостям и ни скромностью, ни сдержанностью сроду не отличались.

Так или иначе, эти первые люди вполне могли, прыгая на обрубках тел, наслаждаться всеми красотами подаренного им богами мира, но не имели возможности наслаждаться друг другом, к чему, несмотря на отсутствие необходимых органов, все же стремились, ведь недаром они были изначально разделены на два разных пола. К счастью для будущего человечества, эти первые люди нашли выход из положения: мужчина и женщина одновременно подпрыгнули и (так спариваются в полете некоторые насекомые) соединили в воздухе нижние части своих тел с такой силой, что произошло совокупление. Признаюсь, легенда эта не слишком внятна, ибо не объясняет, как же именно все-таки произошло соитие, что способствовало зачатию, и как первые женщины сумели разрешиться от бремени. Но так или иначе они это сделали, и следующее поколение людей появилось на свет уже с ногами и с половыми органами. Глядя на то, как Жадеитовая Куколка и Сама Утонченность нетерпеливо трутся друг о друга промежностями, я не мог не вспомнить о первых людях, вознамерившихся совокупиться, несмотря на отсутствие необходимых для этого органов.

Должен заметить, что женщина и девушка, какие бы замысловатые позы они ни принимали и сколь бы страстно ни ласкали друг друга, все-таки не впадали в то грубое неистовство, какое бывает при спаривании с участием мужчины: движения их отличались большей плавностью и не были столь порывисты. Бывало, что обе вдруг неподвижно замирали в той или иной позе, причем так надолго, что могло показаться, будто они заснули, но потом, вместе или поодиночке, начинали дергаться и извиваться. Я потерял счет этим вспышкам страсти, но могу сказать, что Сама Утонченность и Жадеитовая Куколка в ту ночь достигли высшей точки наслаждения большее число раз, чем это удалось бы любой из них в объятиях самого выносливого мужчины.

Однако в перерывах между этими маленькими конвульсиями они оставались в своих разнообразных позах достаточно долго, так что я смог сделать множество рисунков их тел, разделенных или переплетенных. Если некоторые из рисунков и оказались смазанными или начертанными дрожащей рукой, то в этом следует винить моделей: их вид слишком уж возбуждал художника. Я ведь и сам не был каменной статуей. Созерцание совокупляющихся красавиц заставляло меня откликаться невольной дрожью, а дважды мой член непроизвольно…

Ну вот, теперь и брат Доминго покидает нас, да так стремительно! Странно, как одни и те же слова могут оказывать на разных людей совершенно противоположное воздействие. Думаю, все дело в том, что слова вызывают в наших головах яркие образы, причем так происходит со всеми, даже с писцами, которые, как считается, лишь бесстрастно внимают звукам да запечатлевают их на бумаге.

Коль скоро, однако, дело обстоит таким образом, я, пожалуй, воздержусь от описания всего прочего, чем занималась эта парочка той ночью. Скажу лишь, что в конце концов они разомкнули объятия и обессиленно растянулись на ложе. Обе тяжело дышали, их тепили набухли и покраснели, кожа лоснилась от пота, слюны и прочих выделений, а тела, словно шкуры ягуаров, были испещрены следами укусов и поцелуев.

Тихонько поднявшись со своего места рядом с кроватью, я дрожащими руками собрал разбросанные вокруг моего сиденья рисунки и отошел в дальний угол. Сама Утонченность тоже встала и медленно, словно человек, только что оправившийся от забытья, стала одеваться. В мою сторону она старалась не смотреть, но я видел, что по лицу гостьи струятся слезы.

– Тебе надо отдохнуть, – сказала ей Жадеитовая Куколка и дернула за висевшую над ложем веревочку колокольчика. – Питца проводит тебя в отдельную комнату.

Появилась заспанная рабыня, и в ее сопровождении все еще плакавшая Сама Утонченность покинула помещение.

– А что, если она расскажет обо всем своему мужу? – дрожащим голосом спросил я.

– Ничего она не расскажет, не посмеет! – уверенно заявила Жадеитовая Куколка. – Дайка лучше взглянуть на зарисовки.

Я вручил госпоже рисунки, и она принялась один за другим внимательно их рассматривать.

– Вот значит, как это выглядит? Изысканно… А я-то думала, что уже испытала все виды наслаждений… Как жаль, что мой господин Несауальпилли приставил ко мне только немолодых и непривлекательных служанок. Пожалуй, некоторое время мне придется довольствоваться посещениями Самой Утонченности.

Я был рад услышать это, поскольку знал, какая судьба в противном случае неминуемо ожидала бы бедную женщину.

Юная госпожа отдала мне рисунки обратно, потом потянулась и сладострастно зевнула.

– Знаешь, Выполняй, мне и правда кажется, что сегодня я испытала наибольшее наслаждение с тех пор, как попробовала ту деревянную штуковину.

«Ну что ж, это, наверное, вполне резонно, – думал я, направляясь обратно в свои покои. – В конце концов, женщина знает потребности женского тела лучше любого мужчины. Ведь только ей известны все тайны собственной чувственности, только она знает, как именно ее тело, а стало быть, и тела других женщин реагируют на различные действия и прикосновения партнера. Но если так, значит, и мужчина, получив доступ к этим знаниям, может добиться большего совершенства в искусстве плотских утех, к обоюдному удовольствию, как своему собственному, так и той, с кем он делит ложе». Исходя из этих соображений, я провел немало времени, изучая рисунки и восстанавливая в памяти детали, которые не могли запечатлеть никакие мелки.

Прошу понять меня правильно: я вовсе не гордился той ролью, которую мне пришлось сыграть в падении Самой Утонченности, но всегда считал, что человек должен по возможности извлекать пользу из всего, даже если ему приходится участвовать в самых плачевных событиях.

Увы, грехопадение Самой Утонченности отнюдь не стало самым прискорбным событием в моей жизни. Если бы я только знал, какой удар поджидает меня, когда снова вернулся домой, на родной Шалтокан, чтобы участвовать в празднике Очпанитцили.

Это название означает «Метение Дороги», сам же обряд принадлежит к числу тех церемоний, которые совершаются ради того, чтобы хорошо уродился маис. Праздник приходился на наш одиннадцатый месяц (примерно середина вашего августа) и состоял из череды различных ритуалов, кульминацией которых служила мистерия рождения Кентиотля, бога маиса. Особенностью этого торжества являлось то, что ведущую роль в нем играли женщины, мужчины же, в том числе и многие жрецы, оставались простыми зрителями.

Праздник начинался с того, что самые почтенные и добродетельные жены и вдовы Шалтокана шествовали со специально изготовленными из перьев метлами, подметая все храмы и прочие святые места острова. Потом под руководством наших храмовых прислужниц женщины разыгрывали целое ночное представление, с песнями, музыкой и танцами. Выбранная из числа жительниц острова девственница исполняла роль Тетеоинан, матери всех богов. Кульминацией ночи становилось представление, которое она совершала на вершине нашей храмовой пирамиды: сама, без участия мужчины, последовательно изображала утрату девственности, зачатие, беременность, вынашивание плода и родовые муки. Затем женщины-лучницы, выполнявшие свою задачу с превеликим пылом и рвением, но абсолютно неумело, расстреливали ее из луков. Поскольку стрелка́ми они были никудышными, жертва, как правило, умирала долго и в мучениях.

Конечно, в последний момент почти всегда происходила подмена, ибо мы не приносили в жертву своих девушек, за исключением тех редких случаев, когда участница церемонии по каким-то причинам сама высказывала желание умереть. Таким образом, смерть обычно настигала не девственницу, изображавшую Тетеоинан, а какую-нибудь рабыню или пленницу, жизнь которой ничего не стоила. В отличие от первой части представления от жертвы не требовалось невинности, так что порой в праздничную ночь избавлялись от какой-нибудь никчемной старухи.

Так или иначе, когда неумело истыканная стрелами, истекшая кровью жертва испускала-таки дух, за дело наконец принимались жрецы. Выступив из храма, в котором до этого скрывались, они, почти невидимые в ночи из-за своих черных одежд, затаскивали тело внутрь. Там они быстро снимали кожу с одного бедра жертвы. Жрец надевал эту коническую шапочку из плоти себе на голову и выбегал из храма под взрыв музыки и песен: сие означало рождение бога маиса Кентиотля. Новорожденный «бог» вприпрыжку сбегал с пирамиды, присоединялся к танцующим женщинам, и пляски продолжались до самого утра.

Я рассказываю обо всем этом потому, что подобная церемония проводилась регулярно, а вас ведь интересуют наши обычаи. Полагаю, что в том году празднества проходили так же, как и обычно, но точно сказать не могу, ибо я уехал раньше, чем все закончилось.

Великодушный принц Ива вновь выделил мне акали с гребцами, и я, прибыв на Шалтокан, встретил там Пактли, Чимальи и Тлатли, которых тоже отпустили из школ на праздник. Вернее, Пактли уже завершил свое обучение, что не могло меня не тревожить, ибо теперь у него не оставалось никакого занятия, кроме как дожидаться смерти своего отца, владыки Красной Цапли, и освобождения престола. Ну а пока островом правил его отец, господин Весельчак мог направить все свои силы на то, чтобы с помощью моей жадной и честолюбивой матери добиться-таки своего и заполучить в жены Тцитци, отнюдь не желавшую такой участи и до сих пор ухитрявшуюся ее избегать.

Однако у меня неожиданно появился и другой, причем даже более основательный повод для беспокойства. Чимальи и Тлатли настолько не терпелось увидеть меня, что они, приплясывая от возбуждения, ждали у причала, когда причалит мое каноэ. Не успел я сойти на берег, как друзья с криками и смехом бросились мне навстречу.

– Крот, у нас новости! Новости так новости! – Наши способности оценили по заслугам! Нас призвали ко двору Тескоко!

Они говорили так сумбурно, что сперва я даже не понял, о чем речь. А когда сообразил, то пришел в ужас. Оказалось, что оба моих друга и есть те талантливые художники из Мешико, которых пригласила Жадеитовая Куколка. После каникул вместо возвращения в Теночтитлан им предстояло отправиться вместе со мной в Тескоко.

– Я буду ваять статуи, – сказал Тлатли, – а Чимальи станет раскрашивать их, чтобы они казались живыми. Так говорится в послании госпожи Жадеитовой Куколки. Представляешь? Дочь одного юй-тлатоани и супруга другого! Никогда прежде художники нашего возраста не удостаивались такой чести!

– Мы и понятия не имели, что госпожа Жадеитовая Куколка вообще видела работы, выполненные нами в Теночтитлане! – воскликнул Чимальи.

– А она, оказывается, видела и пришла в такое восхищение, что призвала нас к себе! – восторженно подхватил Тлатли. – Должно быть, у этой госпожи хороший вкус.

– Вкусы у этой госпожи весьма разнообразные, – уныло пробормотал я.

Мои друзья почувствовали, что я почему-то не разделяю их восторгов, и Чимальи чуть ли не извиняющимся тоном сказал:

– Это наш первый настоящий заказ, Крот. Статуи и картины, которые мы создавали в городе, представляли собой лишь элементы убранства нового дворца Ауицотля, так что платили нам не больше, чем каменщикам. А в этом послании говорится, что нам выделят целую мастерскую, с инструментами и материалами. Естественно, что мы просто не помним себя от восторга. Но скажи, тебя что-то смущает?

– Может быть, эта госпожа тиранка, которая заставит нас работать до смерти? – спросил Тлатли.

Я мог бы ответить, что насчет смерти он действительно попал в точку, однако вместо этого пробормотал:

– Эта госпожа не без некоторых странностей, но у нас еще будет время поговорить о ней. А сейчас прошу прощения, но я сам устал, как ты выразился, до смерти.

– Конечно, Крот, – откликнулся Чимальи. – Давай мы отнесем домой твой багаж. Тебе надо встретиться с родными, поесть, хорошенько отдохнуть, а уж потом ты обязательно расскажешь нам все о Тескоко и дворце Несауальпилли. Мы не хотим, чтобы нас там посчитали невежественными провинциалами.

И всю дорогу мои приятели продолжали весело болтать о том, как им повезло. Я же слишком хорошо понимал, что рано или поздно «художества» Жадеитовой Куколки все равно выйдут на свет, а когда это произойдет, гнев Несауальпилли обрушится на всех, кто пособничал молодой госпоже совершать прелюбодеяния и убийства. У меня, правда, теплилась слабая надежда на то, что я понесу не самое строгое наказание, ибо действовал в точном, буквальном соответствии с приказами правителя, тогда как все остальные выполняли преступные указания Жадеитовой Куколки и вряд ли могли рассчитывать на пощаду. Мысленно я уже видел на шеях Питцы, ночного привратника, а возможно, мастера Пицкуитля, а заодно и Тлатли с Чимальи веревочные петли, замаскированные цветочными гирляндами.

Дома отец и сестра заключили меня в радостные объятия. Объятия матушки были более вялыми, но она сослалась на то, что весь день орудовала метлой в разных храмах. Мама подробно рассказывала о том, как готовятся женщины острова к Очпанитцили, но я мало что

слышал, потому что пытался придумать какой-нибудь повод, чтобы ускользнуть и уединиться с Тцитци.

Мне не терпелось не столько продемонстрировать сестре кое-что из почерпнутого мною во время наблюдений за Жадеитовой Куколкой и Самой Утонченностью, сколько поговорить о своем двусмысленном положении при дворе Тескоко и посоветоваться насчет того, как уберечь Чимальи и Тлатли от столь незавидной участи.

Однако матушка продолжала сетовать на то, как тяжело мести целый день храмы, до самого вечера. А с наступлением темноты к нам в дом ввалились облаченные в черное жрецы.

Четверо жрецов явились за моей сестрой. Даже не поздоровавшись с хозяевами (служители богов всегда пренебрегали правилами приличия), один из жрецов, не обращаясь ни к кому из присутствующих в отдельности, громко вопросил:

– Здесь ли жительствует девица по имени Чиучнауи-Акатль-Тцитцитлини?

Разобрать слова было непросто, ибо хриплый голос жреца походил на какое-то птичье курлыканье. Что не удивляло, ибо многие храмовые служители в знак покаяния и смирения прокалывали себе языки, а потом еще и расширяли отверстия, вставляя в них все более и более толстые камышинки, веревки или колючки.

– Да, это моя дочь, – сказала мать, горделиво указывая на сестру. – Девятая Тростинка, Звенящий Колокольчик.

– Тцитцитлини, – прохрипел неопрятный старик, обращаясь уже непосредственно к девушке. – Мы пришли сообщить, что тебе оказана высокая честь. В последнюю ночь Очпанитцили ты будешь изображать богиню Тетеоинан.

– Нет! – непроизвольно произнесла сестра одними губами и, в ужасе глядя на четверых облаченных в черные рубища жрецов, провела дрожащей рукой по своему лицу. Его желтовато-коричневая кожа приобрела цвет самого бледного янтаря.

– Ты пойдешь с нами, – заявил другой жрец. – Следует соблюсти некоторые предварительные формальности.

– Нет, – повторила Тцитци, на сей раз громко.

Она обернулась, глянула на меня, и сердце мое упало. Глаза сестренки, полные ужаса и понимания, что ее ждет, были бездонно черными, так расширялись от закапанного в них снадобья зрачки Жадеитовой Куколки. Мы оба прекрасно знали, что это за «предварительные формальности» – женщины, прислужницы жрецов, будут осматривать удостоившуюся чести девственницу с целью удостовериться, что она действительно является таковой. Как я уже говорил, Тцитци были известны средства, позволявшие выдать себя за девственницу, но эти стервятники нагрянули совершенно неожиданно, и теперь у нее не было ни малейшей возможности принять необходимые меры.

– Тцитцитлини, – с мягким укором промолвил отец. – Отказываться тебе никак нельзя. Это будет неучтиво по отношению к жрецам, к женщинам нашего острова, остановившим на тебе свой выбор и тем самым оказавшим тебе честь, и, что хуже всего, по отношению к самой богине Тетеоинан.

– Это также рассердит нашего достойного правителя, – вставила мать, – ибо девственница в этом году была избрана по совету владыки Красной Цапли и его сына.

– Но меня-то никто не спросил! – воскликнула сестра в последнем порыве неповиновения.

Теперь мы с ней поняли, кто предложил Тцитци на роль Тетеоинан, не посоветовавшись с ней и не спросив ее согласия. Поняли мы и почему так получилось. Все произошло по наущению матушки, которая, во-первых, хотела похвастаться оказанной ее дочери высокой честью перед другими женщинами, а во-вторых, надеялась, что Тцитци в роли богини еще более распалит вожделение господина Весельчака, что подстегнет его к свадьбе. Маме очень хотелось,

чтобы наше семейство причислили к знати, и ради этого она готова была отдать дочь Пактли в жены.

– Почтеннейшие жрецы, – взмолилась Тцитци, – я совершенно непригодна для этой роли. Если выступать придется мне, то все будут смеяться над моей неловкостью, что станет оскорблением для богини.

– Вранье! – отмел все возражения один из жрецов. – Мы видели, как ты танцуешь, девушка. Идем с нами. И немедленно!

– Предварительные формальности не займут много времени, – подхватила мать. – Иди, Тцитци, а как вернешься, поговорим о твоем наряде. Ты ведь у нас красавица. И ты будешь самой красивой Тетеоинан, когда-либо вынашивавшей Кентиотля.

– Нет, – слабо пролепетала сестра, отчаянно пытаясь придумать отговорку. – Я… время неподходящее… месячные…

– Никаких «нет»! – рявкнул жрец. – Мы не приемлем никаких возражений. Если ты не пойдешь сама, мы уведем тебя силой.

Мы с сестренкой не смогли даже попрощаться, поскольку предполагалось, что она уходит совсем ненадолго. Двинувшись к двери в окружении четверых вонючих стариков, Тцитци бросила на меня лишь один отчаянный взгляд, да и тот я чуть было не проглядел, потому что мои глаза в этот момент обшаривали помещение в поисках чего-нибудь, что могло бы сойти за оружие. Клянусь, окажись у меня под рукой макуауитль Пожирателя Крови, я, словно сквозь «сорную траву», прорубил бы себе путь, прорвавшись через жрецов и родителей, и мы вдвоем убежали бы куда глаза глядят. Но ничего острого или тяжелого в пределах досягаемости не нашлось, а нападать с голыми руками было бесполезно. В свои двадцать лет я, пожалуй, совладал бы с четверыми стариками, но никак не с могучим, привычным к работе с камнем отцом. Он удержал бы меня без особого труда, а мой порыв навлек бы на нас обоих лишние подозрения. Так что последствия оказались бы роковыми. Хотя и так все в конце концов обернулось хуже некуда.

С тех пор прошло много лет, и я не раз задавался вопросом: не лучше ли было тогда сделать хоть что-то? До сих пор я ищу объяснения своему бездействию. Было ли оно вызвано обычной трусостью? Ведь я знал, что разоблаченная Тцитци ни за что меня не выдаст. Или же во мне теплилась отчаянная надежда на то, что сестре каким-то образом удастся ввести осматривающих ее женщин в заблуждение, и тогда я все испорчу своим вмешательством? А может, таков просто был тонали – и мой, и сестренкин? Этого я не знаю и никогда не узнаю. Однако, так или иначе, момент был упущен, и стая стервятников, окружив Тцитци, увела ее из родного дома.

Обратно в ту ночь она не вернулась. Мы сидели и ждали, не ложась спать даже после того, как протрубили храмовые раковины, и за все это время никто из нас не проронил ни слова. Разумеется, отца беспокоило, что «предварительные формальности» затянулись так надолго, да и мать явно начинала опасаться, что какие-то препоны смогут помешать ее столь хитроумному замыслу. Но в конце концов она рассмеялась и сказала:

– Не стоит переживать, разве жрецы отослали бы Тцитци домой в темноте? Наверняка она заночевала при храме, вместе с прислужниками. Чем зря беспокоиться, давайте-ка лучше ложиться спать.

Я улегся на свой тюфяк, но сон не шел. В голову лезли страшные мысли: ведь жрецы, выяснив, что Тцитци не девственница, вполне могли воспользоваться ею как мужчины. Разумеется, посвящая себя богам, все наши жрецы давали обет безбрачия, но ни один человек в здравом уме не поверил бы, что они всю жизнь соблюдали чистоту и воздержание. После того как прислужницы осмотрят Тцитци и установят, что она уже потеряла девственность, жрецы смогут делать с ней все, что угодно, ибо в каком бы состоянии она ни покинула храм, это все

равно будет приписано предыдущему распутству. А уж о том, чтобы выдвинуть против жрецов обвинения, не могло быть и речи.

В муках катался я по постели, представляя себе, как похотливые жрецы пользуются Тцитци всю ночь напролет, один за другим, как они радостно зовут всех прочих жрецов из других храмов Шалтокана. Дело тут было даже не в том, что в другое время служители богов не имели возможности удовлетворять свое вожделение: скорее всего, для этого использовались храмовые прислужницы. Но как вы, почтенные братья, может быть, уже и сами заметили по своим монахиням, женщины, решившие посвятить себя служению Богу, как правило, не принадлежат к тем, которые, лицом ли, фигурой ли, способны разжечь в мужчине неудержимое желание. Так что, надо думать, заполучив в ту ночь юную красавицу, самую желанную девушку Шалтокана, жрецы были вне себя от радости.

Я представлял себе, как они хищной черной стаей налетают на беспомощно распростертое тело Тцитци. Помимо всего прочего, жрецы давали еще и обет никогда не снимать своих черных одежд, однако, даже если они и нарушили его ради такого случая, их нагие тела все равно были грязными и вонючими, ибо жрецы с момента принятия сана никогда не мылись.

Надеюсь, что все это было всего лишь плодом моего воспаленного воображения. Очень хочется верить, что моя прекрасная возлюбленная не стала в ту ночь добычей отвратительной черной стаи. Впоследствии ни один жрец ни словом не обмолвился о том, что произошло в храме той ночью, а поутру Тцитци так и не вернулась домой.

Вместо нее явился жрец, один из четверых приходивших накануне, и без всякого выражения сообщил:

– Ваша дочь признана недостойной выступать на празднике в роли Тетеоинан, ибо установлено, что она имела плотские отношения по меньшей мере с одним мужчиной.

– Ййа, оийа аййа! – запричитала матушка. – Какой позор! – Просто невероятно, – пробормотал отец. – Тцитци всегда была такой хорошей девочкой. Я не могу поверить…

– Может быть, – сказал без обиняков жрец, – вы вместо этого добровольно согласитесь отдать свою дочь для жертвоприношения?

– Где она? – сквозь зубы спросил я жреца. – Когда служительницы храма установили, что девушка не соответствует требованиям, – бесстрастно ответил жрец, – об этом было доложено во дворец правителя, откуда поступил приказ доставить ее туда для беседы с…

– Пактли! – вырвалось у меня. – Вот уж для кого будет удар, – сказал отец, печально покачав головой.

– Глупец! Да он просто придет в ярость! – выпалила мать. – И из-за этой шлюхи, твоей дочери, удар обрушится на всех нас.

– Сейчас же иду во дворец, – заявил я.

– Нет, – решительно возразил жрец. – Я понимаю, что вы все волнуетесь, но правитель приказал привести только девушку. Она отправилась туда в сопровождении двух наших прислужниц. Никто из вас не должен просить об аудиенции вплоть до особого распоряжения.

В тот день Тцитци так и не вернулась домой. И никто из соседей не зашел к нам, поскольку весь остров к тому времени уже наверняка знал о нашем позоре. И конечно, никто уже не позвал мою мать «мести дорогу». И она, предвкушавшая, что вскоре получит возможность смотреть на соседок сверху вниз, вместо этого в одночасье стала отверженной. Естественно, что это не улучшило ее и без того сварливый характер. Весь этот тоскливый день матушка изводила отца упреками в том, что он не следил за дочерью, а меня бранила за то, что я будто бы свел сестру с какими-то «дурными приятелями». Обвинение это было нелепым, но оно натолкнуло меня на интересную мысль.

Я выскользнул из дома и отправился искать Чимальи и Тлатли. Они встретили меня с некоторым смущением, пытаясь неловко выразить сочувствие.

– Один из вас может спасти Тцитци, – с ходу заявил я. – Мы бы оба рады помочь ей, – заверил меня Чимальи. – Но вот только как?

– Не секрет, что этот несносный Пактли уже давно домогался моей сестры. Про это знает весь остров. А теперь еще стало известно и то, что Тцитци предпочла ему кого-то другого. Таким образом, сын наместника оказался всеобщим посмешищем. Он наверняка взбешен, и уязвленная гордость может подтолкнуть его к какому-нибудь ужасному поступку. Один из вас мог бы этому помешать.

– Каким образом? – спросил Тлатли. – Женившись на Тцитци, – сказал я. Никто никогда не узнает, какой болью отдались эти слова в моем сердце, ибо произнести их для меня означало отказаться от Тцитци и отдать ее кому-то другому. Оба друга, услышав это, отпрянули и воззрились на меня, удивленно вытаращив глаза.

– Моя сестра действительно оступилась, – продолжил я. – С этим не поспоришь, но вы ведь оба знаете ее с детства и уж, конечно, согласитесь, что она вовсе не распутница. Уверен, тот из вас, кто простил бы Тцитци, поняв, что она поступила так из нежелания достаться господину Весельчаку, получил бы самую верную и добродетельную жену, какую только можно найти. Ну а то, что красивее моей сестры на всем острове не сыскать, вы и без меня прекрасно знаете.

Юноши растерянно переглянулись, и их можно было понять. Представляю, как поразило их мое предложение.

– На вас последняя надежда, – гнул свое я. – Сейчас Тцитци как потерявшая невинность девушка всецело находится во власти Пактли. Он может объявить ее шлюхой или даже лживо обвинить в том, будто бы она изменила ему, будучи с ним помолвленной. Это равнозначно супружеской измене, и в таком случае Пактли не составит труда уговорить владыку Красную Цаплю покарать ее смертью. Но если окажется, что у девушки есть жених, тогда ничто подобное ей не грозит. – Я впился взглядом сначала в Чимальи, потом в Тлатли. – Если один из вас выступит вперед и публично попросит ее руки…

Оба друга отвели глаза. – Понимаю, для этого требуется храбрость. Да и без насмешек тут не обойдется: конечно, нежданно объявившегося жениха сочтут именно тем, кто и обесчестил Тцитци. Но брак все покроет и защитит мою сестру от любых посягательств со стороны Пактли. Это спасет ее, Чимальи! Это будет благородный поступок, Тлатли! Я прошу вас, я просто умоляю!

Друзья снова посмотрели на меня, но теперь уже не растерянно, а печально. И Тлатли заявил от имени обоих:

– Мы не можем, Крот. Правда не можем. Ни я, ни Чимальи. Такой ответ не только обидел и разочаровал меня, но вдобавок еще и озадачил.

– Что значит – не можете? Уж говорили бы откровенно, что попросту не хотите связываться!

Друзья стояли передо мной плечом к плечу, коренастый Тлатли и стройный как тростинка Чимальи. Посмотрев на меня с сочувствием, они снова переглянулись, и во взглядах их было нечто такое, чего я никак не мог понять.

Потом они робко взялись за руки, сцепили пальцы и снова воззрились на меня. Теперь уже с вызовом.

– О! – подавленно выдохнул я и, помолчав, добавил: – Простите меня, ребята. Мне не следовало настаивать. Какой же я дурак!

– Да что там, Крот, мы свои люди, – сказал Тлатли. – Но нам бы не хотелось, чтобы о нас пошли сплетни.

– Но в таком случае, – возобновил я свои попытки, – что мешает вам просто совершить брачную церемонию? А потом…

– Я не смогу этого сделать, – сказал Чимальи со спокойным упорством. – И Тлатли тоже не позволю. Такой поступок был бы слабостью, пятнающей то чувство, которое мы испытываем друг к другу. Постарайся взглянуть на это таким образом, Крот. Представь, что кто-нибудь предложил бы тебе жениться на одном из нас.

– Ну, такое предложение шло бы вразрез со всеми законами и обычаями. Но взять в жены Тцитци – это же совсем другое дело. Брак был бы чистой формальностью, Чимальи, а потом…

– Нет, – сказал он и добавил, не знаю уж насколько искренне: – Нам очень жаль, Крот.

– Мне тоже. – Я вздохнул, повернулся и пошел домой. Однако я не собирался так просто отказываться от своего плана: я по-прежнему надеялся убедить одного из друзей совершить то, что, по моему глубокому убеждению, пошло бы на благо всем нам. Брак избавил бы сестру от нависшей над ней опасности, Тлатли и Чимальи – от возможных подозрений относительно характера их дружбы, а меня самого – от того, что наши с Тцитци непозволительные отношения рано или поздно выйдут наружу. Муж мог бы открыто привозить ее с собой, приезжая в Тескоко, и тайно приводить ко мне на свидания. Чем дольше я размышлял, тем все более идеальным вариантом казался мне этот план. Да Чимальи и Тлатли – просто эгоисты, если отказываются от этого брака под тем предлогом, будто это может запятнать их собственную любовь! Я должен убедить их, а если понадобится, то и припугнуть разоблачением. Я решил непременно вернуться к этому разговору и добиться своего, однако, как вскоре выяснилось, было уже слишком поздно.

В следующую ночь Тцитци снова не пришла домой. Несмотря на это, я заснул, и снились мне не стервятники, а мы с сестрой и огромный кувшин для воды, на котором сохранился отпечаток окровавленной ладони Чимальи.

Этот сон вернул меня в те «скрытые дни», когда Тцитци нарочно уронила и разбила кувшин с водой, чтобы у нас с ней возник повод отлучиться из дома. Вода растеклась по полу и забрызгала мне лицо. Я проснулся посреди ночи и обнаружил, что оно действительно влажное, но не от воды, а от слез.

На следующее утро за нами прислали из дворца правителя. Причем, как ни странно, гонец сообщил, что владыка Красная Цапля и господин Весельчак желают видеть вовсе не главу семьи, как это можно было бы предположить, но нашу мать. Отец дожидался ее возвращения молча, понурившись, избегая встречаться со мной взглядом. Когда мама вернулась, лицо ее было бледным, а руки, пока она снимала с головы и плеч платок, дрожали; однако от былой ее подавленности не осталось и следа. Матушка вовсе не выглядела женщиной, пережившей утрату и убитой горем.

– Дочь мы, похоже, потеряли, однако это еще не значит, будто мы потеряли всё, – промолвила она.

– В каком смысле – мы потеряли Тцитци? – спросил я. – Ну, она так и не явилась во дворец, – ответила мать, не глядя на меня. – Обманула охранявших ее храмовых прислужниц и сбежала. Бедный Пактцин, он от всего этого едва не лишился ума. Когда ему доложили о побеге, он велел искать беглянку по всему острову, но Тцитци так и не нашли, а один птицелов сообщил, что у него украли каноэ. Помнишь, – обратилась она к отцу, – как твоя дочь однажды пригрозила, что именно это и сделает: украдет акали и сбежит с острова?

– Да, – отозвался он безучастно. – Так вот, похоже, Тцитци так и поступила. А поскольку угадать, куда именно она направилась, невозможно, Пактли пришлось отказаться от поисков. Сердце его разбито, как и наши сердца. – Это была настолько явная ложь, что мать поспешила продолжить, прежде чем успел заговорить я: – Увы, придется смириться с тем, что беглянка потеряна для нас навсегда. Тцитци всегда была очень своевольной, к тому же она сама виновата в том, что случилось. Так что вряд ли девчонка осмелится объявиться на Шалтокане снова.

– Не верю ни единому слову! – заявил я, но матушка оставила мою реплику без внимания и продолжила, обращаясь к отцу:

– Правитель, как и Пактли, понимает наше горе и вовсе не считает нас виновными. Что же делать, раз наша дочь оказалась недостойной и своенравной! Знаешь, владыка Красная Цапля мне прямо так и сказал: «Я всегда уважал Кивуна, и мне хотелось бы сделать для него хоть что-нибудь, чтобы смягчить боль утраты. Как ты думаешь, он согласится, если я назначу его начальником каменоломен?»

Услышав это, мой отец встрепенулся. – Что? – воскликнул он. – Не может быть! – Представь, именно так и сказал владыка Красная Цапля, – подтвердила матушка. – Он хочет поставить тебя главным над всеми каменоломнями Шалтокана. Владыка считает, что хоть это и не избавит нас от стыда и страданий, но зато люди увидят, что ты пользуешься его уважением и доверием.

– Не верю! – повторил я. Никогда прежде господин Красная Цапля не называл моего отца Кивуном, и мне казалось сомнительным, чтобы он вообще знал об этом его прозвище.

Мать снова оставила мои слова без внимания и продолжала говорить, обращаясь исключительно к отцу:

– Нам не повезло с дочерью, но зато повезло с текутли. Любой другой правитель отправил бы всю семью в изгнание. Только подумай – ведь из-за нашей дочери пострадал его собственный сын, а владыка проявил такое великодушие!

– Пост начальника каменоломен… – пробормотал мой отец с таким видом, словно его только что стукнуло по голове здоровенным камнем, добытым в этих самых каменоломнях. – На эту должность сроду не назначали таких молодых…

– Так ты согласен? – спросила его мать. Отец с запинкой пробормотал: – Ну, вообще-то… это, конечно, слабое возмещение за потерю любимой дочери, пусть даже и согрешившей…

– Так ты согласен? – снова повторила мать, уже более резко. Отец продолжал рассуждать вполголоса: – Но, с другой стороны, мне протянули руку поддержки и дружбы.

И отказаться теперь, после того как господину наместнику уже было нанесено нашей семьей оскорбление, значит оскорбить его снова, и более того…

– Так ты согласен?! – Ну… да. Конечно. Я согласен. Разве могу я поступить иначе. Не так ли?

– Вот именно! – воскликнула мать и потерла руки с таким довольным видом, будто только что обстряпала какое-то неблаговидное дельце. – Пусть по милости этой шлюхи, имя которой я больше никогда не произнесу вслух, нам уже не пробиться в знать, но зато среди масехуалтин мы поднялись на одну ступеньку выше. И поскольку владыка Красная Цапля готов посмотреть на наш позор сквозь пальцы, так же поступят и все остальные. Мы по-прежнему можем держать голову высоко, не стыдясь пересудов соседей. А сейчас, – деловито завершила она, – я должна идти. Меня ждут женщины, пора уже подметать у храмовой пирамиды.

– Я с тобой, дорогая, – сказал отец. – Хочу взглянуть на западный карьер, он сейчас как раз пустой по случаю праздника. У меня давно была мысль, что там надо кое-что усовершенствовать, да все руки как-то не доходили…

Когда родители вместе вышли за дверь, мать оглянулась и велела: – Вот что, Микстли, собрал бы ты все вещи сестры да сложил бы их в одно место. Как знать, может быть, когда-нибудь Тцитци и пришлет за ними носильщика?

Я был уверен, что сестра никогда не только не захочет, но и не сможет этого сделать, но поступил, как мне было велено: сложил в корзины все, что принадлежало Тцитци. Только одну ее вещь я припрятал для себя: маленькое изображение Хочикецаль, богини любви и цветов, к которой молодые девушки обращались с просьбами о счастливом замужестве. Сестра держала фигурку этой богини возле своей кровати.

Оставшись один в доме, наедине со своими мыслями, я еще раз обдумал рассказ матери и пришел к выводу, что на самом деле случилось следующее. Прислужницы, повинуясь приказу, доставили мою сестру во дворец к Пактли. Тот убил ее – причем я даже боялся думать, каким именно способом. Его отец, возможно, и счел это справедливой карой, однако, будучи человеком благородным и справедливым, не мог одобрить самовольное убийство, совершенное без надлежащего судебного процесса и вынесения приговора. Перед владыкой Красной Цаплей неизбежно встал нелегкий выбор: либо подвергнуть суду собственного сына, либо замять все это дело. Вот почему Пактли и моя матушка, которая, как я полагаю, давно уже состояла с ним в сговоре, придумали историю о краденом каноэ и бегстве Тцитци. А чтобы окончательно все замять и отбить у нас охоту задавать вопросы или возобновлять поиски, правитель решил бросить отцу подачку.

Убрав вещи Тцитци, я сложил свои собственные, с которыми приехал из Тескоко, в переносную плетеную корзину, засунув туда и фигурку Хочикецаль, а затем взвалил корзину на плечи и вышел из родительского дома, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Когда я спускался к берегу озера, за мной некоторое время летела бабочка, кружившая вокруг моей головы.

Мне повезло, и я нашел рыбака, который не считал святотатством работать во время праздника Очпанитцили. Он уже сидел в лодке, поджидая, когда с наступлением темноты поднимется озерный сиг. За плату, значительно превышавшую то, что он надеялся заработать за целую ночь успешного лова, рыбак, разумеется, согласился отвезти меня до Тескоко. На мой вопрос, не слышал ли он, чтобы у кого-нибудь на озере недавно пропала лодка, рыбак ответил отрицательно.

Я бросил взгляд назад, на освещенный лучами закатного солнца и казавшийся таким мирным и безмятежным остров. Шалтокан по-прежнему выступал над водой, оставаясь точно таким же, как и раньше. Правда, теперь он навеки лишился звона маленького колокольчика, но наверняка даже и не заметит столь малой потери. Ведь и владыка Красная Цапля, и господин Весельчак, и мои друзья Чимальи и Талтли, и даже собственные родители, не говоря уж о прочих жителях Шалтокана, – все они уже согласились забыть о Тцитцитлини.

Все, кроме меня.

– В чем дело, Кивун? – воскликнула госпожа Толлана, первая, кого я встретил во дворце. – Неужели ты вернулся, не дождавшись окончания праздника?

– Да, моя госпожа. Все дело в том, что я больше не считаю Шалтокан своим домом. А здесь мне есть чем заняться.

– Ты хочешь сказать, что скучал по Тескоко? – спросила она с улыбкой. – Выходит, мы научили тебя любить наш край? Мне приятно думать так, Кивун.

– Пожалуйста, госпожа, – хрипло промолвил я, – больше не надо называть меня этим именем. Меня от него тошнит.

– Вот как? – Она присмотрелась к моему лицу, и ее улыбка погасла. – Ну что ж, выбирай тогда сам то имя, которое тебе по душе.

Вспомнив кое о чем, что мне приходилось в последнее время делать, я ответил так:

– Тлилектик-Микстли – именно такое имя выбрали для меня в книге пророчеств и предсказаний. Видно, так тому и быть. Называй меня тем, кто я есть. Темной Тучей.

IHS. S.C.C.M

Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Его Высочайшему и Всемогущему Величеству из города Мехико, столицы Новой Испании, сегодня, в день праздника Чудотворной Иконы Всех Скорбящих, в год от Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем мы наш нижайший поклон.

Верный вассал своего государя искренне сожалеет о том, что не может присовокупить к последним листам сей рукописи также и «рисунки, изображающие туземцев и особенно туземных женщин, выполненные рассказчиком и относящиеся к данной хронике», указания относительно коих содержались в последнем послании Его Величества, ибо престарелый индеец, будучи о том спрошенным, лишь рассмеялся. Туземцу показалась смешной сама мысль, что такие тривиальные и неприличные наброски стоили того, чтобы хранить их все эти годы. Удивило его также и предположение о том, что, если даже наброски эти все же представляли собой некую ценность, они могли уцелеть в столь бурное и наполненное разнообразными событиями время.

Мы воздерживаемся от того, чтобы сокрушаться по поводу утраты вышеупомянутых непристойных изображений, ибо пребываем в уверенности, что, даже имейся эти картинки в наличии, они едва ли смогли бы поведать Вашему Величеству что-либо полезное. Нам известно, что столь тонкий ценитель искусства, коим является наш император и суверен, привычен к высоким произведениям искусства, достославным творениям мастеров, чьи изображения всегда безошибочно узнаваемы. Что же до пачкотни индейцев, то изображенные ими лица, как правило, не только лишены портретного сходства, но в них вообще трудно признать человеческих существ. Редчайшее исключение составляют лишь немногие более или менее правдоподобные рельефы и фрески.

Ранее Вашему Наивысочайшему Величеству было угодно повелеть своему капеллану сохранить для истории «свитки, дощечки для письма и любые другие письменные свидетельства прошлого, каковые могут подкрепить показания очевидцев». Однако мы заверяем Вас, государь, что ацтек, разглагольствуя о том, что его племени якобы ведомы искусства письма, чтения, рисунка и живописи, допускает хвастливое преувеличение. Эти дикари никогда не создавали, не имели и не сохраняли никаких летописей, где была бы записана их история, не считая разве что нескольких разрозненных, сложенных гармошкой листков, кусков кожи или дощечек, испещренных множеством примитивных фигурок, какие могли бы накорябать несмышленые детишки. На взгляд цивилизованного человека, это никак нельзя считать письменными свидетельствами, да и у самих дикарей сии «произведения» служили в качестве подспорья для их «мудрецов». Последние использовали эти каракули и картинки для подкрепления своей памяти, когда повторяли устные предания, касающиеся истории их племени или клана. Истории, заметим, в лучшем случае сомнительной, а зачастую и вовсе вымышленной.

Ко времени прибытия в эти земли вашего слуги братья францисканцы, которых послал сюда пятью годами ранее Его Святейшество покойный Папа Римский Адриан, уже прочесали все окрестности столицы ацтеков вплоть до самых укромных уголков. Эти добрые братья собрали из всех уцелевших строений, каковые отдаленно напоминали наши архивные хранилища, не одну тысячу индейских «книг», но никак не использовали их, ожидая дальнейших указаний.

По этой причине мы, в качестве облеченного полномочиями епископа, от имени Вашего Величества самолично изучили конфискованные «библиотеки», но не обнаружили в «книгах» ничего, кроме безвкусных изображений гротескных фигур. По большей части то были воплощенные кошмары: животные, монстры, языческие боги, демоны, бабочки, рептилии и прочие твари сходной вульгарной природы. Некоторые из этих каракулей должны были, видимо, изображать человеческих существ, но делалось это в той нелепой манере, которую, как это повелось в Болонье, именуют caricatura[20], то есть в стиле абсурдном и бессмысленном.

А поскольку все эти языческие изображения не только не содержали никакой полезной информации, но и являли собой зримое воплощение гнусных дикарских суеверий и заблуждений, внушаемых самим дьяволом, мы повелели свалить тысячи таких «рукописей» в кучу на главной рыночной площади этого города и сжечь их дотла, а пепел развеять. По нашему убеждению, то был единственно подобающий конец для всех этих языческих писаний. Мы весьма сомневаемся в том, что где-либо сохранились другие памятники, проливающие свет на былые ложные «религии» народов, ставших ныне жителями Новой Испании.

Позвольте обратить внимание Вашего Величества на то, что присутствовавшие при сожжении индейцы, хотя почти все они уже были обращены в Истинную Веру, выказывали, глядя на пылающий костер, непотребную и бесстыдную скорбь, а иные даже проливали слезы, оплакивая сию языческую мерзость, как могли бы истинные христиане оплакивать уничтожаемые язычниками списки Священного Писания. Мы считаем это свидетельством того, что сии существа еще не впитали догматов христианства настолько, насколько желали бы того мы и Святая Католическая Церковь. Так что у покорнейшего и смиреннейшего слуги Вашего Благочестивого Величества остается еще немало неотложных обязанностей епископа, относящихся к более настоятельному распространению Святой Веры.

Мы молим Ваше Величество проникнуться пониманием того, что подобные обязанности должны быть приоритетными, так что слушанию разглагольствований вышеупомянутого болтливого ацтека мы можем посвятить лишь немногие, изредка выпадающие нам свободные часы, а также просим Ваше Величество понять, что по тем же самым причинам мы

[20] Карикатура, *букв.*: преувеличение *(ит.)*.

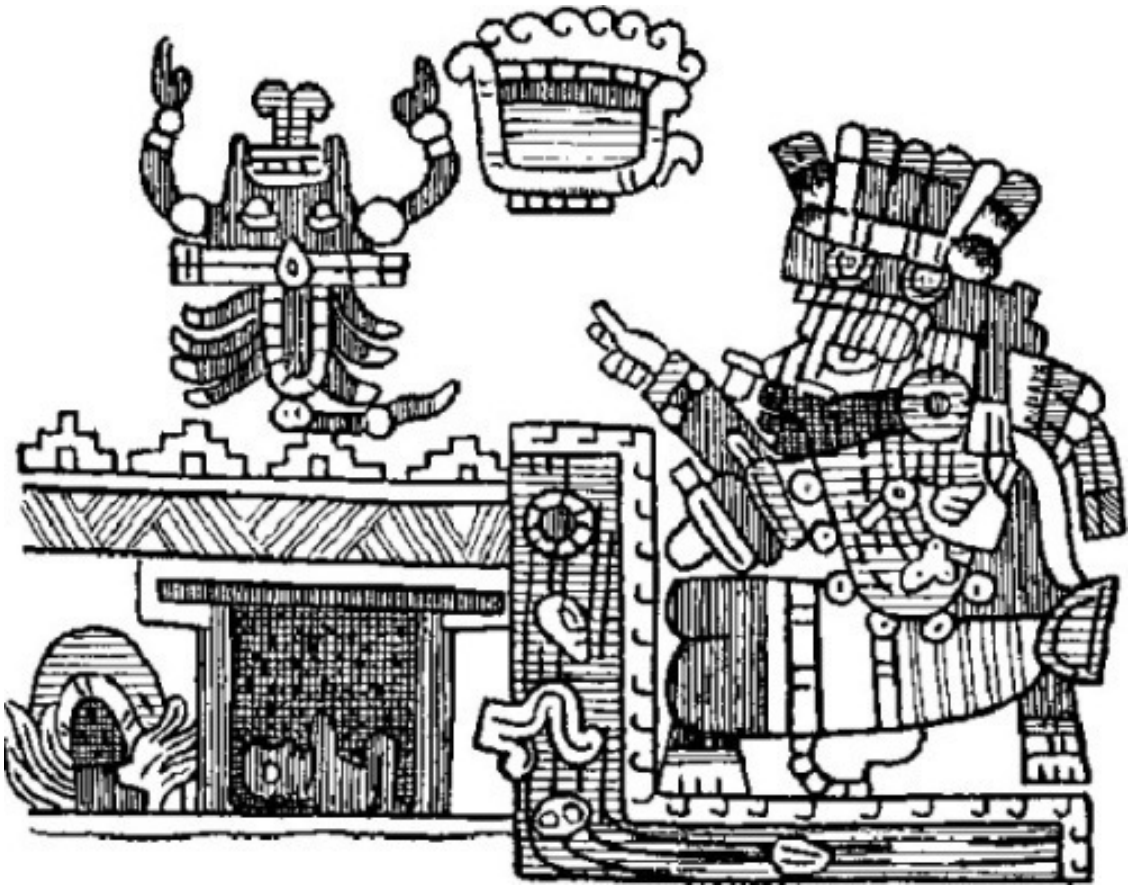
время от времени вынуждены пересылать пакеты с записанными со слов дикаря хрониками, не сопроводив их какими-либо комментариями, а порой даже и без предварительного прочтения.

Да сохранит Господь Вседержитель жизнь Вашего Священного Величества на многие предстоящие годы и да расширит Он владения Вашей империи, о чем неустанно пребывает в молениях Ваш смиренный и покорный слуга, епископ Мексики

Хуан де Сумаррага

(подписано собственноручно)

QUINTA PARS[21]



Маленький раб Коцатль приветствовал мое возвращение в Тескоко с неподдельным восторгом и облегчением, потому что, как выяснилось, Жадеитовая Куколка была чрезвычайно раздосадована моим отъездом и все свое дурное настроение выплескивала на него. Хотя у молодой госпожи имелся внушительный штат служанок, она в мое отсутствие задействовала и Коцатля, причем то взваливала на мальчика тяжелую и нудную работу, то просто заставляла его бегать рысцой, а то и без всякой причины подвергала порке.

Коцатль намекнул, что ему приходилось выполнять без меня поручения самого низкого свойства, а когда я поднажал на него как следует, поведал, что женщина по имени Сама Утонченность во время очередного визита к госпоже выпила яд и скончалась в страшных мучениях, с пеной у рта. С тех пор Жадеитовой Куколке приходилось довольствоваться любовниками, которых находили для нее Коцатль и служанки, которым, как я понял, это удавалось хуже, чем мне. Однако госпожа не стала немедленно по прибытии давать мне какие-либо поручения, не прислала ко мне раба с приветствием и вообще никак не дала понять, что знает о моем возвращении и что это ее интересует. Жадеитовая Куколка была занята в церемонии Очпанитцили, проводившейся, разумеется, не только в Мешико.

А вскоре после праздников во дворец, как и было запланировано, прибыли Тлатли с Чимальи, и госпожа занялась их обустройством. Она лично проследила за тем, чтобы мастерская художника и скульптора была обеспечена всеми необходимыми инструментами и материалами, и подробно объяснила обоим, чем им предстоит заниматься. Я намеренно не встречал своих земляков и не помогал им обустраиваться на новом месте, а когда через день или

[21] Часть пятая *(лат.)*.

два мы случайно столкнулись в дворцовом саду, отделался кратким приветствием. Они что-то смущенно и растерянно пробормотали в ответ.

Потом я встречал обоих довольно часто, поскольку их мастерская была расположена в подвале, как раз под тем крылом дворца, где находились покои Жадеитовой Куколки, но всякий раз ограничивался кивком. К тому времени Чимальи и Тлатли уже успели несколько раз побеседовать со своей покровительницей и энтузиазм их порядком поостыл. Вид у юношей был скорее испуганный; они понимали, что влипли, и с удовольствием посоветовались бы со мной, однако я упорно не шел на сближение.

В ожидании, когда госпожа наконец призовет меня к себе, я готовил один рисунок, намереваясь преподнести его Жадеитовой Куколке. Задача оказалась нелегкой, поскольку требовалось изобразить одного хорошо знакомого мне молодого человека так, чтобы он был похож на себя, но при этом сделать его настолько привлекательным, чтобы перед его красотой было невозможно устоять. Я порвал множество показавшихся мне неудачными набросков, пока не добился наконец удовлетворительного результата, но и после этого потратил еще уйму времени на доработку. Однако получившийся в результате портрет, как я надеялся, должен был пленить юную госпожу.

Так оно и вышло. – Ого, да это просто красавец! – воскликнула она, когда я вручил ей рисунок, а приглядевшись повнимательнее, пробормотала: – Родись этот парень женщиной, быть бы ему Жадеитовой Куколкой. – В устах молодой госпожи то была высшая похвала. – Как его зовут?

– Весельчак.

– Аййо, подходящее имя! Где ты его откопал? – Пактли – сын и наследник правителя моего родного острова, госпожа. Его отец, владыка Красная Цапля, наместник Шалтокана.

– И, увидев его дома на празднике, ты вспомнил обо мне и сделал зарисовку? Как это мило с твоей стороны, Выполняй. Я почти готова простить тебе долгую отлучку. А теперь отправляйся и привези его мне.

– Боюсь, госпожа, – правдиво ответил я, – что по моей просьбе он не явится. Мы с Пактли не слишком-то любим друг друга. Однако…

– Значит, ты делаешь это не ради его блага, – прервала девушка. – Интересно, с чего это ты решил побеспокоиться обо мне? – Ее бездонные глаза впились в меня с подозрением. – Правда, лично тебе я никогда не делала ничего плохого, но особой любви ко мне ты раньше все равно не испытывал. Откуда вдруг эта неожиданная забота?

– Я стараюсь предвидеть желания и повеления моей госпожи. Никак не отреагировав на последние слова, Жадеитовая Куколка дернула за веревочку и велела прибежавшей на звон колокольчика служанке немедленно привести Чимальи и Тлатли. Когда оба они, трепеща, предстали перед ее очами, госпожа показала им мой рисунок.

– Вы оба родом с Шалтокана. Вам знаком этот молодой человек? Тлатли воскликнул: – Пактли! А Чимальи сказал: – Да, госпожа, это господин Весельчак, но… Я бросил на юношу взгляд, который заставил его заткнуться; наверняка он хотел добавить, что в жизни Весельчак никогда не выглядел столь привлекательно и благородно. Ну а на то, что Жадеитовая Куколка перехватила мой взгляд, мне было наплевать.

– Все ясно, – сказала она так лукаво, как будто уличила меня. – Вы двое можете идти.

Когда мои земляки покинули комнату, юная госпожа продолжила: – Говоришь, вы друг друга недолюбливаете? Не иначе, тут замешана девушка: полагаю, этот красивый знатный юноша перешел тебе дорогу. Поэтому ты коварно устраиваешь для него свидание, зная, чем все может закончиться.

Бросив выразительный взгляд на сделанные мастером Пицкуитлем изваяния гонца Йейак-Нецтлина и садовника Ксали-Отли, я заговорщически улыбнулся и сказал:

– Мне бы хотелось думать, что я оказываю услугу всем троим: моей госпоже, моему господину Пактли и самому себе.

Жадеитовая Куколка весело рассмеялась. – Ну, значит, так тому и быть. Я не против, но тебе придется самому устроить, чтобы он прибыл сюда.

– Я взял на себя смелость приготовить письмо – на самой лучшей, выделанной оленьей коже. Там все указано, как обычно: полночь, восточные ворота. Не сомневаюсь, что, если моя госпожа поставит на этом письме свое имя и вложит в него перстень, Пактли прибудет сюда на той же лодке, которая доставит ему послание.

– Ты просто умница, Выполняй! – сказала она и отнесла письмо на низенький столик, где стояли горшочек с краской и камышинка для письма.

Поскольку в Мешико не принято давать девушкам образование, Жадеитовая Куколка, разумеется, не умела ни читать, ни писать, но, будучи особой высокого происхождения, могла по крайней мере изобразить символы своего имени.

– Сейчас пойдешь на причал и отыщешь мой акали. Отдашь послание кормчему и скажешь, чтобы отправлялся на рассвете. Я хочу, чтобы господин Весельчак был здесь уже завтра ночью.

Тлатли и Чимальи, как оказалось, поджидали меня снаружи, в коридоре, желая предостеречь.

– Ты хоть понимаешь, что затеял, Крот? – спросил Тлатли дрожащим голосом.

– Хочешь увидеть, что ждет господина Пактли? – сказал Чимальи чуть более спокойно. – Пойдем, посмотришь.

Я последовал за ними по каменной лестнице. Мастерская была прекрасно оборудована, но поскольку находилась в подвале, и днем и ночью освещалась плошками и факелами, отчего сильно смахивала на темницу. Статуй оказалось несколько, но две из них я мгновенно узнал. Статуя раба по имени Я Обрету Величие была уже вылеплена в полный рост, и Чимальи начал раскрашивать глину специально смешанными красками.

– Ну просто один к одному, – сказал я, не покривив душой. – Госпожа Жадеитовая Куколка наверняка будет довольна.

– Ну, уловить сходство не составило труда, – скромно ответил Тлатли. – Тем паче что я мог работать на основе твоего превосходного рисунка и лепить глину, имея под рукой настоящий череп.

– Но мои наброски черно-белые, – заметил я, – и даже такой мастер, как Пицкуитль, не сумел найти нужные краски. Чимальи, я восхищаюсь твоим талантом.

И вновь я говорил вполне искренне. Изваяния Пицкуитля были раскрашены традиционно: для открытых частей тела неизменно цвета меди, волосы – черные, и так далее.

У Чимальи же оттенки кожи варьировались, как это бывает у живого человека: нос и уши самую малость потемнее, чем остальное лицо, щеки чуть более розовые. Даже черные волосы переливались, приобретая каштановый оттенок.

– После обжига в печи цвета сольются и все будет выглядеть еще лучше, – сказал Чимальи. – Взгляни-ка сюда, Крот. – Он обвел меня вокруг статуи раба и показал вытисненный внизу символ сокола – знак Тлатли. А под ним красовался отпечаток кровавой ладони Чимальи.

– Да уж, тут не ошибешься, – промолвил я равнодушным тоном и перешел к следующей статуе. – А это, наверное, будет Сама Утонченность?

– Думаю, Крот, тебе лучше не называть вслух имена… э… моделей, – натянуто отозвался Тлатли.

– Это было больше, чем просто имя, – сказал я. Пока что полностью были готовы лишь голова и плечи женщины.

Они прикреплялись к шесту на той же самой высоте, что и при жизни, ибо опорой им служил собственный скелет несчастной красавицы.

– С этой особой у меня возникают затруднения, – заявил Тлатли. Он говорил равнодушно и профессионально, словно не знал, что создает изображение недавно погибшего человека. И достал мой первый набросок, сделанный на рыночной площади: – Твоего рисунка, вкупе с черепом, вполне достаточно для работы над головой. Ну а колотль, каркас, дает мне представление об основных пропорциях тела, но…

– Значит, это каркас? – поинтересовался я. – Ты это так называешь?

– Видишь ли, любая скульптура из глины или воска должна обязательно поддерживаться изнутри каркасом, подобно тому, как мякоть кактуса поддерживает древесная основа. Ну а что может быть лучшим каркасом для статуи человека, чем его собственный скелет?

– Да уж, – только и смог сказать я. – А если не секрет, откуда ты их берешь, эти скелеты?

– Их присылает нам госпожа Жадеитовая Куколка, – ответил Чимальи. – Со своей личной кухни.

– Откуда? Чимальи отвел взгляд. – Не спрашивай меня, как госпожа убедила делать это своих поваров и кухонных рабов. Но они снимают кожу, извлекают внутренности и срезают плоть с… с модели… не расчленяя ее. Потом они вываривают оставшееся в больших чанах с известковой водой. Чтобы скелет не рассыпался, варку прекращают еще до того, как растворятся связки. Поэтому на костях все равно остаются ошметки мяса, которые нам приходится соскребать. Но зато мы получаем целый скелет. Бывает, конечно, что повредят ребро или фалангу пальца, но это ерунда. Вот только…

– Вот только, к сожалению, – подхватил Тлатли, – даже полностью сохранившийся скелет не дает мне полного представления об особенностях строения тела – всех его изгибах, выпуклостях и впадинах. Насчет мужской фигуры строить догадки проще, но женская – это совсем другое дело. Нужно знать, как выглядели при жизни ее грудь, бедра и ягодицы.

– Они были великолепны, – пробормотал я, вспомнив Саму Утонченность. – Пойдем в мои покои, у меня там есть другой рисунок. Такой, который даст тебе полное представление о модели.

Я велел Коцатлю приготовить для гостей шоколад. Тлатли и Чимальи обошли все три комнаты, громко восхищаясь роскошным убранством, в то время как я подбирал для них рисунки с изображением Самой Утонченности.

– А, совершенно обнаженная! – обрадовался Тлатли. – Идеально подходит для моих целей.

Сказано это было так, словно речь шла об образце хорошей глины. Чимальи тоже посмотрел на изображение погибшей женщины и заметил:

– Честно скажу, Крот, тебе здорово удаются детали. Если бы ты не ограничивался рисунками, а научился работать с красками, светом и тенью, из тебя мог бы получиться настоящий художник. И ты мог бы дарить миру красоту.

Я грубовато рассмеялся: – Вроде статуй, каркасами которых служат вываренные скелеты? Тлатли, пивший шоколад, принялся оправдываться: – Мы же не убивали этих людей, Крот. И мы не знаем, зачем молодой госпоже понадобились статуи. По-твоему, было бы лучше, есл и бы погибших просто похоронили или сожгли, обратив в пепел? Мы, по крайней мере, увековечиваем их образы. И прилагаем все старания к тому, чтобы эти образы стали настоящими произведениями искусства.

– Ничего себе искусство! Нет уж, лучше быть писцом. Я, по крайней мере, просто описываю мир и делаю это честно, ничего не приукрашивая.

Тлатли взял в руки изображение Самой Утонченности. – А по-моему, ты неплохо отображаешь прекрасное. – Отныне я не буду рисовать ничего, кроме словесных символов.

Мой последний портрет уже написан.

– Портрет господина Весельчака, – догадался Чимальи. Он огляделся по сторонам и, убедившись, что мой раб не может нас слышать, добавил: – Ты ведь понимаешь, что подвергаешь Пактли риску угодить в кухонный чан?

– Очень на это надеюсь, – признался я. – Ибо не собираюсь оставлять смерть своей сестры безнаказанной. Это, – я бросил в лицо Чимальи его собственные слова, – было бы слабостью, пятнающей наши чувства.

Оба смутились и некоторое время молчали, опустив головы. Потом Тлатли заговорил:

– Крот, но ты подвергаешь всех нас опасности разоблачения. – Ну, мне такая опасность угрожает уже давно. А что касается вас…

Я мог бы предостеречь старых друзей, но разве вы поверили бы моему рассказу? Пактли не первый!

– Но до него были всего лишь рабы и простые горожане, – возразил Чимальи. – Возможно, их никогда и не хватятся. А господин Весельчак – человек знатный, наследник правителя Шалтокана.

Я покачал головой. – Говорят, муж той женщины, изображенной на рисунке, совсем помешался, пытаясь узнать, что случилось с его любимой женой. Рассудок никогда к нему не вернется. И даже рабы не исчезают просто так, ни с того ни с сего. Чтимый Глашатай уже поручил своим стражникам расследовать таинственное исчезновение нескольких человек. Так что разоблачение неминуемо, это лишь вопрос времени. И не исключено, что все произойдет уже следующей ночью, если Пактли не станет мешкать…

На лбу Тлатли выступил пот. – Крот, имей в виду, мы не допустим, чтобы ты…

– Вы не можете остановить меня. А если попробуете сбежать, предупредить Пактли или остеречь Жадеитовую Куколку, я немедленно об этом узнаю и прямиком отправлюсь к юй-тлатоани.

– Он не пощадит тебя, – сказал Чимальи. – Ты поплатишься жизнью вместе со всеми. Зачем ты хочешь погубить меня и Тлатли, Крот? Зачем ты губишь себя?

– В гибели моей сестры виноват не только Пактли, – заявил я. – К этому причастны также и мы трое. Я готов, если таков мой тонали, искупить вину ценой собственной жизни, а у вас остаются кое-какие возможности спастись.

– Не говори ерунду! – Чимальи всплеснул руками. – Какие уж тут могут быть возможности?

– Ну, мало ли какие. Я думаю, что госпожа Жадеитовая Куколка достаточно умна, чтобы не убивать столь знатного юношу. Скорее всего, она позабавится с ним некоторое время, не исключено, что довольно долго. А потом отошлет Пактли домой, взяв с него слово молчать о случившемся.

– Да, – задумчиво протянул Чимальи, – может быть, она и убийца, но никак не самоубийца. – Он повернулся к Тлатли. – А пока любовники развлекаются, мы с тобой успеем закончить уже заказанные нам статуи и, сославшись на неотложное дело в другом месте…

Тлатли залпом допил остатки шоколада. – Точно! Будем работать днем и ночью. Мы должны побыстрее закончить свою работу, чтобы успеть попросить у госпожи разрешения отлучиться, прежде чем ей надоест сын нашего правителя.

Порешив на этом, они бегом бросились в мастерскую. Меня нельзя упрекнуть во лжи, я лишь утаил от них одну деталь своих приготовлений. Я действительно думал, что Жадеитовая Куколка вряд ли решится убить сына правителя, и именно по этой причине внес в письменное приглашение одно небольшое изменение. Пактли должен был заплатить за смерть Тцитцитлини.

Думаю, боги заранее знают обо всех наших замыслах, и они наверняка злорадствуют, потешаясь над простыми смертными: путая планы людей, как сети птицеловов, или воздвигая

на пути к их осуществлению самые неожиданные препятствия. Вмешательство богов очень редко идет нам во благо. Но я уверен, что на сей раз, проведав о моем замысле, они сказали: «До чего же ловко придумал Темная Туча! Вот что, давайте-ка ему поможем! Сделаем его коварный план еще лучше!»

На следующую ночь я стоял у себя в комнате, крепко прижав ухо к двери, и слышал, как Питца привела гостя и как они вошли в покои юной госпожи. Я слегка приоткрыл дверь, чтобы лучше слышать, и уже приготовился к тому, что Жадеитовая Куколка, увидев, что живой Пактли отличается от портрета не в лучшую сторону, выкрикнет в мой адрес пару бранных словечек. Однако вместо этого госпожа вдруг издала пронзительный, просто душераздирающий вопль, вслед за которым раздался истерический призыв:

– Выполняй! Ко мне! Немедленно сюда! Выполняй! Я никак не ожидал, что разочарование окажется настолько сильным, что Жадеитовая Куколка впадет в истерику, даже если ей совершенно не понравился господин Весельчак. Открыв дверь и выглянув в коридор, я увидел там двоих стражников с копьями, которые привычно отсалютовали мне оружием, никак не препятствуя моему проникновению в комнаты Жадеитовой Куколки.

Я нашел юную госпожу в передней, сразу за дверью. Лицо ее, искаженное яростью, было бледным от потрясения, но тут же, на моих глазах, побагровело от нескрываемой злобы.

– Что это за представление ты тут устроил, собачий сын? – закричала красавица, срываясь на визг. – Да как ты только посмел сделать меня предметом своих гнусных шуток?

Она продолжала выкрикивать что-то в этом роде, тогда как я, мало что понимая, повернулся к Питце и человеку, которого та привела. А увидев, в чем дело, невзирая на гнев госпожи, не смог удержаться от неуместно громкого смеха. Я совсем забыл о том, что снадобье, которое Жадеитовая Куколка закапывает в глаза, делает красавицу близорукой. Должно быть, она, с нетерпением поджидавшая гостя, услышав шаги, выбежала из спальни и бросилась ему на шею и лишь потом смогла разглядеть, кого именно заключила в свои пылкие объятия. Теперь понятно, почему госпожа издала такой пронзительный вопль. Я, признаться, и сам был потрясен не меньше, только в отличие от Жадеитовой Куколки не завизжал, а оглушительно захохотал. Ибо вместо господина Весельчака узрел своего старого знакомого – сморщенного старикашку с кожей цвета бобов какао.

Я специально составил письмо к Пактли таким образом, чтобы тот попался, однако не имел ни малейшего представления, каким образом вместо него здесь оказался этот старый бродяга. Но к расспросам обстановка как-то не располагала, да к тому же мне никак не удавалось совладать со смехом.

– Предатель! Негодяй! Мерзавец! – вопила Жадеитовая Куколка, перекрикивая мой громогласный хохот, в то время как Питца пыталась спрятаться в занавесках, а коричневый старикашка размахивал пергаментом с моим письмом, вопрошая:

– Госпожа, разве это не твоя собственноручная подпись? Она наконец перевела дух и огрызнулась: – Моя, ну и что? Неужто ты и вправду вообразил, будто мое приглашение может предназначаться жалкому нищему оборванцу! Заткни немедленно свой беззубый рот!

После чего снова набросилась на меня:

– А ты, судя по тому, как тебя корежит от хохота, видимо, считаешь, что здорово пошутил? Сознавайся, и отделаешься колотушками. Но если ты сейчас же не прекратишь смеяться, я…

– Видишь ли, моя госпожа, – не унимался старик, – поскольку я узнал в этом письме руку и стиль моего старого знакомца, присутствующего здесь Крота…

– Заткнись, кому сказано! Когда цветочная гирлянда обовьется вокруг твоей шеи, ты еще пожалеешь о каждом вздохе, потраченном впустую. А его зовут теперь не Кротом, а Выполняем!

– Да неужели? А я и не знал. Ну что ж, имя подходящее! С этими словами старик прищурился и посмотрел на меня. Глаза его блеснули, причем не слишком дружелюбно.

Смех мой моментально прошел. – Но в письме, моя госпожа, ясно говорится, чтобы я прибыл сюда в этот час, с перстнем на пальце и…

– На каком еще пальце? – опрометчиво взвизгнула красавица. – А еще притворяешься, старый урод, будто умеешь читать! Перстень следовало спрятать, чтобы потом предъявить как пропуск, а ты, наверное, тащился с ним у всех на виду, по всему Тескоко… Ййа, аййа! – Она заскрежетала зубами и снова переключилась на меня: – Ты хоть понимаешь, во что могла вылиться твоя шутка, дубина этакая? Ййа, оййа, не надейся, что умрешь легкой смертью!

– Как это могло быть шуткой, моя госпожа? – спросил старик. – Судя по этому приглашению, ты наверняка кого-то поджидала. И ты с такой радостью выбежала мне навстречу…

– Тебе? С радостью? – взвизгнула девушка и развела руками, как будто физически отбрасывая всякую осторожность. – Да с таким старым уродом не легла бы в постель даже последняя портовая шлюха! – Она снова напустилась на меня: – Выполняй! Зачем тебе понадобилась эта дурацкая выходка? Отвечай немедленно!

Я наконец успокоился и мог говорить. – Моя госпожа, – промолвил я, стараясь произносить суровые слова по возможности мягко. – Я часто думал о том, что Чтимый Глашатай поступил неосмотрительно, когда, приказав мне служить его супруге Жадеитовой Куколке, велел беспрекословно ей повиноваться, не задавать вопросов и не заниматься доносительством. Однако я человек подневольный. Как ты справедливо заметила, моя госпожа, я не мог разоблачить супругу правителя, не ослушавшись при этом его самого. В конце концов мне пришлось прибегнуть к хитрости: сделать так, чтобы ты себя выдала.

Жадеитовая Куколка отпрянула от меня, беззвучно ловя ртом воздух; ее багровое лицо снова стало бледнеть. Выдавить слова ей удалось не сразу:

– Ты… обхитрил меня? Это… это не шутка?

– Если кто здесь и пошутил, так это я, – подал голос старик. – Я как раз находился на берегу озера, когда некий разодетый, расфуфыренный и надушенный знатный молодой господин сошел с борта твоего личного акали и направился сюда, причем на мизинце его руки в открытую красовался твой перстень, который легко узнать. Такое поведение показалось мне вопиюще нескромным, если не преступным. Я вызвал стражников, чтобы изъять у незнакомца перстень, а при досмотре у него было обнаружено еще и письмо. Я забрал эти вещицы себе и явился сюда вместо твоего любовника.

– Ты… ты… по какому праву… как ты посмел?.. – визжала Жадеитовая Куколка, от ярости брызжа слюной. – Выполняй! Этот человек вор! Он сам сознался! Убей его! Я приказываю тебе убить этого человека, прямо здесь и сейчас, на моих глазах!

– Нет, госпожа, – сказал я по-прежнему мягко, ибо почти начинал испытывать к ней жалость. – На сей раз я тебе не подчинюсь. По той простой причине, что твое истинное лицо наконец-то раскрыто при постороннем. Хватит мной командовать. Теперь, надеюсь, ты больше никого не убьешь.

Красавица быстро развернулась и распахнула дверь в коридор. Может быть, она просто хотела убежать, но когда стоявший снаружи часовой вдруг преградил ей путь, резко приказала:

– Стражник, слушай внимательно! Вот этот нищий голодранец – вор: он нагло украл у меня перстень. А этот бессовестный простолюдин – изменник: он посмел ослушаться моего приказа. Ты должен взять их обоих и…

– Прошу прощения, госпожа, – пророкотал стражник. – Я уже получил приказ от юй-тлатоани. Совсем другой приказ, моя госпожа.

Жадеитовая Куколка от удивления потеряла дар речи. – Стражник, одолжи мне на минутку копье, – попросил я. Тот поколебался, но просьбу мою выполнил. Я подошел к ближайшему алькову, в котором стояла статуя молодого садовника, и что было сил вонзил острие

копья ему под подбородок. Раскрашенная голова отвалилась, ударилась о пол и покатилась. При этом обожженная глина разбилась и осыпалась, так что, когда голова статуи, подпрыгивая, ударилась о дальнюю стену, перед нами был лишь голый, поблескивавший череп молодого мужчины. Загадочный нищий наблюдал за этим совершенно бесстрастно, а вот огромные черные зрачки Жадеитовой Куколки, казалось, заполнили все ее лицо, превратившись в настоящие озера ужаса. Я вернул копье стражнику и спросил:

– Ну так что там тебе приказали? – Ты и твой мальчик-раб должны оставаться в твоих покоях, а госпожа со своими служанками – здесь. Вы все будете находиться под стражей до окончания обыска и вплоть до получения дальнейших указаний от Чтимого Глашатая.

– Не разделишь ли со мной заточение, почтенный старец? – спросил я загадочного старика. – Могу предложить тебе чашку шоколада.

– Нет, – сказал он, оторвав взгляд от обнаженного черепа. – Мне велено явиться с докладом к Чтимому Глашатаю. Думаю, что теперь владыка Несауальпилли отдаст приказ о более тщательном обыске, и не только здесь, но и в скульптурных мастерских.

Я произвел жест целования земли. – Тогда желаю вам доброй ночи – тебе, старик, и тебе, моя госпожа. Красавица воззрилась на меня невидящим взглядом. Когда я вернулся к себе, господин Крепкая Кость и еще несколько доверенных слуг Чтимого Глашатая уже производили там обыск и успели обнаружить рисунки, изображавшие Саму Утонченность в объятиях Жадеитовой Куколки.

Господин епископ сказал, что присутствует на сегодняшней встрече, поскольку его интересуют наши законы и особенности отправления правосудия. Но, думаю, мне вряд ли стоит описывать суд над Жадеитовой Куколкой. Подробное изложение этого процесса его высокопреосвященство найдет в дворцовых архивах Тескоко, если потрудится изучить эти книги. Более того, случай этот описан в хрониках других земель и даже в устных народных преданиях. Скандал тогда разразился такой, что наши женщины и по сей день пересказывают эту историю друг другу.

Несауальпилли пригласил на суд правителей всех соседних народов вместе со всеми их мудрецами, а также всех наместников провинций, причем предложил вельможам и вождям прибыть в сопровождении жен и придворных дам. С одной стороны, он сделал это, поскольку хотел продемонстрировать, что даже самая знатная и высокопоставленная женщина не может совершать преступления безнаказанно, однако имелась и другая причина. Обвиняемая была дочерью Ауицотля – самого могущественного владыки Сего Мира, воинственного и вспыльчивого Чтимого Глашатая Мешико. И Несауальпилли стремился к тому, чтобы сам Ауицотль и правители других народов убедились в полнейшей беспристрастности суда, он хотел таким образом защитить себя от любых возможных упреков в предвзятости. Именно по этой причине владыка Тескоко лично в процессе не участвовал, ограничившись, как и высокие гости, ролью наблюдателя. Допрашивать свидетелей и обвиняемых он доверил незаинтересованным лицам: Змею-Женщине – господину Крепкая Кость и одному из придворных мудрецов, судье по имени Тепитцак.

Зал Правосудия Тескоко был набит битком. Пожалуй, никогда еще столько самых разных правителей – в том числе и из государств, враждовавших друг с другом, – не собиралось в одном месте. Отсутствовал один только Ауицотль, не захотевший выставить себя на всеобщий позор.

Могущественный владыка не мог допустить, чтобы, когда неизбежно вскроются постыдные деяния его дочери, люди бросали на него сочувственные и насмешливые взгляды, а потому

прислал вместо себя Змея-Женщину. Зато в числе многих других вождей приехал и правитель Шалтокана, господин Красная Цапля, отец Пактли. На протяжении всего процесса он сидел опустив голову и молча сносил свое унижение. Правда, изредка он все-таки поднимал затуманенные стыдом и горем старые глаза, и тогда взгляд его падал на меня. Наверное, владыка Красная Цапля вспоминал, как давно, когда я был совсем маленьким, сказал мне, что, какое бы занятие я ни выбрал, всегда следует делать свое дело хорошо… Допрос оказался долгим, подробным и утомительным; зачастую показания свидетелей повторялись. Я постараюсь припомнить только наиболее содержательные, напрямую касавшиеся дела вопросы и ответы, дабы пересказать их вашему преосвященству.

Главными обвиняемыми были, разумеется, Жадеитовая Куколка и господин Весельчак. Пактли вызвали первым, и он, бледный и дрожащий от страха, принес клятву. Среди многих вопросов, обращенных к нему в ходе заседания, был и такой:

– Пактцин, дворцовая стража задержала тебя в том крыле здания, которое было отведено для госпожи Чалчиуненетцин, супруги правителя. Для любого лица мужского пола это равносильно преступлению, караемому смертной казнью, ибо никто ни под каким предлогом не имеет права появляться в помещениях, предназначающихся для супруги Чтимого Глашатая и ее свиты. Ты знал об этом?

Пактли громко сглотнул и едва слышно ответил: – Знал. – Чем подписал себе смертный приговор. Потом вызвали Жадеитовую Куколку, и в ответ на один из многочисленных обращенных к ней вопросов она заявила такое, что изумленные слушатели ахнули.

Судья сказал: – Ты сама признала, госпожа, что работники твоей личной кухни убивали твоих любовников и очищали их трупы от плоти, дабы получить скелеты. Мы полагаем, что даже самые низкие рабы могли пойти на это лишь по крайнему принуждению. К каким же мерам ты прибегала?

Кротким голоском маленькой девочки она ответила: – Я заранее, на долгое время, выставляла на кухне стражу, не позволявшую работникам вкушать никакой пищи, даже пробовать то, что они сами готовили. Я морила людей голодом, доводя до полного изнеможения, и в конце концов ради пищи они соглашались выполнить мой приказ. Как только они это делали, их кормили досыта, после чего ни угроз, ни принуждения, ни стражи уже больше не требовалось…

Конец фразы потонул в страшном шуме. Моего маленького раба Коцатля стало рвать, и малыша пришлось вывести из зала на некоторое время. Я прекрасно понимал, что он чувствует, и мой собственный желудок тоже слегка скрутило, ведь мы с ним получали еду с той же самой кухни.

Как главный сообщник Жадеитовой Куколки, я был вызван вслед за ней и дал суду полный отчет о своих действиях по приказу госпожи, ничего не пропустив. Когда я дошел до истории с Самой Утонченностью, меня прервал дикий рев. Стражникам пришлось схватить обезумевшего вдовца той женщины, чтобы он не накинулся на меня и не задушил, и буквально вынести его из зала. Когда я закончил свой рассказ, господин Крепкая Кость посмотрел на меня с неприкрытым презрением и сказал:

– Откровенное признание, по крайней мере. Можешь ли ты указать нам какие-либо обстоятельства, смягчающие твою вину?

– Нет, мой господин, – ответил я. Но тут неожиданно послышался другой голос, самого Несауальпилли: – Поскольку писец Темная Туча отказывается защищать себя, я прошу почтенный суд дать мне возможность высказаться в его пользу.

Судьи согласились с видимой неохотой, ибо явно и слышать не желали о моем оправдании. Но не могли же они отказать своему юй-тлатоани.

– На протяжении всей своей службы у госпожи Жадеитовой Куколки, – промолвил правитель, – этот молодой человек действовал в точном соответствии с моим личным приказом:

повиноваться госпоже, не задавая вопросов и не выполняя при ней роль соглядатая. Должен признать, что хоть я, конечно, и не подразумевал под этим бездумного выполнения преступных повелений, но из моих слов это никак не вытекало. Прошу также учесть, что, как ясно показало расследование, Темная Туча по собственной воле нашел единственный способ, не ослушавшись моего повеления, раскрыть правду о прелюбодеяниях и убийствах, совершенных его коварной госпожой. Не сделай он этого, почтеннейшие судьи, нам, возможно, пришлось бы впоследствии судить ее за убийство еще большего количества жертв.

– Слова нашего владыки Несауальпилли будут приняты во внимание, – проворчал судья Тепитцак и снова вперил в меня суровый взгляд. – Позвольте задать еще один вопрос подсудимому. – И он обратился ко мне: – Возлежал ли ты, Тлилектик-Микстли, с госпожой Жадеитовой Куколкой?

– Нет, мой господин, – ответил я. И тогда, видимо рассчитывая поймать меня на откровенной лжи, судьи вызвали Коцатля и спросили его, вступал ли его хозяин, то есть я, в плотские отношения с супругой правителя.

– Нет, мои господа, – пискнул мальчонка. – Но у него были для этого все возможности, – упорствовал Тепитцак.

– Нет, мои господа, – упрямо повторил Коцатль. – Всякий раз, когда мой хозяин находился в обществе госпожи, сколько бы это ни продолжалось, я присутствовал там же. Ни мой хозяин, ни какой-либо другой мужчина, принадлежавший ко двору, никогда не делили ложе с госпожой, за исключением одного случая. Это случилось, когда мой хозяин отбыл на праздники домой и госпожа в одну из ночей не смогла отыскать себе любовника вне дворца.

Судьи подались вперед. – Какой-то мужчина из дворца? Кто же это был? – Я, мои господа, – ответил Коцатль. Судьи отшатнулись. – Ты? – сказал Крепкая Кость. – Сколько же тебе лет, раб? – Мне только что исполнилось одиннадцать, мой господин. – Говори погромче, мальчик. Ты хочешь сказать нам, что обслужил обвиняемую в прелюбодействе супругу правителя, как подобает мужчине? Ты совокуплялся с ней? Неужели твой тепули способен?..

– Мой тепули? – пропищал Коцатль, поразив всех тем, что так дерзко прервал судью. – При чем тут тепули, он годен лишь на то, чтобы мочиться! Я обслужил мою госпожу так, как она мне велела, – при помощи рта. Уж я-то никогда бы не позволил себе коснуться знатной женщины чем-то таким гадким, как тепули…

Если мальчик и сказал что-то еще, это потонуло в хохоте присутствующих. Даже обоим судьям пришлось приложить усилия, чтобы сохранить бесстрастные лица. Впрочем, то был единственный веселый момент за весь тот мрачный день.

Тлатли вызвали одним из последних. Я забыл упомянуть, что в ту ночь, когда стража Несауальпилли нагрянула в мастерскую с обыском, Чимальи отсутствовал в связи с каким-то поручением. Чтимый Глашатай и его люди, похоже, не знали про второго мастера, а никто из обвиняемых про Чимальи не упомянул, так что Тлатли сумел представить дело таким образом, будто он работал без напарника.

– Чикуаке-Кали Икстак-Тлатли, – спросил господин Крепкая Кость, – ты признаешь, что некоторые из статуй, представленных здесь как свидетельства преступления, были изготовлены тобой?

– Да, мои господа, – твердо ответил обвиняемый. – Отрицать бесполезно. Вы видите на них мое личное клеймо: выгравированный знак головы сокола, а под ним – отпечаток окровавленной ладони.

Тлатли встретился со мной взглядом, и глаза его молили не упоминать о Чимальи. Я промолчал.

В конце концов судьи удалились в особую комнату, чтобы посовещаться, а зрители с радостью покинули хоть и просторный, но душный зал, чтобы глотнуть свежего воздуха или

покурить в саду покуитль. Мы, обвиняемые, остались в зале под стражей, и все это время старались не смотреть друг на друга.

Закончив совещаться, судьи вернулись в зал, и, когда он снова наполнился людьми, господин Крепкая Кость выступил с традиционным заявлением:

– Мы, вопрошавшие злоумышленников, держали совет друг с другом, основываясь исключительно на представленных здесь уликах и прозвучавших показаниях, и пришли к общему решению по доброй воле и свободному убеждению, не действуя предвзято или по чьему-либо усмотрению, не питая к кому-либо из подсудимых ни добрых, ни дурных чувств личного характера и прибегая к помощи одной лишь Тонантцин, благородной богини закона, милосердия и правосудия. – Он извлек лист тончайшей бумаги и, сверяясь с ним, провозгласил: – Мы считаем, что обвиняемый писец Чикоме-Ксочитль Тлилектик-Микстли должен быть освобожден в силу того, что его действия, хотя и заслуживающие порицания, не являлись злонамеренными; кроме того, он частично искупил их, призвав к ответу преступников. Однако… – Крепкая Кость бросил взгляд на Чтимого Глашатая, потом весьма сердито взглянул на меня. – Мы рекомендуем изгнать освобожденного из-под стражи писца за пределы нашей страны как чужака, нарушившего законы гостеприимства.

Что ж, не скажу, что меня такой приговор обрадовал; с другой стороны, я понимал, что еще дешево отделался. Змей-Женщина между тем вновь сверился со своей бумагой и продолжил:

– Перечисленных ниже людей мы считаем виновными во всех вменяемых им гнусных, вероломных и богопротивных злодеяниях…

Далее были оглашены имена Жадеитовой Куколки, господина Весельчака, скульпторов Пицкуитля и Тлатли, моего раба Коцатля, стражников, дежуривших по очереди у восточных ворот дворца, служанки Питцы, многочисленных челядинцев юной госпожи, а также всех работников ее кухни.

Завершив монотонное перечисление имен, судья заключил: – Признавая этих людей виновными, мы оставляем вынесение приговора и установление каждому из них меры наказания на волю Чтимого Глашатая.

Несауальпилли медленно встал, помолчал, напряженно раздумывая, а потом сказал:

– Как рекомендуют почтенные судьи, писец Темная Туча будет изгнан из Тескоко с запретом впредь появляться где-либо в землях аколхуа. Осужденного раба Коцатля я милую, принимая во внимание его младые лета, но он точно так же будет выслан из наших владений. Знатные особы, Пактцин и Чалчиуненетцин будут казнены отдельно. Остальные подлежат умерщвлению с помощью икпаккссочитль без права предварительного обращения к Тласольтеотль. Их трупы будут преданы огню на общем погребальном костре, вместе с останками их жертв.

Я очень порадовался тому, что пощадили маленького Коцатля, хотя остальных рабов и простолюдинов мне тоже было жалко. Икпаккссо-читль представлял собой обвитую цветочной гирляндой веревку, которой их должны были удушить. Но хуже всего, что Несауальпилли не разрешил им обратиться к Пожирательнице Скверны, а это значило, что все их грехи пребудут с ними и в том загробном мире, куда они попадут. Более того, их сожгут вместе с их жертвами, чем обрекут на вечные, неизбывные муки.

Нас с Коцатлем отправили под стражей в мои покои, и возле самой двери один из охранников проворчал:

– Это еще что такое? Возле притолоки, на уровне моих глаз, красовался кровавый отпечаток ладони – молчаливое напоминание о том, что я не единственный из участников этой истории, кто остался в живых, и одновременно предупреждение: наверняка Чимальи собирается мне отомстить.

– Чья-то дурацкая выходка, – сказал я, пожав плечами. – Я велю моему рабу смыть это.

Коцатль вынес в коридор губку и кувшин с водой и принялся за дело, тогда как я, притаившись за дверью, ждал. И вскоре услышал, как Жадеитовую Куколку тоже ведут в заточение. Конечно, я не мог расслышать ее легкую поступь, заглушаемую тяжелыми шагами стражников, но когда мальчик вернулся с кувшином покрасневшей воды, он сказал:

– Госпожа вернулась вся в слезах. А вместе с ее стражниками пришел и жрец богини Тласольтеотль.

– Если госпожа уже кается в своих грехах, значит, времени у нее осталось очень мало, – заметил я. На самом деле времени у нее совсем не осталось. Вскоре я услышал, как соседняя дверь открылась снова: Жадеитовую Куколку повели на последнюю встречу в ее недолгой жизни.

– Хозяин, – смущенно промолвил Коцатль, – выходит, мы с тобой теперь изгнанники? Оба?

– Да, – вздохнул я. – Когда нас прогонят… – Он заломил огрубевшие от работы маленькие руки. – Ты возьмешь меня с собой? Как своего раба и слугу?

– Да, – сказал я, поразмыслив. – Ты служил мне верно, и я тебя не брошу. Но, по правде говоря, Коцатль, у меня нет ни малейшего представления о том, куда мы направимся.

Поскольку нас с мальчиком держали в заключении, мы не видели ни одной из казней. Но позднее я узнал подробности кары, постигшей господина Весельчака и Жадеитовую Куколку, каковые детали могут представлять интерес для вашего преосвященства.

Жрец Тласольтеотль не предоставил преступнице возможности полностью очистить свою душу перед богиней, а, сделав вид, будто по доброте своей хочет ее успокоить, подмешал грешнице в чашку шоколада вытяжку из растения толоатцин, сильнодействующего снотворного. Скорее всего, сон сморил Жадеитовую Куколку, прежде чем она успела перечислить грехи, совершенные ею до десятого года жизни, так что она отправилась на смерть, отягощенная бременем великой вины. Спящую, ее перенесли к дворцовому лабиринту, о котором я уже рассказывал, и сняли с нее всю одежду, после чего старый садовник, единственный, кто знал тайные тропы, оттащил Жадеитовую Куколку в центр лабиринта. Туда, где уже лежал труп Пактли.

Господина Весельчака еще раньше доставили к осужденным работникам кухни и приказали им умертвить его перед собственной казнью. Не знаю, проявили ли они милосердие, даровав ему быструю смерть, но очень сомневаюсь, поскольку никаких причин испытывать к Пактли добрые чувства у них не было. Так или иначе, но со всего его трупа, за исключением головы и гениталий, содрали кожу, выпотрошили внутренности, срезали мясо до костей, в результате чего получился не слишком чистый, со свисавшими клочьями мяса скелет. Затем покойнику вставили в тепули что-то такое (наверное, прутик или тростинку), что поддерживало член торчащим, и, пока Жадеитовая Куколка исповедовалась жрецу, затащили этот мерзкий труп в лабиринт. Проснувшись посреди ночи в центре лабиринта, юная госпожа обнаружила, что она совершенно голая и в ее тепили, как в более счастливые времена, введен затвердевший мужской член. Но ее расширенные зрачки, должно быть, быстро приноровились к бледному свету луны, и тогда красавица увидела, что ее последним любовником стал жуткий мертвец.

О том, что происходило потом, можно только догадываться. Наверняка Жадеитовая Куколка в ужасе отпрянула от него и с пронзительными криками помчалась прочь. Должно быть, она металась по тропинкам, которые снова и снова выводили ее обратно – к костям и торчащему тепули мертвого господина Весельчака. И, возвращаясь в очередной раз, она находила его в компании все большего и большего количества муравьев, мух и жуков. Наконец он оказался настолько покрытым кишащими пожирателями падали, что Жадеитовой Куколке показалось, будто труп изгибается в попытке подняться и преследовать ее. Сколько раз она

убегала, сколько раз бросалась на непроницаемую колючую изгородь и сколько раз снова натыкалась на отвратительный труп, никто уже не узнает.

Когда поутру садовник вынес Жадеитовую Куколку наружу, от ее красоты уже ничего не осталось. Лицо и тело кровоточили, изодранные колючками ногти на руках были сорваны. Видимо, девушка в отчаянии рвала на себе волосы, ибо кое-где оказались вырванными целые пряди. Действие расширяющего зрачки снадобья сошло на нет, и они сделались почти невидимыми точками в ее выпученных глазах. Рот был широко раскрыт в беззвучном вопле. Жадеитовая Куколка всегда гордилась своей красотой, и, наверное, знай она, что однажды предстанет перед людьми в таком виде, это стало бы для нее страшным унижением и оскорблением. Но теперь ей уже было все равно: глухой ночью, где-то в глубине лабиринта, сердце девушки перестало биться, разорвавшись от ужаса.

Когда все закончилось, нас с Коцатлем освободили из-под стражи, заявив, что теперь мы не имеем права не только посещать занятия, но и разговаривать с кем-либо из знакомых. Моя карьера писца Совета тоже закончена. Короче говоря, мы должны были вести себя тише воды ниже травы и ждать, пока Чтимый Глашатай не определит точную дату и условия нашего изгнания. Поэтому несколько дней я только и делал, что блуждал в одиночестве по берегу озера, отшвыривая ногой гальку и сетуя на злую судьбу, из-за которой все мои честолюбивые мечты, которые я связывал с Тескоко, обратились в ничто. Как-то раз, погруженный в грустные раздумья, я задержался на берегу до сумерек, а когда спохватился и поспешил назад, то на полпути к дворцу наткнулся на сидевшего на валуне человека. Уж не знаю, откуда тот взялся, но выглядел он почти так же, как и во время двух предыдущих наших встреч: усталый, бледный, на лице дорожная пыль.

Когда мы обменялись вежливыми приветствиями, я сказал: – И снова ты появился в сумерках, мой господин. Прибыл издалека? – Да, – хмуро отозвался он. – Из Теночтитлана, а там, между прочим, готовится война.

– Ты говоришь так, как будто это будет война против Тескоко. – Вслух этого, конечно, никто не скажет, но на деле так оно и будет.

Чтимый Глашатай Ауицотль наконец завершил строительство своей Великой Пирамиды, и, для того чтобы церемония ее освящения не знала равных в истории, ему нужны бесчисленные пленники. Поэтому он и собирается объявить очередную войну, которая обернется против Тескоко.

Меня удивил ход рассуждений собеседника. – Что-то ты путаешь, мой господин, – сказал я. – Просто войска Союза Трех, в том числе и Тескоко, выступят в совместный поход, как всегда бывает в подобных случаях. Почему ты решил, что это будет война против Тескоко? Скорее всего, союзники нападут на Тлашкалу.

– Ауицотль, – пояснил запыленный странник, – утверждает, что поскольку почти все силы мешикатль и текпанеков сейчас находятся на западе, в Мичоакане, то им нет никакого смысла выступать в поход на восток, против Тлашкалы. Но это лишь предлог. На самом деле Ауицотль взбешен из-за суда и казни его дочери.

– Но он не может отрицать, что она заслужила это. – Совершенно верно, но от этого он еще пуще злится и жаждет мести. Поэтому Ауицотль издал приказ, чтобы и Теночтитлан, и Тлакопан оба выделили лишь по символическому отряду, а основную часть войска в этой войне придется выставить Тескоко. – Запыленный скиталец покачал головой. – Так что из каждой сотни воинов, которым предстоит сражаться и умереть ради захвата пленников, необходимых для жертвоприношения у Великой Пирамиды, примерно девяносто девять будут аколхуа. Так Ауицотль намеревается отомстить за смерть Жадеитовой Куколки.

– Но ведь каждому понятно, что подобный расклад несправедлив, – возразил я. – Разве Несауальпилли не может отказаться?

– Может, конечно, – устало промолвил путник, – но от этого ему будет только хуже. Его отказ обернется еще более тяжкими последствиями, вплоть до распада Союза Трех и даже открытой войны против Тескоко. Кроме того, – печально добавил странник, – Несауальпилли, скорее всего, считает себя обязанным дать отцу казненной преступницы какое-то возмещение.

– Что? – возмущенно воскликнул я. – После всего, что она сделала? – Боюсь, он все равно чувствует свою ответственность за случившееся. Может быть, за то, что не уделял молодой жене внимания.

Странник устремил на меня взгляд, и мне вдруг стало не по себе. – Для этой войны Несауальпилли потребуется каждый, кто способен держать оружие. Уверен, он будет рад любому добровольцу, и если кто-то считает себя перед ним в долгу, то для такого человека нет способа лучше, чем пойти к владыке Тескоко на службу.

Я сглотнул и ответил: – Мой господин, но от некоторых на войне нет никакого проку. – Тогда они могут просто умереть на ней, – был ответ. – Ради славы, ради покаяния, ради уплаты долга, ради счастливой вечной жизни в загробном обиталище воинов. Всегда найдется ради чего. Помню, ты в прошлый раз говорил, что очень благодарен Несауальпилли и мечтаешь что-нибудь для него сделать.

Последовало долгое молчание. Потом, словно решив сменить тему, загадочный странник уже обыденным тоном сказал:

– Ходят слухи, что в скором времени ты собираешься покинуть Тескоко. Скажи, ты уже решил, куда отправишься?

Я надолго задумался и, лишь когда на землю пала тьма, а над озером раздались стенания ночного ветра, ответил:

– Да, мой господин, решил. Я пойду на войну.

Это было зрелище, на которое стоило посмотреть: на пустынной равнине к востоку от Тескоко выстраивалась могучая армия. Равнина ощетинилась копьями, расцветилась яркими пятнами знамен, засверкала бликами, отражавшимися от обсидиановых наконечников и клинков. Всего там собралось около четырех, а то и пяти тысяч человек, но, как и предсказывал запыленный скиталец, Чтимый Глашатай Мешико Ауицотль и Чималпопока, вождь текпанеков, прислали лишь горстку воинов, да и то в основном пожилых ветеранов или, наоборот, неопытных новобранцев.

Как военачальник Несауальпилли организовал все наилучшим образом. Огромные знамена из перьев указывали местонахождение основных сил – многочисленных отрядов аколхуа и нескольких небольших подразделений из Теночтитлана и Тлакопана. Многоцветные полотнища флагов из тканей обозначали отдельные подразделения, находившиеся под командованием благородных воинов. Маленькими остроконечными вымпелами или флажками отмечались мелкие группы во главе с младшими командирами. Под особыми стягами собирались вспомогательные формирования: носильщики, необходимые для транспортировки припасов, снаряжения и запасного оружия; лекари, костоправы; жрецы различных богов, барабанщики с трубачами, а также предназначенные для очистки поля битвы «пеленающие» и «поглощающие».

Хотя я убеждал себя в том, что иду сражаться ради Несауальпилли, и хотя мне было стыдно за поведение Ауицотля, но я ведь, что ни говори, родом был все-таки из Мешико. Поэтому, решив записаться добровольцем, я явился к начальнику моих соотечественников – единственному старшему командиру из числа мешикатль, благородному воителю-Стреле по имени Ксокок. Он смерил меня оценивающим взглядом и неохотно сказал:

– Что ж, хоть ты и неопытен, но по крайней мере не выглядишь таким заморышем, как почти все в этой команде, кроме меня. Ступай доложись куачику Икстли-Куани.

Старина Икстли-Куани! Я настолько обрадовался, услышав это имя, что чуть было не бросился со всех ног к остроконечному флажку, где и стоял мой учитель, поносивший последними словами нескольких весьма несчастного вида новобранцев. На челе его красовался головной убор из перьев, сквозь носовую перегородку было продето костяное украшение, в руке куачик держал щит со знаками его имени и воинского ранга. Я опустился на колени и поскреб землю в торопливом жесте целования, после чего обнял его, словно давно потерянного, а теперь нашедшегося родича, и воскликнул:

– Господин Пожиратель Крови! Как я рад видеть тебя снова! Остальные воины захихикали. Немолодой куачик побагровел и грубо оттолкнул меня в сторону, брызгая слюной:

– А ну-ка отвали! Клянусь каменными яйцами Уицилопочтли, с тех пор, когда я в последний раз выходил на поле боя, армия сильно изменилась. Сперва дряхлые старые ворчуны и прыщавые юнцы, а теперь это! Что они теперь, специально набирают куилонтин? Собираются зацеловать врагов до смерти?

– Это я, господин! – крикнул я. – Твой ученик! Командир Ксокок отправил меня в твой отряд. – Мне потребовалось время, чтобы сообразить: Пожиратель Крови наверняка обучил на своем веку сотни мальчишек и он никак не может мгновенно, даже не порывшись в памяти, вспомнить и узнать одного из них.

– А, Связанный Туманом? – воскликнул он наконец, но далеко не с той радостью, какую выказал я. – Говоришь, направлен ко мне? Выходит, ты вылечил глаза, да? Теперь, надеюсь, видишь дальше своего носа?

– К сожалению, нет, – вынужден был признаться я. Пожиратель Крови яростно раздавил ногой муравья. – Мое первое настоящее дело после десяти лет простоя, и такое невезение, – проворчал он. – Пожалуй, даже куилонтин был бы предпочтительнее. Ну да ладно, Связанный Туманом, становись вместе с прочим моим отребьем.

– Да, господин куачик, – отозвался я по-военному четко. Но тут кто-то потянул меня за накидку, и я вспомнил про стоявшего все это время позади мальчика. – А что ты прикажешь делать юному Коцатлю?

– Кому? – Старый служака недоумевающе огляделся, а когда, случайно посмотрев вниз, заметил мальчишку, просто взревел от возмущения: – Этому сопляку?

– Он мой раб, – пояснил я. – Мой личный слуга. – Молчать в строю! – рявкнул Пожиратель Крови на солдат, которые начали хихикать. Затем он описал круг, чтобы остыть, после чего подошел ко мне вплотную и, глядя прямо в глаза, заявил: – Вот что, Связанный Туманом, некоторых знатных людей, командиров и благородных воителей, потомков древних родов действительно сопровождают ординарцы. Но ты – йаокуицкуи, новобранец, самый нижний чин из всех имеющихся. И у тебя хватает наглости не только явиться в армию со слугой, но еще и притащить с собой сущего недомерка!

– Я не могу бросить Коцатля, – сказал я. – Мальчик никому не помешает. Разве нельзя определить его к жрецам или еще куда-нибудь в обоз, где он мог бы пригодиться?

– А я-то думал, что в кои-то веки отдохну от возни с мелюзгой и отведу душу на настоящей войне, – проворчал Пожиратель Крови. – Ладно, малявка, ступай вон к тому черно-желтому флажку. Скажешь тамошнему младшему командиру, что Икстли-Куани велел приставить тебя к кухне, мыть посуду. Что же до тебя, Связанный Туманом, – добавил он вкрадчивым тоном, – то сейчас посмотрим, помнишь ли ты хоть что-то из того, что я вдалбливал вам на занятиях. А ну, ублюдки! – взревел он так, что все бойцы, в том числе и я, подскочили. – Стройся! В колонну по четыре – СТАНОВИСЬ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.